

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Лаборатория проблем правового регулирования научной и инновационной деятельности

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА:
РОССИЙСКИЙ ОПЫТ
И ЛУЧШИЕ МИРОВЫЕ ПРАКТИКИ**

Барнаул, 2022

ББК 67.911.222

П 685

Рецензенты:

Габов Андрей Владимирович - д. ю. н., член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник – руководитель Междисциплинарного центра правовых исследований в сфере энергетики ордена Трудового Красного Знамени Института государства и права РАН, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва)

Овчинников Алексей Игоревич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета

Горбань Владимир Сергеевич, доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного Центра философско-правовых исследований Института государства и права РАН

П 685

Правовое регулирование международного научно-технического сотрудничества: российский опыт и лучшие мировые практики / Под ред. А.А. Васильева. — Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2022. — 395 с.

ISBN 978-5-93958-019-9

Монография посвящена выработке оптимальной модели правового регулирования международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации в условиях больших вызовов и санкций. В исследовании международный научный коллектив концептуализирует международное научное право как особую область международного права, анализируют лучшие мировые практики управления и правового регулирования научной деятельности и международного научно-технического сотрудничества (Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Китая, Южной Кореи, США, Индии). Особое внимание в монографии уделяется правовому регулированию научно-технического сотрудничества и партнерства в региональных международных организациях: ЕАЭС, ШОС и других.

Книга будет интересна юристам, политологам, международникам, ученым и студентам юридических и иных университетов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых докторов наук МД-233.2021.2 «Феномен научного права: российское и международное измерение».

ISBN 978-5-93958-019-9

© Коллектив авторов, 2022

Авторский коллектив

Васильев Антон Александрович, д.ю.н., доцент, директор юридического института, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Алтайского государственного университета – введение (в соавторстве с А.А. Серебряковым и А.А. Канаковой), параграфы 1.1. (в соавторстве с Е.С. Аничкиным), 2.1. (в соавторстве с Д. Шпоппером и Ю.В. Печатновой), 2.4. (в соавторстве с Б.Е. Каравановым), 2.5. (в соавторстве с Ю.В. Печатновой), 2.7. (в соавторстве с Б.И. Бوروبашовым и А.В.Захаркиной), 2.8. (в соавторстве с А.А. Гороховым, И.М. Щербаковым и А.А. Хаткевич), заключение.

Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович, д.ю.н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева – параграф 2.3.

Шпоппер Дариуш, д.ю.н., профессор, Поморская Академия (г. Слупск, Польша) – параграф 2.1. (в соавторстве с А.А. Васильевым и Ю.В. Печатновой)

Вартанян Авак Михайлович, к.ю.н., доцент, зам.декана юридического факультета по научной работе Гродненского государственного университета им. Янки Купалы – параграф 2.2.

Бوروبашов Бекбосун Ишенбекович, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой международного и конституционного права Кыргызско-Российского славянского университета, Заслуженный юрист Кыргызской Республики, Советник Президента Кыргызской Республики – параграф 2.7. (в соавторстве с А.А. Васильевым и А.В. Захаркиной)

Шугуров Марк Владимирович, д.филол.н., профессор, профессор кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии, главный научный сотрудник лаборатории проблем правового регулирования научной и инновационной деятельности Алтайского государственного университета – параграф 3.4.

Аничкин Евгений Сергеевич, д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета – параграфы 1.1. (в соавторстве с А.А. Васильевым), 3.1., 3.2

Давлетгильдеев Рустем Шамилович, д.ю.н., проф. заведующий кафедрой теории и истории государства и права Казанского федерального университета, Абдуллин А.И., д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского федерального университета, Вашурина Е.В., к.э.н., доцент, ведущий специалист департамента внешних связей Казанского федерального университета, Евдокимова Я.Ш., к.э.н., зам. Директора департамента внешних связей

Казанского федерального университета, Ситдикова Р.И., д.ю.н., профессор, профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского федерального университета, Тюрина Н.Е., д.ю.н., профессор кафедры международного и европейского права Казанского федерального университета, Шакирзянова Л.Д., специалист научно-образовательного центра прав человека, международного права и интеграции Казанского федерального университета, Цыганцова С.И., аспирант кафедры международного и европейского права – параграф 3.5.

Сорокин Виталий Викторович, д.ю.н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета – параграф 1.6.

Гумеров Ленар Асхатович, к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Казанского филиала Российской государственного университета правосудия – параграф 1.3.

Давыдова Марина Леонидовна, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета – параграф 1.2.

Репьев Артем Григорьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (г. Москва), Репьева Анна Михайловна, кандидат юридических наук, заместитель начальника организационно-аналитического отдела Академии управления МВД России (г. Москва) – параграф 1.8.

Куликов Егор Алексеевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета – параграф 3.3.

Окунева Марина Олеговна, к.ю.н., старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Института права и управления Московского городского педагогического университета, доцент кафедры теории и истории государства и права Московского гуманитарного университета – параграф 1.4.

Канакова Анна Евгеньевна, к.ю.н., доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета – введение (в соавторстве с А.А. Васильевым и А.А. Серебряковым)

Захаркина Анна Владимировна, к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного университета – параграф 2.7. (в соавторстве с А.А. Васильевым и Б.И. Бوروبашовым)

Дашкова Мария Олеговна, младший научный сотрудник, федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский

научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере» (РИЭПП) – параграф 3.6.

Серебряков Андрей Александрович, старший преподаватель кафедры гражданского права Алтайского государственного университета – введение (в соавторстве с А.А. Васильевым и А.Е. Канаковой), параграф 1.7.

Казарина Наталья Валерьевна, старший преподаватель Белорусского государственного университета – параграф 1.5.

Печатнова Юлия Вадимовна, ассистент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета – параграфы 2.1. (в соавторстве с А.А. Васильевым, Д. Шпоппером), 2.5. (в соавторстве с А.А. Васильевым)

Караванов Богдан Евгеньевич, ассистент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета – параграф 2.4. (в соавторстве с А.А. Васильевым)

Горохов Андрей Анатольевич, кандидат политических наук, председатель АНО «Лаборатория гуманитарных проектов», главный редактор журнала «Русская политология – Russian political science», Щербаков Илья Михайлович, магистрант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, координатор Экспертного совета молодых политологов журнала «Русская политология – Russian political science», Хаткевич Александра Анатольевна, бакалавр факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, член Экспертного совета молодых политологов журнала «Русская политология – Russian political science» – параграф 2.8 (в соавторстве с А.А. Васильевым)

Чаплыгина Елена Ивановна, магистрант Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», – параграф 2.6.

Оглавление

Введение	8
Глава 1. Теоретические основания правового регулирования международного научно-технического сотрудничества	13
1.1. Международное научное и научно-техническое сотрудничество: понятие, значение правового регулирования, место в системе права	13
1.2. Экспериментальный правовой режим (регулятивная песочница): российская интерпретация зарубежного опыта правового регулирования сферы инноваций	36
1.3. Принципы права – основополагающие регуляторы международного научно-технического сотрудничества	46
1.4. Советский опыт правового регулирования международного научного сотрудничества	56
1.5. О некоторых современных тенденциях научной деятельности, проблемах ее правового регулирования и оценки	75
1.6. Научное сотрудничество в цифровую эпоху	93
1.7. Результаты научной и научно-технической деятельности: понятие и правовые режимы	101
1.8. Правовой статус ученого в современных условиях (на примере организации научной деятельности в МВД России)	117
Глава 2. Правовое регулирование международного научно-технического сотрудничества: зарубежный опыт и компаративный анализ	134
2.1. Национальное правовое регулирование науки и научно-технического сотрудничества в Китае и России: сравнительный аспект	134
2.2. Правовое регулирование научной деятельности в Республике Беларусь и Российской Федерации: сравнительный анализ	145
2.3. Правовое регулирование научно-технической деятельности в Республике Казахстан	154
2.4. Перспективы российско-корейского сотрудничества в сфере науки и образования в эпоху больших вызовов	166
2.5. Правовое регулирование научной сферы в России и США ...	181
2.6. Научная дипломатия как катализатор международного сотрудничества: потенциал и опыт Индии	201
2.7. Правовое регулирование международного научно-технического сотрудничества в Киргизии	210

2.8. Институционализация научной дипломатии: регионально- страновой анализ	214
Глава 3. Лучшие мировые практики правового регулирования международного научно-технического сотрудничества: опыт региональных международных организаций	231
3.1. Цели и приоритеты научного и научно-технического сотрудничества в рамках ШОС.....	231
3.2. Система правовых принципов международного научного и научно-технического сотрудничества: теоретические основы и реализация в ШОС	249
3.3. Роль Шанхайской организации сотрудничества в правовом регулировании научной деятельности: национальный и наднациональный уровень	284
3.4. Правовое регулирование международного научно- технологического сотрудничества в законодательстве государств – членов ЕАЭС в контексте повестки гармонизации	309
3.5. Концепция формирования региональной модели международно-правового регулирования единого научно- исследовательского пространства ЕАЭС и практические рекомендации для органов ЕАЭС	333
3.6. Нормативное правовое регулирование положений, связанных с интеллектуальной собственностью, в рамках Евразийского экономического союза	367
Заключение	377
Библиографический список	381

Введение

Современные государства мира основаны на экономике знаний и решающей роли научно-технических знаний в обеспечении устойчивого развития и решении больших вызовов. В значительной степени наука носит интернациональный характер (не исключая национальные и локальные особенности) и эффект от научного знания во многом зависит от развития научного, научно-технического сотрудничества и партнерства. Попытки создания автаркии в сфере науки в рамках отдельно взятого государства оказываются практически неэффективными в противовес широкому научно-техническому сотрудничеству. Принципы открытости науки, которого по прежнему придерживается Российская Федерация, является наиболее адекватным современным вызовам и угрозам для человечества и национальных государств.

Несмотря на это, научно-техническое сотрудничество в различных формах в XXI в. столкнулось с новыми вызовами после эпохи Холодной войны. Антироссийские санкции и санкции против отдельных стран существенным образом влияют на возможность международного обмена результатами научно-технической деятельности, создания и деятельности международных научных коллективов и в конечном итоге ограничивают или сводят на нет решение общемировых проблем: бедности, экологических катастроф, голода, цифровизации и других вызовов для человечества.

Полагаем, что именно ученым и коллаборациям ученых из разных стран мира предстоит нивелировать санкционное противостояние и налаживать взаимопонимание между народами средствами научной дипломатии. В некотором смысле настоящая монография о правовом регулировании международного научного сотрудничества, созданная трудом ученых из 5 государств мира, призвана внести свой вклад в научную дипломатию и выработать возможную модель международного научно-технического сотрудничества в условиях санкционной политики.

11 июня 2022 г. на сайте Белого дома было опубликовано Руководство по научно-техническому сотрудничеству с Российской Федерацией для правительства США и организаций, связанных с правительством США (<https://www.whitehouse.gov/ostp/news-updates/2022/06/11/guidance-on-scientific-and-technological-cooperation-with-the-russian-federation-for-u-s-government-and-u-s-government-affiliated-organizations/>)

В данном документе можно выделить следующие основные тезисы:

- заявлено о прекращении институциональных, административных, финансовых и кадровых отношений, а также научно-исследовательского сотрудничества в области науки и технологий с российскими государственными исследовательскими учреждениями и лицами, которые продолжают работать в этих учреждениях или действуют по их указанию;

- проекты, начатые до 24 февраля 2022г., могут быть завершены, однако новые проекты в затронутых тематических областях инициироваться не будут;

- связанные с правительством США организации, такие как центры исследований и разработок, финансируемые из федерального бюджета (FFRDC), и другие подобные учреждения, имеющие гранты, контракты или соглашения о сотрудничестве, работающие с Российской Федерацией, должны обращаться в свои поддерживающие агентства за дальнейшими указаниями;

- неправительственные учреждения должны сами определить, как продолжать контакты и сотрудничество между американскими и российскими научными сообществами в целях содействия открытому обмену идеями в международном научно-техническом сообществе;

- российским ученым, решившим покинуть Россию и/или остаться в США в силу своих убеждений, планируется предоставлять меры поддержки;

- сделана оговорка о том, что в некоторых случаях научно-техническое сотрудничество между Россией и США может продолжаться, например, в целях выполнения международных обязательств США.

Ранее ряд американских образовательных и научно-исследовательских организация заявили о прекращении сотрудничества с российскими партнерами. В частности, Массачусетский технологический институт заявлял о прекращении сотрудничества со Сколковским институтом науки и технологий, отметив, что «Этот шаг является неприятием действий российского правительства в Украине» (<https://skoltech.mit.edu/>).

Стоит отметить, что Российская Федерация также предпринимает меры по прекращению научно-технического сотрудничества с недружественными странами. 3 июня 2022 г. в СМИ была опубликована информация о прекращении действия меморандума о сотрудничестве в области культуры, науки, образования и СМИ между Россией и США

(<https://ria.ru/20220603/ssha-1792845071.html>). Вместе с тем, по данным СПС КонсультантПлюс Постановление Правительства РФ от 29.08.1998 № 1008 «О подписании Меморандума о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о принципах сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования и средств массовой информации» на данный момент не утратило силу и не изменено.

В Европе уже в первые недели начала спецоперации правительства начали вводить различные запреты в отношении российской науки. Первой это сделала Германия, которая сказала своим университетам «заморозить» академические отношения с Россией. За ней быстро последовали Дания, Швеция, Франция и другие. В начале марта и Еврокомиссия приняла решение приостановить сотрудничество с российскими организациями в области исследований, науки и инноваций

(https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A1%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%B8_%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8_%D0%B2%D1%8B%D1%81%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D1%85_%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8).

В начале марта 2022г. представители Еврокомиссии объявили о прекращении сотрудничества с Россией в рамках основной европейской программы научных исследований HorizonEurope: «Комиссия приняла решение приостановить сотрудничество с российскими организациями в области исследований, науки и инноваций. Комиссия не будет заключать новые контракты и новые соглашения с российскими организациями по программе Horizon Europe. Кроме того, Комиссия приостанавливает выплаты российским организациям по действующим контрактам. Пересматриваются все текущие проекты, в которых участвуют российские исследовательские организации — как в рамках Horizon Europe, так и Horizon 2020, предыдущей программы ЕС по исследованиям и инновациям.» (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_1544).

4 марта 2022г. Норвегия приняла решение заморозить сотрудничество с Россией в сфере науки и образования: «Мы приостанавливаем диалог с российскими властями, все соглашения между норвежскими и российскими исследовательскими и образовательными институтами будут заморожены» (https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13960561?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru)

1 марта 2022 г. министерство науки и образования Польши объявило о том, что останавливает сотрудничество с Россией в области науки и техники. Согласно этому заявлению, Польша отказывается «от взаимного признания сертификатов, дипломов, периодов обучения, образования, квалификации и научных степеней» с российской стороной (<https://www.mk.ru/science/2022/03/03/raspriglashenie-rossiyskoy-nauki-kak-sankcii-zapada-udarili-po-uchenym.html>).

Краткий обзор конкретных примеров прекращения сотрудничества российской и западной науки приведен в публикации ««Расприглашение» российской науки: как санкции Запада ударили по ученым» (<https://www.mk.ru/science/2022/03/03/raspriglashenie-rossiyskoy-nauki-kak-sankcii-zapada-udarili-po-uchenym.html>).

Стоит отметить также сложности, которые возникли в сфере научных публикаций. Однако речь не идет о запрете публикаций (хотя отдельные политически ангажированные факты встречаются) в зарубежных изданиях (в то числе WoS и Scopus, а об ограничении или закрытии платных подписок для российских научных и образовательных организаций, обеспечивающих доступ к полнотекстовым международным базам данных публикаций (<https://habr.com/ru/post/658835/>).

Таким образом, санкционное давление на научно-техническое сотрудничество может осуществляться в следующих формах:

- аннулирование/денонсация международных соглашений в сфере научного и научно-технического сотрудничества, образования;
- прекращение сотрудничества со стороны неправительственных образовательных и научных организаций по политическим, репутационным и иным мотивам;
- односторонний отказ коммерческих организаций от заключения и исполнения контрактных обязательств по поставке оборудования, запасных частей, реактивов и иных расходных материалов, передаче прав на программное обеспечение и иную интеллектуальную собственность, которые используются при осуществлении научных исследований;

- ограничение или прекращение доступа к международным базам данных публикаций.

Очевидно, пути преодоления санкций в сфере научно-технического сотрудничества требуют более внимательного изучения в правовой науке: от использования форм сотрудничества с иными партнерами до правовых аспектов трансфера прав на технологии.

Особого внимания требует проблема научно-технического шпионажа и выдачи сведений о технологиях и научных решениях, которые составляют государственную тайну. В условиях глобальной борьбы за превосходство в научно-технической сфере вопросы правовой охраны национальных интересов в сфере технологического суверенитета представляют одну из самых острых и первостепенных тем.

Коллективная монография включает в себя 3 основных раздела:

- теоретические и исторические предпосылки правового регулирования международного научно-технического сотрудничества, в котором обосновывается формирование новой подсистемы в рамках международного права – научного права или права науки, анализируются тенденции, принципы, вызовы для международного научно-технического сотрудничества, статус субъектов научной деятельности и правовые режимы результатов научно-технической деятельности;

- опыт и практики правового регулирования науки и международного научно-технического сотрудничества в таких государствах как Китай, Индия, Беларусь, Казахстан, Южная Корея, Киргизия, проводится сравнительный анализ таких практики, предлагается использовать научную дипломатию как инструмент сотрудничества государств;

- модели правового регулирования международного научно-технического сотрудничества в таких региональных международных организациях как ШОС, ЕАЭС и ЕС.

Глава 1. Теоретические основания правового регулирования международного научно-технического сотрудничества

1.1. Международное научное и научно-техническое сотрудничество: понятие, значение правового регулирования, место в системе права

Значение науки в современных условиях сложно переоценить. Ведущие эксперты в сфере науковедения утверждают о переходе человеческой цивилизации к новой эре – цифрового времени, основанной на науке и технологиях как основе жизнедеятельности общества. Ключевая роль науки в развитии России признана на уровне стратегических документов. Так, в «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» указывается, что первенство в исследованиях и разработках, высокий темп освоения новых знаний и создания инновационной продукции являются ключевыми факторами, определяющими конкурентоспособность национальных экономик и эффективность национальных стратегий безопасности¹.

Вопросы правового регулирования научной деятельности при всей значимости научно-технического прогресса в развитии современного человечества до сих пор остаются своего рода «экзотикой» для юридической науки. Научная разработка проблем правового регулирования науки оставляет желать лучшего, что непосредственно сказывается на качестве и характере государственно-правового воздействия на научную сферу. При этом задачи в сфере создания эффективной системы государственной управления наукой и совершенствования правового регулирования научно-технологического развития поставлены в стратегических документах в качестве одних из первичных на этапе создания условий для развития науки и технологий.

Среди обобщающих трудов по проблемам правового регулирования научно-инновационной деятельности можно назвать работы В. В. Лапаевой, А. В. Габова, Л. Н. Берг, Н. В. Путило, Д. В. Грибанова и др.². В ряде изысканий отечественных правоведов затронуты лишь частные вопросы научной деятельности:

---

¹ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. № 49. 2016. 5 декабря. Ст. 6887.

² Габов А. В., Путило Н. В., Гутников О. В. Проект федерального закона о науке – новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып.38. С.385–399; Грибанов

- правовой статус научных работников;
- международное научно-техническое сотрудничество;
- юридическая природа договоров на научные, опытно-конструкторские исследования;
- правовая охрана права на результаты научного труда;
- обсуждение концепции и проекта нового ФЗ «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» (круглый стол Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации);
- совершенствование законодательства о научной и инновационной деятельности (НИР по заказу Государственной Думы, выполненная в 2012 г. Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – под руководством Н. В. Путило)³;
- государственная научно-техническая политика ⁴;
- опыт правового регулирования научной деятельности в субъектах Российской Федерации⁵.

Вместе с тем остаются неизученными такие аспекты научной деятельности, как:

- модели правового регулирования научной деятельности;
- принципы, предмет, методы, способы правового регулирования научной деятельности;
- субъекты, объекты, содержание правоотношений в сфере научной деятельности;
- пределы правового регулирования в сфере науки;
- правовая природа норм права, регулирующих научную деятельность;

Д. В. Изменения в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» // Российский юридический журнал. 2011. № 6. С.156–166; Лапаева В. В. Законодательство о науке: история формирования и перспективы развития // Журнал российского права. 2005. № 11. С.3–14; Берг Л. Н. Основные этапы российской правовой политики в сфере научной деятельности // Политика и общество. 2014. № 10. С.1155–1160.

³ Отчёт о научно-исследовательской работе по теме «Основные направления совершенствования правового регулирования научной и инновационной деятельности» [Электронный ресурс] // Государственная Дума Российской Федерации. URL:<http://pda.iam.duma.gov.ru/node/10/4960/19955> (дата обращения: 21.05.2018). С. 2.

⁴ Салицкая Е.А. Законодательное регулирование научной и инновационной деятельности: опыт субъектов РФ//Управление наукой и наукометрия. 2015. Вып. 18. С. 111–137.

⁵ Законодательство о науке. Современное состояние и перспективы развития». М.: Норма. 2004. С. 112.

– вопросы правового регулирования международного научно-технического сотрудничества;

– правовые аспекты финансирования научных исследований (статус фондов, порядок и правила отбора научных проектов на финансовую поддержку, государственно-частное партнерство в сфере науки).

Совершенно справедливо указывает Л. Н. Берг на несовершенство законодательного регулирования научно-инновационной деятельности: размытость предмета, отсутствие систематизации, отсутствие научной основы для развития законодательства⁶. Как следствие в таких правовых условиях вряд ли можно говорить о надлежащем юридическом сопровождении науки как приоритета государственной политики Российской Федерации. Оптимизм вселяет подготовка нового Федерального закона о науке, который призван решить ряд назревших вопросов правового регулирования научной деятельности⁷.

При этом в правовой науке ведутся дискуссии относительно места законодательства о науке в системе российского законодательства, «научного права» в системе российского права, возможных методов регулирования научной деятельности (императивном или диспозитивном методах правового регулирования), кодификации норм права о науке в одном базовом федеральном законе и т. п.

Вне всякого сомнения, законодательство о науке с учётом многочисленности нормативно-правовых актов и их содержания давно обособилось в отдельную отрасль российского законодательства. Общеправовой классификатор отраслей законодательства выделяет в качестве самостоятельного законодательство о науке. В Указе Президента РФ от 15.03.2000 г. «О классификаторе правовых актов» в структуру законодательства о науке под рубрикой 130.020.00 включены следующие разделы:

130.020.000 Наука

130.020.010 Общие положения

130.020.020 Управление в сфере научной и научно-технической деятельности

130.020.030 Субъекты научной и научно-технической деятельности

---

⁶ Берг Л. Н. Проблемы законодательного обеспечения научной деятельности в России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. С. 4.

⁷ Третьяк Н. В. Правовое регулирование научной деятельности: проблемы и пути решения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 3. С. 363.

130.020.040 Научные исследования

130.020.050 Научно-техническая деятельность

130.020.060 Экспертиза научных и научно-технических программ и проектов⁸.

Примечательно, что в более раннем Указе Президента Российской Федерации 1993 г. законодательство о науке было выделено в самостоятельную отрасль законодательства наряду с законодательством об образовании и культуре (ряд исследователей рассматривает наличие особой отрасли законодательства в качестве критерия для обособления самостоятельной отрасли права)⁹.

Для обособления «научного права» в качестве самостоятельного элемента системы права необходимо существование двух основных признаков:

- самостоятельный предмет правового регулирования;
- особый метод правового регулирования.

Среди дополнительных критериев обособления отраслей права в юридической литературе называют: принципы права, наличие кодифицированного акта, самостоятельная учебная дисциплина, особое научное направление и пр.

Безусловно, предмет научного права тесно увязан с сущностью науки как разновидности человеческой деятельности. Понятие науки в рамках «научного права» приобретает юридический смысл и имеет правовое значение. Правовое понятие науки позволяет отграничить научное право от иных отраслей права и имеет важное практическое значение. Так, понятие науки определяет юридическую природу договора на выполнение НИОКР, проводя водораздел между этим договором и иными договорами на выполнение работ. Наличие признаков науки в деятельности учёных является одним из условий присуждения учёных степеней и учёных званий, является критерием для проведения научно-экспертной деятельности при определении возможности финансирования конкретных научных проектов. Понятие науки важно для разграничения с лженаукой, определением плагиата в публикациях и т. п.

---

⁸ Указ Президента РФ от 15.03.2000 № 511 (ред. от 28.06.2005) «О классификаторе правовых актов» // Собрание законодательства РФ. № 12. 2000. 20 марта. Ст. 1260.

⁹ Указ Президента РФ от 16.12.1993 № 2171 «Об общеправовом классификаторе отраслей законодательства» // Собрание законодательства РФ. № 1. 1997. 6 января. Ст. 119. (утратил силу).

Несмотря на дискуссию относительно понятия науки, в философской литературе сложилось несколько подходов к понятию науки:

- наука как знание;
- наука как разновидность познания, процесс получения нового знания;

– наука как социальный институт воспроизводства знаний.

К признакам науки в классической версии относят:

- систематическую деятельность по получению новых знаний;
- новизну знания;
- рациональный характер познания;
- проверяемость знаний путём использования опытов и экспериментов;
- внутреннюю непротиворечивость знания;
- воспроизводимость, возможность повторного получения и передачи научного знания;

– достоверность, соответствие научного знания объективной действительности, исключение субъективного компонента¹⁰.

Однако классический тип рациональности, который господствует до сих пор в правоведении, сменялся на протяжении трёх веков неклассическим и постнеклассическим типами научной рациональности, поставившие под сомнение классическое понимание науки с установками на объективность и истинность. Так, И. В. Черникова пишет относительно типов научной рациональности: «В классическом типе научной рациональности внимание сосредоточено на объекте, насколько это возможно выносится за скобки всё, что относится к субъекту и средствам деятельности. Для неклассической рациональности характерна идея зависимости, связи объекта со средствами и операциями деятельности, учёт этих средств и операций является условием получения истинного знания об объекте. Постнеклассическая рациональность соотносит знания не только со средствами познания, но и с ценностными структурами деятельности»¹¹. На первый план выходит влияние личности исследователя на результаты научного поиска, учёт возможной ошибкой и вероятностное представление об истине.

Анализ международных и национальных источников права демонстрирует использование классического подхода к понятию «наука». Объяснение кроется в том, что неклассические и постнеклассические

---

¹⁰ Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. С. 34.

¹¹ Черникова И. В. Природа науки и критерии научности // Гуманитарный вектор. 2012. № 3. С. 94; Черникова И. В. Философия и история науки. Томск: Изд-во НТЛ, 2011.

трактовки науки не позволят сформулировать относительно непротиворечивое определение науки в правовых текстах, что ведёт за собой как нарушение требований юридической техники, так и правовой определенности.

В документах ЮНЕСКО наука определяется как: «деятельность, с помощью которой человечество, индивидуально либо небольшими или большими группами, предпринимает организованную попытку путём объективного изучения наблюдаемых явлений и подтверждения истинности его результатов путём обмена сделанными выводами и полученными данными, а также коллегиального обзора открыть и понять причины, отношения или взаимосвязь различных явлений; сводит во едино в скоординированной форме подсистемы знаний путём систематического отражения и объяснения с помощью понятий; и посредством этого обеспечивает себе возможность использовать в своих интересах понимание процессов и явлений, происходящих в природе и обществе»¹².

Примечательно, что в актах ЮНЕСКО научно-техническая деятельность является более широким понятием, чем научная деятельность, и включает в себя научную деятельность, экспериментальные разработки, научно-техническое образование, научно-технические службы. В российском праве, наоборот, научно-техническая деятельность является составной частью научной деятельности. Очевидно, необходима гармонизация российского права с международными актами в сфере науки.

В международном справочнике по вопросам статического учёта научной, технологической и инновационной деятельности, подготовленном Организацией экономического сотрудничества и развития, научной признаётся деятельность, которая характеризуется: новизной, креативностью, неопределённостью, невозможностью заранее точно спрогнозировать результат, систематичностью, передаваемостью и воспроизводимостью¹³.

В Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике в Российской Федерации» вместо термина наука используется легальное определение научной деятельности и научно-

---

¹² Рекомендация ЮНЕСКО 2017 «В отношении научной деятельности и научных работников»//Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Акты Генеральной конференции. Т. 1. Резолюция. 39-я сессия. Париж: Юнеско, 2018. С. 143.

¹³ Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993. С. 20.

технической деятельности. Под научной деятельностью понимается деятельность, направленная на получение и применение новых знаний. Научно-техническая деятельность определяется как деятельность, направленная на получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы.

В юридической литературе совершенно обоснованно отмечается то, что законодатель использует неполное понятие научной деятельности – деятельность, направленная на получение и применение новых знаний. В этом определении отсутствует такой критерий как творчество, что вызывает оправданную критику в юридической науке. Д. В. Мурзин, сравнивая положения этого закона и Рекомендации ЮНЕСКО «О стандартизации международной статистики в области науки и техники» (Париж, 27 ноября 1978 г.), отмечает, что «в дефинициях понятий «научные исследования и экспериментальные разработки» и «научно-исследовательская деятельность», приведённых в Рекомендациях ЮНЕСКО, неизменно обращается внимание на то, что это творческая деятельность, а в российских легальных определениях отсутствуют указания на творческий характер научной деятельности»¹⁴. Далее учёный подробно аргументирует позицию о том, что непризнание за наукой творческого характера деятельности противоречит социальным реалиям и данным современного науковедения. Кроме того, такое определение смещает акцент на коммерциализацию результатов научной деятельности, сужая сферу научного творчества¹⁵.

Такие дефекты в дефинициях научной деятельности влекут за собой размывание предмета правового регулирования, ведут к отсутствию правовой определённости при квалификации отношений в качестве научных правоотношений.

Следует отметить, что определение предметных границ «научного права» вызывает определённые затруднения вследствие размытости круга регулируемых отношений. Тем не менее, в предмет «права науки» можно включить общественные отношения, которые складываются в процессе научной, научно-технической и инновационной

---

¹⁴ Мурзин Д. В. Проблемы правового регулирования научной деятельности как деятельности творческой//Российский юридический журнал. 2019. № 4.С. 170.

¹⁵ Мурзин Д. В. Правовая природа результатов научной деятельности//Российское право: образование, практика и наука. 2019. № 2. С. 15.

деятельности. Предмет правового регулирования или научные отношения включают в себя:

- отношения в сфере формирования и реализации государственной научно-технической политики;
- отношения в сфере трудовой деятельности научных работников, регулирования статуса учёных;
- отношения в сфере создания и деятельности научных организаций;
- отношения в сфере государственного управления научной деятельностью;
- отношения в сфере научной экспертизы, экспертном сопровождении государственных научных программ и правовых актов;
- отношения в сфере оформления прав на результаты научной деятельности;
- отношения в сфере коммерциализации и использования результатов научной деятельности (инновационные отношения)¹⁶;
- отношения в сфере установления и применения специальных правовых статусов и режимов в отношении научных организаций и научно-инновационных территорий;
- отношения в сфере финансирования научных исследований (в том числе создания и деятельности научных фондов, порядка отбора научных проектов по государственному заданию, государственному заказу или на основе конкурса грантов);
- отношения в сфере налогообложения научной деятельности, малых инновационных предприятий и хозяйствующих субъектов, которые внедряют результаты научно-технической деятельности или выпускают наукоёмкую продукцию;
- отношения в сфере международного научного сотрудничества;
- отношения в сфере использования научного оборудования, режима специальных научных установок (в том числе класса мегасайенс) и пр.

Отмеченные «научные отношения» обладают определённой спецификой.

Во-первых, занятие наукой связано с творческой деятельностью, которая не терпит вмешательства извне и предполагает, как автономию исследователя, так и признание риска возможного неполучения научного продукта. Соответственно, в предмет правового

---

¹⁶ Городов О. А. Правовая инноватика. Правовое регулирование инновационной деятельности. СПб.: Издательский Дом СПбГУ, 2008. С. 41.

регулирования не может включаться сам творческий процесс по получению нового знания. Праву под силу воздействовать на «околонаучные отношения», связанные с управлением, организацией, финансированием, созданием условий для успешного занятия научной деятельностью.

Во-вторых, одним из участников научных отношений является учёный (научный работник), коллектив исследователей или научная организация, без которых невозможно проведение научных исследований.

В-третьих, на регулирование научных отношений претендуют нормы различных отраслей российского права (административного, гражданского, трудового, бюджетного, налогового, международного и других отраслей права), но при этом научные отношения тесно взаимосвязаны и представляют собой единый предмет правового регулирования.

Логика правового регулирования науки подчинена внутренним закономерностям научной деятельности. Условно научная деятельность развивается по непрерывному циклу:

–Генерация новых научно-технических идей, которая выступает разновидностью интеллектуальной деятельности человека и как таковая не подвержена прямому государственно-правовому воздействию. Для генерации научных идей в определённой сфере науки органы публичной власти могут создать необходимые условия: создание научной организации, финансирование научной работы по определённым приоритетам, установление правового статуса учёного, система научной аттестации, государственное управление наукой.

–Оформление результатов научно-технической деятельности и субъективных прав на такие результаты. В этой части применяются нормы права интеллектуальной собственности, правила осуществления научно-экспертной деятельности по признанию наличия нового знания.

–Использование результатов научно-технической деятельности в коммерческих целях (инновационные отношения, связанные с использованием результатов научного труда). В этой сфере публичная власть регулирует порядок использования научных открытий в сфере производства – коммерциализация и внедренческая деятельность, связанная с получением прибыли и созданием новых товаров, работ и услуг для их реализации.

–Отношения в сфере охраны прав на объекты научного труда в случае их нарушения.

Расширение предмета «научного права» связано с отнесением к этой сфере научно-технической и инновационной деятельности. При этом данные термины в законодательстве и юридической доктрине не имеют однозначного толкования. В ФЗ «О научной и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 г. содержатся легальные определения данных терминов¹⁷. Под инновационной деятельностью законодатель подразумевает деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленную на реализацию инновационных проектов (проектов, предполагающих экономический эффект, а также коммерциализацию научных и научно-технических результатов), а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение её деятельности¹⁸. Следовательно, сама по себе инновационная деятельность не является научной в строгом смысле слова. Тем не менее, включение отношений в сфере инноваций в поле законодательного регулирования наряду с научной деятельностью обусловлено необходимостью создания условий для внедрения научных разработок в производство, создания на основе передовых научных технологий новых продуктов для массового производства¹⁹.

Очевидно, что необходимо разграничить инновационную деятельность, вытекающую из создания научно-технических результатов, от иной инновационной деятельности. Критерием разграничения выступает предмет научных инноваций – результаты научно-технической деятельности (патенты, свидетельства, права на технологии и т. п.), которые имеют внедренческий потенциал и могут стать основой для разработки новых товаров, работ и услуг. Иная инновационная деятельность не является предметом регулирования со стороны научного права. Следует признать верным подход к определению инновационной деятельности как связанной с научной, который был заложен в

---

¹⁷ Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О науке и государственной научно-технической политике» //Собрание законодательства РФ. № 35. 1996. 26 августа. Ст. 4137.

¹⁸ Грибанов Д. В. Правовые основы формирования инновационных систем: монография. Екатеринбург: УрГЮА, 2013.

¹⁹ Дидикин А. Б. Правовое регулирование инновационной деятельности в России. Монография. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2014. С. 14.

проекте ФЗ «О науке, научно-технической деятельности и инновационной деятельности»²⁰.

В этом отношении наименование действующего федерального закона в сфере науки не отражает его содержания по предмету правового регулирования. Сфера действия закона значительно шире за счёт инновационной деятельности. Расширение предмета регулирования данного закона произошло после принятия ФЗ от 27.07.2011 г., который дополнил базовый закон нормативными положениями относительно инновационной деятельности²¹.

Среди экспертов по проблемам правового регулирования научной деятельности высказываются разные точки зрения относительно методов регулирования научной деятельности.

1. В сфере науки традиционным для России является императивный метод регулирования как воплощение командного стиля и средства защиты национальных интересов. Соответственно, нормы научного права входят в систему публичного права и, в частности, административного права²².

2. Диспозитивный метод регулирования проистекает из природы научных отношений, которые объективно требуют автономии и свободы договора (Л. Н. Берг)²³.

Думается, что для «права науки» характерно сочетание частных и публичных аспектов, диспозитивного и императивного методов правового регулирования, исходя из того круга отношений, на которые воздействуют нормы права. Так, финансирование науки из средств бюджетной системы, очевидно, требует императивных начал регулирования, тогда как заказ на научные исследования с помощью договора предполагает применение диспозитивных начал. В сфере научного творчества как такового может применяться исключительно диспозитивный метод и принцип «дозволено всё, что не запрещено». Сама природа научной деятельности как интеллектуальной деятельности не

---

²⁰ Проект Федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Сибирское отделение Российской академии наук. URL: https://www.sbras.ru/files/news/docs/proekt_nnovatsionnaya.pdf (дата обращения: 02.10.2020).

²¹ Федеральный закон от 21.07.2011 № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. № 30 (ч. 1). 2011. 25 июля. Ст. 4602.

²² Управление научно-техническим прогрессом. М.: Экономика, 1978. С. 5.

²³ Берг Л. Н. Проблемы законодательного обеспечения научной деятельности в России. С. 8.

может стать предметом для императивного правового регулирования. Ярким примером ошибочного вмешательства в сферу научных исследований можно назвать приказ Минобрнауки РФ, которым были установлены обременительные требования к российским учёным при осуществлении международного сотрудничества. К числу подобных ограничительных норм можно отнести правила относительно оформления трудовой деятельности зарубежных учёных в Российской Федерации, которые фактически становятся бюрократическим препятствием для развития международного научно-технического сотрудничества.

Результаты научного творчества не могут быть получены через механизмы принуждения, хотя государство может поместить учёного и характер его научного труда в условия централизованного регулирования (условия военного времени, кризисы и пр.). Примером централизованной организации научного труда могут быть конструкторские бюро («шарашки») советского периода. Однако такие бюро превалировали не насиле и наказание, а интересы патриотизма среди учёных.

Неординарную позицию относительно роли государства в управлении наукой, соотношении регулятивных и охранительных норм в регулировании научной деятельности занимает Д. А. Савченко. В одной из своих работ Д. А. Савченко приходит к выводу о приоритете конституционного принципа свободы научного творчества и общедозволительного типа правового регулирования в отношении науки. Право призвано охранять свободу научного творчества от посягательств, в том числе вмешательства со стороны органов публичной власти. Текущее состояние правового регулирования научной деятельности Д. А. Савченко оценивается критически в силу преобладания излишних регулятивных норм права. Учёный пишет: «В этих условиях отмеченные выше базовые положения Федерального закона «О науке и научно-технической политике», к сожалению, сами по себе содержат правовую угрозу науке, так как они порождают необоснованные и несправедливые препятствия и ограничения для свободного развития научного творчества в нашей стране, подрывают общедозволительный режим правового регулирования науки. Любые подобные предписания требуют исключения из законодательства, в том числе при необходимости с применением мер конституционного принуждения — на основе решения Конституционного Суда Российской Федерации»²⁴.

---

²⁴ Савченко Д. А. Механизм правовой охраны научных отношений: основные элементы//Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 28.

Следует признать правоту точки зрения Д. А. Савченко в той части, что избыточность регулятивных норм, бюрократических правил может негативно сказываться на эффективности научной деятельности. Регулятивные нормы права должны быть адекватны сущности научных отношений, обеспечивая сочетание свободы научного творчества и общественных интересов. Использование неадекватных методов и способов правового регулирования отражает волюнтаризм и субъективность правотворческих органов. Соответственно, одной из задач в правовом регулировании науки должно быть снижение излишних правил поведения, затрудняющих деятельность учёных. Безусловно, при этом соблюдение интересов национальной безопасности и ограничение возможного ущерба от научной деятельности (исследования в сфере вооружений, атомной энергетики, использование потенциально опасного оборудования и пр.).

Идея разумного и осторожного сочетания государственного регулирования и свободы научного творчества находит поддержку в положениях ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

В случаях диспозитивного регулирования научных отношений доминирует свобода воли и дозволения, юридическое равенство сторон, юридические действия (сделки, договор) как основания возникновения правоотношений. Такой метод правового регулирования характерен для упорядочения трудовых отношений с научными работниками, договорных отношений по выполнению научно-исследовательских работ, использованию результатов интеллектуальной собственности, использованию научного оборудования, отношений в сфере международного научно-технического сотрудничества.

Императивные начала в воздействии на научную сферу построены на власти и подчинении, административных актах как основаниях возникновения научных отношений, обязываниях и запретах как способах правового регулирования. Централизованное правовое регулирование характерно для системы государственного управления научной сферой, финансирования и налогообложения научной деятельности, государственного контроля, наукометрии и статистики в сфере науки.

При этом не стоит забывать и риски в использовании каждого из методов правового регулирования. Так, диспозитивный метод сопровождается коммерциализацией науки, которая наряду с положительным эффектом внедрения научных результатов в реальный сектор экономики, может вести к применению заведомо неадекватных рыночных

критериев для оценки деятельности ученых и научных организаций. Такой подход в отношении имущества и деятельности РАН привёл к потере Академией наук возможности управления научным оборудованием. С другой стороны, императивный метод может сдерживать и ограничивать научную деятельность, её финансирование и иные меры поддержки.

Следовательно, поскольку научное право не имеет собственного метода правового регулирования и при наличии предмета правового регулирования, тяготеющего к различным отраслям права (административного, финансового, гражданского, трудового прав и др.) и крупного массива законодательства, можно речь вести только об особой отрасли российского законодательства, или в контексте концепции комплексных отраслей права (С. С. Алексеев) ставить вопрос о существовании научного права как комплексной отрасли российского права²⁵.

Одной из своеобразных черт научного права выступает высокая роль специальных юридико-технических норм, регулирующих взаимодействие учёных и научного оборудования, а также правила оценки деятельности научных работников с помощью наукометрии или технических правил фиксации результатов научной деятельности в форме научных трудов или патентов, свидетельств.

Идея обособления особой ветви юриспруденции, изучающей правовое регулирование отношений в сфере научной работы, была высказана ещё в 1950-е гг. (И. Г. Федькин)²⁶. Позже, в 1970-е гг., проблема формирования особой отрасли законодательства о научно-техническом прогрессе была поднята В. А. Дозорцевым и И. А. Зениным²⁷. Наконец, М. П. Ринг выступал за формирование особой правового комплекса – права науки²⁸. При этом в юридической науке на протяжении этих лет вплоть до распада СССР звучала идея принятия особого закона о науке, которому так и не было суждено появиться. Нопри этом нельзя не видеть успехи развития советской науки и эффективность государственного управления научной деятельностью и в отсутствие

---

²⁵ Алексеев С. С. Структура советского права. М., Юридическая литература. 1975. С. 176.

²⁶ Федькин Г. И. Правовые вопросы организации научной работы в СССР. М.: Госюриздат, 1958. С. 340.

²⁷ Дозорцев В. А., Зенин И. А. Организационно-правовые вопросы руководства наукой в СССР. М.: Наука. 1973. С. 112.

²⁸ Ринг М. П. Правовое регулирование научно-технического прогресса // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 113.

закона о науке. Рисуем высказать мысль, что, несмотря на существование в современной России целой серии законодательных актов, состояние российской науки, а главное качество управления ею, оставляют желать лучшего. Видимо, качественное состояние науки связано не столько с нормативным обеспечением, сколько с государственной научно-технической политикой, её целями, задачами, идеологией, кадровым составом регуляторов и как следствие финансовым обеспечением.

Интерес представляет точка зрения известного советского цивилиста О. А. Красавчикова относительно правового регулирования научного творчества. О. А. Красавчиков относил научное творчество к одному из видов творческой деятельности по производству духовных благ и включал его в сферу гражданско-правового регулирования под названием творческая подотрасль. Творческая подотрасль гражданского права есть право интеллектуальной собственности. О. А. Красавчиков так определял творческую подотрасль: «Творческая подотрасль в советском гражданском праве представляет собой совокупность взаимосвязанных гражданско-правовых институтов, регулирующих творческие общественные отношения, т. е. такие, которые складываются и реализуются в связи с созданием и использованием продуктов научного, технического, художественного творчества и иных результатов духовного производства»²⁹.

С другой стороны, слабое внимание правоведов к правовому регулированию научной деятельности, отсутствие системных доктринальных разработок права науки неизбежно сказывается на качестве правовых актов и в конечном итоге на состоянии научной деятельности. Свидетельством низкого качества научно-догматической проработки научного права выступает множество и противоречивость нормативных правовых актов в сфере науки, неоднократные попытки с 2014 г. принятия нового кодифицированного закона о науке, не увенчавшиеся успехом, откровенно слабый содержательный уровень законопроектов 2014 г. и 2019 г.³⁰. Так, новые проекты закона о науке не затрагивают одной из значимых сфер – порядка формирования государственной научно-технической политики. До сих пор нет чёткого разграничения

---

²⁹Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2 т. Т.2. М.: Статус, 2005. С. 474.

³⁰ Филь М. М. Законопроекты для науки: история и современность // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 2. С. 59–69. <https://doi.org/10.19181/smtp.2019.1.2.3>

предмета регулирования в части соотношения научной и инновационной деятельности.

Термины «научное право», «право науки» можно рассматривать как синонимы и взаимозаменяемые. В зарубежной практике используется термин «научно-исследовательское право» («researchlaw»). По поводу терминов интересно мнение С. Ю. Кашкина: «Понятие «право науки» («lawofscience») используется практически как синоним «научно-исследовательского права», но придаёт этой новой комплексной отрасли права более значимый и самостоятельный характер, связанный с её особой ролью в научно-технической революции»³¹.

Несмотря на панораму взглядов на природу научного права, нельзя не признать необходимости особого внимания к научной разработке системы правового регулирования в сфере науки, техники и инноваций. Правовое регулирование научной деятельности нуждается в адекватной научной основе, научно-теоретическом обосновании законодательства и практики его применения относительно научно-технической и инновационной деятельности. Тем более данный аспект важен в условиях бессистемности правового регулирования и отсутствия обновленного закона о науке.

Следует согласиться с позицией С. Ю. Кашкина, который обосновывает «право науки» как новую комплексную отрасль права. Убедительна точка зрения автора на то, что право науки необходимо рассматривать в трёх аспектах:

- как часть внутреннего права науки;
- как элемент правовых систем интеграционных международных организаций;
- как часть общего международного права³².

Ещё раньше идею формирования единого кодифицированного акта в сфере науки как основы для научного права высказала В. В. Лапаева: «Актуальные потребности социальной практики в ускоренном и целенаправленном развитии научно-технической сферы обуславливают необходимость выработки единой, взаимосвязанной, внутренне непротиворечивой системы законодательства о науке. Подобная система должна строиться на базе общих принципов налогообложения в сфере научной деятельности, защиты и охраны прав интеллектуальной собственности на результаты этой деятельности, соотношения

---

³¹ Кашкин С. Ю. Становление права наука как новой комплексной отрасли права//Вестник университета О.Е. Кутафина. 2018. № 5. С. 20.

³² Кашкин С.Ю. Указ.соч. С. 21.

сметного финансирования и конкурсного распределения средств, регулирования труда научных работников и т. д. Эти принципы следовало бы изложить в отдельном нормативном акте кодификационного характера и общепрофессионального (для науки) статуса. Таковую нагрузку мог бы взять на себя принципиально новый Федеральный закон «О науке...», в котором необходимо не только определить координирующие принципы законодательства о науке, но и соответствующим образом откорректировать те нормы гражданского, налогового, бюджетного, трудового и пр. законодательства, которые сейчас в недостаточной мере отражают специфику правового регулирования отношений, связанных с организацией и осуществлением научной деятельности, использованием её результатов»³³. Совершенно точно заметила автор, что при полиотраслевом подходе к регулированию научных отношений не учитывается их специфика, что негативно сказывается на состоянии науки. Выработка единого подхода к регулированию отношений в сфере науки позволит принять во внимание нюансы научной деятельности и выстроить единообразие в механизме правового регулирования научных отношений, преодолеть раздробленность нормативных правовых актов³⁴.

Таким образом, под научным правом можно понимать комплексную отрасль российского права, регулиующую отношения в сфере научной, научно-технической и связанной с ней научной и инновационной деятельности. Во всяком случае, назрела очевидная потребность в признании научного права как самостоятельной ветви юридических исследований, что в свою очередь позволит повысить качество и эффективность правового регулирования науки.

Активная интернационализация научных отношений обуславливает необходимость постановки вопроса о месте формирующегося правового регулирования данных отношений в системе международного права. Актуализация проблематики международного научного и научно-технического сотрудничества на первый план выдвигает вопросы его правового регулирования и оформления соответствующих отношений. В настоящее время наднациональное правовое регулирование рассматриваемых отношений осуществляется, главным образом,

---

³³ Лапаева В. В. Законодательство о науке: история формирования и перспективы развития // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 13.

³⁴ Круглый стол по обсуждению проекта Федерального закона «О научной и научно-технической деятельности» // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 1. С. 37.

на уровне региональных международных организаций. Однако количество международных договоров и актов международных институций, их содержание и юридическое качество отличаются разнообразием. Проблема заключается в том, что в международно-правовой доктрине научное и научно-техническое сотрудничество, как правило, рассматривается в качестве составной части международного экономического права³⁵. Последнее, как известно, давно признано одной из отраслей международного публичного права. Отнесение международного научного и научно-технического сотрудничества к сфере экономического взаимодействия можно наблюдать и в структуре направлений деятельности региональных международных организаций. Так, в рамках СНГ научно-техническая и инновационная сфера отнесена к области экономического сотрудничества. Схожим образом в экономическое сообщество АСЕАН включено совещание руководителей министерств и ведомств науки и техники.

Вместе с тем, в доктрине представлена точка зрения о том, что научное и научно-техническое сотрудничество является особым самостоятельным видом межгосударственных взаимоотношений, а потому имеет основание претендовать на автономный статус внутри международного публичного права. Отчасти подобный подход можно наблюдать и в литературе по международному экономическому праву. Так, в работах Игназа Зайдль-Хозенвельдера «Международное экономическое право»³⁶ и Матиаса Хердегена «Принципы международного экономического права»³⁷ международное научное и научно-техническое сотрудничество как составная часть международного экономического права не рассматривается.

Однако в настоящее время вопрос о месте международного научного и научно-технического сотрудничества в системе международного публичного права исследован слабо. Необходимо отметить, что для международного права, как и для любой иной сферы правового регулирования характерна фрагментация, в результате которой формируются новые области, в регулировании которых заинтересованно общество³⁸. В качестве основных причин фрагментации международного

---

³⁵ Международное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. Р.М. Валеев и Г.И. Курдюков. – М.: Статут, 2010. – С. 604.

³⁶ Seidl-Hohenveldern I. International Economic Law, Dordrecht, 1999.

³⁷ Herdegen M. Principles of International Economic Law, New York, 2016.

³⁸ Лисаускайте В.В. Фрагментация и формирование новых элементов системы международного права // Международное публичное и частное право. 2016. № 6. С. 6.

права профессор Герхард Хафнер называет стремительное распространение международных правил; усиливающую политическую раздробленность; регионализацию международного права; специализацию международных правил³⁹. История развития международного права демонстрирует, что подобным образом сформировались и выделились в качестве самостоятельных элементов такие отрасли как право международных организаций, право международной безопасности, международное экономическое право, международное воздушное право, международное космическое право и другие.

Как правило, определение отрасли в международном праве представляет собой нелегкую задачу, так как до настоящего времени не сформулированы общепризнанные четкие критерии и параметры отрасли международного публичного права. Можно даже встретить утверждения, что международное право представляет собой дезорганизованную систему. Тем не менее встречаются и обратные суждения об упорядоченности и системности международного права. Основным элементом такой системы является отрасль международного права, под которой, по мнению Давида Исаакавича Фельдмана, следует понимать «совокупность согласованных юридических норм, регулирующих более или менее автономно международные отношения определенного вида, совокупность, характеризующую соответствующим предметом правового регулирования, качественным своеобразием, существование которой вызывается интересами международного общения»⁴⁰. Соглашаясь с данной точкой зрения, продемонстрируем наличие у наднационального научного права черт, необходимых для признания за данной сферой статуса самостоятельной отрасли международного права.

Первая черта предполагает регулирование международных отношений определенного вида. Однородность вышеуказанных отношений заключается в том, что все они предполагают развитие сотрудничества между государствами с целью проведения совместных научных исследований и научно-технических разработок, а также развитие устойчивых связей между национальными научными сообществами. Складывающаяся система международного сотрудничества в области науки и техники включает такие взаимосвязанные элементы как

---

³⁹ Hafner G. Pros and Cons Ensuing from Fragmentation of International Law // Michigan Journal of International Law, 2004, Volume 25. Issue 4, p. 849-850.

⁴⁰ Фельдман Д.И. Система международного права. Казань. Изд-во Казанского ун-та, 1983. С. 42.

«международные научные связи, направленные на решение теоретических и экспериментальных задач фундаментальной и прикладной науки, и международные технические и технологические связи, подготовку кадров; международное содействие выполнению отдельных работ и созданию технологических процессов; обеспечение безопасного использования достижений научно-технического прогресса»⁴¹. Представляется, что в настоящее время сложившимися компонентами наднационального научного права можно считать:

- обмен научной и научно-технической информацией;
- финансирование научного и научно-технического сотрудничества;
- права на результаты научной деятельности и технологии, полученные по результатам научного и научно-технического сотрудничества;
- разработка программ международного научного, технологического и инновационного развития;
- статус субъектов совместной международной научной и научно-технической деятельности.

Вторая черта представляет собой наличие заинтересованности в правовом регулировании соответствующих отношений в международном сообществе. О такой заинтересованности свидетельствует как наличие международных актов, ориентированных на правовое регулирование исключительно вопросов международного научного и научно-технического сотрудничества (например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским Сообществом о сотрудничестве в области науки и технологий 2000 г.; Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве 2013 г. и другие), так и появление в международных организациях структур и подразделений, занимающихся развитием межгосударственного научного и научно-технического партнерства (например, Межгосударственный совет по сотрудничеству в научно-технической и инновационной сферах (СНГ); Совещание руководителей министерств и ведомств науки и техники (АСЕАН и ШОС); Африканский совет по научным исследованиям и инновациям (Африканский союз) и другие).

Не отрицая тесную взаимосвязь таких сфер как наука, техника, экономика, отметим, что именно уровень развития науки и техники во

---

⁴¹ Международное право / под ред. Колосова Ю.М., Кузнецова В.И. Учебник. М.: Международные отношения, 1999. С. 201.

многим определяет экономический рост. Наоборот, излишняя коммерциализация или приватизация науки способствует сдерживанию развития фундаментальной науки и снижает доступность новых знаний. Полагаем, что международное правовое регулирование научного и научно-технического сотрудничества и экономики должно учитывать различные цели, преследуемые в рамках регламентации данных отношений. Поэтому в настоящее время необходимо рассматривать международное научное и научно-техническое сотрудничество в качестве обособленной отрасли международного публичного права.

Наконец, третья черта правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества заключается в формировании отраслевых принципов (*lex specialis*), в числе которых следует рассматривать: принцип свободы выбора форм организации научных связей; принцип взаимной выгоды от участия в программах и проектах международного научного и научно-технического сотрудничества; принцип предоставления национального режима для субъектов, участвующих в реализации совместных научных и научно-технических проектов; принцип свободы научных исследований; принцип научно-технического содействия, равноправия и недискриминации в научно-технических связях; принцип эквивалентности при обмене научно-техническими достижениями; принцип соблюдения национальных интересов при участии в международном научном и научно-техническом сотрудничестве, принцип надлежащей охраны объектов интеллектуальной собственности. Например, последний принцип нашёл отражение в ст. 3 Бишкекского соглашения стран ШОС 2013 г.⁴².

Исходя из сказанного, полагаем, что на сегодняшний день сложились необходимые фактические и формальные предпосылки для признания самостоятельности наднационального научного права и его обособления в качестве одной из отраслей международного публичного права.

Несмотря на наличие большого количества работ по тематике МНТС, а также ряда работ по проблематике его правового регулирования, отсутствует блок специальных работ по МНТС в рамках ШОС.

Вопросам МНТС в целом посвящен ряд научных исследований. Однако они либо касаются частных вопросов, либо не затрагивают

---

⁴²Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве 2013 г. // <http://rus.sectscs.org/documents/> (дата обращения 25.06.2019 г.).

данную тематику в рамках ШОС. Так, исследования Дежиной И.Г.⁴³ в рамках выполнения гранта № 09-06-00362-а «Международное сотрудничество в сфере науки и высоких технологий в условиях интернационализации национальных инновационных систем» преимущественно посвящены экономической оценке различных форм международного научного сотрудничества, которая не предполагает глубокого анализа правового регулирования соответствующих общественных отношений.

Теоретическим и историческим аспектам становления МНТО и формированию новой мирополитической реальности - международным научно-технологическим отношениям посвящена статья Крутских А.В. и Бирюкова А.В.⁴⁴. Опираясь на теорию длинных экономических циклов и концепцию смены технологических укладов, авторы рассматривают динамику технико-экономического развития начиная с XVIII века и её международно-политические последствия. Основные выводы статьи связаны с выдвиганием проблематики воздействия научно-технического прогресса на международные отношения в глобальную повестку дня международной политики и мировой экономики, а также формулирование новых подходов к управлению этим процессом.

Значительный вклад в развитие заявленной тематики внес Шугуров М.В. Так, в статье «Перспективы международного научно-технологического сотрудничества и передачи технологий в повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»⁴⁵ автор отразил фундаментальный вопрос, а именно раскрыл новую парадигму НТП и МНТС как факторов перехода к устойчивому развитию. Данным автором было проанализировано МНТС в рамках международных

---

⁴³ Дежина И.Г. Международное научное сотрудничество России // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2. С. 28-37; Дежина И.Г. Меняющиеся приоритеты международного научно-технологического сотрудничества России // Экономическая политика. 2010. № 5. С. 143-155.

⁴⁴ Крутских А.В., Бирюков А.В. Новая геополитика международных научно-технологических отношений // Международные процессы. 2017. № 2 (49). С. 6-26.

⁴⁵ Шугуров М.В. Перспективы международного научно-технологического сотрудничества и передачи технологий в повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 42-55.

организаций (ЮНКТАД)⁴⁶, ЮНИДО⁴⁷, ВОИС⁴⁸ и т.д., а также в межгосударственных объединениях (БРИКС⁴⁹, СНГ⁵⁰, ЕАЭС⁵¹, ЕС⁵²). Отдельно нужно отметить, что Шугуров М.В. проводил анализ определенных вопросов МНТС в отношении ШОС⁵³.

Вопросу правового регулирования научных исследований и технологического развития в рамках региональных интеграционных организаций (на примере Европейского Союза и Евразийского экономического союза) посвящена диссертация Нечаевой Е.К.⁵⁴. Несмотря на то, что в задачах данного исследования не значилась разработка правовой модели МНТС, некоторые положения данной работы (например, об основных правовых формах международного сотрудничества в сфере научных исследований и технологического развития) могут

---

⁴⁶ Шугуров М.В. Роль ЮНКТАД в международной передаче технологий и инновационном развитии в контексте стратегии устойчивого развития // Диалог. 2018. № 3 (12). С. 62-76.

⁴⁷ Шугуров М.В. ЮНИДО и передача технологий: содействие всеохватной индустриализации в контексте достижения целей устойчивого развития // Право. Законодательство. Личность. 2018. № 1 (26). С. 58-72.

⁴⁸ Шугуров М.В. Деятельность ВОИС в сфере международной передачи технологий: направления и приоритеты // Международное право и международные организации. 2016. № 2. С. 144-165.

⁴⁹ Шугуров М.В. Политико-правовые основы и организационные механизмы научно-технологического сотрудничества и передачи технологий в рамках БРИКС в контексте стратегии устойчивого развития // Российское право онлайн. 2019. № 3-4. С. 31-49.

⁵⁰ Шугуров М.В. СНГ: перспективы межгосударственного научно-технологического сотрудничества и передачи технологий в контексте целей устойчивого развития // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. Ответственный редактор В.И. Герасимов. 2018. С. 352-358.

⁵¹ Шугуров М.В. Вопросы стратегического регулирования научно-технологической интеграции в рамках Евразийского Экономического Союза // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. Ответственный редактор В.И. Герасимов. Москва, 2021. С. 287-293.

⁵² Шугуров М.В. Вопросы содействия глобальному распространению научных знаний и передаче технологий в стратегии устойчивого развития Европейского Союза // Правовая парадигма. 2019. № 2. С. 139-146.

⁵³ Шугуров М.В. ШОС: правовые основы научно - технологического обмена в контексте стратегии устойчивого развития // Проблемы и перспективы в международном трансфере инновационных технологий: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 62-72.

⁵⁴ Нечаева Е.К. Правовое регулирование научных исследований и технологического развития в рамках региональных интеграционных организаций : на примере Европейского Союза и Евразийского экономического союза : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2017. 33 с.

быть использованы при проведении дальнейших самостоятельных исследований в отношении ШОС.

Казарина Н.В.⁵⁵ предлагает различать две плоскости правового регулирования научно-технического сотрудничества: договорно-правовое сотрудничество и организационно-правовое сотрудничество. Однако развернутой концепции правового регулирования в сфере МНТС с учетом выявленных особенностей автором не предложено.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что, несмотря на популярность тематики МНТС, практически отсутствуют работы по правовому регулированию МНТС в рамках ШОС. В связи с этим, настоящее монографическое исследование нацелено на восполнение данного пробела.

1.2. Экспериментальный правовой режим (регулятивная песочница): российская интерпретация зарубежного опыта правового регулирования сферы инноваций⁵⁶

В 2020 году в России появилось новое для отечественной науки и юридической практики понятие «экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций»⁵⁷. Подобное наименование было введено для обозначения правового института регулятивных песочниц (regulatory sandboxes), в течение последнего десятилетия активно развивающегося во множестве современных стран⁵⁸.

Концепция «песочницы» в контексте регулирования возникла в финансовом секторе развитых стран вскоре после глобального финансового кризиса 2007–2008 гг. Как отмечают исследователи, до кризиса любые финансовые инновации воспринимались положительно, что приводило к значительной либерализации финансового

---

⁵⁵ Казарина Н.В. Правовое регулирование международного научно-технического сотрудничества // Беларусь в современном мире: материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 96-летию образования Белорусского государственного университета. Издательство: Издательский центр БГУ. 2017. С. 169-171.

⁵⁶ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 20-011-00583 А «Экспериментальные правовые режимы (regulatory sandboxes): зарубежный опыт и перспективы внедрения в современной России»

⁵⁷ Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»

⁵⁸ Davydova M.L., Makarov V.O. (2020) Experimental Legal Regimes (Regulatory Sandboxes): Theoretical Problems and Implementation Prospects in Modern Russia. In: Inshakova A., Inshakova E. (eds) Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age. CRFMELD 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 110. Springer, Cham. P.577-584.

регулирования. После кризиса регуляторный маятник качнулся в другую крайность выдвинув на первый план приоритеты обеспечения финансовой стабильности и защиты потребителей⁵⁹. Таким образом, понятие «регулятивная песочница» в мировой практике⁶⁰ возникло исключительно в связи с необходимостью апробации и внедрения финансовых технологий и до сих пор используется преимущественно в этом контексте. Однако последующее регулирование пошло по пути расширения сферы возможного применения «регулятивных песочниц».

Востребованность данного института обусловлена тем, что современные цифровые инновации зачастую не вписываются в сложившееся правовое регулирование. Проблема не только в том, что соотношение их с традиционными правовыми институтами становится предметом острых теоретических дискуссий⁶¹. Иногда даже попытки апробировать ту или иную технологию на практике сталкиваются с ограничениями в действующем законодательстве. Чтобы преодолеть подобные ограничения, и устанавливается экспериментальный правовой режим.

Необходимость встраивания этого понятия в категориальный аппарат отечественной юриспруденции подтолкнула исследователей к поиску сопоставимых понятий и институтов, уже существующих в российской правовой системе.

Так, с точки зрения построения нормативных конструкций, в качестве близких по своей природе явлений рассматриваются специальные правовые режимы (режим особых экономических зон, правовой режим инновационного центра «Сколково», режим территорий опережающего социально-экономического развития⁶²). Основанием для сравнения выступают специфические права и обязанности, устанавливаемые для участников режима, наличие изъятий из действующего законодательства, а также локальный характер его введения.

---

⁵⁹Zetzsche, D., Buckley, R., Arner, D., et al., 2017. Regulating a Revolution: From Regulatory Sandboxes to Smart Regulation, EBI Working Paper Series, no. 11. UNSWSydneyNSW 2052 Australia. Available at <https://bit.ly/2NiZlav>

⁶⁰ Первая песочница было запущена в Великобритании в 2016 году

⁶¹ Зыков Д. В. Блокчейн и другие технологии в системе традиционных государственно-правовых институтов // LegalConcept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 42–46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.7>

⁶²Ефремов, А. А., Добролюбова, Е. И., Талапина, Э. В., Южаков, В. Н. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт / науч. ред. В. Н. Южаков. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 126 с. – С. 24–29.

В теоретическом плане совершенно логичным является сопоставление экспериментального правового режима и правового эксперимента, позволяющее выделить различные подходы к классификации экспериментального правового регулирования.

При первом приближении возникает соблазн механического сочетания понятий «правовой режим» и «правовой эксперимент», представляющего экспериментальный правовой режим как режим по проведению правового эксперимента. Цифровые инновации при этом рассматриваются лишь как одна из возможных сфер экспериментального регулирования.

При таком широком подходе, вытекающем из отечественной понятийной традиции, экспериментальный правовой режим может отождествляться с понятием «правовой эксперимент» либо рассматриваться как результат его реализации. В последнем случае определение экспериментального правового режима может звучать следующим образом: совокупность правовых средств и методов, с помощью которых осуществляется практическое достижение целей правового эксперимента.

Подобное широкое понимание позволяет разделить правовые эксперименты и связанные с ними режимы на формализованные и фактические.

В первом случае термин «эксперимент» фигурирует в нормативно-правовых актах, устанавливающих соответствующий режим. Сюда относится как федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций», закрепляющий общие принципы и процедуру экспериментального регулирования, так и отдельные федеральные законы, принимаемые для проведения конкретных экспериментов (см., например, федеральные законы «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха» от 26.07.2019 N195-ФЗ (ред. от 26.03.2022); «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 N 422-ФЗ (ред. от 02.07.2021); «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» от 29.05.2019 N 103-ФЗ и др.).

Однако далеко не во всех случаях фактически осуществляемое экспериментальное регулирование официально обозначается как

эксперимент. Можно предположить, что правовое регулирование, осуществляемое для восполнения пробелов в праве, возникающих при появлении новых общественных отношений часто является экспериментальным в широком смысле этого слова. Законодатель в такой ситуации иногда не стремится сразу устранить пробелы, а, напротив, пробует протестировать варианты регулирования или даже временно отказаться от действующего правового регулирования для развития новых общественных отношений. В первом случае можно говорить о пробном, частичном устранении пробела, а во втором – о поиске удачных вариантов его преодоления, которые могут быть положены в основу будущего правотворческого решения. Такое временное дерегулирование общественных отношений или проверка эффективности альтернативных вариантов регулирования становятся вариантами работы с пробелами в праве, развивающими классические способы их восполнения: устранение и преодоление.

Рассмотренное широкое значение понятия «экспериментальный правовой режим» может использоваться применительно к любой сфере правового регулирования, независимо от особенностей общественных отношений, на которые осуществляется воздействие. Именно в рамках такого широкого подхода экспериментальные правовые режимы предлагается делить на оптимизирующие, прогрессивистские и мобилизационные⁶³ в соответствии с различными целями, которые может преследовать правовой эксперимент.

Специфика второго подхода обусловлена исключительно отношениями по внедрению инновационных технологий, поэтому предполагает гораздо более узкое понимание термина «экспериментальный правовой режим». Его значение вытекает из нормативных дефиниций, закрепленных в ст.2 Федерального закона от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» и в ст.13 Федерального закона от 31.07.2020 N 247-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». В обеих дефинициях данное понятие связывается с установлением специального регулирования, включая отказ от применения обязательных требований. В этом и заключается суть регулятивных песочниц, которые ранее были определены нами как специальные нормативно предусмотренные

---

⁶³Макаров В.О. Экспериментальные правовые режимы мобилизационного вида как способ правового регулирования в условиях распространения COVID-19. Правовое применение. 2021. №5(4); С.30-42. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(4\).30-42](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(4).30-42)

ограниченные во времени и по своему предмету национальные или международные экспериментальные правовые режимы, направленные на тестирование цифровых инноваций, посредством применения к участникам исключений из действующего правового регулирования и реализуемые под контролем законодательно определенного регулятора⁶⁴.

Рассматриваемое нормативное значение термина «экспериментальный правовой режим» требует пересмотра его соотношения с понятием «правовой эксперимент» и позволяет заключить, что речь идет о разных по своей природе явлениях.

Суть классического правового эксперимента состоит в апробации юридического решения некоей проблемы. Экспериментальные правила вводятся именно для того, чтобы оценить, способны ли они оптимальным путем эту проблему решить. Применение экспериментальных норм, таким образом, составляет основное содержание правового эксперимента, а оценка их потенциальной эффективности – его цель.

Для экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций изменение правового регулирования не является основной задачей. Смысл проведения эксперимента в данном случае лежит вне сферы юридического и заключается в тестировании и апробации технологического решения. Изменение, точнее временное «блокирование» некоторых правовых нормативов необходимо здесь как внешнее условие для проведения эксперимента технологического.

На данное различие обращают внимание и другие исследователи: «Правовые эксперименты проводятся в целях апробации новой модели правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений, а эксперименты в сфере применения цифровых технологий как в государственном управлении, так и в иных областях проводятся в целях апробации применения самой технологии и создают для этого соответствующие правовые условия, в том числе приостановление действия отдельных правовых норм»⁶⁵.

В теоретическом плане приведенное различие позволяет говорить о том, что понятия «правовой эксперимент» и

---

⁶⁴Makarov, V.O., Davydova, M.L. (2021). On the Concept of Regulatory Sandboxes. In: Popkova, E.G., Sergi, B.S. (eds) «Smart Technologies» for Society, State and Economy. ISC 2020. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 155. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_112

⁶⁵Ефремов, А. А., Добролюбова, Е. И., Талапина, Э. В., Южаков, В. Н. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт / науч. ред. В. Н. Южаков. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 126 с. – С. 46.

«экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций» применимы к разным этапам процесса правообразования. Представляется, что необходимость проведения правового эксперимента возникает на этапе формализации правовых интересов и идей о том, какие правила необходимы для их удовлетворения. Если общественные запросы на определенное регулирование сформировались, но их формализация в масштабе всей правовой системы кажется слишком революционной, законодатель принимает решение об ограниченном (во времени и/или по территории) внедрении новых правовых норм с целью постепенного и контролируемого введения их в действие. Как было показано выше правовой эксперимент выступает в этом случае как один из способов устранения пробела в праве.

Необходимость установления экспериментального правового режима возникает, когда нормы уже формализованы, акты позитивного права прошли должную социализацию, но технологическое развитие вступает с ними в конфликт. Общественные отношения, обусловленные новыми технологиями, еще не сложились настолько, чтобы требовать конкретного нового регулирования. Но старое регулирование мешает этому развитию и нуждается во временной «заморозке».

Подобная конкретизация содержания и сферы применения экспериментальных правовых режимов существенным образом ограничивает круг правовых явлений, которые могут быть затронуты в рамках их исследования. К примеру, поиск вариантов мотивации граждан к вакцинированию через позитивные или негативные правовые стимулы может соответствовать признакам правового эксперимента – официально либо фактически проводимого, но не будет рассматриваться как экспериментальный правовой режим в его узком понимании. Гипотетическое же тестирование системы цифровых пропусков может потребовать введения экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, если эта система вступает в конфликт с действующим законодательством о персональных данных.

Таким образом, экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций представляет собой специфический правовой институт, не совпадающий по объему и содержанию с тем, что традиционно принято понимать под правовым экспериментом.

Если между двумя рассматриваемыми понятиями есть что-то бесспорно общее, то это методические требования к порядку проведения и механизму оценки результатов. Важнейшими и общепризнанными из них являются следующие: правовой эксперимент проводится по

заранее разработанной программе, преследует цель проверки той или иной научной гипотезы, предполагает контроль над его осуществлением⁶⁶. В этой части нормативные акты, предусматривающие проведение экспериментов, традиционно подвергаются критике. Закона, устанавливающего общие правила экспериментального правового регулирования, в России нет. Соответственно, нормативно-правовой акт, устанавливающий проведение эксперимента, как правило, сам закрепляет (или не закрепляет) цели, а также показатели и способы оценки их достижения, применительно к этому конкретному эксперименту. В итоге проводимый специалистами анализ статистики за период с 1994 по 2019 гг. дает следующие результаты⁶⁷. За это время проведение экспериментов предусматривалось в 24 федеральных законопроектах (принято из них 8), 9 указах президента и 45 постановлениях правительства. При этом цели эксперимента указаны лишь в половине из этих актов (преимущественно в постановлениях правительства), показатели достижения целей – только в одном, механизм оценки эффективности – в 56%, но, как правило, он сводится к необходимости представления доклада о результатах эксперимента.

Показательно, что, если обратиться к двум новейшим федеральным законам, устанавливающим проведение правовых экспериментов, то в одном из них (Федеральный закон от 06.03.2022 N 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации») закрепляется необходимость утверждения программы проведения эксперимента с последующим мониторингом ее реализации (ст.7), а во втором (Федеральный закон от 25.02.2022 N 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения») – определяются лишь территория и сроки проведения эксперимента без указания его целей и показателей их достижения.

К формированию нормативной базы функционирования экспериментальных правовых режимов законодатель подошел более основательно.

---

⁶⁶ Лазарев В.В.К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства и права / Лазарев В.В. Избранные труды. М., 2010. С. 5-15 - С.5.

⁶⁷ Ефремов, А. А., Добролюбова, Е. И., Талапина, Э. В., Южаков, В. Н. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт / науч. ред. В. Н. Южаков. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 126 с. – С. 32-34.

В 2018 году паспортом национальной программы «Цифровая экономика»⁶⁸ было предусмотрено принятие федерального закона, регулирующего вопросы создания и функционирования особых правовых режимов в условиях цифровой экономики («регуляторных песочниц»). В апреле 2019 года Министерством экономического развития Российской Федерации подготовлен проект Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁶⁹, который был принят Государственной Думой РФ⁷⁰ 31.07.2020 и вступил в действие в начале 2021 года. Помимо закона был разработан пакет подзаконных актов, развивающих каждое его положение и отдельно регламентирующих все этапы процедуры создания и функционирования регулятивных песочниц (форму и содержание документов, необходимых для инициирования нового экспериментального режима, порядок подачи и рассмотрения заявки на присоединение к уже существующему режиму, порядок уведомления лица о принятом по его заявке решении, правила ведения реестра существующих режимов и реестра лиц, вступивших в правоотношения с субъектом конкретного режима, порядок рассмотрения жалоб со стороны контрагентов, порядок предоставления отчетов субъектами экспериментальных режимов, правила мониторинга, приостановления или прекращения статуса субъекта режима и самого режима в целом).

Данными нормативно-правовыми актами установлен общий порядок проведения эксперимента, связанного с использованием новых технологий. Этот порядок подразумевает подачу заявки инициатором, ее согласование регулирующим органом, разработку и утверждение программы конкретного экспериментального правового режима, устанавливающей территорию, период, круг лиц, на которых он распространяется, а также те обязательные требования, от соблюдения которых освобождаются участники эксперимента.

Представленная нормативная база экспериментальных правовых режимов, несмотря на свою основательную проработку, вызывает ряд нареканий.

---

⁶⁸ Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г.)

⁶⁹ <https://regulation.gov.ru/projects#npa=90706>

⁷⁰ Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»

Во-первых, описание соответствующих процедур содержится не в одной объемной инструкции, а в более, чем 20 нормативно-правовых актах, принятых Минэкономразвития и Правительством РФ. Вероятно, замысел был в том, что удобнее не создавать один громоздкий текст, а «разложить по полочкам» всю последовательность действий. Но теория свидетельствует об обратном. Одним из принципов «лучшего регулирования», направленного на совершенствование и упрощение регулятивной среды, принято считать кодификацию существующих текстов⁷¹. Подразумевается, что гораздо удобнее соблюдать правила, изложенные в одном, а не во множестве документов. На это же указывает зарубежный опыт создания регулятивных песочниц⁷².

Во-вторых, сомнения вызывает преобладание в вопросе создания экспериментальных правовых режимов подзаконного регулирования. С одной стороны, у этого есть объективные основания, обусловленные спецификой цифровых инноваций, требующих гибкого и оперативного взаимодействия с государственными органами в процессе апробации и внедрения новых технологий⁷³. С другой стороны, возможность на подзаконном уровне решить вопрос о действии или недействии законодательных правил, безусловно, вызывает сомнения, с точки зрения корректности юридической модели.

Вероятно, осознавая эту проблему, законодатель уточнил порядок, установленный федеральным законом «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций», добавив в процедуру рассмотрения инициативного предложения необходимость проинформировать о нем Совет Федерации, а также учесть позицию законодательного органа власти субъекта РФ⁷⁴.

Помимо этого, чтобы согласовать новые правила с действующим законодательством, «встроить» институт экспериментальных

---

⁷¹Interim report from the commission to the Stockholm European Council – Improving and simplifying the regulatory environment.<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52001DC0130> (дата обращения 14.01.2021)

⁷² Макаров В.О. Регулятивные песочницы: сравнительно-правовое исследование института экспериментальных правовых режимов в Российской Федерации и регуляторных лабораторий в Грузии // Юридические исследования. – 2021. – № 10. – С. 102 - 113.

⁷³ Об этом см.: Давыдова М.Л. Регулятивные песочницы и особенности их имплементации в российское законодательство // Хозяйство и право. – 2021. – № 7(534). – С. 60-70.

⁷⁴Федеральный закон от 02.07.2021 N 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»

правовых режимов в существующую систему нормативно-правовых актов, тем же федеральным законом от 02.07.2021 N 331-ФЗ⁷⁵ изменения, допускающие возможность установления экспериментального правового режима, внесены в девять законов, регулирующих разные сферы общественных отношений (транспорт, здравоохранение, связь, охрану персональных данных и пр.).

В целом подробное законодательное регулирование не конкретного режима, а общего порядка их установления и функционирования, вселяет определенные надежды на более системное решение вопроса о порядке учета результатов проведенных экспериментов.

В частности, закон предусматривает в качестве обязательных этапов утверждение программы экспериментального правового режима, осуществление его мониторинга, подготовку и порядок рассмотрения отчетов об итогах деятельности в рамках режима, варианты правовых последствий оценки результативности и эффективности его реализации.

В рамках этой общей процедуры уже на уровне подзаконных нормативно-правовых актов устанавливаются требования к инициативному предложению, закрепляется необходимость определить в программе режима его цели, показатели их достижения, периодичность представления сведений для мониторинга эффективности и результативности экспериментального правового режима, определяются правила проведения такого мониторинга. В соответствии с этим формулируются и утверждаются параметры оценки конкретного экспериментального режима. Основная роль в разработке критериев оценки качества проведенного эксперимента принадлежит инициатору, предлагающему проект программы будущего экспериментального режима, и правительству РФ, эту программу утверждающему. Утвержденные в 2022 году первые такие программы содержат, в частности, приложения с указанием конкретных количественных показателей, которые должны быть достигнуты в течение каждого года действия режима⁷⁶.

---

⁷⁵Там же.

⁷⁶ Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 N 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств»; Постановление Правительства РФ от 24.03.2022 N 458 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Томской области»; Постановление Правительства РФ от 24.03.2022

Вероятно, если данная попытка системного закрепления единой процедуры проведения экспериментов в правовом регулировании и оценки их результатов покажет свою эффективность, то соответствующий алгоритм экспериментального правового регулирования вполне может быть распространен на все проводимые в нашей стране правовые эксперименты. В этом смысле институт экспериментальных правовых режимов может рассматриваться не только как площадка для тестирования цифровых инноваций, но и как способ апробации самой процедуры правового экспериментирования.

1.3. Принципы права – основополагающие регуляторы международного научно-технического сотрудничества

Развитие глобальных технологий и расширение научных связей потребовали соответствующего уровня сотрудничества государств, в результате существенно расширилась сфера международного правового регулирования. Использование космического пространства, геновая инженерия и биотехнологии, ядерные исследования и технологии, защита окружающей среды – это лишь некоторые примеры областей, в которых международному праву отводится существенная роль. Например, в создании и эксплуатации многоцелевого космического исследовательского комплекса «Международная космическая станция» принимают участие представители 14 государств⁷⁷. В Европейской лаборатории физики элементарных частиц (ЦЕРН) работают вместе более 10000 ученых из 60 государств⁷⁸. Такие примеры можно продолжить, в том числе на международном региональном уровне, что свидетельствует о выходе сферы науки, технологии и техники за территориальные пределы государств.

Достижения в сфере науки, технологии и техники в значительной мере способствовали восприятию человечеством идей общности судьбы, взаимозависимости, универсальности международной безопасности. Проявляется все больше признаков того, что человечество

№ 462 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Камчатском крае, Ханты-Мансийском автономном округе - Югре, Чукотском автономном округе и Ямало-Ненецком автономном округе»

⁷⁷ Официальный Интернет-сайт Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос». Режим доступа: <https://www.roscosmos.ru/202/>, свободный. Дата обращения: 10.01.2022.

⁷⁸ UNESCO Science Report 2015: towards 2030. Paris: UNESCO, 2015. P. 10.

осознает себя как целое и сама категория «человечество» приобретает не только философскую, но и правовую значимость.

Вопросы, считавшиеся ранее исключительно внутренним делом государств, вошли в сферу международно-правового регулирования. Преодоление больших вызовов и глобальных проблем современности, возникших в результате научно-технического прогресса, зачастую требует масштабной концентрации усилий, а эффективность дальнейшего научно-технологического развития, зависит от объединения потенциалов различных государств, мирового сообществ в целом. При этом наличие у данных отношений, количественных и качественных характеристик, позволяют регулировать их принципами и нормами права.

В науке международного права в отличие от большинства исследований как общей теории права, так и отраслевых правовых исследований прочно укоренилось рассмотрение принципов права в качестве непосредственных регуляторов правоотношений⁷⁹. К примеру, И.И. Лукашук отмечает, что «международное право — это система юридических принципов и норм, регулирующих межгосударственные отношения в целях обеспечения мира и сотрудничества»⁸⁰. Такого же подхода придерживается Л.П. Ануфриева, рассматривая функционирование «международного права как системы принципов и норм»⁸¹. Подтверждение мы находим в большом количестве научных исследований и учебной литературе по международному праву.

Как известно, основополагающие принципы международного права составляют фундамент международного сотрудничества, и имеют ключевое значение в построении и осуществлении международно-правового регулирования абсолютно всех правоотношений, возникающих между субъектами международного права. В научной литературе подчеркивается, что «будучи ядром системы международного права, принципы осуществляют общее авангардное регулирование при появлении новых субъектов или новой сферы

---

⁷⁹ Гумеров Л.А. Основополагающие и специальные принципы международного права как регуляторы научно-технологической сферы // Российская юстиция. 2022. № 3. С. 3-12.

⁸⁰ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учеб. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 11.

⁸¹ Ануфриева Л.П. Продолжая дискуссию о собственно «принципах» в современном международном праве и не только...// Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 7.

сотрудничества»⁸². Стремительно развивающиеся международное сотрудничество в сфере науки, технологии и техники(далее также - международное научно-техническое сотрудничество), безусловно, также подпадают под системное правовое регулирование основополагающих принципов международного права⁸³. Поэтому специальные принципы международного права, направленные исключительно на регулирование международного научно-технического сотрудничества, как и вообще все специальные принципы международного права, должны создаваться на фундаменте основополагающих (общих) принципов международного права. По мнению Л.П. Ануфриевой, «осуществление научно-технического сотрудничества... немислимо в обход принципов международного права, выработанных государствами и международным сообществом в целом»⁸⁴. В этой связи важнейшее значение для регулирования международного сотрудничества в рассматриваемой сфере имеют вопросы об основополагающих принципах международного права, их применимости к регулированию вновь возникающих правоотношений.

Многогранность восприятия в международно-правовой науке категории «общие принципы права» обстоятельно представлена в трудах Ю.С. Ромашева⁸⁵. В целом к аналогичным выводам пришел М. Васкес-Бермудес при подготовке доклада Комиссии международного права ООН⁸⁶. Вместе с тем в юридической науке существуют различные подходы к терминологическому обозначению принципов международного права⁸⁷. Не вступая в дискуссию, полагаем возможным, руководствуясь практикой Международного Суда ООН, остановиться на категории «основополагающие принципы» международного права, под которыми прежде всего понимаются принципы, содержащиеся в Уставе

---

⁸² Лукашук И.И. Указ.соч. С. 159.

⁸³ Bassiouni M. A Functional Approach to «General Principles of International Law» // Michigan Journal of International Law. 1990. Vol.11, Is. 3. P. 768-818.

⁸⁴ Ануфриева Л.П. Принципы и правовые формы сотрудничества в области науки, техники и инноваций между Россией и странами ЕС // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12 (97). С. 177.

⁸⁵ См. подробнее: Ромашев Ю.С. Общие принципы права в системе международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 148–174.

⁸⁶ Second report on general principles of law (A/CN.4/741). International Law Commission. GA. Geneva, 2020. Режим доступа: <https://undocs.org/a/cn.4/741>, свободный. Дата обращения. 03.12.2021.

⁸⁷ См. подробнее: Абашидзе А.Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера. Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 19–20.

ООН, с учетом Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г, а также в Заключительном акте СБСЕ 1975 г.⁸⁸

Среди основополагающих принципов международного права особое значение в регулировании международного научно-технического сотрудничества, имеют такие принципы как: уважения прав человека и основных свобод; сотрудничества между государствами; добросовестного выполнения обязательств по международному праву; равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой. Вместе с этим, следует обозначить, что все основополагающие принципы международного права взаимосвязаны, взаимообусловлены и в системно-содержательном единстве выполняют свое предназначение в виде регуляторов правоотношений. Как указано в Заключительном акте СБСЕ 1975 г. все указанные в нем принципы «имеют первостепенную важность, и, следовательно, они будут одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других»⁸⁹.

Рассматриваемые основополагающие принципы являются *erga omnes* непосредственно действующими и направлены на упорядочение конкретных правоотношений, возникающих в процессе международного научно-технического сотрудничества. Согласно принципу уважения прав человека и основных свобод государства, иные субъекты международного права обязаны создать такие условия, при которых обеспечивалась бы максимальная реализация прав и свобод в сфере науки, технологии и техники. При этом речь идет не просто о провозглашении тех или иных прав и свобод, но и о создании гарантий их реализации. Принцип сотрудничества накладывает обязательства на субъектов международного права по организации и осуществления взаимодействия, направленного на реализацию правоотношений, в целях взаимовыгодного научно-технического и технологического развития, в том числе получения и использования передовых достижений, повышение квалификации и обучение специалистов, доступ к

---

⁸⁸ См., например, Решение МС ООН от 20.04.2010 по делу «Аргентина против Уругвая» (дело о целлюлозных заводах на реке Уругвай); Постановление МС ООН от 03.03.2014 по делу «Тимор-Лешти против Австралии» (дело о вопросах, связанных с изъятием и удержанием некоторых документов и данных) и др. // Официальный Интернет-сайт Международного Суда ООН. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/>, свободный. Дата обращения: 12.12.2021.

⁸⁹ Ведомости ВС СССР. 1975. № 33.

лабораторной базе и т.д. Принцип добросовестного выполнения международных обязательств вытекает из формулы *pacta sunt servanda*. Он устанавливает юридическую силу форм международного права, регулирующих международное научно-техническое сотрудничество. Значительную актуальность в современных условиях получают принятые государствами обязательства в связи с возможными неблагоприятными последствиями научно-технического прогресса. Указанное прослеживается в международном космическом, морском и в других отраслях международного права. Не менее значимым в регулировании рассматриваемого вида сотрудничества является принцип равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой. В соответствии с данным принципом каждый народ вправе самостоятельно определять основные направления научно-технологического развития, осуществлять без вмешательства извне по своему усмотрению необходимую для этого научно-техническую и иную деятельность. При этом в сочетании с принципом сотрудничества взаимодействия государств строятся на условиях равенства.

Нельзя не отметить, что основополагающие принципы международного права, несмотря на мощный регулятивный потенциал, в силу их значительной абстрактности нуждаются в конкретизации применительно к регулированию отдельных однородных групп правоотношений. Как правило, такая конкретизация объективно предопределена и происходит естественно, сообразно развитию общества, в силу эволюции правоотношений. Другими словами, специальные принципы отражают естественный ход развития правового регулирования, при этом закрепляют наиболее устойчивые и необходимые свойства предмета правового регулирования однородных групп правоотношений⁹⁰.

По утверждению В.М. Шумилова «общие (основные) принципы международного права имеют свое продолжение в форме специальных (отраслевых) принципов. В каждой отрасли международного права ... можно выделить обобщающие нормы, являющиеся принципами на соответствующем уровне»⁹¹. В.В. Ершовым убедительно высказывалось мнение о том, что «основополагающие (общие) принципы ... права ... для уполномоченных правотворческих органов, организаций и т.д.

---

⁹⁰Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. М.: Центр образовательного законодательства, 2002. С.220.

⁹¹ Шумилов В.М. Международное экономическое право. М.: ООО ИКК «ДеКА», 2002. С. 65.

являются своеобразными «дорожными картами» в синергетических процессах выработки специальных принципов ... права»⁹².

Одним из первых в науке международного права еще в 80-х годах прошлого века специальные принципы международного права, регулирующие сотрудничество в сфере науки и техники, исследовал К.Г. Борисов, который обозначил их в качестве «международно-правовых специфических принципов в области интернационализации научно-технических связей международных фондов, центров, объединений и сотрудничества государств в области науки, техники и технологии, а также в рамках международных программ научно-технического прогресса»⁹³. В своих трудах он выделяет следующие специальные принципы международного права: свободы научных исследований; сотрудничества в применении достижений научно-технического прогресса; научно-технического содействия в процессе установления нового международного экономического порядка; научно-технической специализации и производственной кооперации; комплексности технического сотрудничества; установления закономерно обоснованных и взаимовыгодных научно-технологических связей и сотрудничества государств мирового сообщества; научного анализа вероятных средств наиболее полного решения задачи разоружения; отвлечения средств из сферы производства военной техники на развитие науки и техники в целях развития; рентабельности способов ликвидации военной техники и ее использование в энергетических и исследовательских реакторах; переключения ресурсов, высвобождаемых в процессе разоружения, на социальные нужды и культурное развитие народов и наций; реализации научно-технологических связей на началах равноправия; взаимного эквивалентного обмена научно-технологическими достижениями, включая международный книгообмен; взаимной подготовки и повышения квалификации специалистов руководящих кадров экономики.⁹⁴

Безусловно, научные труды К.Г. Борисова внесли существенный вклад в развитие исследований международно-правового регулирования правоотношений в научно-технологической сфере. Несмотря на то, что они были проведены более 30 лет назад, до сих пор результаты

---

⁹² Ершов В.В. Регулирование правоотношений: Монография. М.: РГУП, 2020. С. 258.

⁹³ Борисов К.Г. Основы международно-правового регулирования многостороннего научно-технического прогресса государств мирового сообщества: дис. ... докт. юрид. наук в форме научного докл. М., 1989. С. 19.

⁹⁴ Там же. С. 19.

его фундаментальных научных трудов актуальны и прогрессивны. Они востребованы в юридической науке.

По мнению Шугурова М.В. к специальным принципам «международного права научно-технологического сотрудничества и развития» можно отнести: принцип свободы научных исследований, принцип развития науки, техники и технологии в мирных целях и на благо человечества, принцип безопасного научно-технологического развития, принцип оказания научно-технической помощи развивающимся государствам. Автор полагает, что принцип свободы научных исследований ориентирован на общий замысел научно-технического прогресса – выступать в качестве ресурса всеобщего развития⁹⁵.

Л.П. Ануфриева, проводя связь с международным экономическим правом, выделяет следующие принципы в области науки, техники, технологий и инноваций: добровольности; равноправия; недискриминации; добросовестности исполнения международно-правовых обязательств по научно-техническому сотрудничеству; содействия мировому научно-техническому прогрессу; сближения уровней экономического и научно-технологического развития между развитыми и развивающимися странами; взаимной выгоды и справедливого распределения выгод от достигнутых результатов совместной научно-исследовательской деятельности в рамках международного сотрудничества; свободы научных исследований; обмена информацией и результатами научных исследований; конфиденциальности; свободы научно-технической/ инновационной деятельности⁹⁶.

Как полагает Е.К. Нечаева, рассматривая специальные принципы права, анализ источников правового регулирования позволяет определить, что важнейшим принципом «международного сотрудничества в сфере научных исследований и технологического развития» является принцип свободы научных исследований. Вместе с ним автор выделяет также: принцип содействия научно-техническому прогрессу; принцип свободы выбора форм международного сотрудничества в сфере научных исследований и технологического развития; принцип сотрудничества и принцип равноправия и недискриминации участников международного сотрудничества в сфере научных исследований и технологического развития; принцип сбалансированности целей

---

⁹⁵ Шугуров М.В. Международно-правовой принцип свободы научных исследований и глобализация научно-технологического прогресса // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 17-21.

⁹⁶ Ануфриева Л.П. Принципы и правовые формы... С. 184.

международного сотрудничества в сфере научных исследований и технологического развития⁹⁷.

В связи с тем, что специальные принципы права должны отражать наиболее общие устойчивые специфические черты регулируемых правоотношений, возникает необходимость выявления такой специфики. Полагаем, что ключевым видом правоотношений, возникающих в процессе международного научно-технического сотрудничества, являются правоотношения, связанные с непосредственным осуществлением научно-технической деятельности. В рамках данных правоотношений происходит реализация свободы научного и технического творчества. Представляется, что данная свобода является ключевой, системообразующей не только для возникновения указанных правоотношений, но и для результативности их осуществления.

В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах государства приняли на себя обязательства «уважать свободу, безусловно необходимую для научных исследований» (п. 3 ст. 15). В целях исполнения данного обязательства государства создают необходимые условия для реализации «свободы научных исследований». Полагаем, что принцип свободы научных исследований является конкретизацией основополагающего (общего) принципа уважения прав человека и основных свобод (ст. 1 Устава ООН).

Он находит свое дальнейшее воплощение в международных договорах. Конвенция ООН по международному морскому праву 1982 г. определяет, что «свобода открытого моря ... включает ... как для прибрежных государств, так и для государств, не имеющих выхода к морю: ... свободу научных исследований» (ст. 87). В целях реализации данного принципа рассматриваемая Конвенция включила отдельную XIII часть «Морские научные исследования», состоящую из нескольких разделов. В частности, установлено, что все государства «имеют право проводить морские научные исследования при условии соблюдения прав и обязанностей других государств» (ст. 238) и др.

Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. устанавливает, что «космическое пространство ... свободно для научных исследований, и государства содействуют и

---

⁹⁷ Нечаева Е.К. Правовое регулирование научных исследований и технологического развития в рамках региональных интеграционных организаций (на примере Европейского Союза и Евразийского экономического союза): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2017. С. 46-47.

поощряют международное сотрудничество в таких исследованиях» (ст. 1). В целях реализации принципа свободы научных исследований в рассматриваемый Договор включены статьи, предусматривающие: «использование военного персонала для научных исследований или каких-либо иных мирных целей не запрещается. Не запрещается также использование любого оборудования или средств, необходимых для мирного исследования Луны и других небесных тел» (Ст. IV) и др.

Принцип свободы научных исследований подразумевает возможность субъектов самостоятельно определять направления и методы проведения исследований и разработок. Применительно к государствам рассматриваемый принцип также означает возможность совершать все необходимые действия для создания условий в целях максимальной реализации свободы научного творчества, безусловно, в соотношении с иными принципами права. Научная деятельность, являясь разновидностью творческой деятельности, теряет смысл без свободы. В противном случае достижение объективных результатов, ради которых данная деятельность осуществляется, становится невозможным⁹⁸. В истории науки достаточно примеров, когда отсутствие свободы исследований, например, в силу существования определенной идеологии в государстве, приводило к искаженным результатам исследований, не отражающим объективно происходящие в нем процессы.

Таким образом, принцип свободы научных исследований, во-первых, обобщает наиболее существенное и типичное в правоотношениях, реализуемых в процессе международного научно-технического сотрудничества; во-вторых, обладая императивностью, выступает регулятором правоотношений, возникающих между субъектами международного права; в-третьих, определяет вектор развития правового регулирования международного научно-технического сотрудничества; в-четвертых, в силу своего абстрактного характера конкретизируется в нормах права.

Следует согласиться с мнением В.Н. Корнева, который указывает на существенность проблемы установления или распознавания принципа права⁹⁹. По нашему мнению, для принципов права не обязательно их выражение в письменной форме. К примеру, основополагающие

---

⁹⁸ О специфике регулирования правового статуса субъектов: Васильев А.А., Путило Н.В. Правовой статус учёного как фактор научно-технологического развития России // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3, № 2. С. 57–74.

⁹⁹ См. подробнее: Корнев В.Н. Принципы права в зарубежной правовой доктрине: природа, назначение и функции // Государство и право. 2016. № 11. С. 64.

принципы международного права, первоначально сформировались в обычной практике взаимодействия государств и иных субъектов международного права, а уже затем были переведены в другую форму. Выявление специальных принципов международного права и установление их содержания должно осуществляться комплексно. Для этого проводится анализ прежде всего форм международного права¹⁰⁰, практической деятельности государств и международных организаций¹⁰¹, практики международных судебных органов¹⁰², резолюций и деклараций международных межправительственных организаций и конференций¹⁰³.

Учитывая, что в настоящее время научно-технический прогресс перешел в стадию научно-технологического развития, представляется возможным выделить следующие специальные принципы международного научно-технического сотрудничества: свободы научных исследований; равенства прав и обязанностей участников международного научно-технического сотрудничества; конкуренции и недискриминации в международном научно-техническом сотрудничестве; обмена и распространения научно-технической информации; доступности научно-технологических результатов; охраны и защиты результатов научно-технологической деятельности; содействия в научно-технологическом развитии.

Несомненно, применительно к международному научно-техническому сотрудничеству принцип свободы научных исследований имеет фундаментальное значение, а в системе принципов играет ключевую

---

¹⁰⁰ Соглашение о создании общего научно-технологического пространства государств-участников Содружества Независимых Государств от 03.11.1995 // Бюллетень международных договоров. 1999. № 5; Договор о функционировании Европейского Союза 1957 г. (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) Консолидированный текст // Цит. по СПС «Гарант» и др.

¹⁰¹ Официальный Интернет-сайт ООН. Режим доступа: <https://www.un.org/>, свободный; Официальный Интернет-сайт ОЭСР. Режим доступа: <https://www.oecd.org/>, свободный; и др.

¹⁰² Решения, консультативные заключения и постановления Международного Суда ООН. Официальный Интернет-сайт Международного Суда ООН. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/>, свободный; Judgments and decisions. Search HUDOC. Поисковая система актов Европейского суда по правам человека. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/>, свободный и др.

¹⁰³ Система официальной документации ООН. Режим доступа: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/home.xsp>, свободный; Официальный Интернет-сайт Конференция ООН по торговле и развитию. Режим доступа: <https://unctad.org/>, свободный и др.

роль. К примеру, принципы равенства прав и обязанностей участников международного научно-технического сотрудничества, а также обмена и распространения научно-технической информации создают необходимые условия для реализации принципа свободы научных исследований. Принципы конкуренции и недискриминации в международном научно-техническом сотрудничестве, а также охраны и защиты результатов научно-технологической деятельности выполняют обеспечительную функцию. Принцип содействия в научно-технологическом развитии направлен на формирование необходимого международно-правового регулирования, способствующего наиболее полной реализации принципа свободы научных исследований. При этом указанные принципы теснейшим образом связаны не только с принципом свободы научных исследований, но и друг с другом¹⁰⁴. Они направлены на выстраивание единой целостной системы регулирования. Соответственно, следует вести речь не просто о хаотичном наборе специальных принципов международного права, регулирующих международное научно-техническое сотрудничество, а о системе принципов, обладающей новыми свойствами и качеством.

1.4. Советский опыт правового регулирования международного научного сотрудничества¹⁰⁵

Изучение советского опыта правового регулирования международного научно-технического сотрудничества в настоящее время является актуальным. Есть потребность в его анализе с целью возможного использования, поскольку современное российское государство находится отчасти в схожих условиях: разрыв международных научных связей, необходимость импортозамещения, актуализация научных исследований оборонного назначения. Есть также серьезные ограничения использования советского опыта, поскольку он связан с принципиально иной политической системой, административно – командной экономикой, иной материальной базой развития науки. Для правильного понимания тех пределов, в которых советский опыт может быть использован в современных условиях, необходимо проанализировать

---

¹⁰⁴См. подробнее: Гумеров Л.А. Основопологающие и специальные принципы международного права как регуляторы научно-технологической сферы // Российская юстиция. 2022. № 3. С. 3-12.

¹⁰⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43026 «Правовая политика Советского государства в сфере развития науки».

советский опыт, опираясь на первоисточники. Такую возможность дает прежде всего анализ архивных материалов.

К изучению советского опыта международных научных и технических связей часто обращаются современные исследователи. Достаточно большое количество работ посвящено анализу взаимодействия СССР с отдельными странами по конкретным проектам и в различных отраслях научного знания. Однако вопросы именно правового регулирования международных научно-технических связей СССР становятся предметом исследования весьма редко, как правило, также в связи с рассмотрением отдельных примеров научно-технического сотрудничества СССР (ограниченных избранным авторами периодом времени, а также конкретными странами)¹⁰⁶.

Представляется, что советский опыт правового регулирования международного научно-технического сотрудничества составляет самостоятельный предмет исследования.

Для анализа советского опыта следует выделить ряд этапов:

Первый этап (1917 – середина 1920-х) является для международного научного сотрудничества советских ученых кризисным. В условиях катастрофической нехватки материальных ресурсов научные связи рвутся. Государство на этом этапе в рамках общего направления по сохранению отечественной науки пытается по возможности сохранить международные научные связи. Специальные государственные органы (Центральная комиссия по улучшению быта ученых – ЦЕКУБУ, Научно-технический отдел ВСНХ РСФСР и другие) в числе других мероприятий помощи советским ученым оказывали им содействие в выписке иностранной научной литературы и импортного оборудования, оплате членских взносов в международные научные объединения, организации заграничных командировок. Поскольку возможности государства были крайне ограничены, актуальной стала благотворительная помощь иностранных ученых советским, находившихся зачастую в отчаянном положении. Примечательно, что, стоило ситуации в советском государстве хотя бы немного улучшиться, советские ученые сами оказали помощь своим германским коллегам, которым в начале

---

¹⁰⁶См., например: Левина Е.С. Страницы истории сотрудничества СССР–США в области организации науки: парадокс «секретности» // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2011. Посвящается 120-летию со дня рождения С.И. Вавилова. 2011. С. 145–148; Кирсанова Е.Г., Волкова А.В. Научно-техническое сотрудничество СССР и ГДР во второй половине XX в.: политические аспекты // Вестник российской нации. 2017. № 6. С. 154–165.

1920-х гг. пришлось не менее тяжело¹⁰⁷. Добровольным решением советских ученых были установлены отчисления от денежного содержания в пользу германских ученых, собраны и отправлены именные продовольственные посылки от имени московского Дома Ученых.

На *втором этапе* (вторая половина 1920-х – послевоенный период) государство, с одной стороны, имеет ресурсы оказывать значительно большую поддержку советским ученым, с другой стороны, оно активно вмешивается в их деятельность. Для этого периода характерна высокая степень вмешательства государства в научное сотрудничество советских ученых с иностранными. Организация международного научного сотрудничества видится задачей государства, которую оно возлагает на специальные органы. В полномочия этих органов входят не только организация научно-технического сотрудничества и содействие советским ученым, но и руководство как общим направлением международного научно-технического сотрудничества в различных отраслях научного знания, так и конкретными формами сотрудничества. Научную работу советских ученых, в том числе их международное научное сотрудничество государство оценивает с точки зрения ценности для государства работ ученых (в рамках общего практико-ориентированного подхода советского государства к регулированию науки). Как и в первом периоде, в сфере регулирования международного научно-технического сотрудничества действует множество административных органов (Комиссия содействия ученым при СНК СССР, Комиссия при СНК СССР по содействию работам Академии Наук, Отдел научных учреждений СНК СССР, Научно-техническое управление ВСНХ СССР, Главное управление научных учреждений Наркомпроса РСФСР, Комитет по заведыванию ученым и учебными учреждениями при ЦИК СССР, отделы научно-исследовательских работ отраслевых наркоматов). На протяжении всего периода в системе органов управления наукой происходят постоянные реорганизации. Теми или иными аспектами международного научно-технического сотрудничества занимался каждый из них, причем компетенция не была четко разграничена и складывалась скорее на практике. Кроме того, промежуточное положение между государственными органами и научными

---

¹⁰⁷Протокол № 61 совместного заседания правления Дома ученых и Совета старшин от 30 января 1924 г. / ГА РФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 847. Л. 1а, 5, 6; Протокол № 66 совместного заседания правления Дома ученых и Совета старшин от 5 марта 1924 г. ГА РФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 847. Л. 10, 13; Протокол № 61 ЦЕКУБУ от 14 февраля 1924 г. ГА РФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 847. Л. 16, 17, 19.

учреждениями в этот период занимает АН СССР – это научное учреждение, которое получило организационные функции координации международной научной работы в целом.

Следствием такой ситуации в системе органов управления наукой стал недостаток общей нормативной регламентации международного сотрудничества. Решения принимались отдельными органами по отдельным направлениям.

Несмотря на расширение возможностей советского государства, оно по-прежнему действовало в условиях критического недостатка ресурсов. Государство вынуждено было выбирать среди ученых, научных учреждений, тем научных исследований, нуждающихся в поддержке, вводить критерии оказания помощи. Это распространялось и на международное научное сотрудничество. Как и в первом периоде, одной из важных задач, поставленных советским государством перед советскими учеными, было импортозамещение – освобождение советского государства от иностранной зависимости¹⁰⁸. Международное научное сотрудничество обязательно должно было служить достижению этой цели.

Еще одним фактором, оказавшим значительное влияние на регулирование международного научно-технического сотрудничества, стала крайне сложная международная обстановка. В середине 1920-х гг. она еще позволяла развивать международное сотрудничество (тем более, что СССР получил международное признание со стороны большинства развитых стран), однако уже в начале 1930-х гг. обстановка обострилась, что не могло не сказаться на научных связях советских ученых (тем более, что в силу исторических причин особенно тесные связи существовали у отечественной науки как раз с германской). Перспективы и сама возможность различных форм международного научного сотрудничества оценивались в том числе с политической точки зрения. Членство советских ученых и научных учреждений, их участие в международных научно-организационных мероприятиях находились под плотным контролем государства. В государственных органах (Комиссия при СНК СССР по содействию работам Академии Наук, Отдел научных учреждений СНК СССР и др.) обсуждалась целесообразность

---

¹⁰⁸ Окунева, М. О. Становление системы премирования научных работ в Советском государстве // Социальная справедливость: к устойчивой экономике и обществу для всех : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 18–19 февраля 2022 года. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2022. – С. 142–151.

участия, состав советской делегации, темы выступлений и общая линия докладов. Советские ученые в своей международной деятельности рассматривались советским государством как важная часть пропаганды, донесения информации о достижениях не только советской науки, но и социалистической экономики в целом.

В этот период складываются основные формы международного научного сотрудничества советских ученых: членство в международных научных обществах, участие в работе международных научных конгрессов, съездов, конференций и т.п. научно-организационных мероприятий, заграникомандировки для работы в иностранных лабораториях и иных научных учреждениях, приглашение зарубежных ученых для работы в научных учреждениях Советского Союза, а также чтения лекций, выступления с докладами перед советскими ученым, стажировки молодых ученых в иностранных научных учреждениях, публикация научных трудов за рубежом.

Проблемой, как и в первом периоде, оставался доступ к научной и технической информации. Сложности с доступом к сведениям о происходящем за рубежом оставались. Государство организовало не только снабжение иностранной литературой, но и систему научно-технической информации (в начале 1930-гг. уже действовал ЦИТЭИН – Центральный институт технико-экономической информации)¹⁰⁹. Материалы об опыте и перспективах созыва международных конгрессов, конференций и совещаний на территории СССР и о привлечении иностранных ученых к работе советских научных организаций и предприятий и о результатах заграникомандировок публиковались для сведения научной общественности.

При значительном государственном вмешательстве в организацию научно-исследовательской работы советских ученых административные органы в этот период работали в тесной связи и постоянной коммуникации с научным сообществом и отдельными учеными. Архивные материалы свидетельствуют о том, что распространенной формой взаимодействия было рассмотрение индивидуальных просьб и жалоб научных работников.

---

¹⁰⁹ Окунева М.О. «Необходимо постоянное ориентирование в состоянии и тенденциях зарубежной науки...»: изучение научного потенциала развитых зарубежных стран в советской системе научно-технической информации / V Моисеевские чтения. Доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции. Москва, 2022. С. 370–380.

В начале рассматриваемого периода в связи с международной работой АН СССР и деятельностью Комиссии при СНК СССР по содействию работам Академии наук обсуждались принципиальные основы международного научно-технического сотрудничества АН СССР и других советских научно-исследовательских учреждений¹¹⁰. Комиссия пришла к выводу, «что наиболее целесообразное осуществление международной научной связи должно происходить на условиях настоящего времени, путем организации совместной научной работы как между странами, так и между группами стран. В целях реализации научного сближения между СССР и другими странами признать принципиально желательным взаимное приглашение отдельных выдающихся ученых для прочтения докладов и лекций, с оплатой связанных с этим расходов за счет приглашающей страны; взаимное командирование отдельных молодых ученых для работ в научных учреждениях отдельных стран с оплатой за счет командировающей страны; взаимное участие в организуемых отдельными странами научных съездах и конференциях на следующих основаниях: научные учреждения каждой страны своевременно извещают соответствующие научные учреждения других стран о созываемых ими в течение года съездах и конференциях; правительствами соответствующих стран оказывается содействие...». Предлагалось также осуществлять совместное издание имеющих международное значение журналов, специальных монографий и т.п. СССР намеревался сотрудничать прежде всего с центрами управления наукой зарубежных стран. С теми странами, где нет организационного центра, научные связи должны были осуществляться в индивидуальном порядке. Вся организационная работа по осуществлению одобренных Комиссией по содействию работам Академии Наук (а также заинтересованными учреждениями) предложений АН СССР в области международных научных работ должна была проводиться АН СССР. Таким образом, именно Академия Наук становилась координирующим международную научную деятельность центром советских научных учреждений. Для координации международного научного сотрудничества предполагалось также просить наркоматы и иные органы своевременно информировать Комиссию по содействию работам Академии Наук обо всех предпринимаемых ими или известных им начинаниях по международной научной связи в целях согласования и

---

¹¹⁰Протокол № 3 заседания Комиссии СНК СССР по содействию работам Академии Наук от 16 декабря 1926 г. /ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 5. Л. 158, 151–148.

сохранения единого образа действий в работе по международному научному общению».

В этот период складывается целый ряд форм международного научно-технического сотрудничества и практики их регулирования государством. Так, с прежнего периода сохраняется такое направление, как обеспечение советских ученых иностранной литературой и импортным оборудованием¹¹¹. Изменение валютной политики государства вызвало множество трудностей для советских ученых. Так, уже в 1926 г. Академия наук СССР обратилась в Комиссию при СНК СССР по содействию работам Академии наук в связи с затруднениями в выписке из заграницы необходимых научных пособий, поскольку «потребность в них совершенно бесспорная»¹¹². Проблема эта оставалась очень острой на протяжении всей второй половины 1920-х гг. и в 1930-е гг.¹¹³, причем в начале 1930-х гг. существенно усугубилась¹¹⁴. Комиссия содействия ученым при СНК СССР в условиях крайне ограниченных валютных средств, выделяемых на закупку иностранной литературы и оборудования, старалась удовлетворить индивидуальные потребности научных работников, чего не делали библиотеки, выписывавшие зарубежную литературу, но не имевшие возможности обеспечить научного работника изданиями по отдельным узкоспециализированным темам¹¹⁵. К середине 1930-х гг., однако, принципы работы КСУ изменились в соответствии с приоритетами государства, специальным постановлением СНК СССР КСУ было предложено «ограничить круг обслуживаемых ею ученых крупнейшими и видными учеными страны для наиболее полного и всестороннего содействия их работе»¹¹⁶. Остальные ученые должны были искать содействия отделов научно-исследовательской работы своих отраслевых ведомств¹¹⁷. При этом Комиссия содействия ученым по собственной инициативе запрашивала научных работников по поводу необходимого импортного лабораторного оборудования и иностранной литературы,

---

¹¹¹Посадсков А.Л. Советская научная элита 1930-х годов под патронатом Комиссии содействия ученым при Совнаркоме СССР: быт, охрана здоровья, международные книжные связи (1934—1937) // Научный диалог. 2019. №11. С. 433—443.

¹¹²ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 2. Л. 128.

¹¹³ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 5. Л. 53—55.

¹¹⁴ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 645. Л. 7, 8, 9, 44.

¹¹⁵ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 645. Л. 44.

¹¹⁶ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 645. Л. 94.

¹¹⁷ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 737. Л. 11.

отсутствие которых мешает их научной работе¹¹⁸. Важной частью работы КСУ были переводы иностранной научной литературы, а также перевод работ советских ученых на иностранные языки для публикации в научных журналах, чтобы обеспечить советским ученым возможность «постоянно внимательно следить за всеми течениями в иностранной научной мысли. Вся переводная работа преследовала цели оказания помощи советским ученым в установлении и поддержании научных связей и общения с иностранными учеными и достижениями иностранной науки»¹¹⁹.

Более или менее разрешить проблему доступа к иностранной научной литературе удастся только с организацией советской системы научно-технической информации. Обеспечение же импортным оборудованием потребовало принятия специального постановления СНК СССР от 1 июня 1934 г. № 696 (о выписке для ученых Союза из заграницы оборудования и точных приборов). При этом выписка аппаратуры и реактивов осуществлялась КСУ на основе исключительно строгого отбора. Удовлетворялись лишь заявки ученых, занятых разрешением важнейших проблем, связанных с социалистическим строительством¹²⁰.

Следующей формой международного научного сотрудничества стала публикация научных трудов советских ученых за рубежом. Здесь государство также видело необходимость оказывать содействие: Комиссия по содействию работам Академии Наук одной из задач ставила распространение советских научных книг на заграничном книжном рынке¹²¹, для чего предлагала для своевременного ознакомления научных кругов заграницы с научными достижениями СССР осуществлять посылку «чистых листов» (окончательных корректур) научных материалов СССР в редакции научных заграничных журналов, заявивших о своем желании помещать рефераты о научных работах СССР¹²². Аналогичную деятельность вела и КСУ, причем КСУ сама принимала решение об издании перечней трудов ведущих ученых за рубежом и информировала их об этом¹²³. Для информирования западной научной общественности о деятельности советских ученых АН СССР

---

¹¹⁸ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 420. Л. 27.

¹¹⁹ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 682. Л. 8.

¹²⁰ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 420. Л. 1а; Д. 737. Л. 11.

¹²¹ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 2.

¹²²ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 5. Л. 80.

¹²³ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 423. Л. 5.

планировала издание справочников научных учреждений и ученых СССР, причем считала это делом первостепенной важности и срочности¹²⁴.

Еще одной формой международного научно-технического сотрудничества было участие советских ученых в деятельности международных научных обществ. Здесь, как и в первом периоде, оставалась проблема своевременной уплаты членских взносов, что позволяло советским ученым помещать свои труды в изданиях общества и за счет незначительной дополнительной платы получать все издания общества¹²⁵. КСУ, на которую возлагалась роль посредника во внесении членских взносов¹²⁶, отмечала, что «вопрос приоритета того или иного открытия, как известно, в науке играет важную роль, в особенности, если это открытие будет обнародовано на страницах крупного по значению журнала. Право опубликования своих трудов на страницах журналов международных научных обществ вместе с тем дает возможность широкого общения ученого с учеными других стран»¹²⁷. КСУ подчеркивала, что «положительный эффект этого вида содействия со стороны Комиссии сказывается не только в многочисленных письменных и устных отзывах самих ученых, но и в результате их работы»¹²⁸. С ограничением выделяемых средств КСУ должна была также ограничить круг тех научных работников, которым оказывалось содействие в уплате членских взносов, сохранив его даже в пределах персонально обслуживаемого круга ученых только для состоящих в данном обществе уже в течение нескольких лет, т.е. имеющих с ним прочную деловую связь¹²⁹. С изменением политической обстановки в Европе вопрос членства в зарубежных научных обществах получил совершенно другую окраску. В 1935 г. КСУ указывала, что «ввиду создавшихся политических условий вопрос о дальнейшем поддержании связи с германскими научными обществами, в частности, с научно-техническими объединениями, носящими профессиональный характер, нуждается в специальном разрешении»¹³⁰. В дальнейшем на Сектор научно-

---

¹²⁴ Протокол № 2 заседания комиссии СНК СССР по содействию работам АН СССР, 16 мая 1926 г. / ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 5. Л. 148.

¹²⁵ ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 682. Л. 5.

¹²⁶ ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 785. Л. 2, 5-8, 47, 54, 62, 64-67, 76, 84, 85, 101, 107, 108, 111, 128, 129, 144, 169.

¹²⁷ ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 682. Л. 6-7.

¹²⁸ ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 682. Л. 6.

¹²⁹ ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 785. Л. 191, 253.

¹³⁰ ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 682. Л. 7.

исследовательской работы КСУ была задача провести соответствующие проверки иностранных научных обществ с целью оценки возможности для советских ученых сохранять в них свое членство. Для этого КСУ неоднократно обращалась в органы иностранных дел за материалами о германских научных обществах, а также к крупным ученым – старейшим членам германских научных обществ с просьбой снестись с обществами за получением уставов и пр. Кроме того, КСУ осуществляла подбор материалов о германских и французских обществах по журналам обществ, запрашивала ученых о деятельности иностранных научных обществ (об их составе, устав и т.п.), выписывала справочники, просматривала библиографию «всего, что выходит на западно-европейском рынке, связанное с научными ассоциациями, обществами, союзами и т.д.»¹³¹. КСУ следила за публикациями советских ученых-членов иностранных научных обществ в иностранных научных изданиях и вела учет таких публикаций.

В определенной степени политический характер приобрело и членство СССР в межгосударственных научных организациях. Так, СССР категорически отказывался иметь дело с международными научными объединениями, аффилированными с Лигой Наций¹³². При этом СССР очень положительно относился к членству в тех международных научных объединениях, в работе которых он видел перспективы использования результатов исследований для целей развития народного хозяйства (например, Международное общество исследования Арктики с помощью воздушного флота).

Также традиционной формой международного научного сотрудничества оставалось участие советских ученых в международных научных конгрессах, конференциях, съездах, форумах и иных мероприятиях. Органы управления наукой советского государства в целом поощряли эту форму и считали ее важной для демонстрации достижений советской науки на мировой арене. Однако каждый раз вопрос о возможности участия в том или ином мероприятии требовал их согласия. Согласованию подлежали персональный состав советской делегации (или отдельные докладчики, если делегация не формировалась), общее направление докладов и конкретные темы выступлений. Участие в любом международном научном мероприятии должно было

---

¹³¹Отчет о работе сектора научно-исследовательской работе за II квартал 1937 г. / ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 793. Л. 9; План работы сектора научно-исследовательской работе на I квартал 1937 г. / ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 793. Л. 21;

¹³²ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 5. Л. 155, 157.

служить целям демонстрации достижений советской науки, социализма в целом, а также ознакомления советских ученых с опытом работы иностранных коллег¹³³.

Следующей широко распространенной формой международного научно-технического сотрудничества в этот период становится созыв международных научных конференций, съездов, конгрессов и т.п. научно-организационных мероприятий. СССР достаточно активно созывает подобные мероприятия на своей территории, используя эту возможность не только для развития научного сотрудничества с иностранными учеными, но и для демонстрации им достижений социализма и советской науки¹³⁴.

Практиковались также заграничные командировки советских научных работников для участия в работе иностранных научных учреждений. К середине 1920-х гг. командировки научных работников были очень распространены¹³⁵. С конца 1920-х гг. процедура командировки становится более формализованной и требует согласования в особой комиссии¹³⁶. Подведомственные учреждения должны были согласовать командировку с координирующими международное научное сотрудничество органами. Подчеркивалось, что для извлечения из командировки максимальной пользы для дела социалистического строительства необходима предварительная проработка конкретного плана научной работы и установление контакта с заинтересованными учреждениями и организациями, а также детальные доклады командированных об итогах в целях внедрения достижений западной науки и техники. Целью было использование результатов командировки в работе ученого в СССР, чего, однако, далеко не всегда удавалось достичь на практике¹³⁷. Для ознакомления широкого круга советских научных и практических работников результаты заграничных командировок и материалы о мероприятиях по повышению их научной эффективности КСУ отправляла в ЦИТЭИН Техпропа НКТП СССР (первое в СССР учреждение системы научно-технической информации)¹³⁸.

---

¹³³ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 16. Л. 85.

¹³⁴ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 16. Л. 50–51; Д. 18; ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 673. Л. 142.

¹³⁵ Долгова Е.А. Советское научное сообщество в 1918–1934 гг.: социальный, институциональный, публичный аспекты. Дисс... докт. юрид. наук. М., 2019. С. 513.

¹³⁶ Долгова Е.А. Советское научное сообщество в 1918–1934 гг.: социальный, институциональный, публичный аспекты. Дисс... докт. юрид. наук. М., 2019. С. 517–519.

¹³⁷ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 16. Л. 21, 21об, 29.

¹³⁸ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 16. Л. 50–51.

Совместные экспедиции советских и иностранных ученых на территории СССР также практиковались, причем велись достаточно активно и в самых разных отраслях науки¹³⁹. Участие иностранных ученых во всесоюзных научных съездах и экспедициях (по приглашению советской стороны) считалось желательным, имеющим не только научное, но и политическое значение¹⁴⁰.

Работа иностранных ученых в СССР также была весьма разнообразной и не ограничивалась участием в научных экспедициях. В связи с ограничениями на въезд в определенные районы СССР вопрос допуска туда иностранных ученых был специально урегулирован советскими органами управления наукой, установившими специальную процедуру¹⁴¹.

В рассматриваемый период уже существовала практика стипендий для молодых иностранных ученых, выделяемых различными общественными и государственными организациями. Так, в 1927 г. советские органы управления наукой получили предложение Рокфеллеровского фонда направить в фонд на рассмотрение кандидатуры советских молодых ученых для их дальнейшей работы в ведущих иностранных лабораториях и научных учреждениях¹⁴². Советская сторона отнеслась к предложению сугубо положительно, отметив, что прецеденты использования иностранных стипендий (в т.ч. Лиги Наций) молодыми советскими учеными уже были¹⁴³. Получив аналогичное предложение в мае 1930 г. (стипендии Рокфеллеровского фонда по естественным наукам, предназначенные молодым ученым в возрасте до 35 лет, имеющим степень PhD, для работы в Европе и США)¹⁴⁴, советские органы управления наукой посчитали весьма важным учреждение советских стипендий для иностранных ученых¹⁴⁵. В тот период КСУ при СНК СССР располагала исследовательскими стипендиями для приглашения нескольких молодых иностранных ученых на работу в научных учреждениях СССР. Фонд этот предполагалось использовать так, «чтобы молодые, наиболее даровитые иностранные ученые, отобранные специальной комиссией с участием крупнейших ученых СССР и

---

¹³⁹ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 5. Л. 36, 35, 81–82; Д. 6. Л. 98–112; Д. 18.

¹⁴⁰ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 18.

¹⁴¹ Протокол № 2 заседания комиссии СНК СССР по содействию работам АН СССР, 16 мая 1926 г. / ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 5. Л. 162.

¹⁴²ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 3. Л. 199–187.

¹⁴³ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 3. Л. 194–193.

¹⁴⁴ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 16. Л. 11–16.

¹⁴⁵ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 16. Л. 18.

представителей научно-исследовательских учреждений, были командированы для научной работы к определенным научно-исследовательским учреждениям СССР на срок от полугода до года»¹⁴⁶. Для выработки организационных форм учреждения подобного фонда КСУ запросила устав и правила Рокфеллеровской стипендии¹⁴⁷.

Совместные публикации советских и иностранных ученых составляли еще одну форму научного сотрудничества¹⁴⁸. К вопросам принципиального характера Комиссия СНК СССР по содействию работам Академии Наук относила совместное издание имеющих международное значение журналов, специальных монографий и т.п.¹⁴⁹. В планах международной деятельности АН СССР было издание совместно с американскими и германскими учеными международного научного журнала на нескольких языках; организация международной серии изданий. К сожалению, не всем этим планам было суждено осуществиться.

Еще одной формой международного научно-технического сотрудничества, специфичной для данного периода, была иностранная техническая помощь¹⁵⁰. В этой сфере, правда, было множество проблем. Так, проверка сети отраслевых НИИ, проведенная ЦКК ВКП(б) и НКРКИ СССР в 1931 г., показала, что НИИ промышленности не пользуются иностранной технической помощью, в чем состояла серьезнейшая проблема, поскольку связи с иностранными НИИ не было, не налажены были обмен научными сотрудниками, командировки, получение иностранной литературы¹⁵¹. Итоговый акт проверки также указывал как на крупный недостаток на тот факт, что «институты совершенно недостаточно используют опыт научно-исследовательских учреждений передовых капиталистических стран, не имеют с ними почти никакой связи, не привлекают к своей работе иностранных

---

¹⁴⁶ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 16. Л. 19.

¹⁴⁷ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 16. Л. 19.

¹⁴⁸Перечень международных научных работ Академии Наук СССР на 1926 г. Принято Комиссией СНК СССР по содействию работам Академии Наук в заседании от 17 марта 1926 г. Одобрено СНК СССР 7 мая, протокол № 159. / ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 6. Л. 98–112.

¹⁴⁹Протокол № 3 заседания Комиссии СНК СССР по содействию работам АН СССР от 16 декабря 1926 г. / ГА РФ. Ф. Р.-5446. Оп. 37. Д. 5. Л. 149.

¹⁵⁰Шпотов Б.М. Западные источники индустриализации СССР (конец 1920-х – 1930-е гг.). [Электронный ресурс] <http://www.hse.ru/data/792/648/1237/guvshe.pdf>. Дата обращения 23.09.2022.

¹⁵¹ГА РФ. Ф. Р.-374. Оп. 27. Д. 1972. Л. 29.

специалистов, работающих в промышленности, и не используют договоров об иностранно-технической помощи»¹⁵².

Помощь в организации неформальной коммуникации советских и иностранных ученых предложил московский Дом ученых. Предложив свое содействие в международной работе, Дом ученых называл в числе мероприятий, которые могли бы способствовать расширению научных связей, экскурсии по СССР для иностранных ученых, поддержание корреспонденции с ними, курсы иностранных языков для советских научных работников при Доме ученых, организацию встреч и бесед с иностранцами. Дом ученых также обращал внимание на необходимость привлекать в СССР не только ученых из Западной Европы и Америки, но также ученых восточных стран¹⁵³.

Таким образом, на данном этапе складывается специфическая советская система регулирования международного научного сотрудничества, характеризующаяся высокой степенью государственного вмешательства. Сохраняется и расширяется организационная роль государства, которую выполняют специальные органы. Международное сотрудничество советских ученых воспринимается, с одной стороны, как часть реализации ими народно-хозяйственных задач, стоящих перед советской наукой, с другой стороны, как «витрина достижений советской науки». Складываются и закрепляются в практике определенные формы международного научно-технического сотрудничества.

Третий этап – послевоенный. Период также характеризуется сложной внешнеполитической обстановкой (Холодная война), и именно в этот период советская наука делает качественный скачок в своем развитии. По-прежнему остро (особенно в начале периода) стоит проблема обмена научно-технической информацией. В условиях конкуренции двух систем Советский Союз активно развивает научно-техническое сотрудничество с социалистическими и капиталистическими странами. Особенно активно развивается научно-техническое сотрудничество с соцстранами в рамках СЭВ.

На этом этапе складывается стройная система органов (Государственный комитет Совета Министров СССР по внедрению передовой техники в народное хозяйство (1948–1951)– Государственный комитет

---

¹⁵²Постановление Президиума ЦКК ВКП(б) и Коллегии НК РКИ СССР (Приложение № 2 к протоколу объединенного заседания Президиума ЦКК ВКП(б) и Коллегии НК РКИ СССР от 23 сентября 1931 г. (пр. № 55, п. 2) /ГА РФ. Ф. Р-374. Оп. 27. Д. 1972. Л. 29.

¹⁵³ГА РФ. Ф. Р.-4737. Оп. 1. Д. 682. Л. 75-76об.

Совета Министров СССР по новой технике (1955–1957)– Государственный научно-технический комитет Совета Министров СССР (с 1961 г. – Государственный комитет Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ, с 1965 г. – Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике, а с 1978 г. и до 1991 г. – Государственный комитет СССР по науке и технике (ГНТК СССР)), аналогичные государственные комитеты на уровне союзных республик. Организация международного научного сотрудничества была возложена на специализированный орган и сконцентрирована в его руках: осуществление связей с зарубежными странами по вопросам научно-технического сотрудничества было отнесено к числу главных задач ГНТК.

Складывается нормативно-правовая база регулирования советским государством международного научно-технического сотрудничества (в основном включающая подзаконные акты). Составляя комплексную отрасль законодательства, советское законодательство о научно-техническом прогрессе в этот период получает конституционно-правовое закрепление своих основ в Конституции СССР 1977 г. и принятых на ее основе конституциях союзных республик. В итоговый текст Конституции СССР 1977 г. среди задач советского государства в сфере развития науки было включено и международное научно-техническое сотрудничество как полномочие союзного органа власти – Совета Министров СССР (п. 6 ст. 131 Конституции).

В советской юридической науке изучение правовых основ организации науки начинается в конце 1950-х гг.¹⁵⁴ и активно развивается на протяжении последующих десятилетий. К началу 1970-х гг. был наработан значительный объем исследований. Можно говорить о формировании в этот период советского научного права. Советские правоведы выделяют его предмет, метод, систему¹⁵⁵. Советские исследователи научного права выделяют в нем специальный раздел – регулирование международного научного сотрудничества, соответствующий одному из важных направлений деятельности советского государства

---

¹⁵⁴Федькин Г.И. Содержание и правовые формы деятельности Советского государства в области организации научной работы. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук – М., 1959.

¹⁵⁵Дозорцев В.А. Законодательство о научно-техническом прогрессе. М.: Юрид.лит, 1978. С. 162–168; Организационно-правовые вопросы руководства наукой в СССР / Ред. М.И. Пискотин, В.А. Рассудовский, М.П. Ринг – М.: Наука, 1973. С. 23–42; Рассудовский В.А. Государственная организация науки в СССР (правовые вопросы). – М.: Юрид.лит, 1971. С. 12–13.

в сфере развития науки¹⁵⁶. Ряд работ советских исследователей был специально посвящен различным аспектам правового регулирования международного научного сотрудничества СССР с социалистическими и капиталистическими странами¹⁵⁷. Изучается также опыт

---

¹⁵⁶Маевский С.А. Государственное руководство развитием науки и техники в СССР. – М.: Знание, 1977. С. 58–61; Рассудовский В.А. Государственная организация науки в СССР (правовые вопросы). – М.: Юрид.лит, 1971. С. 20.

¹⁵⁷Богуславский М.М. Правовые вопросы научно-технической интеграции стран – членов СЭВ // Советское государство и право. – М.: Наука, 1977, № 9. – С. 117–124; Фомин В.В. Развитие научно-технической интеграции стран – членов СЭВ // Советский ежегодник международного права, 1974. – М.: Наука, 1976. – С. 297–301; Кунц О. Сотрудничество ведомств и организаций социалистических стран в научно-технической области // Межведомственные связи в условиях социалистической экономической интеграции. Правовой аспект. – М.: Юрид. лит., 1973. – С. 134–147; Мазов В.А. Научно-технический прогресс, сотрудничество государств и принципы общеевропейского совещания // Международно – правовые формы сотрудничества государств в Европе. – М.: Междунар. отношения, 1977. – С. 74–103; Правовые вопросы международного экономического и научно-технического сотрудничества / Редкол.: Богуславский М.М., Рубанов А.А., Усенко Е.Т. – М.: Изд – во ИГиП АН СССР, 1979; Правовые формы научно-технического и промышленно – экономического сотрудничества СССР с капиталистическими странами / Альтшулер А.Б., Белов А.П., Богуславский М.М., Быков А.Г., и др.; Отв. ред.: Богуславский М.М. – М.: Наука, 1980; Ануфриева Л.Н. Механизм правового регулирования научно-технического сотрудничества стран – членов СЭВ в процессе социалистической экономической интеграции // Советское государство и право. – М.: Наука. 1986. № 1. – С. 106–113; Брагинский М., Трахтенгерц Л. Совершенствование правовых форм научно-технического сотрудничества советских организаций с организациями стран – членов СЭВ // Хозяйство и право. – М., 1986, № 11. – С. 61–65; Лисицын-Светланов А.Г. Правовая природа контрактов в области международного научно-технического сотрудничества // Вопросы международного права. – М.: Изд – во ИГиП АН СССР, 1976. – С. 65–72; Богуславский М.М. Правовые вопросы научно-технического сотрудничества стран – членов СЭВ // XX ежегодное собрание Советской ассоциации международного права 1, 2, 3 февраля 1977 г.. Тезисы докладов. – М., 1977. – С. 19–22; Ануфриева Л.П. Международно – правовые принципы научно-технического сотрудничества государств // Международно – правовые основы межгосударственного сотрудничества. – М.: Изд – во ИГиП АН СССР, 1983. – С. 45–53; Трахтенгерц Л.А. Новое в правовом регулировании научно-технического сотрудничества стран – членов СЭВ // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. – М.: Изд – во ВНИИСЗ, 1986, Вып. 34. – С. 147–161; Братусь С.Н. Арбитраж и международное экономическое сотрудничество в области промышленного и научно-технического развития // Сборник материалов IV международного конгресса по арбитражу (3 – 6 октября 1972 г., Москва). – М., 1974. – С. 70–87; Борисов К.Г. К вопросу о регулировании научно-технического сотрудничества в современном международном праве // Советский ежегодник международного права, 1966–1967. – М.: Наука, 1968. – С. 224–228; Богуславский М.М. Правовые вопросы научно-технического сотрудничества стран – членов СЭВ // Советский ежегодник международного права, 1976. – М.: Наука, 1978. – С. 30–44; Хватов В.Я. Координационные органы – важная форма научно-технического

зарубежных стран в организации науки, хотя эта тема интересовала в большей степени представителей экономической науки¹⁵⁸.

сотрудничества социалистических стран // Советский ежегодник международного права, 1976. – М.: Наука, 1978. – С. 103–109; Правовые формы научно-технического и промышленно-экономического сотрудничества СССР с капиталистическими странами/ Отв. ред. М.М. Богуславский. – М.: Наука, 1980; Кнюпфер В. Осуществление государственного суверенитета в условиях интенсификации экономического и научно-технического сотрудничества стран – членов СЭВ // Социалистическая экономическая интеграция и государственный суверенитет. Правовые аспекты. – М.: Изд – во ИГиП АН СССР, 1987. – С. 24–34; Богуславский М.М. Правовые аспекты промышленного и научно-технического сотрудничества СССР и ФРГ // СССР – ФРГ: правовые аспекты внутренних и двусторонних хозяйственных отношений. – М.: Изд – во ИГиП АН СССР, 1980. – С. 76–86; Сергиенко Л.А. Консультативная деятельность в условиях научно-технического прогресса // СССР – ГДР: компетенция органов государственного управления. – М.: Изд – во ИГиП АН СССР. 1984. – С. 68–73; Якубовский Ю.В. Новая организационно – правовая форма научно-технического сотрудничества стран – членов СЭВ // Проблемы правоведения. Республиканский межведомственный научный сборник. – Киев: Вища шк. 1988. Вып. 49. – С. 77–81; Якубовский Ю.В. Развитие отраслевых правовых принципов научно-технического сотрудничества стран – членов СЭВ // Проблемы правоведения. Республиканский межведомственный научный сборник. – Киев: Вища шк. Изд – во при Киев. ун – те, 1987, Вып. 48. – С. 69–74; Чекурова Н.Н. Проблемы управления и планирования научно-технического прогресса в странах – членах СЭВ // Сборник научных трудов ВЮЗИ. Правовые и экономические проблемы совершенствования управления в современных условиях. – М.: РИО ВЮЗИ, 1988. – С. 41–55; Быковский Л.Г. Международно-правовое регулирование научно-технического сотрудничества стран – членов СЭВ. Дис. ... канд. юрид. Наук. – М., 1985; Балдин Л.В. Совет Экономической Взаимопомощи: дальнейшее развитие и углубление экономического и научно-технического сотрудничества // Дипломатический вестник: Год 1985. – М.: Междунар. отношения, 1986. – С. 65–70; Лисицын – Светланов А.Г. Рассмотрение споров по контрактам в области международного промышленного и научно-технического сотрудничества. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1977; Лисицын-Светланов А.Г. Арбитраж при осуществлении промышленного и научно-технического сотрудничества // СССР – ФРГ: правовые аспекты внутренних и двусторонних хозяйственных отношений: Сборник / Академия наук СССР. Институт государства и права; Ред.: Т.Е. Абова, М.М. Богуславский, В.В. Лаптев и др. – М.: ИГПАН, 1980; Лисицын-Светланов А.Г. Правовые вопросы научно-технической и производственной кооперации // СССР — ФРГ: правовые вопросы экономического и научно-технического сотрудничества: Сборник / Торгово-промышленная палата СССР; Ред: Богуславский М. М., Городисский М. Л., Лаптев В.В. – М.: 1985.

¹⁵⁸ США: государственное воздействие на научно-технический прогресс / Лебедева Е.А.; Отв. ред.: Аникин А.В. – М.: Наука, 1972; Коронкевич Е.Е. Государственное стимулирование научно-технического прогресса в США. Дис. ... канд. экон. наук.– Л., 1988; Осипов Ю.К. Роль научно-технического фактора во внешнеэкономической экспансии США. Дис. ... канд. экон. наук. – М., 1984; Бергман З., Остерланд Р. ГДР. Совершенствование правового регулирования вопросов научно-технического прогресса // Хозяйство и право. – М., 1985, № 10. – С. 77–80; Цанев С. НРБ. Курсом научно-технического прогресса // Хозяйство и право. – М., 1985, № 9. – С. 70–72.

В 1960-е – 1970-е гг. правовые аспекты регулирования международного научно-технического сотрудничества становятся предметом самостоятельных юридических научных исследований. Так, в 1970 г. был создан Научный Совет по комплексной проблеме «Экономические, правовые и организационные основы научно-технического сотрудничества СССР с зарубежными странами»¹⁵⁹, включавший как советских научных работников, так и представителей стран СЭВ. В план работы Договорно-правовой секции Научного Совета включалась выработка проектов внутренних документов, регламентирующих порядок осуществления научно-технического сотрудничества, разработка правовых вопросов обмена научно-техническими результатами (включая патентно-лицензионные вопросы), дача заключений по проектам договоров в области научно-технического сотрудничества (в том числе о научно-технической кооперации), разработка правовых вопросов создания и деятельности международных (межгосударственных научно-технических организаций), правовых вопросов создания и деятельности совместных научно-технических организаций и коллективов, дача заключений по проектам соглашений о правовой охране изобретений при осуществлении научно-технического сотрудничества с социалистическими странами, дача заключений по проектам документов, оформляющих создание совместных научно-координационных центров стран-членов СЭВ и создание странами-членами СЭВ совместных научно-производственных объединений, разработка правовых вопросов использования научно-технических результатов, передаваемых за плату организациям социалистических стран и вопросов использования совместных научно-технических результатов, разработка условий длительного пребывания специалистов стран-членов СЭВ для проведения совместных работ¹⁶⁰. В рамках реализации этих направлений деятельности Договорно-правовая секция Научного Совета выработала проекты положений по созданию заинтересованными странами-членами СЭВ международных научно-технических организаций, лабораторий и временных коллективов¹⁶¹, положений по созданию заинтересованными странами-членами СЭВ международных научно-производственных объединений¹⁶², предложения о порядке передачи научно-технических результатов между заинтересованными странами

---

¹⁵⁹ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 1195а.

¹⁶⁰ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 1195а. Л. 101–103.

¹⁶¹ РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 1195а. Л. 1–13.

¹⁶² РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 1195а. Л. 1, 14–22.

СЭВ¹⁶³, соображения о более полном использовании результатов научных и технических исследований при проведении специализации и кооперирования производства¹⁶⁴, предложения к мероприятиям по повышению эффективности и углублению координации научных и технических исследований, включая вопросы улучшения организации непосредственных связей между научно-исследовательскими и проектно-конструкторскими организациями стран-членов СЭВ¹⁶⁵, рекомендации по примерному содержанию соглашений, договоров и контрактов, заключаемых при проведении исследований путем кооперирования¹⁶⁶, проект постановления Исполнительного Комитета СЭВ об организационных, экономических и правовых основах научно-технического сотрудничества¹⁶⁷, проект основных положений о функциях, задачах, правах и обязанностях координационных центров в области научно-технического сотрудничества¹⁶⁸, а также проекты двусторонних соглашений по отдельным вопросам научно-технического сотрудничества между СССР и странами СЭВ. Был разработан и проект организационно-методического документа, определяющего организационные, экономические и правовые основы научно-технического сотрудничества стран-членов СЭВ и деятельность органов СЭВ в этой области¹⁶⁹, а также проект организационных и методологических принципов сотрудничества стран-членов СЭВ в области научно-технического прогнозирования¹⁷⁰. Была разработана универсальная терминология: составлен перечень понятий, связанных с научно-техническим сотрудничеством стран-членов СЭВ¹⁷¹.

Таким образом, в этот период в рамках СЭВ складывались совершенно новые формы международного научно-технического сотрудничества (совместные научно-координационные центры; совместные научно-технические организации, лаборатории и временные коллективы; проведение совместных исследований путем кооперирования; международные научно-производственные объединения; обмен научно-техническими результатами). Советской стороной с

---

¹⁶³РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 1195а. Л. 33-34об.

¹⁶⁴РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 1195а. Л. 35-35об.

¹⁶⁵РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 1195а. Л. 36-39.

¹⁶⁶РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 1195а. Л. 51, 56-60.

¹⁶⁷РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 1195а. Л. 54-55.

¹⁶⁸РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 1195а. Л. 61-63.

¹⁶⁹РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 1195а. Л. 104-149.

¹⁷⁰РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 1195а. Л. 150-156.

¹⁷¹РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 1195а. Л. 220-226.

привлечением представителей стран-членов СЭВ разрабатывалась научная база создания организационно-правовых основ такого сотрудничества.

Международное научное сотрудничество с зарубежными странами в этот период осуществлялось и в традиционных формах участия в работе международных научно-организационных мероприятий, научных обществ, заграникомандировок и т.д. Кроме того, советские отраслевые научные учреждения активно исследовали зарубежный опыт организации научно-исследовательской деятельности¹⁷². На основе изученного зарубежного опыта давались рекомендации по организации научно-исследовательских работ советских научных учреждений.

1.5. О некоторых современных тенденциях научной деятельности, проблемах ее правового регулирования и оценки

Регулирование научной деятельности подразумевает, помимо всего прочего, некоторую фиксацию категориального аппарата изучаемого феномена, выявление его составляющих, правовых рамок и отслеживание современных тенденций развития. Не представляется

---

¹⁷² Например, ВНИИ медицинской и медико-технической информации Минздрава СССР провел целый ряд работ по своему профилю: Отчет по теме №1и (подтема №7) «Основные принципы и организационные формы информационной работы в США по вопросам статистики здоровья и здравоохранения» (1973 год) / РГАНТД. Ф. 77. ОП. 2НД. Д. 7,8; Отчет по теме № 3 (подтема 10) «Важнейшие научные медицинские и онкологические центры США и некоторых других стран мира», 1973 г. / РГАНТД. Ф. 77. ОП. 2НД. 10; Отчет по теме 14 (подтема 1) «Служба информации (в том числе научно-медицинской информации) в Великобритании, 1973 г. / РГАНТД. Ф. 77. ОП. 2НД. 14; Отчет по теме № 4 «Современные направления научных исследований в области изыскания и применения психофармакологических препаратов в США и других странах мира», 1974 г. РГАНТД. Ф. 77. ОП. 2 НД. 22; Отчет по теме № 15 «Основные научные центры и современные направления исследования в области заболеваний сердечно-сосудистой системы и сосудистой патологии мозга за рубежом» 1974 г. / РГАНТД. Ф. 77. ОП. 2НД. 27; Отчет по теме № 8 «Основные направления деятельности важнейших медицинских центров капиталистических стран», 1975 г. / РГАНТД. Ф. 77. ОП. 2НД. 37; Отчет по теме № 10 «Основные направления научных исследований в области онкологии за рубежом» 1975 г. / РГАНТД. Ф. 77. ОП. 2НД. 39; Отчет по теме № 11 «Основные направления научных исследований по лекарствоведению и состоянию информации в этой области в ведущих капиталистических странах» 1975 г (январь 1974 – декабрь 1975 гг.) / РГАНТД. Ф. 77. ОП. 2НД. 40; Отчет по теме № 12 «Основные тенденции развития медицинской науки в США и проблемы эффективности сотрудничества СССР в области медицинской науки и здравоохранения», 1975 г. / РГАНТД. Ф. 77. ОП. 2НД. 41.

возможным полноценно регулировать деятельность, четко не зафиксированную в международных и национальных нормативных правовых актах, не имеющую определенной типологии и не обладающую широкой распространения в обществе, а также положительной динамикой развития.

В большинстве своем научная деятельность идет в увязке с научно-технической (синонимично научно-технологической деятельностью). Вместе с тем, следует отметить, что на текущий момент имеется возможность разграничивать научную и научно-техническую деятельность, несмотря на наличие причинно-следственных связей и довольно сильную интеграцию между ними.

Так, доктор экономических наук, профессор Плетнёв К.И. считает основаниями для дифференциации данных терминов – цель осуществления и характер результатов. Под научной деятельностью профессор понимает деятельность, направленную на «получение ранее неизвестных знаний», итогом которой выступает не материальный, а *информационный* продукт¹⁷³. В свою очередь, целью научно-технической деятельности является «создание на их [знаний, полученных в результате осуществления научной деятельности] основе новой техники, технологий и т.д.»¹⁷³. Следует отметить, что результаты научно-технической деятельности обладают вполне овеществленной формой либо «способны приводить к таковой в случае их практического использования»¹⁷³.

Помимо всего прочего, широко распространены ситуации, когда для научной деятельности не ограничиваются области возможного применения в будущем, новое знание (открытие) может стать базой для следующих «поколений нового знания, которые, в свою очередь, приведут к приросту уникальных, ранее неизвестных как чисто научных, так и научно-технических результатов»¹⁷⁴, оптимизации существующих научно-технических разработок. В этом ключе научно-техническая деятельность рассматривается как более практикоориентированная, ее «инициирующей силой служит потребность решения конкретных практических задач»¹⁷⁴.

В данном контексте целесообразным будет также упомянуть инновационную деятельность триады «научная деятельность – научно-

---

¹⁷³Плетнёв, К. И. Научно-техническая сфера России: проблемы и перспективы / К. И. Плетнёв. – М.: Наука, 2011. – 272 с.

¹⁷⁴ Инновационный тип развития экономики : Учебник / [Архангельский В. В., Архангельский В. Н., Иванов В. В. и др.] под общ.ред. А. Н. Фоломёва. – М.: Экономика, 2013. – 562 с.

техническая деятельность – инновационная деятельность». Инновационная деятельность трактуется учеными как «процесс, обеспечивающий использование результатов законченных разработок или иных достижений научно-технической деятельности в новом или усовершенствованном продукте, реализуемом на рынке, в новом или усовершенствованном технологическом процессе, применяемом в практической деятельности, а также обусловленные этим дополнительные исследования и разработки»¹⁷³.

Таким образом, идет речь о существовании платежеспособной потребности в данном продукте на рынке. Коммерциализируя научно-технические разработки, представленные в виде товаров или услуг, компании рассчитывают на усиление коммерческого эффекта в виде прибыли и наращении чистых финансовых активов¹⁷⁵.

Подтверждает вышеназванный факт и доктор философских наук, профессор Семёнов Е.В.¹⁷⁶. Ученый представляет авторскую дефиницию термина «наука» как «особого вида и особой сферы интеллектуального производства, связанного с генерированием, проверкой и систематизацией объективного знания о действительности»¹⁷⁷. Ученый также подчеркивает неразрывность трех составляющих, определяя следующую логическую последовательность: «процесс генерирования знаний продолжается в процессе воплощения (опредмечивания) знаний в технике, а также в процессе их воплощения в технологиях, т.е. в целом в средствах и способах деятельности, которые, в свою очередь, сопряжены друг с другом»¹⁷⁷.

Учитывая тот факт, что в научной и научно-технической сфере правовое регулирование осуществляется во многом «через принятие (издание) актов законодательства и других правовых актов» по

---

¹⁷⁵ Казарина, Н. В. Влияние сетевых процессов современной экономики на международное научно-техническое сотрудничество / Н. В. Казарина // Новости науки и технологий. – 2018. – № 3(46). – С. 19-28

¹⁷⁶ Казарина, Н. В. Международное научно-техническое сотрудничество: терминологический анализ / Н. В. Казарина // Журнал международного права и международных отношений. – 2018. – № 1-2. – С. 90-101

¹⁷⁷ Семёнов, Е. В. Научно-технологическая сфера (сфера НИОКТР): способы представления объекта [Электронный ресурс] / Е. В. Семёнов // Наука. Инновации. Образование. – 2013. – №14. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-tehnologicheskaya-sfera-sfera-nioktr-sposoby-predstavleniya-obekta>. – Дата доступа : 13.03.2018

различным профильным направлениям¹⁷⁸, представим примеры зафиксированных правовых рамок в законодательной базе СНГ (в качестве примера возьмем Постановление Межпарламентской Ассамблеи Государств – Участников Содружества Независимых Государств и Закон Республики Беларусь «О научной деятельности») (таблица 1).

Следует отметить, что научная деятельность в силу усложняющихся взаимодействий на мировой арене, а также усиления интернационализации мировой экономики осуществляется на разных иерархических уровнях, что затрудняет ее регулирование исключительно посредством правовых актов и подтверждает необходимость изучения в том числе в международном аспекте. Среди уровней взаимодействия можно выделить межгосударственный, региональный и национальный. При этом целесообразным видится разделение национального уровня на уровень организаций (институциональный) и индивидуальный уровень (взаимодействие отдельных ученых и исследователей)¹⁷⁹. Субъектами при этом могут выступать, наряду с международными организациями, отдельные физические лица, научные диаспоры, бизнес-единицы, международные соавторские сети и т.д.

При этом к научной деятельности как составляющей научно-технической деятельности и научному сотрудничеству (в том числе и на международной арене), входящему в состав научно-технического сотрудничества, применим двойственный подход, а именно: изучение вопроса в двух плоскостях – как договорно-правовое взаимодействие в сфере науки, техники и технологий и организационно-правовое взаимодействие в сфере науки, техники и технологий (рисунок 1)¹⁷⁹.

Следует отметить, что договорно-правовое взаимодействие делает акцент на распространении многосторонних и двусторонних договоров, различающихся по ряду критериев, таких как круг участников, предмет соглашения и т.д. (таблица 2). В свою очередь, многосторонние договоры подразделяются на универсальные договоры, охватывающие подавляющее большинство стран мира, и региональные, ограничивающиеся определенным географическим регионом¹⁸⁰.

---

¹⁷⁸ Правовое регулирование научной, научно-технической и инновационной деятельности в Республике Беларусь / под ред. А. Г. Шумилина. – Минск: ГУ «БЕЛИСА», 2017. – 146 с.

¹⁷⁹ Казарина, Н. В. Отдельные вопросы правового регулирования международного научно-технического сотрудничества в условиях современной экономики / Н. В. Казарина // Российско-Азиатский правовой журнал. – 2019. – № 2. – С. 56-60.

¹⁸⁰ Курс международного права. В 7 томах. Т. 7. Международно-правовые формы интеграционных процессов в современном мире / М.П. Бардина, С.А. Войтович, Ю.М. Колосов и др. – М.: Наука, 1993. – 328 с.

Таблица 1 – Трактовка понятий «научная деятельность»
и «результаты научной деятельности»

Источник	Определение	К результатам научной деятельности относятся
Закон Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-ХІІІ «О научной деятельности», с изм. (доп.), внесенными Законом от 04 января 2021 № 74-З	научная деятельность – творческая деятельность, направленная на получение новых знаний о природе, человеке, обществе, искусственно созданных объектах и на использование научных знаний для разработки новых способов их применения	- новые знания, полученные теоретически или экспериментально и (или) изложенные в любой форме либо зафиксированные на любых материальных носителях информации, допускающих их воспроизведение и (или) практическое использование; - экспериментальные (лабораторные) образцы объектов и процессы, созданные на основе новых знаний, а также документация на эти объекты и процессы
Постановление Межпарламентской Ассамблеи Государств – Участников Содружества Независимых Государств от 18 апреля 2014 г. № 40-7 «О Законодательных основах Концепции устойчивого и безопасного развития государств – участников МПА СНГ в области образования и науки», г. Санкт-Петербург	научная (научно-исследовательская, научно-техническая, научно-методическая) деятельность – осуществляемая в форме научных исследований и направленная на выработку, теоретическую систематизацию и уточнение объективных знаний о мире в целях их практического применения	<i>научный результат</i> – оформленный результат научной деятельности (частично или полностью завершенных научных исследований), содержащий новые объективные знания или решения и зафиксированный на любом информационном носителе

Если затрагивать вопрос организационно-правового (институционального) взаимодействия, то на международном уровне оно обладает четкой иерархией. Более высокий уровень закреплен за международными организациями, более низкий – за программами в рамках созданных международных организаций (рисунок 1).

При этом, по определению Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС), международная неправительственная организация трактуется как любая организация, которая не учреждена межправительственным соглашением (Резолюция 288 (X) от 27 февраля 1950 года), включая организации, которые принимают членов, назначенных государственными органами, при условии, что такое членство не препятствует свободному выражению взглядов организаций» (Резолюция 1296 (XLIV) от 25 июня 1968 года)¹⁸¹. Как пример – *международные неправительственные (научные) организации*, членами которых могут быть научные институты или отдельные ученые (Международный совет по науке).

В свою очередь, в качестве примеров международных межправительственных организаций, устав которых предусматривает изучение вопросов в сфере науки, техники и технологий, создание соответствующих информационных систем, баз данных и формирование рекомендаций, необходимых государствам для разработки национальной научно-технической политики, являются «ООН (реализующая цели научно-технического развития через отдельные программы), ЮНЕСКО, ЮНИДО, ОЭСР и др.»¹⁸².

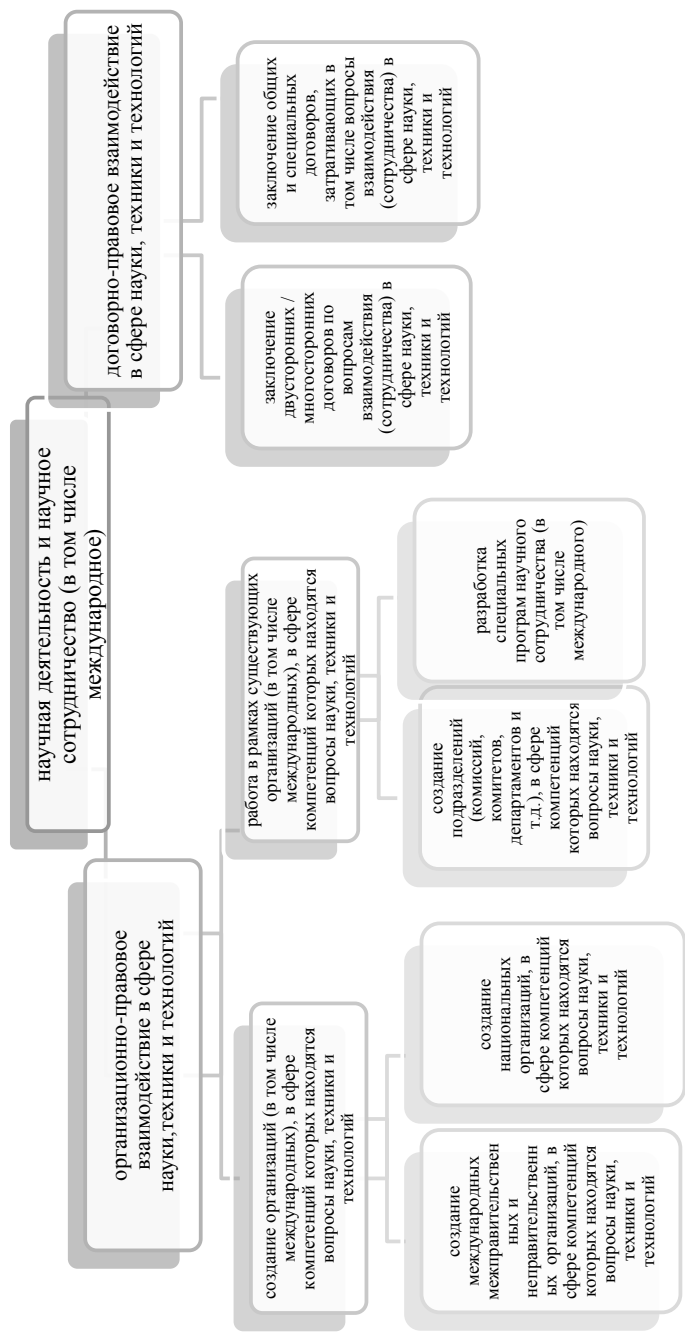
Следует, однако, отметить, что не все отношения, возникающие по поводу научной деятельности, могут быть охвачены правовым аспектом. Взаимодействие ученых различных государств, выражающееся в конечном итоге в совместных проектах, соавторских публикациях и т.д., в своей основе ориентированы на сложившиеся личные контакты и устойчивость коммуникации в длительном периоде времени более, чем на договорах о сотрудничестве¹⁷⁹.

---

¹⁸¹ What is an international non-governmental organization (INGO) [Electronic resource] / Union of international associations.– Mode of access : <https://uia.org/faq/yb4>. – Date of access : 20.10.2017

¹⁸² Международное научно-техническое сотрудничество Российской Федерации: краткий обзор и вопросы развития [Электронный ресурс] / Российский Совет по международным делам. – Москва, 2014. – Режим доступа : http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Report_Russia_ISTC.pdf. – Дата доступа : 03.04.2016

Рисунок 1 – Регулирование научной деятельности

Источник: составлено автором

Таблица 2 – Классификация договоров в рамках договорно-правового взаимодействия

Основание для классификации	Виды
Круг участников	Многосторонние договоры: Универсальные (общие) Региональные (партикулярные) Двусторонние (локальные) Иные виды договоров
Предмет соглашения	Общие Специальные (узкие)

Источник: составлено автором на основе 180

Иным вопросом на повестке дня является управление научной деятельностью. Один из учредителей всемирно известной компании Hewlett-PackardУ. Хьюлеттутверждал «Нельзя управлять тем, что невозможно измерить», гуру менеджмента Питер Друкер подтверждал этот в ряде случаев неоспоримый факт «Что можно измерить, тем можно управлять»¹⁸³. Следовательно, проблема может углубляться не просто определением дефиниции, места и роли научной деятельности в социуме, но и определением нужд и целей исследования (относится ли изучаемый объект и предмет квопросам статистики, экономики с целью включения в систему национальных счетов либо затрагивает исключительно правовую сферу или психологию (межличностные отношения в рамках сотрудничества в научной деятельности, сети соавторов и т.д.)), а также целесообразностью и допустимостью измерения исследуемого объекта.

Более того, сложности на современном этапе развития общества возникают и в самой оценке научной деятельности. На сегодняшний день оценка научной деятельности зачастую происходит через общие показатели науки, техники и технологийлинейной модели («фундаментальные исследования – прикладные исследования – разработка – производство и распространение»). Будучи несколько устаревшей, данная модель позволяет упрощать анализ изучаемого феномена, а также предоставляет возможности для сопоставления результатов

¹⁸³ Тамбовцев, В. Л. Управление без измерений [Электронный ресурс] / В. Л. Тамбовцев // Пространство экономики. – 2019. – №3. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-bez-izmereniy>. – Дата доступа: 09.03.2021

различных субъектов научной деятельности. Болееактуальными являются Модель тройной спирали и Модель четверной спиралиинноваций¹⁷⁵, требующие более детальной проработки.

К вышеупомянутым общим показателям науки, техники и технологий относятся условно разделенные на 2 группы показатели входа в процесс научной деятельности и показатели выхода. Первые охватывают следующие индикаторы: внутренние затраты на исследования и разработки, в том числе в процентах к валовому внутреннему продукту, численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в том числе в расчете на 10 000 занятых в экономике, основные средства научных исследований и разработок. В свой черед, показатели выхода включают публикации в соавторстве, в том числе международном, патенты, новую (высокотехнологическую включительно) продукцию и иное¹⁸⁴.

Так, к примеру, в соответствии со статистическим данными, представленным Институтом статистики ЮНЕСКО в июне 2020 года, средние значения расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы(НИОКР, от англ. Researchanddevelopment)в процентахкВВП по регионам мира в 2017 году составили:1,7 % среднемировое значение; 0,6 % для арабских государств; 1,0 % для Центральной и Восточной Европы; 0,2 % для Центральной Азии; 2,1 % для Восточной Азии и Океании; 0,7 % для Латинской Америки и Карибского региона; 2,5 % для Северной Америки и Западной Европы, 0,6 % для Южной и Западной Азии, 0,4 % для стран Африки южнее Сахары (рисунок 2)¹⁸⁵. Динамика расходов на науку и исследования по регионам мира в относительных показателях показана на рисунке 2.

Целесообразно подчеркнуть, что в представленную сферу НИОКР входят фундаментальные исследования, прикладные исследования и экспериментальные (опытно-конструкторские) разработки¹⁸⁶, в общем же виде НИОКР является составной частью более широкого понятия научно-технической деятельности (рисунок 2) согласно

---

¹⁸⁴ Статистика в области науки, техники и инноваций: учебный материал для семинаров по созданию потенциала / Институт статистики ЮНЕСКО. –2010. – 64 с.

¹⁸⁵Global Investments in R&D. Fact Sheet No. 59 June 2020 FS/2020/SCI/59 [Electronic resource] / UNESCO Institute for Statistics.– Mode of access : <http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/fs59-global-investments-rd-2020-en.pdf>. – Date of access : 03.03.2021

¹⁸⁶Guidelines for Collecting and Reporting Data on Research and Experimental Development.The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities.Frascati Manual 2015.– Paris: OECD Publishing, 2015. –402 p.

Концепция научно-технической деятельности Института статистики ЮНЕСКО.

Научно-техническая деятельность рассматривается руководством ЮНЕСКО шире¹⁷⁶, как «систематическая деятельность, тесно связанная с генерацией, развитием, распространением и применением научно-технического знания во всех областях науки и техники: в естественных, прикладных, технических, медицинских и сельскохозяйственных науках, а также в социальных и гуманитарных науках»¹⁸⁷ и включает в себя три блока: представленные выше НИОКР, научно-техническое образование и подготовку [подразумевается третичное образование] (от англ. S&T education and training at broadly the third level), научно-технические услуги (от англ. scientific and technological services, STS)¹⁸⁸ (рисунок 3).

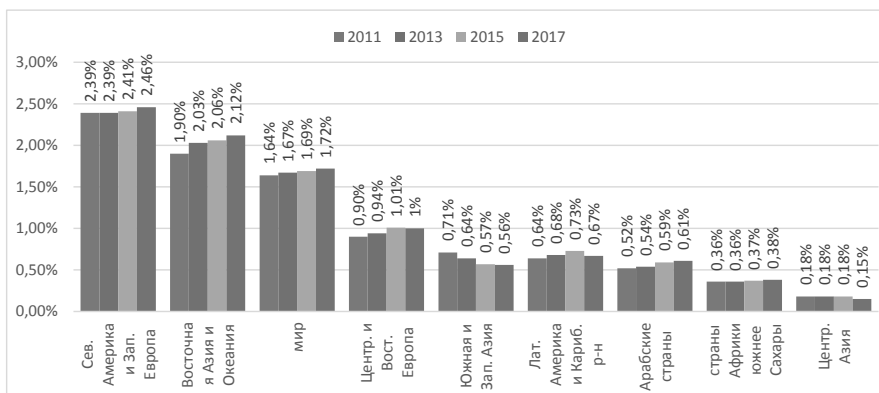

Рисунок 2– Валовые внутренние расходы на НИОКР в процентах к ВВП по регионам мира, 2011, 2013, 2015 и 2017 гг.

Источник: составлено автором по данным Института статистики ЮНЕСКО на июнь 2020¹⁸⁵

¹⁸⁷ Manual for Statistics on Scientific and Technological Activities [Electronic resource] // UNESCO Institute for statistics. – Mode of access: <http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/manual-for-statistics-on-scientific-and-technological-activities-historical-1984-en.pdf>. – Date of access: 20.05.2017

¹⁸⁸ Measuring Scientific and Technological Services (STS): Draft Paper for Consultation: Doc. UIS/2017/STS/TD/10, October 2017 [Electronic resource] // UNESCO Institute for Statistics. – Mode of access: <http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/measuring-scientific-technological-services-consultation-2017-en.pdf>. – Date of access: 01.11.2017

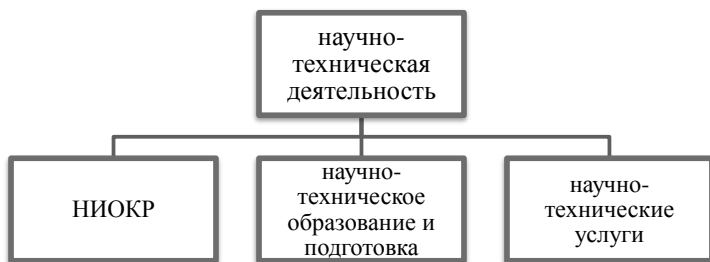

Рисунок 3– Составляющие научно-технической деятельности

Источник: составлено автором по данным 176.¹⁸⁸

Дополнительные подходы к количественной оценке научной деятельности, отражающие абсолютные показатели, охватывают количество международных научных обменов, активность участия в международных проектах, частоту международных контактов в рамках международных конференций и т.д.

Следует также учитывать наличие целого ряда интегральных показателей, косвенно отражающих в том числе возможности научной деятельности (научно-технический, инновационный потенциал) либо ее результативность: Глобальный индекс инноваций (Global Innovation Index), рассчитываемый бизнес-школой INSEAD, Корнельским университетом и Всемирной организацией интеллектуальной собственности; Инновационное табло ЕС (InnovationUnionScoreboard); Глобальный индекс знаний (GlobalKnowledgeIndex, ПРООН и Фонд знаний Мохаммеда бен Рашида Аль-Мактума); Индекс развития ИКТ (Международный союз электросвязи); Рейтинг патентной активности (Всемирная организация интеллектуальной собственности); Индекс сетевой готовности (NetworkedReadinessIndex, Всемирный экономический форум совместно с INSEAD и Корнельским университетом) и др.

Следует отметить, что особенности количественной оценки научной деятельности обусловила и двусторонняя направленность изучаемого объекта. С одной стороны, развитие и функционирование научной деятельности происходит под контролем национальных институтов и наднациональных органов интеграционных объединений, а также международных организаций. В данном контексте преследуются различные цели¹⁸⁹, не всегда непосредственным способом

¹⁸⁹Measuring the Value of International Collaboration [Electronic resource] / Australian Academy of humanities. – Mode of access: https://www.humanities.org.au/wp-content/uploads/2017/04/AAH_Measuring-Value-2015.pdf. – Date of access: 10.03.2018

связанные с развитием науки, техники и технологий (как пример – доступ к новым и развивающимся рынкам, смягчение политической напряженности (так называемая научная дипломатия)). С другой стороны, развитие науки, усиление интеграции происходит на уровне отдельных ученых–представителей одной страны и различных государств¹⁹⁰ и исследовательских коллективов. Подходы к оценке международного научно-технического сотрудничества в двух этих случаях принципиально разнятся.

На сегодняшний день существует подход, частично учитывающий двустороннюю направленность научной деятельности. Так, в Отчете «Измерение ценности международного сотрудничества в области исследований» Австралийской гуманитарной академии весь спектр современных показателей науки, техники и технологий, которые характеризуют в том числе интернационализацию исследований и разработок, разбит на три категории: финансовые показатели, в том числе расходы на исследования и разработки из зарубежных источников; библиометрические показатели, определяющие международное соавторство; показатели интеллектуальной собственности, в которых основное внимание уделяется совместному патентованию¹⁸⁹.

Библиометрический анализ, включающий библиометрические (нанометрические) показатели науки, позволяет более полно изучить тенденции и достижения международной национальной сообщества в области науки, техники и технологий, выявить приоритетные области исследования, определить особенности взаимоотношений среди исследовательских кругов. В качестве индикаторов в библиометрическом анализе, помимо известных индексов (цитируемости, Хирша, оперативности), импакт-фактора¹⁹¹, могут применяться следующие показатели (таблица 3)¹⁹².

Вместе с тем, показатели, отражающие, по сути, нематериальную составляющую научной деятельности, а именно желание взаимодействовать в той или иной сфере науки и техники, наличие доверительных отношений между научными партнерами, не встречаются в

---

¹⁹⁰ Jung, J. International research collaboration among academics in China and South Korea / J. Jung // International Journal of Chinese Education. – 2012. – № 1. – PP. 235–254

¹⁹¹ Основные библиометрические показатели для оценки эффективности научной работы : метод. рекомендации / сост. П. С. Волегов, М. А. Ташкинов, О. Д. Цветова. – Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. ун-та, 2012. – 24 с.

¹⁹² Sarwar, R. A bibliometric assessment of scientific productivity and international collaboration of the Islamic World in science and technology (S&T) areas / R. Sarwar, SU Hassan // Scientometrics. – 2015. – Vol. 105. – Issue 2. – PP. 1059–1077

оценках. При этом среди причин, побуждающих отдельных исследователей сотрудничать с зарубежными коллегами, ученые выделяют следующие: академические, такие как углубление специализации в науке и следование междисциплинарному подходу, получение опыта и неявного знания и обучение ассистентов; экономические в виде снижения издержек для дорогостоящих лабораторий, доступа к одному и тому же набору данных и разделения труда; социальные, такие как стремление ученых войти в мировое академическое сообщество через соавторство с маститыми учеными¹⁹⁰. Среди иных причин, обуславливающих желание взаимодействовать, в том числе в вопросах публикационного сотрудничества, по мнению Вагнера и Лейсдорфа, выделяются такие причины, как: увеличение числа подготовленных исследователей, совершенствование коммуникационных технологий и международная мобильность исследователей. Дополнительными факторами являются бюджетное давление на расходы на исследования и разработки, повышающие привлекательность для сотрудничества и совместного использования ресурсов, а также необходимость координации в глобальном масштабе таких задач, как изменение климата, изучение космоса, инфекционные заболевания и распределение ограниченных природных ресурсов¹⁹³.

На наш взгляд, подобную функцию смогли бы выполнить так называемые этнометрические показатели. Здесь следует сделать некоторое допущение, касающееся того факта, что наиболее склонны к взаимодействию страны, схожие по своим ментальным характеристикам. Именно этим во многом объясняется активное сотрудничество в сфере науки, техники и технологий членов интеграционных объединений (ЕС, ЕАЭС), а также представителей одного вероисповедания (пример – страны исламского мира и их профилирующие организации, среди которых Исламская организация по вопросам образования, науки и культуры, Постоянный комитет Организации исламского сотрудничества по научно-техническому сотрудничеству и т.д.). Вместе с тем, использование этнометрических показателей при оценке научной деятельности требует дальнейшего анализа.

---

¹⁹³National Science Board. 2016. Arlington, VA: National Science Foundation Science and Engineering Indicators, 2016. – Mode of access: <https://www.nsf.gov/statistics/2016/nsb20161/uploads/1/nsb20161.pdf>. – Date of access: 15.03.2018

Таблица 3 – Библиометрические показатели

Индикатор	Измерение	Описание
<i>Производительность (Productivity)</i>	Общее количество публикаций (Totalpublications)	Общее количество публикаций за период времени t, индексированных в базе данных (например, Scopus, WebofScience)
	Совокупный среднегодовой темп роста (CAGR, CompoundAnnualGrowthRate)	Совокупный среднегодовой темп роста рассчитывается по формуле: $t2-t1 \sqrt[P2/P1]{-1}$, где P2 и P1 – количество публикаций по предметной области в течение t2 и t1 годов соответственно
<i>Относительные исследовательские усилия (Relative researcheffort)</i>	Индекс активности (Activity Index)	AI= Доля конкретной страны в мировых публикациях в данной области исследований X Доля конкретной страны в мировых публикациях во всех областях исследований 100
<i>Влияние (Impact)</i>	Объем цитирования (Citation volume) %PnC % Publications in Q1	Общее количество ссылок за период времени t на статьи, опубликованные в тот же временной период
<i>Международное сотрудничество (International collaboration)</i>	%, Международное сотрудничество	Соотношение числа публикаций, на которые нет ссылок, к общему числу публикаций страны за период времени t % публикаций конкретной страны (региона), которые существуют в лучших 25% изданиях мира по количеству цитат Соотношение числа публикаций, производимых конкретной страной в международном соавторстве в данной области исследований, к общему числу публикаций, выпущенных этой страной в данной области исследований

Индикатор	Измерение	Описание
	Мера Солтона (Salton's measure)	Индикатор рассчитывается по формуле $C_{ij} = \frac{P_{ij}}{\sqrt{(P_i \cdot P_j)}}$, где i, j представляют страны, подлежащие сравнению, P_{ij} обозначает соавторскую публикацию двух стран, P_i и P_j обозначает публикацию стран i и j соответственно
Схема взаимодействия / модель сотрудничества (Collaboration pattern)	Индекссоавторства (CAI, Co-authorship Index)	Индекс соавторства рассчитывается по формуле: $CAI = \frac{C_i}{W_i} \cdot \frac{C_o}{W_o}$, где C_i обозначает количество публикаций конкретной страны в данной области исследований в i -м году, C_o обозначает число публикаций конкретной страны в данной области исследований в течение исследуемого периода, W_i обозначает число мировых публикаций в данной исследовательской области в i -м году, W_o обозначает количество мировых публикаций в данной исследовательской области в течение исследуемого периода
	Топ сотrudничавших стран (Topcollaborators)	Страны с наибольшим числом публикаций в соавторстве с конкретной страной (регионом, например, с исламским миром)

Источник: составлено автором по данным¹⁹²

Еще одной из современных тенденций, требующих категориального и правового осмысления, является усиление влияния сетевых процессов на научную деятельность. Здесь целесообразным будет упомянуть 2 направления: создание сетей и сетевых структур (как пример, диаспоральные сети знаний, соавторские сети, международные университетские сети) и рост использования информационно-коммуникационных технологий и виртуальных механизмов в вопросах взаимодействия в научной сфере, а также перенесение части исследовательской активности в интернет-среду.

Так, будучи наиболее распространенными в бизнес-среде, сети со временем получили свое признание и в сфере науки, техники и технологий¹⁷⁵. Интерес к представленной проблематике вызывают научные работы Ворониной Л.А. и Ратнер С.В., адаптирующих сетевой принцип к научно-инновационной сфере¹⁹⁴. Ученые добавляют категорию научно-инновационные сети к предложенной ранее М. Кастельсом типологии сетей¹⁹⁴. Типология инновационных сетей представлена учеными в разрезе 4-х групп: генерирующая сеть, объединяющая научные коллективы для генерации нового знания (признак – «кооперация в сфере НИОКР»); научно-производственная сеть, представляющая собой коалицию между научными и производственными коллективами, цель которой заключается в ускоренной коммерциализации результатов исследований и разработок (признак – «трансфер технологий»); научная сеть как сеть экспертов по ключевым вопросам науки (признак – «передача компетенций») и научно-инновационная сеть как совокупность организаций различного профиля (образование, наука, бизнес) для достижения конкретной цели (признак – «реализация полного инновационного цикла»)¹⁹⁴.

В свою очередь, Большев О.Н. и Волошенко К.Ю., дополняя уже существующие научные классификации, особый акцент делают на сетевых взаимодействиях. Ученые используют такие термины в перечислении различных форм взаимодействия в сфере науки, техники и технологий, как «сетизация» («создание и развитие сетевых структур в научно-технической и инновационной сфере по мере роста и усложнения интеграционных процессов»), «сетевая кооперация и межорганизационные сети (кластеры, сетевые структуры и различные типы сетей)», «сетевые формы организации взаимодействий в сфере науки,

---

¹⁹⁴ Воронина, Л.А. Научно-инновационные сети в России: опыт, проблемы, перспективы / Л.А. Воронина, С.В. Ратнер. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 254 с.

технологий, техники и инноваций (формирование и развитие инновационных сетей: научно-инновационных, трансфера технологий, кооперации в сфере НИОКР, передачи компетенций и т.д.)»¹⁹⁵.

При этом ключевой характеристикой сети выступает наличие социальных контактов. С позиции социологии сеть представляет собой «группу индивидов, обладающих возможностью взаимной коммуникации и перемещения информации между собой»¹⁹⁶. Акцент в нашем случае делается на качественном содержании процесса коммуникации¹⁹⁶, а также устойчивости взаимосвязей в долгосрочном периоде¹⁹⁷.

Дополнительными критериями для выделения сети в отдельную категорию Дж. Липнек и Дж. Стэмповобозначают объединяющую цель, независимость участников сети, добровольную связанность, наличие нескольких лидеров и интегрированные уровни¹⁹⁸.

В качестве примеров сетей в научной деятельности можем представить диаспоральные сети знаний, среди которых выделяются интеллектуальные / научные диаспоры. Так, примерами сетевых структур, объединяющих ученых и исследователей той или иной страны происхождения, в том числе применительно к различным отраслям наук, являются Международная ассоциация русскоговорящих ученых (Russian-speaking Academic Science Association, <https://www.dumaempro-ruski.org>), Ассоциация нигерийских врачей в Америке (Association of Nigerian Physicians in the Americas, <https://anpa.org>); Корейско-американская ассоциация ученых и инженеров (Korean-American Scientists and Engineers Association, <https://kseaa.org>), Ученые Малайзии (Scientific Malaysian, <https://www.scientificmalaysian.com>), «Вайлдгис»

---

¹⁹⁵ Межорганизационные сетевые взаимодействия как определяющая форма научно-технического и инновационного сотрудничества России и Европейского Союза в Балтийском регионе / О.Н. Большев, К.Ю. Волошенко // Балтийский регион. – 2013. – №4(18). – С. 23-39.

¹⁹⁶ Назарчук, А.В. Сетевое общество и его философское осмысление / А.В. Назарчук // Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия / Под ред. Б.Б. Славина. Изд. стереотип. – Гл. 2. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 40-53.

¹⁹⁷ Казарина, Н.В. Сети как новая форма экономических взаимодействий в мировой экономике / Н.В. Казарина // Вести Института предпринимательской деятельности. – 2018. – № 1(18). – С. 106-115.

¹⁹⁸ Lipnack J., Stamps J. The age of the network: Organizing principles for the 21st century / Google Books [Electronic resource]. – Mode of access: https://books.google.by/books?id=aOv_CE14GBMC&lpg=PR7&dq=lipnack%20stamps&lr&hl=ru&pg=PR7#v=onepage&q=lipnack%20stamps&f=false. – Date of access: 25.01.2018.

Сеть ирландских ученых (Wild Geese Network of Irish Scientists, <https://wildgeesenetwork.wildapricot.org>); Общество по развитию науки и техники арабского мира (Society for the Advancement of Science and Technology of the Arab World, <http://sastaworld.org>); Карибская диаспора по науке, технике и инновациям (Caribbean Diaspora for Science, Technology, and Innovation, <http://cadsti.org>), Австрийская ассоциация ученых в Северной Америке (Austrian scientists and scholars in North America, <http://www.ascina.at>), и многие другие¹⁷⁵. К иным разновидностям диаспоральных сетей знаний относятся студенческие научные сети, местные ассоциации квалифицированных эмигрантов и т.д.¹⁹⁹

Международные университетские сети (как пример – программа «Балтийский университет», The Baltic University Programme. The Baltic University – A regional University Network), международные соавторские сети (публикации в международном соавторстве) так же представляют собой примеры сетей в научной сфере.

Усиление роли информационно-коммуникационных технологий как современный тренд развития научной деятельности внесло свои коррективы. На сегодняшний день в мировом сообществе закрепляются различные виртуальные модели и механизмы взаимодействия в сфере науки, техники и технологий, среди которых краудсорсинг, коллаборативная наука, наука 2.0, ноосорсинг. Все эти термины расширяют традиционное понимание научной деятельности, и, соответственно, требуют и новой правовой оценки.

Так, к примеру, ноосорсинг (английский вариант Science 2.0) подразумевает вариант использования мировым академическим сообществом сетевых технологий: это социальные сети научной направленности (ResearchGate, Academia.edu), открытые электронные репозитории препринтов (arxiv.org, biorxiv.org, precedings.nature.com, SocialScienceResearchNetwork); цифровые библиотеки с открытым доступом (PublicLibraryofScience, WorldDigitalLibrary, КиберЛенинка); открытые базы данных (GenBank, science.gov и др.), блоги научной тематической направленности (RealClimate, TheGuardian'sscienceblog), открытые совместные проекты (GalaxyZoo, OpenWetWare, OpenWorm) и т.д.¹⁷⁵

Таким образом, говоря о научной деятельности, ее современных тенденциях, проблемах правового регулирования и оценки, следуют

---

¹⁹⁹ Meyer, J.-B., Brown, M. Scientific Diasporas: a New Approach to the Brain Drain [Electronic resource] / United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. – Mode of access: <http://www.unesco.org/most/meyer.htm>. – Date of access: 13.04.2016

учитывать разносторонность и масштабность изучаемого объекта, наличие различных уровней и субъектов взаимодействия, особенности закрепленного в законодательстве категориального аппарата и правовых рамок, а также видоизменение самой научной сферы под влиянием сетевых процессов и интернационализации и регионализации мирового сообщества.

1.6. Научное сотрудничество в цифровую эпоху

Любой юрист, в какой бы сфере он ни работал, с удовлетворением отметит благотворную роль технического прогресса, существенно изменившую всю отечественную юриспруденцию с конца 1980-х гг. Адвокаты, следователи, преподаватели права и ученые-правоведы оценили преимущества мобильной связи, электронной почты, Интернет-ресурсов, персональных компьютеров, принтеров и т.д.

Люди больше не представляют свою повседневную жизнь без всех этих технических новинок, облегчающих труд, общение, отдых. И добровольно отказываться от таких благ современной цивилизации современники не готовы.

В последнее время активизировалась официальная деятельность по цифровизации общественных отношений. В начале XXI в. на мировом уровне стартовал проект цифровизации обществ. Под него усиленно подготавливается общественное мнение – проводятся международные форумы, конференции, телевизионные и интернет обсуждения. Современный человек охотно готов пользоваться гаджетами и другими новинками технического прогресса, но не отдает себе отчета в том, что все это служит средством управления и контроля над ним. Сбор больших данных о поведении населения на поверхностный взгляд способствует увеличению коммерческой прибыли крупных корпораций, а по существу, ведет к тоталитарному контролю. Цифровизация абстрактных обществ на самом деле означает цифровизацию вполне конкретных общественных отношений и самого человека, при которой достигим тоталитарный электронный концлагерь. Увы, за всеми техническими удобствами разного рода гаджетов скрывается крайне опасная для человечества тенденция – угроза тотального контроля. Во всех странах мира под воздействием цифровизации происходит постепенное устранение частной жизни.

Люди созданы свободными, и свобода каждого человека предполагает выбор. Бог мог сделать людей запрограммированными на добро, однако Он этого не сделал. Промысел в данном случае

заключается в том, чтобы человек сам отвечал за то, что он делает, не перекладывая ответственность за принимаемые решения с себя на кого-либо другого.

А в цифровую эпоху производится именно программирование людей в массовом, недобровольном порядке. Навязчивая реклама товаров, услуг и гедонистического образа жизни, вовлечение детей и юношества в виртуальное пространство сети Интернет с заменой реальной жизнедеятельности, поощрение электронных расчетов, дистанционное образование, электронный контроль за людьми, и, наконец, прогнозируемая поголовная чипизация населения – все это признаки ограничения свободы людей.

Все что имеет какой-либо этический элемент (от принципов права до совести правоприменителя) вытравляется из мировой юриспруденции по мотивам неоднозначности содержания и заменяется технологиями и автоматизацией юридического процесса. Доктор права Софийского университета Святого Климента Охридского (Болгария) Янаки Стоилов отмечает, что успехи юридической науки в сфере цифровизации выступают не только показателями сближения правовых систем, но и тревожным сигналом, требующим внимания. По его мнению, тотальное использование цифровизации «человеческий фактор» в праве²⁰⁰.

Организаторы большого Международного юридического форума в Санкт-Петербурге в 2018 г. продемонстрировали ученому сообществу робота, который-де приспособлен для отправления правосудия и вполне мог бы заменить самого квалифицированного судью. Авторы проекта при этом проигнорировали то обстоятельство, что любой робот заведомо проигрывает человеку в креативности. Толкование права есть разновидность творчества, а в виртуальной среде творить можно только то, что позволяют возможности и программа компьютера. Но двойные стандарты в продвижении глобализации мира нас давно не удивляют.

О какой индивидуализации наказания и о милосердии в суде можно будет говорить, если юрисдикционное решение принимает машина? И не надо рассчитывать на беспристрастность компьютерных программ. Роботы будут ангажированы авторами тех программ, которые в них будут вложены. И если уж судей научили быть политизированными и чутко улавливать политический заказ момента, то роботов

---

²⁰⁰Янаки Стоилов. Принципы права. М., 2022. С. 288.

тем более научат. Человек хотя бы может не принять на свою душу греха и поступить принципиально честно, а робот на это способен. Он – лишь озвучка тех императивов, которыми располагает его программа. Представьте себе ситуацию, если бы Третий Рейх получил подобных роботов-судей. Какие бы сентенции о расовых законах они бы в них закачали? А какое содержание судебных вердиктов окажется у роботов в Европейском суде по правам человека по делам против России?

Компьютерная программа для робота-правоприменителя может ничем не отличаться от компьютерных игр для детей и подростков, в которых ненависть, жестокость, эгоизм, расчетливость получают полную легальность и юридическую поддержку.

Безграничная цифровизация способна изменить биологию человека²⁰¹. Мы, юристы, уже сейчас сталкиваемся с такими экземплярами, которым свойственна нравственная отморозенность, глухота к чужому страданию, стремление к злу ради самого зла. Получили распространение так называемые безмотивные преступления, когда объяснить допущенное насилие рационально не представляется возможным.

Не подходит использование роботов и для замены законодателей. Законотворчество – это не согласование существующих практик поведения в усредненную норму. Мало ли какими бывают практики поведения. В некоторых странах общественная жизнь ставится в зависимость от сексуальных меньшинств, что приводит к ценностной дезориентации людей, пропаганде асоциальных моделей поведения. Законодательный процесс – это не достижение компромисса. Сторонники компромиссов в законотворчестве предлагают подключить мощный компьютер к парламентским дебатам, чтобы определить алгоритм поиска компромисса. Законодательствование – есть творческий процесс, имеющий целью создание благоприятных условий для жизни и развития социума. На основе компромисса парадигму совершенствования общества создать невозможно.

Еще в 1978 г. В.Э. Краснянский в своей статье «Анализ права с позиций теории информации» отмечал: «Законодатель в процессе правотворчества не просто отражает разнообразие общественных

---

²⁰¹См.: Рашитов И.М. Особенности взаимодействия глобализации и правовой культуры //Вестник Башкирского университета. 2007. № 1. С. 113; Байниязов Р.С. Правосознание и российский правовой менталитет //Правоведение. 2000. № 2. С. 38; Сокольская Л.В. Понятие и признаки правовой аккультурации //Lex russica. Научные труды МГЮА. 2009. № 3. С. 565.

отношений в их статическом и семантическом аспектах, но и оценивает его»²⁰². Вот сильный аргумент против роботизации законодательного процесса. В.Э. Краснянским была высказана убедительная мысль: «Основная идея семантической концепции правовой информации заключается в возможности измерения предметного значения правовых норм, рассматриваемых как суждение. Содержание (значение) тесно связано с формой, оно кодируется (отображается) в формальных конструкциях. Отсюда делается вывод, что возможно измерить содержание через форму, хотя такое измерение будет неполным, так как фиксация форм не означает улавливания в ее пределах всего содержания»²⁰³. И, наконец, именно В.Э. Краснянский в 1970-е гг. уже объяснил, почему обществу нельзя доверять роботам в отправлении правосудия либо принятии закона. Читаем: «вовсе не следует, что правовая информация в каком-то скрытом виде уже присутствует в окружающей нас действительности, предшествует правовому регулированию, а общественные отношения становятся правовыми лишь в силу того, что они существуют и действуют. Ведь даже экономические факты, чтобы получить санкцию в форме закона, должны принимать форму юридического мотива, т.е. проходить через процесс оценки и целеполагания, обладать определенной ценностью для законодателя»²⁰⁴. Не способен робот делать оценку юридической ситуации, за него это делает обслуживающий машину программист, ангажированный в свою очередь кем-то из-за кулис.

Развитие новых цифровых технологий приводит к ситуации, когда задачи в сфере юриспруденции, экономики и управления реализуются машинами по заранее установленным алгоритмам. Все это сулит общественные изменения, последствия которых заслуживают самой тщательной научной оценки.

С внедрением на фабриках и заводах станков и конвейера уже в начале XX в. возникала проблема лишних людей. Уже тогда машины и программное обеспечение были дешевле, быстрее и надежнее человеческого труда. Работники болеют, уходят в декрет, совершают ошибки, испытывают депрессию. Сокращение числа рабочих мест в связи автоматизацией не останавливает успешного менеджера, руководителя и собственника. В объявленную эпоху глобальной

---

²⁰² Краснянский В.Э. Анализ права с позиций теории информации //Правоведение. 1978. № 1. С. 18.

²⁰³ Там же. С. 17.

²⁰⁴ Там же. С., 19.

цифровизации государства не прогнозируют, какое число людей окажется высвобожденным с мест работы и окажутся безработными. А ведь у этой проблемы есть и криминологическая сторона – какой процент безработных пополнит ряды уголовников?

Побочным последствием цифровизации общества выступает комплексная дегуманизация общественных отношений. Такое впечатление, что государства ввязываются в цифровизацию, чтобы выглядеть перед закоперщиками глобализма «прогрессивно», а потом ума не приложат, как решить проблемы безработицы, роста преступности, бедности, плохой демографии, массовых беспорядков и других социальных потрясений. Возникает подозрение, что необоснованно тотальная цифровизация придумана для раскачивания суверенных национальных государств, как дополнительный фактор их демонтажа.

Отношения в сфере государственного управления всегда были отношениями между людьми, а могут стать отношениями человека и машины. Дело, в конечном счете, в ликвидации человеческих отношений там, где они всегда существовали. Идея цифровизации обществ – это план обезлички человека, не имеющий общего с подлинной правовой культурой.

С появлением современных телефонов и прочих гаджетов возникла проблема разобщения людей – вопрос, приобретающий государственное значение. Как собрать разобщенное общество и общество ли оно теперь в его классическом смысле? Сможет ли атомизированное гражданское население продемонстрировать единство и общий дух в случае отражения военной агрессии?

Сплошная цифровизация общественных отношений породила соблазн для недобросовестных лиц, занятых новыми видами преступности (компьютерной преступности, внушения детям суицидальных настроений, мошенничества с криптовалютой и др.)²⁰⁵. Государство призвано защитить человека от чрезмерных рисков и прямого обмана, но, участвуя в цифровизации общества, современное государство само создает среду для массового обмана.

Банки замучились уведомлять своих клиентов о все новых и новых способах взлома банковских карт и электронных счетов. Это тоже расплата за цифровизацию общества. Наше поколение помнит, как трудовые коллективы разных организаций сгоняли в бухгалтерии, где под

---

²⁰⁵Петручак Л.А. Правовая культура как детерминанта современного российского общества. М., 2012. С. 197-198; Загородский В.В. Правовая культура в контексте права избирать и быть избранным //Общество и право. 2010. № 1. С. 57.

страхом увольнения вынуждали всех поголовно получать банковские карты. Каждое учреждение в соревновательном духе отчитывалось за то, как быстро коллектив перешел на цифру вместо наличных денег. Теперь, когда банковские карты воруют и/или незаконно обналичивают злоумышленники, поднимается следующий вопрос – оживлении микрочипа под кожу гражданина, откуда его персональные данные якобы украсть уже будет нельзя. Если и на это люди согласятся, можно будет фиксировать перемещение каждого лица в пространстве, с кем человек встречается, с кем общается, что покупает, что читает, что говорит – никакой тайны частной жизни и никакой личной неприкосновенности.

Юридическая наука обеспокоена тем, что современные цифровые технологии способны тотально ограничивать свободу человека²⁰⁶. Уже сейчас доступ к банковским картам в целом ряде государств открывается в обмен на политическую лояльность. В ответ на специальную военную операцию России на Украине Франция и другие страны Евросоюза заблокировали банковские карты всем лицам с русскими фамилиями независимо от их гражданства и периода проживания в Европе.

Камеры слежения устанавливаются во всех государственных и муниципальных учреждениях, а также торговых центрах. Электронная почта, переписка в Watsap, фотографии в Instagram в той или иной мере доступны для разных заинтересованных лиц и организаций. С помощью гаджета можно наблюдать за человеком, собирать информацию о нем, эта информация нередко может храниться далеко за пределами страны пребывания. Так через предоставление сетей для удобного и приятного общения была создана система, способная управлять и манипулировать массами.

Парадоксально звучит мысль активного пользователя Интернета о свободе самовыражения. С помощью цифровых и сетевых инструментов современная цивилизация создала средства и способы тотального контроля за человеческой личностью. Юристы, адвокаты преимущественно, советуют свои клиентам: оставляйте свое личное

---

²⁰⁶Например: Башарин И.В. Анализ понятия «гражданско-правовая культура» //Современная высшая школа: инновационный аспект. 2020. № 4. С. 100; Куприянова А.В. К вопросу о правовой культуре с позиций культурологического подхода к изучению уголовного права //Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 12. С. 3; Мороз Е.В. Правовая культура как стабилизирующий фактор динамического развития российского общества //Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 5. С. 38-39; Бабакова В.А. Предпосылки рецепции правовой культуры //Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6. С. 39-40.

пространство достаточно закрытым, чтобы никто не мог нанести вам непоправимого вреда. Суды и прокуратура осмотрительно рекомендуют своим сотрудникам не присутствовать в сетях, не выкладывать фотоизображения со своим участием в Контакте, не размещать в Интернете свои впечатления или посты.

Проект глобализации мира предполагает расслоение человечества на две расы. Одним предоставляется достоинство сверхлюдей, другим – удел рабов. Представители глобальных элит стремятся при помощи дорогостоящих цифровых и биомедицинских технологий трансформировать свои тела так, что смерть для них отодвинется на многие десятилетия. Тем самым глобализаторы мира кладут цифровые технологии в основу нового расового подхода.

Уже сейчас дети и молодежь оказываются настолько зависимыми от разного рода гаджетов (смартфонов, айпадов, планшетов и т.п.), что заметно изменяется не только их образ жизни, но и вся биологическая природа. В сетях при помощи своих телефонов молодые люди проводят 6-8 часов в сутки. Общее время, проведенное в Интернете и за компьютерными играми, превышает у детей и подростков время, затрачиваемое на выполнение домашних заданий, на прогулки и реальное человеческое общение. За праздничным столом на чьем-нибудь дне рождения дети уже не общаются, а сидят в своих телефонах и листают там странички. В этом случае гаджет превращается в часть человека, а человек в киборга с вмонтированным в него неразлучным гаджетом.

Человек нуждается в заботе, самосовершенствовании, духовном развитии, а не в том, чтобы была изменена его природа. Уже опубликованы рассуждения о том, что в скором времени удастся так модернизировать разум, тело человека и отношения в обществе, что возникнут новые существа, превосходящие людей²⁰⁷. Идеология этого процесса получила в науке название трансгуманизма, то есть существования по ту сторону человека, за пределами человечности. Ранее доктрина западноевропейского гуманизма достигала не хорошего отношения к человеку, а подстановки человека на место Бога, теперь доктрина трансгуманизма отбрасывает и самого человека.

«Человек-киборг» не может сколько-нибудь длительное время обходиться без Интернета. У него наблюдаются навязчивое желание проверить свой почтовый ящик в Интернете; патологическое стремление играть в сетевые игры; постоянное ожидание следующего сеанса

---

²⁰⁷Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация. М., 2021.

работы в сети; непреодолимая тяга к поиску информации в Интернете; пристрастие к развлечениям в Интернете; привязанность к онлайн-покупкам; постоянный шопинг в интернет-магазинах. Полностью исчезает такое качество личности, как самоконтроль.

Любые новации лишь тогда плодотворны, необходимы и закономерны, когда они на новом уровне и с учетом действительных потребностей воплощают те же вечные, незыблемые основы. Эту закономерность следовало бы учитывать при огульно-тотальной цифровизации общества.

Вера в технологию пришла на смену вере в прогресс. Ложность такой квазирелигии объясняется тем, что источник совершенствования находится внутри человека, а не снаружи. Обратное утверждение ведет в сторону расчеловечивания, а значит к концу истории.

Новые цифровые технологии стирают культурные различия, имеющие законное право на существование. Юристам нужно ответить на вопрос, относящийся к цифровизации общества: способствует ли она подлинному совершенствованию человеческой личности, свободе выбора, уважению достоинства человека?

Сегодня осознание всех реальных мотивов цифровизации общества – это борьба за антропологию. Это борьба за определение, что есть «человек». Но стоит только сказать, что новации, связанные с развитием электронных средств управления обществом (цифровизацией), несут в себе помимо пользы и опасные последствия, как можно быть подвергнутым обвинениям в торможении прогресса. Но прогресс представляет собой преобразование предметов материального мира, а не сознания людей. Если цифровизация не только совершенствует электронные средства связи, но служит средством манипулирования и контроля за обществом, то это общественно опасное явление и его организаторы должны нести ответственность перед человечеством.

С введением повсеместно так называемых электронных правительств будет полностью обезличена и освобождена от личной ответственности любая законодательная, исполнительная или судебная власть. И некому будет выражать и защищать общественные интересы каких-либо социальных, этнических или религиозных групп.

Утверждение о том, что введение глобального контроля с помощью компьютерных систем, внедрения биометрических документов и других технических средств может решить проблему преступности, является таким же мифом, как миф о международном терроризме.

Поведение отдельных людей и человеческих сообществ, прежде всего, зависит от внутреннего духовно-нравственного состояния, которое и определяет их поступки. Юридические и технические средства контроля не могут повлиять на внутренние побуждения людей. Но электронный микрочип, предназначенный глобалистами для вживления в человеческие тела, способен воспринимать сигналы и электроимпульсы, которыми людей планируют предупреждать о нежелательных поступках и причинять боль в случае ослушания. Благодаря кристаллам полупроводниковых структур, возможна передача в мозг кодированной информации, которая вызывает образ, представления, зрительные ассоциации, акустические воздействия и поведенческие реакции. Технически возможно воздействие на центры удовольствия и страха коры головного мозга. Очевидно, что речь идет о зомбировании людей, превращении их в киборгов. Вживляемый микрочип обеспечит дистанционное управление человеком. В определенный момент на микрочип можно подать сигнал, вызывающий спазм сосудов головного мозга или нарушение сердечного ритма.

Тем не менее 16 марта 2005 г. Комиссия Европейского Союза приняла Заключение № 20 Европейской группы по этике в науке и новых технологиях. Этот документ называется «Этические аспекты имплантации в человеческое тело средств информационно-коммуникационных технологий». В нем неприкосновенность личности совсем не означает полной неприкасаемости.

Глобализм навязывает цифровизацию как безальтернативную форму социального общения, когда через осознанное или неосознанное, но добровольное принятие электронных правил игры может означать становление нового мирового порядка.

1.7. Результаты научной и научно-технической деятельности: понятие и правовые режимы

Понятие результата научной и научно-технической деятельности

В соответствии с положениями федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике») основной целью и научной и научно-технической деятельности является получение новых знаний. Будучи выраженными в какой-либо форме, доступной для восприятия человеком, эти знания неизбежно попадают в сферу правового регулирования. Однако до

настоящего времени в отечественном законодательстве отсутствуют нормы, определяющие и конкретизирующие правовой режим либо отдельные виды правовых режимов знаний, полученных в результате осуществления научной и научно-технической деятельности. К сожалению, в российской юридической литературе также практически отсутствуют глубокие доктринальные исследования понятия результата научной и научно-технической деятельности, его места в системе объектов правоотношений, особенностей его правового режима.

Вместе с тем, научное знание является ключом для решения различных актуальных проблем, в том числе экономического характера. Не случайно ООН рассматривает науку в качестве фундамента концепции устойчивого развития. По утверждению экспертов ЮНЕСКО «Установление связи между наукой и нуждами общества, понимание общественностью роли науки и участие граждан в научной жизни общества создают основу для общества, члены которого обладают знаниями, необходимыми для того, чтобы принимать осознанные решения в профессиональном, личном и политическом плане и участвовать в увлекательном мире открытий»²⁰⁸.

При формировании в Российской Федерации постиндустриального общества, характеризующегося инновационным типом экономики, необходимо учитывать, что для инновационной экономики (экономики знаний) характерно то, что основным источником прибыли выступает не материальное производство или концентрация капитала, а интеллектуальная деятельность исследователей, ученых и изобретателей, а также информация. Не случайно в настоящее время именно развитые страны являются основными обладателями ключевых технологий и инноваций. Согласно многим исследованиям производство и экспорт сложных товаров в значительной мере обеспечиваются за счет инноваций, в то время как развивающиеся экономики преимущественно используют заимствование технологий²⁰⁹. Кроме того, современные модели экономического роста также указывают на важную роль науки. В частности, модель растущего разнообразия товаров Пола Ромера (лауреата Нобелевской премии по экономике 2018 года) предусматривает, что технологический прогресс является следствием

---

²⁰⁸ <https://ru.unesco.org/themes/nauka-v-interesah-ustoychivogo-budushchego>

²⁰⁹ <https://www.forbes.ru/obshchestvo/373483-kakie-vlozheniya-v-nauku-mogut-povliyat-na-ekonomicheskii-rost>

целенаправленной деятельности экономических агентов по инвестированию в новые технологии с целью извлечения прибыли²¹⁰.

Представляется, что развитие таких процессов во многом зависит от качества правового регулирования научной и научно-технической деятельности и закрепления в нормативных актах понятного и эффективного правового режима её результатов.

На сегодняшний день ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» предлагает достаточно широкое определение научного и научно-технического результата как продукта научной и (или) научно-технической деятельности, содержащий новые знания или решения и зафиксированный на любом информационном носителе (ст. 2). Наряду с этим термином в данном нормативном акте используется понятие «научная и (или) научно-техническая продукция», под которой понимается научный и (или) научно-технический результат, в том числе результат интеллектуальной деятельности, предназначенный для реализации (ст. 2). Сопоставление понятий «научный и (или) научно-технический результат» и «научная и (или) научно-техническая продукция» позволяет рассматривать их как общее и частное²¹¹. Однако критерии готовности научного и (или) научно-технического результата к реализации в законодательстве не описаны. По этой причине отличить научный и (или) научно-технический результат от научной и (или) научно-технической продукции на деле крайне затруднительно.

Другой немаловажный аспект заключается в том, что результат определяется одинаково как для научной, так и для научно-технической деятельности. Хотя сам ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» разграничивает научную деятельность (деятельность, направленная на получение и применение новых знаний, включающая фундаментальные научные исследования; прикладные научные исследования; поисковые научные исследования) и научно-техническую деятельность (деятельность, направленная на получение, применение новых знаний для решения технологических,

---

²¹⁰ Romer P. M. Human Capital And Growth: Theory and Evidence // NBER Working paper. — 1989. — № 3173. — doi:10.3386/w3173; Romer P. M. Endogenous Technological Change // NBER Working Paper. — 1989. — № 3210. — doi:10.3386/w3210.

²¹¹ Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 23 августа 1996 г. N 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (постатейный) (под редакцией академика Российской академии образования В.Е. Усанова). - М.: «ЮР-КОМПАНИ», 2012. Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/58104340/paragraph/226/doclist/3028/showentries/0:0>

инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы). Такой подход вносит существенную путаницу и создает препятствия в деле конструирования системы правовых режимов результатов научной и научно-технической деятельности. Данный вывод отчасти подтверждается тем, что в ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» отсутствуют отдельные положения (главы, статьи), посвященные результатам научной и научно-технической деятельности.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации отсутствует единое понятие результата научной деятельности и результата научно-технической деятельности и общий правовой режим в отношении таких результатов. В связи с этим, представляется уместным говорить о некотором количестве правовых режимов, применяемых в целях регулирования отношений, возникающих по поводу отдельных видов результатов научной и научно-технической деятельности.

Правовые режимы результатов научной и научно-технической деятельности: основные подходы

Отсутствие общего правового режима, применимого в отношении результатов научной и научно-технической деятельности, позволяет говорить, что выбор адекватного правового режима во многом зависит от общей правовой природы и конкретного вида результата научной или научно-технической деятельности. Будучи определенными в ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» как знания результаты научной или научно-технической деятельности могут быть соотнесены с таким понятием как информация. По этой причине считаем возможным выделить следующие группы информации, которые связаны с осуществлением научной и научно-технической деятельности:

- исходная информация (данные существующие до начала осуществления конкретной научной и (или) научно-технической деятельности, которые подвергаются сбору, обработке и анализу, включая Big Data);
- информация, полученная в результате осуществления конкретной научной и (или) научно-технической деятельности, но не оформленная в виде интеллектуальной собственности (концепции, методы, открытия, расчеты, способы и решения различных задач и т.п.);

- информация, полученная в результате осуществления конкретной научной и (или) научно-технической деятельности, оформленная в виде интеллектуальной собственности (фото-, видеоматериалы, научные статьи, презентации, патенты, ноу-хау и другие).

К каждой из вышеуказанных групп данных следует применять соответствующее нормативно-правовое регулирование.

Исходная информация и результаты научной и научно-технической деятельности, не оформленные в виде интеллектуальной собственности

В силу того, что исходная информация существует до начала осуществления конкретной научной и (или) научно-технической деятельности, её не следует рассматривать в качестве результата такой деятельности. Тем не менее, без определения её правового режима будет сложно построить систему правового регулирования науки.

Определение правового режима исследовательских данных (researchdata) является одним из дискуссионных вопросов. В некоторых источниках они определяются как любая информация, собираемая, хранимая и обрабатываемая для получения и проверки исходных результатов исследования²¹². Принципы и рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития по доступу к данным исследований, проведенных за счет государственного финансирования определяет исследовательские данные как фактические записи, используемые в качестве первичных источников для научных исследований²¹³. Как следует из данных определений, преимущественно они охватывают исходные данные, необходимые для проведения научных исследований. При этом не проводится разграничений с таким широко распространенным понятием как большие данные (Big Data).

В литературе отмечается, что понимание больших данных является фундаментальным требованием для тех, кто хочет по-новому взглянуть на будущие проблемы²¹⁴. Более того, использование больших данных в научной и научно-технической деятельности сопряжено с различными аспектами этики и нормативно-правового

---

²¹² <https://libguides.macalester.edu/data1>

²¹³ OECD Principles and Guidelines for Access to Research Data from Public Funding // Режим доступа: <https://www.oecd.org/sti/inno/38500813.pdf>

²¹⁴ Panneerselvam J., Liu L. & Hill R. (2015). An Introduction to Big Data. In B. Akhgar, G. B. Saathoff, H. R. Arabnia, R. Hill, A. Staniforth, P. S. Bayerl (Eds.), *Application of Big Data for National Security*. (pp. 3-13). Butterworth-Heinemann.

регулирования²¹⁵. Одним из них является правовая регламентация качества данных²¹⁶. Несмотря на широкое применение, термин «большие данные» все еще не имеет точного содержания²¹⁷. Исходя из определения, данного в Cambridge Dictionary, большие данные – это значительные объемы данных, которые создаются с использованием сети Интернет, и которые могут быть сохранены, поняты и использованы только с помощью специальных инструментов и методов²¹⁸.

Исходные данные, включая Big Data, не должны восприниматься как термин, тождественный исследовательским данным. Последние включают в себя также результаты исследования или данные, полученные в результате исследования. Содержательно указанные данные, как правило, представляют собой факты, наблюдения и закономерности. С этой позиции доступ к таким данным должен быть открытым (за исключением ноу-хау). Однако форма закрепления таких данных обычно представляет собой какой-либо вид интеллектуальной собственности (научная статья, база данных, изобретение и т.п.). Как правило, доступ к результатам исследований, описанных в научных работах, является открытым (концепция open access). В отношении же результатов научно-технической деятельности обычно применяется принцип можно ознакомиться, но использовать без разрешения нельзя²¹⁹.

В отношении результатов научной и научно-технической деятельности, которые не облечены в одну из форм интеллектуальной собственности, на сегодняшний день отсутствует какое-либо внятное регулирование в российском законодательстве. Более того, данная группа объектов практически не исследована в отечественной правовой доктрине.

Вместе с тем, выделение данной группы результатов научной и научно-технической деятельности встречается за рубежом. В частности, в документе, регулирующем европейскую научную программу

---

²¹⁵ Paganoni M.C. (2019). Ethical Issues and Legal Frameworks in the Big Data Debate. In: *Framing Big Data*. (pp. 81-105). Palgrave Pivot, Cham.

²¹⁶ Hoeren T. (2017). Big data and the legal framework for data quality. *International Journal of Law and Information Technology*, 25(1), 26–37.

²¹⁷ Casanovas P., Koker L., Mendelson D. & Watts D. (2017). Regulation of Big Data: Perspectives on strategy, policy, law and privacy. *Health and Technology*, 7, 335-349.

²¹⁸ <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/big-data>

²¹⁹ Regulation establishing Horizon Europe – the Framework Programme for Research and Innovation, laying down its rules for participation and dissemination. Режим доступа: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14239-2020-INIT/en/pdf>

Horizon Europe предусмотрено, что результатами научной или научно-технической деятельности могут выступать как охраняемые, так и не охраняемые результаты исследований²²⁰. Одним из основополагающих принципов данной программы в отношении исследовательских данных (research data) является принцип открытого доступа, в основе которого заложено правило: «as open as possible, as closed as necessary»²²¹.

Результаты научной и научно-технической деятельности как интеллектуальная собственность

Самым очевидным и напрямую упомянутым в ст. 2 ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» является режим интеллектуальной собственности. Квалификация части результатов научной и научно-технической деятельности в качестве результатов интеллектуальной деятельности обусловлена как используемой в ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» терминологией, так и общим требованием о новизне полученных знаний и необходимости их фиксации. Термины «продукт», «решение», «новизна» широко используются в ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая полностью посвящена правам на результаты интеллектуальной деятельности. Также критерии новизны и фиксации (выражения в объективной форме) весьма часто применяется в качестве обязательного условия правовой охраны интеллектуальной собственности.

Подход к результатам научной и научно-технической деятельности как интеллектуальной собственности распространен в международной практике. Так Руководство по сбору и представлению данных об исследованиях и экспериментальных разработках, подготовленное в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (далее - OECD's Frascati Manual) определяет научную и научно-техническую деятельность как творческую систематическую деятельность, которая направлена на увеличение знаний, а также на применения имеющихся знаний в новых условиях²²². Более того, указанная деятельность

---

²²⁰Regulation establishing Horizon Europe – the Framework Programme for Research and Innovation, laying down its rules for participation and dissemination.2020. Режим доступа: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14239-2020-INIT/en/pdf>

²²¹²²¹ Примерный перевод с английского: «доступно насколько возможно, ограничено насколько необходимо».

²²²Guidelines for collecting and reporting data on research and experimental development.2015. Режим доступа: <https://www.oecd.org/sti/inno/Frascati-Manual.htm>

должна соответствовать нескольким обязательным критериям: новизна (направлена на получение новых данных); творческий характер (основывается на объективно новых идеях и концепциях); неопределенность конечного результата (понесенные затраты могут не соответствовать достигнутым результатам); систематичность (подробное планирование и фиксация всего хода деятельности, включая промежуточные и окончательные итоги); воспроизводимость (возможность использования и передачи полученных знаний, в том числе другими исследовательскими группами)²²³.

Прямое указание в OECD's Frascati Manual на творческий характер научной и научно-технической деятельности позволяет с уверенностью говорить, что в большинстве случаев к результатам данной деятельности следует применять режим интеллектуальной собственности.

Аналогичный подход высказывается и в отечественной литературе. Авторы отмечают, что, как правило, новые научные результаты получаются в результате творческой научной деятельности. И даже в тех случаях, когда речь идет о случайных открытиях, их ценность проявляется только после соответствующего творческого осмысления²²⁴.

Однако здесь следует внести некоторое уточнение. В зависимости от содержания и формы выражения конкретного результата научной или научно-технической деятельности к нему следует применять тот или иной институт интеллектуальной собственности. Так, например, научные знания, выраженные в форме научной статьи, монографии, программы для ЭВМ, отчета о проведении исследования²²⁵, подпадают под действие правового режима, предусмотренного институтом авторского права. В свою очередь, в отношении научных и научно-технических знаний, выраженных в форме изобретения, полезной модели, следует применять, прежде всего, правовой режим, предусмотренный нормами патентного права. Безусловно, возможно и применение иных правовых режимов, включенных в общую систему интеллектуальной собственности, в частности, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем и проч.

---

²²³ Там же.

²²⁴ Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы: монография / С.М. Михайлов, Е.А. Моргунова, А.А. Рябов и др.; под общ.ред. Е.А. Моргуновой. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. 176 с.

²²⁵ Рахматулина Р.Ш. Правовая охрана отчета результата доклинического исследования в медицине // Образование и право. 2016. - № 8. Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/57229526/paragraph/1/doclist/3028/showentries/0:0>

Результаты научной деятельности как объекты авторских прав

Законодательство Российской Федерации определение понятия «произведение науки» либо «научное произведение» не содержит. Хотя сам термин «произведение науки» достаточно распространен в правовых нормах, однако скорее не как самостоятельное юридическое понятие, а в качестве звена более объемного по содержанию термина «произведение науки, литературы и искусства». Вместе с тем в современной отечественной юридической литературе отмечается отсутствие законодательных критериев отнесения произведений к одной из групп (науки, литературы и искусства соответственно)²²⁶.

Некоторые авторы предлагают оригинальные определения научных произведений: «произведение интеллектуальной деятельности, в котором рассматриваются оригинальные научные мысли, ранее неизвестные процессы современной жизни»²²⁷; охраняемый законом результат интеллектуальной деятельности в виде научного исследования, самостоятельно проведенного физическим лицом (группой лиц), выраженного в объективной форме и содержащего новые представления о рассмотренном предмете, событии или процессе²²⁸. Встречаются и сугубо отраслевые определения научных произведений: «выраженное в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения, научное знание о нормах права, общественных отношениях, процессе их взаимодействия и основаниях, в силу которых происходит развитие соответствующих правовых связей»²²⁹.

Проблема определения понятия «произведение науки» обусловлена также и тем, что нормативные акты не предлагают легального понятия и более общего термина — «произведение». Однако в юридической литературе уже давно предлагались подходящие формулировки. В частности, Г.Ф. Шершеневич определял произведение как продукт

---

²²⁶Кондратьева Е. А. Объекты интеллектуальных прав: особенности правовой охраны. М., 2014. 160 с.

²²⁷Интеллектуальная собственность (права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации) : учебное пособие / под общ.ред. Н. М. Коршунова. М., 2015. 384 с.

²²⁸Бурдаева Т.А. Произведения науки как объекты авторских прав : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М. 2019. 215 с.

²²⁹Дружинина Ю. Ф. Произведения науки гражданского права как объект авторского права [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvedeniya-nauki-grazhdanskogo-prava-kak-obekt-avtorskogo-prava>

духовного творчества, облаченный в письменную или словесную форму и предназначенный к обращению в обществе²³⁰. В.И. Серебровский рассматривал произведение как «совокупность идей, мыслей, образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения»²³¹.

Общее определение произведения науки применительно к российскому законодательству можно сформулировать путем анализа отдельных положений ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». Ключевыми в данной ситуации могут выступать понятия «научная деятельность» и «научный результат». Так, под научной деятельностью указаный федеральный закон понимает деятельность, направленную на получение и применение новых знаний, а под научным результатом — продукт научной деятельности, содержащий новые знания или решения и зафиксированный на любом информационном носителе.

Основываясь на вышеприведенных определениях, понятие «произведение науки» может быть сформулировано следующим образом: продукт научной творческой деятельности, содержащий новые знания и решения, выраженный в доступной для восприятия человеческими чувствами форме.

Внимательное изучение норм четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее Гражданский кодекс РФ) позволяет перечислить ряд особенностей, касающихся произведений науки, и составляющих основу правового режима данных объектов.

Статья 1259 Гражданского кодекса РФ произведения науки отдельно в перечне объектов авторских прав не называет, тем не менее, указанные объекты в нем содержатся. С одной стороны, к литературным произведениям принято относить такие произведения науки, как, в частности, научные статьи, диссертационные исследования, научные рецензии, монографии²³². С другой стороны, отдельно в кодексе упомянуты географические и другие карты, планы, эскизы и пластические произведения, относящиеся к географии и другим наукам, т.е.

---

²³⁰ Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891. 321 с.

²³¹ Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права. М., 1956. 283 с.

²³² Богданова О. В. Защита интеллектуальных авторских прав гражданско-правовыми способами : монография. М., 2017. 260 с.7.; Брумштейн Ю. М. Отзыв научных статей: правовые основы и практика деятельности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. No 9. С. 17–28.

произведения науки, выраженные не в литературной форме²³³. Отдельного внимания заслуживает п. 7 ст. 1260 Гражданского кодекса РФ, в котором раскрываются некоторые особенности такого составного произведения науки, как сборник научных трудов. Отличие от общего режима составного произведения в данной ситуации заключается в том, что наряду с автором сборника специальные права предоставляются издателю. Особенности, характерные для произведений науки, можно выделить при исследовании некоторых случаев свободного использования произведений. Так, ст. 1274 Гражданского кодекса РФ допускает свободное использование произведений науки путем цитирования в оригинале и переводе в научных целях; воспроизведения в периодическом печатном издании и последующего распространения экземпляров этого издания, сообщения в эфир или по кабелю, доведения до всеобщего сведения правомерно опубликованных в периодических печатных изданиях статей по текущим экономическим, политическим, социальным и религиозным вопросам; записи на электронном носителе, в том числе записи в память ЭВМ, и доведения до всеобщего сведения авторефератов диссертаций. Согласно ст. 1275 Гражданского кодекса РФ общедоступные библиотеки, а также архивы вправе создавать единичные копии, в том числе в электронной форме, экземпляров произведений, принадлежащих им и правомерно введенных в гражданский оборот в целях обеспечения сохранности и доступности для пользователей экземпляров произведений, имеющих исключительно научное и образовательное значение, при условии, что они не переиздавались свыше десяти лет с даты выхода свет их последнего издания на территории Российской Федерации, а также создавать в единственном экземпляре и предоставлять копии, в том числе в электронной форме, отдельных статей и малообъемных произведений, правомерно опубликованных в сборниках, газетах и других периодических печатных изданиях, коротких отрывков из иных правомерно опубликованных письменных произведений (с иллюстрациями или без иллюстраций) по запросам граждан для научных и образовательных целей.

Несмотря на дополнительную регламентацию в ст. 1298 Гражданского кодекса РФ правоотношений по созданию произведений в рамках создания произведений по государственному или муниципальному контракту, законодатель не предусматривает каких-либо

---

²³³ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвертой) : в 2 т. (постатейный) / С. А. Горленко, В. О. Калятин, Л. Л. Кирий и др. ; отв. ред. Л. А. Трахтенгерц. 2-е изд. М., 2016. Т. 1. 485 с.

специфических правил для произведений науки. В приведенной статье исключительное право на созданный результат интеллектуальной деятельности, в том числе и на произведение науки, принадлежит, по общему правилу, исполнителю контракта, а не заказчику. Хотя данная норма носит диспозитивный характер, и в государственный (муниципальный) контракт может быть включено условие о принадлежности исключительного права на созданный результат интеллектуальной деятельности заказчику, представляется необходимым в отношении создаваемых по подобным основаниям произведений науки законодательно закрепить специальное правило. В тех случаях, когда произведение науки создается по государственному или муниципальному контракту для государственных или муниципальных нужд, исключительное право на него принадлежит Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию, от имени которых выступает государственный или муниципальный заказчик, если иное не предусмотрено контрактом. Важность подобной оговорки в отношении произведений науки обусловлена особым значением данных объектов авторских прав для общества и государства. ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» признает науку социально значимой отраслью (ч. 2 ст. 11). Следовательно, в тех случаях, когда исключительное право на произведение науки будет принадлежать публичному правовому образованию, правообладатель в меньшей степени будет озабочен обеспечением и защитой собственной юридической монополии на произведение науки, в отличие от частного лица. В силу этого подобное произведение науки станет более доступным. Примером схожего подхода могут служить положения Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О концессионных соглашениях». Часть 11 ст. 3 данного нормативного акта закрепляет правило о том, что исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, полученные концессионером за свой счет при исполнении концессионного соглашения, принадлежат концеденту, если иное не установлено концессионным соглашением. В качестве концедента может выступать только публичное правовое образование.

Таким образом, к предпосылкам формирования специального правового режима произведений науки по российскому законодательству следует отнести: выделение нескольких форм произведений науки (литературная и нелитературная); предоставление особых прав издателям периодических составных произведений науки;

предоставление права на свободное использование произведений науки, при условии соблюдения предусмотренных законом пределов, в научных целях.

Интересным представляется зарубежный опыт регулирования произведений науки. Внимательное изучение законодательства Китайской Народной Республики (далее — КНР) в сфере авторского права (закон от 07.09.1990 (ред. от 26.02.2010) «Об авторском праве»²³⁴) позволяет выделить следующие особенности, касающиеся произведений науки. Закон КНР «Об авторском праве» более подробно определяет сферу научного творчества. Согласно ст. 3 данного нормативного акта научные произведения (научные работы) могут относиться к сфере естественных наук, общественных наук, технологий машиностроения и т.п. Конечно, не прослеживается какого-либо противопоставления научных работ иным видам объектов авторского права, однако и в качестве вида литературного произведения научную работу закон КНР «Об авторском праве» не рассматривает.

Закон КНР «Об авторском праве» предусматривает некоторые случаи свободного использования произведений науки, правда, с некоторыми отличиями (ст. 22). Так, допускается использование научной работы без разрешения обладателя авторского права и без выплаты ему компенсации, если кто-либо использует опубликованную работу в исследовании. Разрешено соответствующее цитирование кем-либо отрывков из опубликованной работы в собственной работе с целью введения, комментария, или демонстрации точки зрения. Правомерно осуществлять перевод или воспроизведение небольшим количеством копий опубликованной работы для использования в научном исследовании, при условии, что перевод или воспроизведения не публикуются и не распространяются. Крайне интересным представляется правило, закрепленное в ст. 23 закона КНР «Об авторском праве». В соответствии с ним любой, кто составляет или публикует учебники с целью их использования в рамках обязательного девятилетнего образования, или государственных учебных планов, может без разрешения обладателя авторского права, за исключением тех случаев, когда автор заранее заявил, что такое использование не разрешено, вставлять опубликованные фрагменты работ, коротких письменных работ в свои учебники, однако он должен уплатить положенную компенсацию,

---

²³⁴ Об авторском праве: закон Китайской Народной Республики, утв. постановлением No 31 от 7 сентября 1990 г. (в ред. от 26.02.2010) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=6062>

упомянуть имя автора и название его работы и не должен посягать на другие права.

Немецкий закон «Об авторском праве и смежных правах»²³⁵ разделяет произведения науки на два вида в зависимости от формы их выражения: литературные произведения (в частности, печатные труды) и изображения научного или технического характера (чертежи, планы, карты и т. п.) (§ 2). Совершенно особым образом немецкое авторское право подходит к решению вопроса о правах авторов и издателей на материалы, размещенные в периодическом сборнике. Закон (§ 38) предоставляет автору научного материала, подготовленного в рамках научно-исследовательской деятельности, финансируемой из государственных средств, право по истечении 12 месяцев с момента первой публикации обеспечить публичную доступность принятой к публикации рукописи. Заслуживают внимания также ограничения авторского права, касающиеся произведений науки. Допускается цитирование произведений в научных целях (§ 51), § 52a предоставляет публичный доступ к произведениям науки для узкого круга лиц в их собственных научных исследованиях, а § 53 разрешает изготовление единичных копий произведения, в том числе для личного пользования в научных целях. Таким образом, в авторском праве Германии содержится большее число норм, непосредственно касающихся использования произведений в научных целях и, как следствие, оказывающих воздействие на формирование основ правового режима произведений науки.

На сегодняшний день из всех стран СНГ наиболее близко к созданию правового режима произведений науки, на наш взгляд, подошел законодатель Республики Беларусь. Закон от 17.05.2011 № 262-З «Об авторском праве и смежных правах»²³⁶ данного государства, хотя и в основе своей восходит к закону Российской Федерации от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах», тем не менее, не ограничивается простым дублированием его законодательных положений. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что произведения науки (монографии, статьи, отчеты, научные лекции и доклады, диссертации, конструкторская документация и др.) выделены в отдельную группу объектов авторских прав (ст. 6). Также предпринята

---

²³⁵ Германские законы в области права интеллектуальной собственности: пер. с нем. / науч. ред. Т. Ф. Яковлева. М., 2017. 548 с.

²³⁶ Об авторском праве и смежных правах: закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=230501

попытка закрепить в качестве самостоятельного критерия разрешенного свободного использования научных произведений исследовательскую цель использования (ст. 36). Правда, в данной норме описано всего один случай — воспроизведение малообъемных научных произведений, правомерно опубликованных в сборниках, журналах и т. п. Иные случаи свободного использования научных произведений указаны отдельно и касаются цитирования (ст. 32) и воспроизведения библиотеками и архивами (ст. 37).

Установление в отношении произведений науки большого числа ограничений исключительного права в сравнении с иными произведениями литературы и искусства может быть оправдано высокой общественной значимостью научных произведений и признанием ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» науки в качестве социально значимой отрасли.

Отдельно следует оговорить сугубо экономические аспекты создания произведений науки. В настоящее время сфера интеллектуальной собственности как никогда коммерциализирована. Разработаны и активно применяются на практике многочисленные инструменты монетизации творческой деятельности. Однако в подавляющем большинстве случаев авторы произведений науки не получают выплат вследствие использования результатов их творческой деятельности. В частности, использование опубликованных диссертационных исследований осуществляется на безвозмездных началах; использование опубликованных научных статей, в соответствии с широко применяемой политикой открытого доступа к результатам научных исследований, осуществляется на безвозмездных началах. Авторские гонорары за публикации выплачиваются небольшим количеством издательств. Наоборот, сами исследователи вынуждены оплачивать издательские услуги, не получая впоследствии никакой финансовой выгоды в случае использования другими лицами их результатов интеллектуальной деятельности.

Развитие глобальной науки стимулирует ученых предоставлять права использования собственных произведений науки как можно большему числу лиц. Это повышает узнаваемость автора, влияет на его цитируемость и, как следствие, авторитет в научном сообществе. Вместе с тем, в отношении произведений науки законодатель не устанавливает никаких повышенных мер и гарантий защиты прав ученых при их незаконном использовании.

Таким образом, в настоящее время существуют некоторые общие предпосылки формирования специального правового режима произведений науки: отдельные группы объектов и разрешенные способы свободного использования произведений науки. В целях развития научно-технического прогресса, достижения социально-экономического благосостояния, а также баланса прав и обязанностей правообладателей и пользователей в отношении научных знаний следует закрепить в законодательстве Российской Федерации специальный правовой режим произведений науки.

Результаты научной и научно-технической деятельности как объекты патентных прав

Весьма часто результаты научной и научно-технической деятельности облакаются в одну из форм объектов патентных прав. В соответствии со ст. 1349 Гражданского кодекса РФ объектами патентных прав являются изобретения, полезные модели и промышленные образцы. Именно эти объекты, прежде всего, ассоциируются с результатами научно-технической деятельности²³⁷. Важным критерием соотношения указанных понятий является «новизна». Результаты научно-технической деятельности определяются в ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» как продукты научно-технической деятельности, содержащие новые знания. В то же время «новизна» является непременным условием патентоспособности изобретений (ст. 1350 Гражданского кодекса РФ), полезных моделей (ст. 1351 Гражданского кодекса РФ), промышленных образцов (ст. 1352 Гражданского кодекса РФ). В приведенных нормах гражданского законодательства «новизна» определяется как неизвестность из уровня техники и неизвестность существенных признаков данных технических решений из сведений, ставших общедоступными в мире до даты подачи заявки на регистрацию соответствующего результата научно-технической

---

²³⁷ Куликов, Д. М. Распоряжение правами на результаты научно-технической деятельности в контексте реализации механизма «регуляторной гильотины»: юридико-технический аспект / Д. М. Куликов, А. А. Ищенко // Управление наукой и наукометрия. – 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 107-143. – DOI 10.33873/2686-6706.2021.16-1.107-143. – EDN CRPOCT.; Свиридова, Е. А. Правовые риски инвестирования в инновационные патентоспособные результаты научно-технической деятельности / Е. А. Свиридова // Государство и право. – 2019. – № 12. – С. 76-84. – DOI 10.31857/S013207690007820-4. – EDN JATVAQ.; Боровская, Е. А. Три существенные характеристики результатов научно-технической деятельности / Е. А. Боровская // Беларусь в современном мире : Материалы XIX Международной научной конференции, посвященной 99-летию образования Белорусского государственного университета, Минск, 29 октября 2020 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2020. – С. 433-439. – EDN AAGJVA.

деятельности. Проверка «новизны» предусматривает выявление наиболее близких аналогов для вновь созданных технических решений и проведение сравнительного анализа между ними²³⁸.

Результаты научно-технической деятельности, оформленные в качестве изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, часто рассматриваются в качестве более значимых еще и потому, что их формализация усиливается выдачей охранного документа – патента. Патент закрепляет принадлежность интеллектуальных прав на результаты научно-технической деятельности конкретным субъектам (авторам и правообладателям). Однако выбор данного правового режима сопряжен с большими временными и финансовыми издержками.

1.8. Правовой статус ученого в современных условиях (на примере организации научной деятельности в МВД России)

Вопросы творческого и интеллектуального совершенствования общества в последние годы заметно вышли из тени иных приоритетов государственного развития, стали активнее привлекать внимание высших политических и общественных деятелей. Сообразно этому органы государственной власти, предпринимательское сообщество сместили вектор организации и реформирования финансового сектора страны, производственных отношений на использование достижений науки, внедрение инновационных технологий, привлечение квалифицированных кадров для решения ключевых задач укрепления экономики. Полагаем импульс данным тенденциям придается соответствующими директивными поручениями главы государства.

По инициативе Президента Российской Федерации в 2021 году реализован крупный проект – Год науки и технологий²³⁹, в рамках которого были запущены новые объекты научной инфраструктуры, возрождены значимые в прошлом коллективы ученых и практиков (к примеру, общество «Знание») и созданы прогрессивные институты (например, Конгресс молодых ученых) и пр.

---

²³⁸ См., например, приказ Роспатента от 27.12.2018 № 236 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение, его дубликата».

²³⁹ См.: О проведении в Российской Федерации Года науки и технологий: указ Президента Российской Федерации от 25.12.2020 № 812 // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. Путь доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/AKAQWMNXzogSsUAGFuBhzAmEkeuXrsSI.pdf> (дата обращения: 12.07.2022).

Реализация проекта позволила добиться серьезных достижений в рамках позиционирования России в числе мировых научных лидеров. В результате, на совместном заседании Государственного Совета и Совета при Президенте РФ по науке и образованию главой государства предложено положить начало Десятилетию науки, на основании чего принят ряд руководящих документов²⁴⁰.

Убеждены, что не только успехи в этом направлении подвигли лидера нашего государства на продолжение поступательного развития в деле укрепления научно-технологического потенциала. Реализованный в 2021 году проект высветил ряд стратегических задач проблемного характера, требующих комплексного и, при этом, долгосрочного решения.

В частности, конкретными показателями эффективности запланированных мероприятий являются: уменьшение оттока ведущих ученых за рубеж, привлечение для фундаментальных и прикладных исследований иностранных специалистов, улучшение имиджевой составляющей научной деятельности посредством повышения социальной, финансовой и иной привлекательности занятия поисковым, исследовательским творчеством. Принимая это обстоятельство во внимание, позволим себе предположить, что ключевым направлением реализации реформирования научной сферы, мощнейшим рычагом достижения прорывных открытий в рамках Десятилетия науки (и не только), должен стать комплекс мер по обеспечению гарантий реализации и защите правового статуса российского ученого.

Стоит отметить, что вопросы правового регулирования юридического положения субъекта, занимающегося научной деятельностью, в последнее время стали все больше интересовать сообщество специалистов. Появились не только отдельные научно-теоретические публикации по данной тематике, но и начали складываться полноценные авторские коллективы, изучающие закономерности нормативного правового обеспечения правового статуса ученого²⁴¹.

---

²⁴⁰См.: Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий: указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 231 // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. Путь доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47771> (дата обращения: 12.07.2022).

²⁴¹ См., к примеру: Правовое регулирование международного научного и научно-технического партнёрства в рамках Шанхайской организации сотрудничества / Е.С. Аничкин, А.А. Васильев, Е.А. Куликов и др. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2022; Васильев А.А., Шпоппер Д., Печатнова Ю.В. Правовой статус коллективных субъектов научной деятельности // Юрислингвистика. 2021. № 21. С. 5-10.

Ввиду широты восприятия категории правовой статус личности, многообразия подходов к ее изучению (начиная от понимания юридической природы, осмысления сущности и до исследования закономерностей структурного наполнения), оговоримся, что в рамках настоящей работы мы затронем лишь основополагающие элементы конструкции, служащие гарантией достижения стратегической цели по сбережению интеллектуального капитала России. При этом, акцент нами будет сделан на особенностях юридического положения ученого, реализующего свой потенциал в научных и образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России).

Для начала полагаем необходимым определиться с терминологией. Интересно, что с точки зрения русского языка и этимологии образования термина «ученый», он обладает лексической дихотомией: может выступать как существительным, так и прилагательным. В первом варианте его интерпретация сводится к обозначению человека, являющегося высококвалифицированным специалистом в какой-либо области науки. Прилагательное, обозначающее качество «учености», характеризует такие свойства субъекта, как обладание им обширными и глубокими познаниями в какой-либо области науки, наличие опыта²⁴².

Примечательно, что справочная литература приоритетное значение в статусе ученого отдает статичному компоненту – основательности знаний в научной области, а не динамичному, т.е. непосредственно процессу получения этих знаний, занятиям поисковой и творческой деятельностью, направленным на постижение нового, не открытого наукой. Исходя из этого, может сложиться искаженное понимание данного термина, а сама юридическая конструкция правового статуса ученого исключит из содержания тех субъектов, которые во временном отрезке не так давно встали на путь исследовательского поиска (магистрантов, аспирантов, ординаторов, ассистентов и др.).

Попытки установить качественные критерии, закрепленные в нормах законодательства и позволяющие точно и однозначно отнести конкретного субъекта общественных отношений в области науки к ученому, к сожалению, не дают положительного результата. К

---

²⁴²См.: Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 3: Р-Я. С. 677; Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: «Альга-Принт», ООО Изд-во «ДОМ. XXI век», 2008. С. 1116.

примеру, специальный нормативный правовой акт для данной области – федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», – не содержит определения понятия «ученый», хотя в тексте свыше ста раз прибегает к данной лексеме²⁴³.

Не вносят конкретики, на наш взгляд, и положения статей 3 и 4 данного нормативного правового акта, в равной степени использующие для обозначения лица, который мог бы быть отнесен к статусу ученого, следующие конструкции: «субъект научной и (или) научно-технической деятельности», «научный работник», «специалист научной организации» и «работник сферы научного образования». Памятуя о системном характере нашего законодательства, обратимся к аксиоме, в соответствии с которой базовые положения федеральных законов должны детализироваться подзаконными нормативными правовыми актами. Последние, в свою очередь, также активно используют термин «ученый»: как для обозначения соответствующего правового и социального положения лица, так и для закрепления за ним конкретных правовых преимуществ в форме субсидий, грантов и пр. Что характерно, делается это точки зрения юридической техники аналогично – путем уклонения от закрепления соответствующей дефиниции данного понятия и лишь фрагментарно давая понять правоприменителю, на какие критерии ему следует ориентироваться при отнесении конкретного субъекта к статусу «ученый».

К примеру, исходя из текста указа Президента РФ от 16.09.1993 № 1372 (имеющего, к слову сказать, весьма показательное для нашего исследования наименование) ученым является: во-первых, «работник бюджетной организации науки и высших учебных заведений», а во-вторых, субъект, имеющий ученое звание академика или члена-корреспондента, либо ученую степень доктора (кандидата) наук²⁴⁴. Другим указом Президента РФ от 09.02.2009 № 146 критерии отнесения к статусу ученого еще более сужены. В основу правового положения молодого ученого заложены два элемента – наличие ученой степени и

---

²⁴³ См.: О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (в ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137; 2022. № 16. Ст. 2610.

²⁴⁴ См.: О мерах по материальной поддержке ученых России: указ Президента Российской Федерации от 16.09.1993 № 1372 (в ред. от 19.08.2015), абз. 2 // Российская газета. 1993. 3 нояб.

возраст для данной категории (не старше 35 лет для кандидатов наук, не старше 40 лет для докторов наук)²⁴⁵.

Очевидно, что возраст, организационно-правовая принадлежность к конкретному учреждению, в рамках которой осуществляется трудовая деятельность, и наличие ученой степени (или ученого звания) – критерии важные, но не исчерпывающие для установления полноценного содержания правового статуса ученого. Тем более, если в иных подзаконных актах они представлены в ином ключе, не единообразно друг другу. К примеру в постановлении Правительства РФ от 19.03.2020 № 300 к молодым ученым отнесены еще и обучающиеся в аспирантуре (адъюнктуре) и имеющие научные труды, опубликованные в рецензируемых изданиях, «отражающие выдающиеся научные достижения молодого ученого»²⁴⁶.

С одной стороны, обозначенные критерии первоначально могут быть оценены положительно. Тезис объясняется тем, что в данном нормативном правовом акте, в отличие от многих других (в том числе приведенных в настоящей работе), сделан акцент именно на процессе осуществления научно-исследовательской деятельности как основополагающем критерии отнесении субъекта к статусу ученого. Фактически мы впервые можем заявлять о том, что для обладания статусом «ученый» необходимо реально заниматься научной (исследовательской) деятельностью и результаты своих открытий презентовать профессиональному сообществу. С другой стороны, включение в, и без того абстрактную конструкцию правового статуса ученого, оценочных качеств вызывает еще больше вопросов, детерминирует новые риски правоприменения и неверного толкования. При этом, подобная оценочная лексема «выдающиеся достижения» к сожалению не единственная, используемая в данной области. Речь может вестись также и о прилагательных в качестве приставок к слову «ученый», к примеру, «ведущий». Соответствующим постановлением Правительства РФ весьма подробно и детализировано определена правовая природа

---

²⁴⁵ См.: О мерах по усилению государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов и докторов наук: указ Президента Российской Федерации от 09.02.2009 № 146 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 7. Ст. 812.

²⁴⁶ О персональных стипендиях имени Ж.И.Алферова для молодых ученых в области физики и нанотехнологий и внесении изменений в Положение о Совете по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 19.03.2020 № 300 (в ред. от 11.09.2021), п. 2 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 13. Ст. 1914.

совета по грантам, выделяемым ведущим ученым, форма деятельности данного коллегиального органа и т.д., однако нет ни единого критерия определения обозначенной высокой характеристики исследователя²⁴⁷.

Ряд иных подзаконных нормативных правовых актов исключает даже и такой критерий, как осуществление трудовых функций в научных организациях. К примеру, на премию Правительства РФ в области науки и техники для молодых ученых «органами государственной власти и организациями» могут быть выдвинуты граждане не старше 35 лет за определенные открытия и достижения (области их применения приведены в соответствующем исчерпывающем перечне)²⁴⁸. Организационно-правовая форма субъектов выдвижения кандидатов на соискание премий, ведомственная и иная принадлежность, а также юридическая связь с исследователями (в виде оформленного контракта, трудового договора или почасовой оплаты труда либо иное), не конкретизируются.

Принимая во внимание тот факт, что федеральное законодательство, подзаконные нормативные правовые акты не позволили однозначно определиться с содержательной и структурной стороной правового статуса ученого, возможно, потенциал ведомственного правотворчества мог бы отчасти нивелировать сложившуюся ситуацию. Однако и этого не происходит.

Ключевые нормативные правовые акты, на основании которых в органах внутренних дел организована научная деятельность, несколько раз прибегают к использованию термина «ученый», в том числе, с оценочными качествами «ведущий», «признанный»²⁴⁹ и др., а

---

²⁴⁷См.: О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные организации высшего образования, научные учреждения и государственные научные центры Российской Федерации (вместе с «Положением о совете по грантам Правительства Российской Федерации для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых в российских образовательных организациях высшего образования, научных учреждениях и государственных научных центрах Российской Федерации»): постановление Правительства РФ от 09.04.2010 № 220 (в ред. от 04.05.2021) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1907.

²⁴⁸Об утверждении Положения о премиях Правительства Российской Федерации в области науки и техники для молодых ученых: постановление Правительства РФ от 05.08.2010 № 601 (в ред. от 24.10.2020) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 33. Ст. 4426.

²⁴⁹См.: Об осуществлении научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 01.04.2016 № 155 (в ред. от 05.08.2021), п. 34 // СПС «Консультант Плюс»; Об утверждении Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на

также используя различные синонимичные термины и лексические конструкции, по смыслу соотносимые с исследуемым нами статусом. К примеру, в состав научно-практических секций, создаваемых в целях организации «наиболее эффективного научного обеспечения деятельности органов внутренних дел», предлагается включать «представителей признанных научных школ»²⁵⁰. По сложившейся «традиции» и по аналогии с актами более высокого уровня правотворчества, приказы не содержат указания на критерии отнесения того или иного сотрудника к представителю, ученому или иному субъекту, по логике нормативного акта, занимающемуся научной деятельностью.

В сложившейся ситуации выходом из затруднительного определения содержания и конструкции правового статуса ученого может стать использование результатов доктринальных разработок. Так, в ранее опубликованных работах мы предлагали наиболее универсальную конструкцию специального правового статуса личности (на примере лиц, отбывающих уголовное наказание²⁵¹, или сотрудников органов внутренних дел²⁵²). Сообразно придерживаемых на этот счет позиций полагаем, что ученый, ввиду наличия, кроме базовых прав и обязанностей, дополнительных элементов своего юридического положения, безусловно, обладает специальным правовым статусом. В частности, его компонентами являются: «права, обязанности, законные интересы, ограничения, запреты, ответственность и правовые преимущества»²⁵³.

Подтверждение наших позиций, в особенности относительно включения в конструкцию таких элементов, как законные интересы и правовые преимущества, мы находим в одном из последних (по данной тематике) решений Конституционного Суда Российской Федерации. Субъект официального толкования законодательства указал, что

период до 2030 года: приказ МВД России от 13.11.2020 № 767 // СПС «Консультант Плюс».

²⁵⁰Об организации научного обеспечения и применении положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 18.03.2013 № 150 (в ред. от 30.03.2022), п. 4 // СПС «Консультант Плюс».

²⁵¹См.: Репьев А.Г., Репьева А.М. Правовые преимущества как элемент специального правового статуса женщины-осужденной // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4. С. 24-29.

²⁵²См.: Репьев А.Г. Специальный правовой статус: сущность и содержание (на примере сотрудника органов внутренних дел) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 3 (36). С. 80-87.

²⁵³Актуальные проблемы теории права: учебник. М.: Академия управления МВД России, 2021. С. 274.

«именно социальная значимость предопределяет особый статус педагогических работников в обществе, предполагающий в том числе их наделение специальными – академическими – правами и свободами, в основе которых лежат закрепленные в Конституции РФ свободы научного творчества. Это обстоятельство обязывает федерального законодателя, устанавливающего особенности регулирования труда педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, в образовательных организациях высшего образования, всемерно способствовать осуществлению указанными лицами прав и свобод, содействуя при этом повышению престижа социально значимого педагогического труда»²⁵⁴.

Ключевым является следующий аспект. Сотрудники органов внутренних дел, проходящие службу в образовательных и научных организациях системы МВД России на должностях профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников, имеют специальные звания полиции. Какой, в этой связи, специальный правовой статус для подобного субъекта будет являться приоритетным: полицейского или ученого? Для ответа на него необходимо, на наш взгляд, установить какие компоненты правовых статусов являются определяющими для сохранения трудовых отношений, а какие – факультативными.

Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих прохождение службы в органах внутренних дел, позволяет сделать вывод, что приоритетным является правовой статус сотрудника полиции, в силу следующих факторов:

во-первых, первостепенной, безальтернативной необходимостью выполнять предусмотренные законодательством обязанности сотрудника полиции, соблюдать установленные ограничения и запреты, нести повышенную ответственность²⁵⁵;

---

²⁵⁴ По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Подакова: постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2022 № 32-П // Российская газета. 2022. 3 авг.

²⁵⁵ К примеру, вне зависимости от занимаемой должности, сотрудник полиции обязан «оказывать первую помощь лицам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья». О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 21.12.2021), п. 3 ч. 1 ст. 12 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900; 2021. № 52. Ст. 8983.

во-вторых, установленными требованиями к состоянию здоровья, физической и специальной подготовке соответствующего уровня, предусмотренных для выполнения имеющихся функций²⁵⁶;

в-третьих, отсутствием возможности реализовать ряд законных интересов и воспользоваться правовыми преимуществами, установленными для ученых, состоящих в трудовых отношениях с учреждениями иной организационно-правовой формы, либо осуществляющих научную деятельность в образовательных и научных организациях МВД России, но в статусе работника, а не аттестованного сотрудника.

На третьем из выделенных аспектов остановимся более подробно ввиду того, что ученый (не из числа сотрудников органов внутренних дел), в отличие к примеру, от служащего в правоохранительных органах, занимается не просто социально-полезной деятельностью, но еще и имеющей творческий характер. В этой связи, полагаем, что приоритетными элементами его правового статуса являются права, законные интересы и правовые преимущества. Это подтверждается и нормами законодательства. Так, к примеру, в вышеупомянутом специальном законе, регламентирующем правовой статус научного работника, из компонентов последнего обязанности представлены лишь двумя позициями²⁵⁷, тогда как права – одиннадцатью, а правовые преимущества хотя и одной, но имеющей бланкетный характер и отсылающей правоприменителя как минимум к четырем подзаконным нормативным правовым актам²⁵⁸.

Подобное акцентирование внимания на значении правовых преимуществ в структуре специального правового статуса ученого не

---

²⁵⁶ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (в ред. от 30.04.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021), п. 5 ч. 1 ст. 14 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49. Ст. 7020; 2021. № 1. Ст. 56.

²⁵⁷ О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (в ред. от 16.04.2022), п. 7 ст. 4 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137; 2022. № 16. Ст. 2610.

²⁵⁸ См., например: О премиях Правительства Российской Федерации в области науки и техники для молодых ученых: постановление Правительства Российской Федерации от 15.12.2004 № 793 (в ред. от 31.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 51. Ст. 5205; О премии Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых: указ Президента Российской Федерации от 30.07.2008 № 1144 (в ред. от 27.11.2018) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 31. Ст. 3707; О премиях Правительства Российской Федерации в области науки и техники: постановление Правительства Российской Федерации от 24.10.2013 № 954 (в ред. от 01.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 44. Ст. 5755; и др.

случайно. Это обусловлено их юридической природой, социальным предназначением и функциональной ролью. Правовые преимущества, в особенности такие их типы, как привилегии и льготы, имеют важное стимулирующее значение, рассматриваются как основополагающие поощрительные средства для научных и творческих деятелей, добивающихся повышенных показателей, отличающихся от общеустановленной нормы. Как известно, они «стимулируют здоровую инициативу, конкурентоспособность, предприимчивость субъектов по поиску новых форм и методов деятельности для достижения результата, превышающего общепринятый. Потенциальная возможность получения дополнительных прав, льгот ориентирует человека на проявление своих лидерских качеств, способностей добиваться поставленной цели. Преимущества выступают мощным психологическим мотиватором»²⁵⁹.

Отметим лишь некоторые из предусмотренных законодательством Российской Федерации правовых преимуществ для ученых, при этом не распространяющихся на сотрудников образовательных и научных организаций МВД России, занимающихся научной деятельностью.

1. *Пособия*. Как разновидность правового преимущества оно относится к льготе, «выражающейся в установлении выплат денежных средств из бюджета государства физическим и юридическим лицам, нуждающимся в них в силу сложившихся обстоятельств и не способных осуществлять без этого нормальную жизнедеятельность»²⁶⁰. Так, указом Президента РФ от 07.05.2012 № 597, в целях дальнейшего совершенствования государственной социальной политики установлено требование по обеспечению повышения к 2018 году средней заработной платы преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования и научных сотрудников до 200 процентов от средней заработной платы в соответствующем регионе²⁶¹. В соответствии с пп. «е» п. 1 данного нормативного правового акта Правительством РФ была утверждена Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных)

---

²⁵⁹ Репьев А.Г. Категории «привилегия» и «льгота» в системе правовых преимуществ: теория, практика, техника: монография / под ред. профессора И.Н. Сенякина. Барнаул: АЗБУКА, 2019. С. 22.

²⁶⁰ Там же. С. 110.

²⁶¹ См.: О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 597 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2334.

учреждениях на 2012-2018 годы²⁶². В составе Программы разработана Примерная форма трудового договора с работником государственного (муниципального) учреждения, где в разделе IV определена система оплаты труда, в том числе закреплены выплаты стимулирующего характера. Система надбавок стимулирующего характера устанавливается коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами образовательных и научных организаций в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. Каждая образовательная (научная) организация разрабатывает систему выплат за выполнение целевых показателей научными и педагогическими работниками, которая ежегодно рассматривается и утверждается коллегиально на заседаниях методического и ученого советов и закрепляется локальными нормативными правовыми актами. К примеру, работник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» за публикацию в международном рецензируемом научном издании получает академическую надбавку в размере ста тысяч рублей²⁶³. Как известно, у научного сотрудника или сотрудника из числа профессорско-преподавательского состава органов внутренних дел должностной оклад фиксированный и подобного рода надбавки, стимулирующие его активность на научном поприще, не предусмотрены²⁶⁴. При этом, количество подобного статуса публикаций за 2021 год, выполненных учеными системы МВД России, весьма показательно²⁶⁵. Акцентировать внимание профессионального сообщества на

---

²⁶²См.: Об утверждении Программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018 годы: распоряжение Правительства РФ от 26.11.2012 № 2190-р (в ред. от 14.09.2015) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 49. Ст. 6909.

²⁶³См.: Об установлении размеров академических надбавок: приказ НИУ «Высшая школа экономики» от 05.03.2022 № 6.18.1-01/050322-15. Официальный сайт Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]. Путь доступа: https://www.hse.ru/science/scifund/an2021/an_2021_regulation#pagetop (дата обращения: 14.07.2022).

²⁶⁴См.: Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31.03.2021 № 181 // СПС «Консультант Плюс».

²⁶⁵К примеру, за 2021 год учеными Академии управления МВД России опубликовано 56 статей, входящих в системы цитирования Web of Science или Scopus, по состоянию на 15 июля 2022 г. – 23 статьи. Количество аналогичных публикаций, подготовленных учеными Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя за 2021 год составило 43, за указанную дату 2022 г. – 17. Официальный сайт научной электронной

том обстоятельстве, что большая часть подобного рода публикаций предполагает оплату автором редакционных и иных услуг, по подготовке рукописи к выходу в свет (состоимостью которых можно ознакомиться на соответствующих сайтах издательств), полагаем излишним.

2. *Гранты*. Как известно, одним из наиболее прогрессивных механизмов поддержки статуса ученого и его научных исследований на сегодняшний день выступает предоставление грантов²⁶⁶. Данный правовой феномен является привилегией материального характера, предоставляемой государством на конкурсной основе и в подотчетном порядке на проведение фундаментальных научных исследований, поисковую деятельность в государственно-значимой и общественно полезной сфере»²⁶⁷.

Стимулирующий характер подобной формы правового преимущества, его гарантирующая роль в укреплении статуса ученого представляются очевидными. К примеру, Российским научным фондом за 2021 год оказана финансовая помощь 5,3 тыс. научным проектам и программам в общем объеме 24,3 млрд рублей, что свидетельствует о конкретной поддержке 39,6 тыс. ученых²⁶⁸. Гранты предоставляются руководителю научного коллектива при условии прохождения конкурсного отбора фундаментальных и поисковых исследований, но через научные организации, образовательные организации высшего образования. Все образовательные и научные организации МВД России по своей организационно-правовой форме относятся к казенным учреждениям. Формально, законодательство Российской Федерации не ограничивает казенные учреждения в праве участвовать в конкурсе на получение гранта в форме субсидии. Однако системное толкование норм, регламентирующих данную сферу, все же свидетельствует о фактическом наличии подобного ограничения.

библиотеки Elibrary.ru [Электронный ресурс]. Путь доступа: https://elibrary.ru/org_items.asp (дата обращения: 15.07.2022).

²⁶⁶ Репьев А.Г., Першина И.В. Грант как правовая форма поддержки инноваций: понятие, содержание, отличие от смежных категорий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1(53). С. 44-49.

²⁶⁷ Репьев А.Г. Преимущества в праве и законодательстве: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. И.Н. Сенякина. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 277.

²⁶⁸ См.: Отчет Российского научного фонда за 2021 год [Электронный ресурс]. Путь доступа: https://rscf.ru/fondfiles/documents/rsf_ar_2021.pdf (дата обращения: 15.07.2022).

Так, ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) определено правовое положение казенного учреждения, «финансовое обеспечение деятельности которого осуществляется за счет средств соответствующего бюджета на основании бюджетной сметы»²⁶⁹. Казалось бы, п. 7 ст. 78 БК РФ предполагает возможность предусмотреть в законе о бюджете «бюджетные ассигнования на предоставление грантов в форме субсидий<...> юридическим лицам», но «за исключением государственных (муниципальных) учреждений». Существует оговорка, предусмотренная п. 4 ст. 78.1 БК РФ, открывающая возможность государственным учреждениям участвовать в конкурсе на получение гранта в форме субсидии, которая однако, ограничивает в этом праве казенные учреждения. Актом делегированного толкования разъяснено, что «если казенное учреждение будет определено победителем конкурса, финансовое обеспечение реализации целей, на достижение которых предоставляется грант, должно осуществляться в пределах бюджетных ассигнований, определенных ст. 70 БК РФ, и на основании бюджетной сметы с учетом ограничений, установленных ст. 161 БК РФ»²⁷⁰. Последняя из приведенных норм-изъятий и ставит точку в данном вопросе, поскольку в п. 10 ст. 161 БК РФ содержится лаконичное и недвусмысленное положение, не подлежащее расширительной интерпретации: «субсидии казенному учреждению не предоставляются».

3. *Субсидии*. Данный правовой институт также отнесен нами к разновидности правового преимущества в форме привилегии, заключающейся в «финансовом и ином материальном содействии, осуществляемом государством для поддержки предпринимательской, трудовой, служебной деятельности в форме целевого, адресного распределения денежных средств, приоритетного получения субъектами материальных благ (жилого помещения, средств связи и пр.)»²⁷¹.

На сегодняшний день, государство оказывает содействие в улучшении условий проживания для разных категорий ученых, но в особенности для молодых представителей науки. К примеру, в рамках

---

²⁶⁹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в ред. от 28.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2022), ст. 6 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823; 2022. № 9. Ст. 1254.

²⁷⁰ О внесении изменений в статьи 78 и 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации: письмо Минфин России от 30.08.2013 № 02-13-09/35843 // Официальные документы в образовании. 2014. № 9.

²⁷¹ Репьев А.Г. Преимущества в праве и законодательстве: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. И.Н. Сенякина. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 180.

государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», ученый, не достигший возраста 35 лет (являясь кандидатом наук) или 40 лет (имея ученую степень доктора наук) может получить выплату на приобретение жилья. Однако критерием, ограничивающим участие в данной программе профессорско-преподавательского состава и научных деятелей, из числа сотрудников органов внутренних дел, является наличие трудовых отношений исключительно с научной или образовательной организацией высшего образования, подведомственной Минобрнауки России²⁷².

К слову сказать, поручением Президента РФ, озвученном 24 декабря 2021 г. на совместном заседании Государственного Совета и Совета при Президенте по науке и образованию, предусмотрено «расширение категории получателей социальных выплат на приобретение жилых помещений за счет включения в их число молодых научных и научно-педагогических работников научных организаций и образовательных организаций высшего образования вне зависимости от их ведомственной принадлежности»²⁷³. На момент подготовки материала срок исполнения поручения не истек, поэтому остается ожидать предложения соответствующих решений от ответственных исполнителей.

Таким образом, в качестве промежуточных выводов по изложенному материалу попробуем сформулировать следующие основные положения:

– юридическая конструкция правового статуса «ученый» в современных условиях не закреплена должным образом в нормах отечественного законодательства (как федерального уровня, так и подзаконного, ведомственного, локального), однако, имеет достаточно прочно проработанную основу на уровне юридической доктрины и примеры активного использования в правоприменительной деятельности;

– ввиду отсутствия законодательно-закрепленного содержания статуса ученого, единообразия в вопросах его интерпретации,

---

²⁷²См.: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»: постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2017 № 1710 (в ред. от 20.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 3. Ст. 546; 2022. № 26. Ст. 4488.

²⁷³ Перечень поручений по итогам совместного заседания Госсовета и Совета по науке и образованию, Пр-290, п.1г-1// Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. Путь доступа: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/67752> (дата обращения: 15.07.2022).

вызванного в том числе, использованием таких оценочных терминов, как ведущий, выдающийся и пр., возникают дефекты правоприменения, существенно и при этом негативным образом сказывающиеся на эффективности внедряемых мер государственной поддержки научного сектора;

– доктринальная конструкция правового статуса ученого в Российской Федерации характеризуется, на наш взгляд, специальным свойством, ввиду присутствия в ней, помимо базовых компонентов в виде прав и обязанностей, дополнительных элементов: законные интересы, правовые преимущества, ограничения, запреты и ответственность;

– правовые преимущества выступают приоритетным элементом специального правового статуса ученого ввиду их стимулирующего, поощрительного потенциала, способности за счет таких разновидностей, как льготы (в виде пособий, компенсаций) и привилегии (в форме грантов, квот, преференций) обеспечивать достойный уровень материального благополучия, что, в свою очередь, сказывается на привлечении в научную сферу деятельности наиболее квалифицированных кадров;

– органы внутренних дел Российской Федерации на сегодняшний день обладают серьезным потенциалом участия в ключевых направлениях развития науки и технологий, однако существующая система интеллектуального стимулирования, а также материального поощрения позволяют прогнозировать постепенный отток ведущих ученых в научные организации иной ведомственной принадлежности и, главное, альтернативных организационно-правовых форм, активно внедряющих прогрессивные модели поддержки результатов научных исследований, дифференцированную систему материального обеспечения.

Приведенные выводы, аргументированные в материале примеры предусмотренных в законодательстве правовых преимуществ для российских ученых, при этом не распространяющихся на сотрудников образовательных и научных организаций МВД России, занимающихся научной деятельностью, высветили необходимость решения по меньшей мере двух комплексных проблем.

Во-первых, потребность законодательного закрепления понятия и юридической конструкции правового статуса ученого, ввиду полисемичного использования данного термина в различных нормативных правовых актах и отсутствия его единообразного понимания. Не так давно группа депутатов Государственной Думы РФ внесла в порядке

законодательной инициативы законопроект, в котором предлагалось закрепить понятие «молодой ученый», который был отклонен после предварительного рассмотрения²⁷⁴. Фактически, предлагаемая дефиниция полностью дублировала определение понятия «молодой ученый», содержащееся на сегодняшний день в Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г.²⁷⁵ При этом, как ранее нами указывалось, в основу определения статуса молодого ученого был заложен лишь статичный компонент: оформленные трудовые отношения с образовательной или научной организацией, а также возрастной ценз.

Убеждены, что более логически выверенным будет первоначальное закрепление на законодательном уровне родового правового статуса «ученый», с возможностью уточнения дополнительных параметров и отнесения его к категориям: молодой, выдающийся и пр. При этом важным является указание на динамический компонент статуса, а именно – фактическое, реальное занятие научной (исследовательской) деятельностью.

В этой связи, полагаем возможным предложить следующее определение понятия: *«ученый – это сотрудник (работник) образовательной или научной организации, обладающий необходимой квалификацией для осуществления научной и (или) научно-технической деятельности, имеющий научные труды, опубликованные в рецензируемых изданиях, отражающие результаты по получению новой научной и (или) научно-технической продукции».*

Во-вторых, ускорение интеграции ученых, проходящих службу в органах внутренних дел, в научные разработки по приоритетным направлениям научно-технологического развития Российской Федерации. Полагаем, что данный процесс должен осуществляться путем создания условий для комфортной работы в коллективах ученых (в том числе молодежных коллективах), объединяющихся для проведения междисциплинарных исследований, стоящих на стыке нескольких областей знания. Безусловно, подобные комфортные условия должны

---

²⁷⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» (в части государственной поддержки молодых ученых): проект федерального закона № 898664-7 // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. Путь доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/898664-7> (дата обращения: 15.07.2021).

²⁷⁵ См.: Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р, п. 2 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 50. Ст. 7185.

отражать как достойное материальное вознаграждение, так и наличие социальных гарантий осуществления профессиональной деятельности (решение жилищно-бытовых проблем, приобретение необходимого научного оборудования и т.д.). К примеру, такими перспективными направлениями могли бы стать: исследование нормативной правовой основы, законодательных и правоприменительных проблем регулирования деятельности по редактированию генома человека, или применению 3D-печати искусственных тканей и органов и их последующая имплантация человеку, а также многое другое. На сегодняшний день поле для творческого и научного поиска поистине необъятно.

Глава 2. Правовое регулирование международного научно-технического сотрудничества: зарубежный опыт и компаративный анализ

2.1. Национальное правовое регулирование науки и научно-технического сотрудничества в Китае и России: сравнительный аспект

Растущие экономические показатели, которые демонстрирует Китай уже более трех десятилетий, по всем показателям экстраординарные. Китайская Народная Республика провела индустриализацию в три раза быстрее, чем страны Запада. За 30 лет ВВП Китая увеличился в 15 раз, а промышленное производство — более чем в 20 раз. Внешнеторговый оборот вырос более чем в 100 раз.²⁷⁶ Четверть экспорта мирового высокотехнологичного сектора приходится на Китай. Причем по доле добавленной стоимости в высокотехнологичном производстве Китай приближается к показателям США. В 2014 г. доля США составляла 29 %, а Китая – 27 %. Видится, что масштабный прорыв в экономическом развитии страны предопределен внушительным научно-техническим потенциалом Китая, который является самой перспективной составляющей национального богатства страны.

Экспертами также отмечается, что без развития науки и технологий Китай не смог бы добиться таких ощутимых экономических и социальных результатов.²⁷⁷ Поэтому стремительный экономический рост Китая, переход к экономике на основе инноваций и развития информационных технологий, укрепление национального благосостояния связаны с опорой экономики Китая на научно-технологический комплекс.

В этой связи, актуальным видится проведение компаративистского исследования правового регулирования научной и научно-технической деятельности в России и Китае, рассмотрение вариантов международного сотрудничества для наращивания научно-технического потенциала в обоих государствах.

Если до 1970-х годов Китай значительно отставал в научно-технологическом развитии от ведущих держав мира, то на сегодняшний

---

²⁷⁶Наука. Технологии. Инновации. НИУ ВШЭ [Электронный ресурс] // Институт статистических исследований и экономики знаний: web-сайт. – URL: <https://www.hse.ru/primarydata/niiio2017/> (дата обращения: 19.10.2019).

²⁷⁷Салицкая Е.А. Научно-технологический комплекс КНР: опыт развития // Наука. Инновации. Образование. – 2013. – № 13. – С. 8.

день Китай является общепризнанным лидером развития научной сферы по целому ряду параметров. В 2013 году Китайская Народная Республика вышла на первое место по количеству научно-технических работников в мире. По числу затрат на одного ученого Китай занял в 2018 г. 8 место – 226 тыс. долларов. По числу исследователей в общей занятости у Китая 1 млн. 692 тысяч. Количество ученых из общего числа людей, занятых в производстве, в Европейском союзе составляет 22%, в Китае – 19%, в Соединенных Штатах Америки – 17%, в Российской Федерации – 6%. При этом по подсчётам ЮНЕСКО Россия – единственная страна, в которой количество учёных сокращается с 2007 по 2013 – с 7,3% до 5,7%.²⁷⁸

Расходы государственного бюджета Китая на научную сферу составляют в среднем 2,5 % в год. В 2018 г. расходы Китая составили 451 млрд. долларов (2 место в мире после США), что составило 2,12 % от уровня ВВП (15 место в мире). При этом правительство Китая с 2000-х годов взяло курс на ограничение государственных расходов на финансирование науки с акцентом на инвестиции в научную сферу со стороны бизнес-структур. Как следствие, затраты предприятий на науку постоянно растут. Доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в добавленной стоимости предприятий составляет 4,46 %. Во многом к инвестициям в наукоемкое производство стимулируют налоговые льготы: например, возможность включения до 150 % расходов на науку в амортизацию и приобретение соответствующего оборудования.²⁷⁹

По числу цитирований научных публикаций Китай приближается к мировым лидерам. В 2014 г. число статей китайских авторов составило 120 тыс. – около 2/3 от показателя США и более половины совокупного научного продукта стран Европейского союза.

Китай за последние 30 лет также стал мировым лидером по уровню финансирования исследований и количеству патентов. Так, до 1991 г. СССР обеспечивал каждое 3 изобретение в мире. К 2009 г. ученые России подавали менее 50 тысяч заявок в год, КНР – более 300 тысяч, США – порядка 450 тысяч заявок на выдачу патентов. В 2014 г. число

---

²⁷⁸Ратай Т.В. Рейтинг ведущих стран мира по затратам на науку [Электронный ресурс] // Институт статистических исследований и экономики знаний: web-сайт. – URL: <https://issek.hse.ru/news/221864403.html> (дата обращения: 19.10.2019).

²⁷⁹Ратай Т.В. Рейтинг ведущих стран мира по затратам на науку [Электронный ресурс] // Институт статистических исследований и экономики знаний: web-сайт. – URL: <https://issek.hse.ru/news/221864403.html> (дата обращения: 19.10.2019).

патентов в Китае достигло 928 тысяч единиц, причем половина из них внедрена, и приносит коммерческий эффект.

Значительно возросло качество и доступность образования в Китае. Среди 200 лучших вузов мира университеты Китая занимают 3 место.

Такие результаты достигнуты только за последние 40 лет при серьезном и внимательном отношении руководства и партии страны к науке как опоре модернизации и развития Китая.²⁸⁰ Причем, как отмечают исследователи, генерирование научных знаний и технологий в Китае связано со своеобразием национальной культуры и менталитета.²⁸¹ В немалой степени в ускоренном развитии научно-технического комплекса сыграла свою роль государственная политика в сфере науки, а также стратегические и нормативные правовые акты в сфере науки и технологий. Отсчет модернизационной волне в сфере науки можно начать от программы четвертой модернизаций с середины 1975-х годов. В рамках этой программы активно поощрялись зарубежные поездки и стажировки китайских ученых, приглашение зарубежных специалистов. Во многом Китай перенял советскую модель организации и управления наукой (например, Академия наук КНР), активно прибегал к привлечению советских ученых к работе в Китае.²⁸²

Среди стратегических документов Китая в научно-технической сфере можно назвать решение по итогам Всекитайского совещания по вопросам науки и техники 1996 г., в котором четко определена ведущая роль науки как фактора экономического роста Китая, а также особая значимость в решении таких вопросов как импортозамещение, проблема бедности, повышение производительности труда и увеличение ВВП.

В целом, для Китая характерно использование программно-целевого подхода и плана в управлении научно-технологической областью. С 1980-х годов развитие науки было подчинено программным документам: государственные программы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области ключевых технологий (1982), высоких технологий (1986), внедрения научно-технических

---

²⁸⁰Салицкий А.И. Истоки подъема Китая и цивилизационный дискурс // Китайская цивилизация в глобализирующемся мире: по материалам конференции: в 2-х тт. / отв. ред. В.Г. Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – Т.2. – С. 142.

²⁸¹Салицкий А., Салицкая Е. Наука и техника Китая на мировом рынке // Перспективы. Электронный журнал. – 2015.– №1. – С. 66 – 78.

²⁸²Виноградов А.Е., Салицкая Е.А., Салицкий А.И. Наука и техника в Китае: состоявшаяся модернизация // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 2. – С. 153.

достижений (1990), приоритетных направлений фундаментальных исследований (1991). В 1996 г. Министерство науки и технологий КНР запустило программу технологических инноваций. Особый интерес представляют специальные программы «Искра» для распространения науки в сельской местности, что существенно продвинуло решение проблемы бедности в китайской деревне и программа «Факел», направленная на коммерциализацию научно-технических результатов. Благодаря программе «Факел» в Китае стали появляться высокотехнологичные промышленные парки.

В настоящее время в Китае действует долгосрочная программа развития науки до 2020 г., сочетающая в себе, с одной стороны, поддержку ключевых научных проектов со стороны государства, с другой стороны, развитие промышленных инноваций и коммерциализации научных разработок в сотрудничестве с международным сообществом.²⁸³

Положительные эффекты от научной деятельности в Китае во многом связаны с четким пониманием того, что научные открытия должны доводиться до коммерциализации. В целях поддержки коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в Китае функционирует Национальный инновационный фонд с ежегодным бюджетом более 500 млн. юаней. Власти Китая заинтересованы в интеграции науки и бизнеса. Научные организации включены в производственный процесс и обеспечивают выпуск высокотехнологичной продукции. Таким образом, государственная политика КНР поощряет иностранные инвестиции в инновационную деятельность, а также создание совместных предприятий.²⁸⁴

В настоящее время нормативную основу регулирования научно-технической деятельности в Китае составляют следующие документы:

- Государственная программа долгосрочного и среднесрочного планирования развития науки и техники в 2006–2020 годах;
- Программа планирования повышения качества науки в стране в 2006–2010–2020 годах;
- Государственная долгосрочная и среднесрочная программа планирования развития талантов на 2010–2020 годы;

---

²⁸³Зубарев А.Е., Белевич Е.А., Петрова Е.А. Анализ стратегии развития научно-технического потенциала КНР // Вестник ТОГУ. – 2017. – № 2(45). – С. 109 – 116.

²⁸⁴Сырямкин В.И., Ян Б., Ваганова Е.В. Обзор российско-китайского сотрудничества в сфере научно-технической и инновационной деятельности // Инновации. – 2011. – С. 19 –25.

– закон КНР «О научно-техническом прогрессе» 1993 г. (в редакции 2007 г.), определяющий цели государственной политики в сфере науки и технологий, источники финансирования научных исследований, кооперацию научных учреждений и производственных предприятий;

– закон КНР «О распространении научно-технических знаний» 2002 г. направлен на популяризацию науки и повышение значения науки в общественном сознании;

– закон КНР «Об инновационной политике» 2002 г., имеющий своей целью коммерциализацию научно-технических продуктов в производстве;

– законы в сфере патентного и авторского права.

С 1980-х годов Китай становится все более открытым для интернационализации науки, развития научно-технического сотрудничества. При этом Китай успешно использует научно-технический опыт других государств («копирование» достижений), а в последние годы активно наращивает импортозамещение и активно генерирует собственное научно-техническое знание («независимые локальные инновации»).²⁸⁵

В числе интересных нормативных решений Китая относительно международного научно-технического сотрудничества можно назвать следующие:

– программа Государственного научного фонда по финансированию обучения китайцев в зарубежных вузах (с 1978 г. по 2011 г. такое обучение прошли 2,4 млн. чел.);

– программа возвращения ученых и специалистов, получивших образование за рубежом (треть из уехавших за 30 лет вернулась назад);

– сочетание опыта разных стран в управлении и организации науки: советская модель управления наукой через государственные академии наук и создание особых технологических зон по принципу Силиконовой долины. В Китае создано 55 зон развития высоких технологий, в которых резидентам предоставляются налоговые льготы, создаются кластеры и условия для интеграции науки и производства.

Международное научно-техническое сотрудничество Китая базируется на принципе открытости к зарубежным технологиям, научным достижениям, передовому опыту. Открытость к зарубежному опыту восходит к концу XIX – началу XX в., когда Китай отправлял на учебу

---

²⁸⁵ Салицкая Е.А. Научно-технологический комплекс КНР: опыт развития // Наука. Инновации. Образование. – 2013. – № 13. – С. 8.

своих студентов в американские и японские университеты. Так, предназначение университета Цинхуа было в отборе китайских студентов для обучения в зарубежных университетах.

Следует отметить, что базовый закон КНР «О научно-техническом прогрессе» одной из целей правового регулирования определяет стимулирование международного научно-технического сотрудничества. В ст.15 данного закона указывается, что Правительство Китайской Народной Республики будет содействовать научно-техническому сотрудничеству и обмену с правительствами других стран и международными организациями, а также поощрять научно-исследовательские и технологические институты, учреждения высшего образования, ученых и техников, научно-технические общественные организации, а также предприятия и учреждения для осуществления международного научно-технического сотрудничества и обмена в соответствии с законом.

Особым образом в ст. 54 упомянутого закона определяются задачи государства и научных учреждений в поддержке приглашенных исследователей из иностранных государств и возвращении китайских ученых. Научным организациям вменяется в обязанность создавать все необходимые условия для работы и жизни тех китайских ученых, которые вернулись в Китай из-за границы для проведения исследований. Тем иностранным ученым, которые решили заниматься исследовательской работой в Китае, правительство гарантирует приоритетное право на постоянное проживание.

Развитие научной деятельности в Российской Федерации по статистическим показателям уступает передовым позициям Китайской Народной Республики. Основной причиной видится недостаточная финансовая поддержка научных исследований в России. В 2017–2019 годах доля в расходах федерального бюджета на научную деятельность составила 2,4 %, при этом показатель остается фиксированным на протяжении нескольких лет и соответствует уровню бюджетных расходов на науку в 2016 г.²⁸⁶ Согласно данным Центра развития, который в рамках федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы» осуществил контент-анализ 1512 научных тем, основными направлениями научных исследований

---

²⁸⁶Наука. Технологии. Инновации. НИУ ВШЭ [Электронный ресурс] // Институт статистических исследований и экономики знаний: web-сайт. – URL: <https://www.hse.ru/primarydata/nii02017/> (дата обращения: 19.10.2019).

и научных проектов в России являются: междисциплинарные – 39,2%, технические – 22,5%, естественнонаучные – 19,3%, социально-гуманитарные – 19%.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в Российской Федерации отмечается неоднородность и избирательность финансирования научной деятельности. Так, в большей мере внутренние текущие затраты на исследования и разработки направлены на финансовое обеспечение в технической и естественнонаучных областях.²⁸⁷ В то же время проблемы российского патентного права и недостаточность инвестиционной поддержки со стороны государства или бизнеса приводят к тому, что в производственный процесс внедряется только малая часть результатов интеллектуальной деятельности российских ученых технической или естественнонаучной специализаций.

Вместе с тем, российская государственная политика ориентируется на передовой опыт зарубежных стран в управлении научной сферой. В последнее время уделяется повышенное внимание развитию нормативной основы научной деятельности в России, которую составляют следующие акты:

– Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 №127-ФЗ;

– Федеральный закон «О статусе наукограда Российской Федерации» от 07.04.1999 №70-ФЗ;

– Федеральный закон «О Российской корпорации нанотехнологий» от 19.07.2007 №139-ФЗ;

– Федеральный закон «О передаче прав на единые технологии» от 25.12.2008 №284-ФЗ;

– Федеральный закон «О патентных поверенных» от 30.12.2008 №316-ФЗ;

– Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 №273-ФЗ;

– Указ Президента РФ от 07.07.2011 №899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации»;

---

²⁸⁷ Внутренние текущие затраты на исследования и разработки по видам работ и областям науки [Электронный ресурс] // Российский статистический ежегодник 2016: веб-сайт. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_13/Main.htm (дата обращения: 19.10.2019).

– Указ Президента РФ от 01.12.2016 №642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» и т.д.

Указанные нормативно-правовые акты и стратегические документы в области научной деятельности носят, как правило, опережающий характер развития, призваны укрепить высокий статус науки в российском обществе и сформировать системное мировоззрение, единое государственное видение политики управления наукой.

Источниками правового регулирования международного научно-технического сотрудничества являются:

1) Международные обычаи.

2) Международные договоры в сфере научно-технического сотрудничества. Следует отметить, что Китай и Россия выступают членами целого ряда международных организаций и участниками универсальных и региональных многосторонних соглашений в сфере науки и технологий.

Особо следует подчеркнуть, что научно-техническое сотрудничество России и КНР имеет давние исторические корни и уходит в 1950-е годы, когда СССР включился в научно-технологическое развитие Китая. КНР очень бережно отнесся к советскому опыту в сфере науки и техники. Так, КНР использовала опыт СССР в управлении наукой с помощью Академии наук. КНР и в тот период, и позднее не чуждался идеи копирования чужих образцов техники и технологии, что позволяло получать необходимый производственный и коммерческий эффект от использования зарубежных технологий.

18 декабря 1992 г. в Пекине было заключено Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о научно-техническом сотрудничестве.²⁸⁸ Соглашением установлена взаимная заинтересованность в установлении прямых научных связей между исследовательскими институтами России и Китая, финансирование совместных научных и инновационных проектов.

В названном соглашении определяются формы научно-технического сотрудничества:

- а) обмен специалистами в области науки и техники;
- б) обмен научно-технической информацией;
- в) передача научно-технических знаний и опыта;

---

²⁸⁸ Действующие международные соглашения о научно-техническом сотрудничестве. – М., 2009. – С. 185 – 192.

г) совместные научные и технологические исследования и разработки, а также организация совместных научно-исследовательских центров, лабораторий, научных групп и т.д.;

д) организация семинаров, симпозиумов и конференций, научно-технических выставок по вопросам, представляющим взаимный интерес;

е) другие формы научно-технического сотрудничества, которые будут определяться Сторонами.

В целом, Соглашение носит рамочный характер и предполагает развитие конкретных мероприятий в сфере научно-технического сотрудничества в дополнительных договорах, национальном законодательстве и в форме поддержки различного рода научных проектов.

25 февраля 1993 г. к данному Соглашению был подписан Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о принципах охраны и распределения прав на интеллектуальную собственность. Протоколом устанавливаются гарантии прав участников научно-технического сотрудничества на охрану интеллектуальной собственности: обязательное распределение прав на создаваемые в ходе научно-технического сотрудничества объекты; гарантии выплаты вознаграждения за созданные изобретения; порядок патентования изобретений и т.п.

Особо следует остановиться на программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018 гг.), согласованной на уровне руководителей Правительства России и Китая 23 сентября 2009 г. в г. Нью-Йорке. В программе наряду с пограничными вопросами, развитием транспорта, производства решаются вопросы создания и реализации совместных научных и инновационных проектов.²⁸⁹ Так, в программе было предусмотрено создание особых научно-технических зон:

– зона в рамках российско-китайского парка по внедрению информационных технологий («один парк – три зоны») в г. Владивостоке;

– российско-китайская экспериментальная инновационная площадка «Техноград» в г. Партизанске;

---

²⁸⁹ *Иванов С.А.* Программа сотрудничества восточных регионов России и северо-восточных регионов Китая: политическая значимость и экономическая эффективность // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2018. – № 1(82). – С. 54 – 65.

- российско-китайский центр трансфера аграрных технологий в Амурской области;
- российско-китайские парки по внедрению информационных технологий в Харбине и Муданьцзяне («один парк – три зоны»);
- парк российско-китайского научного сотрудничества в Чанчуне;
- российско-китайский парк научно-технического сотрудничества в Ляонине;
- российско-китайский парк по внедрению высоких и инновационных технологий в Даляне.

Продолжается обсуждение вопроса о создании московского научно-технического парка российско-китайской дружбы.

Кроме того, в программе среди конкретных проектов заявлен целый ряд научно-технических исследований и инновационных производств:

- привлечение технологий холодного газодинамического напыления из России в г. Далянь;
- производство технологий по нанокompозитному укреплению металлов и их коррозионной стойкости в г. Далянь;
- электротехническая интеграция при производстве оборудования по утилизации и обработке электролитического серебра в г. Далянь;
- совместная разработка беззубчатых редукторов нового типа в г. Далянь;
- российско-китайское сотрудничество в области производства вакцин с рекомбинацией генов для предотвращения распространения и борьбы с вирусом гриппа в г. Далянь;
- создание российско-китайского центра по биологическим исследованиям и генной инженерии в г. Далянь.

3) Источником правового регулирования международного научно-технического сотрудничества также служит национальное законодательство обоих государства в сфере науки, инновационной деятельности и охраны интеллектуальной собственности, включающее законы и подзаконные акты в виде программ развития науки и техники. При этом для китайского правового регулирования международного научно-технического сотрудничества также характерны партийные документы в силу своеобразия политической и правовой системы Китая.

В целом, для научно-технического сотрудничества между КНР и Российской Федерацией свойственен поиск и поддержка взаимовыгодных научно-технических и инновационных проектов. На территории Китая уже созданы: китайско-российская база промышленного освоения новых и высоких технологий в г. Яньтай, китайско-российский технопарк «Цзюхуа» в пров. Чжэцзян, китайско-российский технопарк в г. Чанчунь, а также центр по научно-техническому сотрудничеству и внедрению в пров. Хэйлуцзян. На территории России создан российско-китайский технопарк «Дружба» в Москве.

Координацию научно-технического сотрудничества с 1997 г. осуществляет подкомиссия по научно-техническому сотрудничеству при Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств Китая и России.

Проведенное исследование регулирования научной деятельности, науки и научно-технического сотрудничества в России и Китае позволяет сделать несколько выводов:

Во-первых, в целом в указанных странах вопросы регулирования науки, научной деятельности и научно-технического сотрудничества получили законодательную регламентацию, учтены современные мировые тенденции глобализации и регионализации, предусмотрена необходимость научного и научно-технического сотрудничества на межгосударственном уровне. При этом в России и Китае наблюдается общность подходов, сходные принципы и методы регулирования научной сферы, а также достаточно высокая степень научного сотрудничества.

Во-вторых, следует констатировать повышенное внимание к регулированию научной деятельности и стимулированию научной активности со стороны органов государственной власти Китая и России, демонстрирующих положительные результаты в развитии научно-технического потенциала, наукоемкого производства и уровня промышленности в целом. Сравнительная характеристика статистических показателей и рейтинговых позиций позволяет сделать вывод, что Россия уступает передовым позициям Китая, однако стремится к наращиванию научно-технического потенциала. Вместе с тем, Китай осуществляет существенные финансовые вложения в научную сферу, реализуют мероприятия организационного и материально-хозяйственного плана, направленные на поддержание отечественной науки, в том числе в части минимизации миграции ученых в другие страны, в части привлечения иностранных специалистов, создания оптимальных условий для

их работы и проживания. Кроме того, принимаются меры по возврату ученых китайского происхождения, переехавших в другие страны, по созданию для них привлекательной атмосферы в «домашних» условиях. Такого рода подходы к регулированию научной сферы могут быть, на наш взгляд, успешно заимствованы доктриной российской государственно-правовой политики в области развития науки.

В-третьих, в части межгосударственного научного сотрудничества России и Китая можно констатировать наличие значительного количества двусторонних соглашений, при этом необходимо отметить, что оба государства демонстрируют высокий уровень заинтересованности в развитии сотрудничества в научно-технической сфере.

В-четвертых, в качестве рекомендации необходимо предложить упорядочение международного научного и научно-технического сотрудничества, принятие многосторонних международных договоров, регламентирующих данную сферу, которые бы объединяли общие принципы и отражали общие тенденции, касающиеся научной сферы, а также подчеркивали различия в подходах к регулированию указанной сферы в зависимости от специфики того или иного государства. Такого рода соглашения способны послужить основой для упорядочения внутреннего законодательства государств в целях достижения более единообразного подхода к правовому регулированию науки и научного сотрудничества. Для стран Центральной Азии, включая Россию и Китай, перспективным видится расширение научного и научно-технического сотрудничества между странами-участниками Шанхайской организации сотрудничества и укрепление статуса указанной организации как связующего звена не только в области региональной безопасности, но и в сфере обмена технологиями и развития наукоемких производств.

2.2. Правовое регулирование научной деятельности в Республике Беларусь и Российской Федерации: сравнительный анализ

В условиях функционирования Союзного государства Беларуси и России, членства Республики Беларусь и Российской Федерации в Евразийском экономическом союзе, Содружестве Независимых Государств, особую актуальность приобретают вопросы сотрудничества наших стран, при этом не только в экономической, политической сферах, но и научной. Для этого необходимо обеспечить единые подходы в правовом регулировании научной и инновационной деятельности, в том числе посредством гармонизации законодательства в указанной

области. Однако анализ действующих в Республике Беларусь и Российской Федерации нормативных правовых актов, регламентирующих порядок осуществления научной деятельности, показывает, что имеется определенное расхождение в правовом регулировании данного направления. В связи с этим представляется целесообразным и актуальным проведение сравнительного анализа законодательства указанных стран в сфере правового регулирования научной деятельности для выявления имеющихся расхождений в этом вопросе, что в свою очередь позволит определить направления для гармонизации законодательства двух стран и обеспечению правовой основы для дальнейшего эффективного сотрудничества в научной сфере.

Основные гарантии осуществления научной деятельности как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации закреплены на уровне Основного закона. Так, в соответствии со ст. 51 Конституции Республики Беларусь²⁹⁰ и ст. 44 Конституции Российской Федерации²⁹¹ каждому гарантируется свобода научного, технического творчества и преподавания. Кроме того, в ч. 4 ст. 51 Конституции Республики Беларусь сделан акцент на содействии государства развитию научных и технических исследований, внедрению инноваций на благо общих интересов. Именно в рамках последних изменений, которые были внесены в Конституцию Республики Беларусь на референдуме 27 февраля 2022 года, в данную норму было включено положение о содействии государством внедрению инноваций, зачастую имеющих тесную связь с осуществлением научной деятельности.

Следует отметить, что вопросам сотрудничества в научной сфере уделяется большое внимание и в принятых международных соглашениях, участниками которых являются Республика Беларусь и Российская Федерация. Особое внимание заслуживают ратифицированные соглашения в рамках СНГ. Среди основных следует отметить:

1) Соглашение о сотрудничестве в сфере межгосударственного обмена научно-технической информацией²⁹², которое принято в целях

---

²⁹⁰ Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

²⁹¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

²⁹² О ратификации Соглашения о сотрудничестве в сфере межгосударственного обмена научно-технической информацией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 28

совершенствования обмена научно-технической информацией и создания общего научно-технологического пространства СНГ, обеспечения развития национальных систем научно-технической информации, создания и применения механизма скоростного доступа к информационным ресурсам путем использования новейших информационно-телекоммуникационных технологий, участия в подготовке и реализации совместных программ и проектов в сфере научно-технической информации.

2) Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года, целью которой является создание условий для межгосударственного сотрудничества, ориентированного на повышение качества жизни, развитие человеческого капитала, сбалансированное пространственное развитие и комплексное освоение территорий для дальнейшего инновационного развития, повышения конкурентоспособности экономики государств – участников СНГ – участников программы²⁹³.

На межправительственном уровне между Республикой Беларусь и Российской Федерацией особое значение в сфере научного сотрудничества имеют следующие двусторонние соглашения:

1) Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области культуры, образования и науки²⁹⁴, в рамках которого предусматривается содействие развитию сотрудничества в подготовке кадров в области науки, обмену опытом между заинтересованными ведомствами и организациями, проведению симпозиумов и «круглых столов», установлению, расширению и углублению непосредственного сотрудничества и прямых связей между государственными учреждениями и общественными организациями в сфере науки, в том числе на уровне регионов, связанных традиционными узами сотрудничества.

апр. 2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

²⁹³ Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года [Электронный ресурс] : утв. Советом глав правительств Содружества Независимых Государств, от 6 нояб. 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

²⁹⁴ Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области культуры, образования и науки от 21 февраля 1995 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2) Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о научно-техническом сотрудничестве ²⁹⁵, в котором отражены намерения содействовать научно-техническому сотрудничеству на основе принципов равноправия и взаимной выгоды, создавая для этого необходимые организационные, правовые и финансово-экономические условия, определены основные формы реализации такого сотрудничества: осуществление совместных научно-исследовательских программ и проектов; создание совместных научно-исследовательских организаций; проведение научных работ в научно-исследовательских организациях, высших учебных заведениях, технопарках, на промышленных предприятиях; проведение совместных семинаров, научных конференций, рабочих встреч, выставок и др.

В последние годы активно стали обсуждаться направления научно-технического сотрудничества и в рамках ЕАЭС. Как справедливо отмечается в литературе, отсутствие единого научно-технического пространства становится важной проблемой, сдерживающей положительную динамику экономической интеграции. Поскольку «достижение консенсуса между государствами на основе эффективного сопряжения образовательных и научно-технических политик – залог успешного функционирования единых рынков товаров, услуг и капитала», создание общего научно-технического и технологического пространства – необходимый элемент гуманитарного, информационного, промышленного, культурного сотрудничества и кооперации в рамках ЕАЭС²⁹⁶.

Предложение о необходимости разработки в рамках ЕАЭС международного договора о научно-техническом сотрудничестве на официальном уровне прозвучало в рамках второго заседания президиума Научно-технического совета при Председателе Коллегии Евразийской экономической комиссии, которое прошло 17 февраля 2021 года в штаб-квартире ЕЭК. Участники заседания высказали свои предложения о взаимодействии в сфере науки в странах ЕАЭС. В частности,

---

²⁹⁵Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о научно-техническом сотрудничестве от 27 февраля 1996 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

²⁹⁶ Андропова, И. В. Научно-техническое сотрудничество в рамках ЕАЭС как важнейший фактор лояльности населения стран-участниц к интеграционному объединению и его притягательности для новых членов / И. В. Андропова, И. Н. Белова, М. В. Ганеева, Ю. Н. Мосейкин // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2018. – № 1. – С. 121.

была единодушно поддержана инициатива разработки международного договора о научно-техническом сотрудничестве в ЕАЭС²⁹⁷. Важным шагом в данном направлении стала разработанная Коллегией Евразийской экономической комиссии рекомендация от 24 июня 2022 г. № 26 «О приоритетах и долгосрочном прогнозе научно-технического развития Евразийского экономического союза»²⁹⁸, в которой членам ЕАЭС рекомендовано при реализации научно-технической политики принять во внимание приоритеты и долгосрочный прогноз научно-технического развития ЕАЭС.

Тем не менее, особого внимания заслуживает сравнительный анализ законодательного регулирования научной деятельности в Республике Беларусь и Российской Федерации на национальном уровне.

Научная составляющая как неотъемлемая часть образовательного процесса отражена в соответствующих положениях Кодекса Республики Беларусь об образовании²⁹⁹. Белорусский законодатель определил научную составляющую как неотъемлемый элемент образовательного процесса практически на всех уровнях получения образования (дошкольного, общего среднего, профессионально-технического, среднего специального, высшего образования), закрепив понятие научно-методическое обеспечение образования, которое, в соответствии со ст. 94 Кодекса Республики Беларусь об образовании направлено на обеспечение получения образования, повышения качества образования и основывается на результатах фундаментальных и прикладных научных исследований в сфере образования.

Соответствующий Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской

---

²⁹⁷ В ЕАЭС предложили разработать международный договор о научно-техническом сотрудничестве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.alt.ru/ts_news/79557/. – Дата доступа: 08.07.2022.

²⁹⁸ О приоритетах и долгосрочном прогнозе научно-технического развития Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии, 24 июня 2022 г., № 26. – Режим доступа: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01434796/err_29062022_26. – Дата доступа: 08.07.2022.

²⁹⁹ Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г., № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек 2010 г. : одоб. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Федерации»³⁰⁰ несколько иначе определяет место науки в образовательном процессе, акцентируя внимание в большей степени на подготовке научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (ст. 2 Федерального закона), проведении интеллектуальных и (или) творческих конкурсов, направленных на выявление и развитие у обучающихся интереса к научной (научно-исследовательской) деятельности, развитию сотрудничества научных работников системы образования, разделяя образовательные программы и научные программы в сфере образования.

Ключевыми нормативными правовыми актами, регулирующими порядок осуществления научной деятельности в Республике Беларусь и Российской Федерации, являются, соответственно, Закон Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-ХІІІ «О научной деятельности»³⁰¹ и Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»³⁰².

В рамках названных законов особое внимание следует уделить понятию «научная деятельность».

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О научной деятельности» научная деятельность – это творческая деятельность, направленная на получение новых знаний о природе, человеке, обществе, искусственно созданных объектах и на использование научных знаний для разработки новых способов их применения. Получение новых научных знаний в соответствии с данным Законом возможно путем проведения фундаментальных и прикладных научных исследований. Кроме того, к видам научной деятельности, помимо указанных, Закон относит организацию и проведение государственной научной и государственной научно-технической экспертиз, апробацию результатов научных исследований, подготовку научных работников высшей квалификации и аттестацию научных работников высшей квалификации. Если апробация результатов научных исследований в качестве вида научной деятельности сомнений не вызывает, то организация и

---

³⁰⁰Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон Российской Федерации, 29 дек. 2012 г., № 273-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

³⁰¹О научной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 окт. 1996 г., № 708-ХІІІ // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

³⁰²О науке и государственной научно-технической политике [Электронный ресурс] : Федер. закон, 23 авг. 1996 г., № 127-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

проведение государственной научной и государственной научно-технической экспертиз, а также подготовка и аттестация научных работников высшей квалификации вступают в определенное противоречие с закрепленным в Законе определением научной деятельности.

Подготовка и аттестация научных работников высшей квалификации, на наш взгляд, представляют собой определенный процесс, связанный с выполнением ряда мероприятий, направленных на реализацию образовательных программ послевузовского образования и присуждение ученых степеней и присвоение ученых званий, что не связано непосредственно с получением новых знаний, являющихся обязательным признаком научной деятельности.

Что касается организации и проведения государственной научной и государственной научно-технической экспертиз, то в соответствии с Положением о порядке функционирования единой системы государственной научной и государственной научно-технической экспертиз, утвержденным Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 мая 2015 года № 431³⁰³, указанные виды экспертиз также представляют собой деятельность уполномоченных формирований (государственных экспертных советов), связанную с организацией проведения исследований, в том числе научных, анализом и оценкой объектов государственной экспертизы, что непосредственно не связано получением новых знаний.

Анализ норм Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» указывает на то, что российский Закон не содержит закрытый перечень видов научной деятельности, определяя в ст. 2, что научная (научно-исследовательская) деятельность – это деятельность, направленная на получение и применение новых знаний, к которой относятся, в том числе, фундаментальные и прикладные научные исследования, а также поисковые научные исследования, которые, в свою очередь, могут быть ориентированными (направленными на получение новых знаний в целях их последующего практического применения) и прикладными (связанными с применением новых знаний).

---

³⁰³ О порядке функционирования единой системы государственной научной и государственной научно-технической экспертиз [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 мая 2015 г., № 431 [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 окт. 1996 г., № 708-ХІІІ // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Еще одной проблемой остается законодательное закрепление статуса ученого. Эта проблема уже не раз поднималась в юридической литературе. Например, Каменков В.С. отмечает, государству и обществу следует определиться с ответом на вопрос, может ли называться ученым лицо, не имеющее специальной профессиональной подготовки и не владеющее специальными приемами, методами и навыками исследовательской деятельности³⁰⁴.

Не смотря на принятие еще в 2008 году Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ Модельного закона «О статусе ученого и научного работника»³⁰⁵, ни в Республике Беларусь, ни в Российской Федерации правовой статус ученого до сих пор не определен.

Законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации ограничивается закреплением лишь понятия «научный работник». При этом упомянутый Модельный закон «О статусе ученого и научного работника» разграничивает понятия ученого и научного работника. Под ученым, согласно Модельному закону, понимается физическое лицо (гражданин страны, иностранец или лицо без гражданства), имеющий ученую степень и (или) научное звание, осуществляющий профессиональную научную или научно-техническую деятельность с целью проведения научных исследований и опытно-экспериментальных разработок, получивший признанные научным сообществом научные и (или) научно-технические результаты в определенной области знаний, науки и техники. При этом Модельный закон «О статусе ученого и научного работника» научного работника определяет как ученого, имеющего соответствующую квалификацию, подтвержденную результатами аттестации, осуществляющий на основании индивидуального трудового договора с нанимателем профессиональную научную работу или научно-техническую деятельность на условиях постоянной занятости или совместительства на условиях, установленных трудовым договором (контрактом), должностной инструкцией или квалификационными требованиями.

При этом содержащиеся в Законе Республики Беларусь «О научной деятельности» и Федеральном законе «О науке и государственной

---

³⁰⁴ Каменков, В. С. Правовое регулирование финансирования научных исследований [Электронный ресурс] / В. С. Каменков // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

³⁰⁵ О модельном законе «О статусе ученого и научного работника» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 25 нояб. 2008 г., № 31-14 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

научно-технической политике» определения научного работника не содержат указание на статус ученого. Так, в Законе Республики Беларусь под научным работником понимается физическое лицо, обладающее необходимой квалификацией и профессионально занимающееся научной деятельностью в соответствии с трудовым договором. Ка видно из определения, обязательным элементом правового статуса научного работника является наличие трудового договора, на основании которого он занимается научной деятельностью. При этом Закон Российской Федерации под научным работником (исследователем) понимает гражданина, обладающего необходимой квалификацией и профессионально занимающегося научной и (или) научно-технической деятельностью. По сути, указание на занятие научной деятельностью профессионально определяет необходимость при выполнении научным работником научной деятельности вступления в официальные трудовые отношения. Буквальное толкование приведенных норм позволяет сделать вывод о различиях в правовом статусе научного работника в Республике Беларусь и Российской Федерации, заключающихся в том, что в Российской Федерации научная деятельность может осуществляться научным работником не только на основе трудового договора, но и гражданско-правового договора.

Полезным в этом смысле представляется опыт Республики Казахстан. Так, в Законе Республики Казахстан от 18 февраля 2011 года № 407-IV «О науке»³⁰⁶ закреплено понятие ученого, под которым понимается физическое лицо, осуществляющее научные исследования и получающее результаты научной и (или) научно-технической деятельности. Как видно из определения, к таким лицам не предъявляются какие-либо особые требования к квалификации.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что в Республике Беларусь и Российской Федерации правовое регулирование научной деятельности имеет свои особенности. Наличие Модельного законодательства не стало обстоятельством, обеспечивающим единообразие в правовом регулировании рассматриваемой сферы. Отличие в правовом регулировании научной деятельности в рассматриваемых странах проявляется в таких ключевых категориях, как виды научной деятельности, места научной деятельности в системе образовательного процесса, а также определении статуса научного работника и ученого. Для более эффективного научного сотрудничества

---

³⁰⁶ О науке [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 18 февр. 2011 г., № 407-IV. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 15.05.2022.

между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, безусловно, указанные законодательные расхождения необходимо устранять, обеспечивать гармонизацию законодательства в данной сфере. Представляется, что этому в значительной степени будет способствовать реализация существующих в рамках СНГ и разработанных в ближайшей перспективе в рамках ЕАЭС соглашений о сотрудничестве в научной сфере.

2.3. Правовое регулирование научно-технической деятельности в Республике Казахстан

Мир устремился к новым достижениям на основе искусственного интеллекта, информационных технологий, симбиоза физического, биологического мира с цифровым миром на основе созданная новых материалов, новых систем вооружений, новой энергетики, возобновляемой энергии, новых гуманитарных технологий. В настоящее время, действительно, наука и образование являются главными движущими силами развития человеческого капитала и общественного развития.

Обеспечение перехода Республики Казахстан на инновационный путь развития требует формирования и развития механизмов многостороннего взаимодействия между органами власти, бизнесом, научными и образовательными организациями, а также организациями гражданского общества.

В Стратегии «Казахстан-2050» указана: «Цель вхождения республики в число 30 самых развитых стран мира, для этого необходимо формирования наукоемкой экономики, отвечающей принципам эффективности и глобальной конкурентоспособности».

В процессе научного анализа правовых аспектов развития науки на современном этапе, принимаются во внимание актуальность и необходимость формирования наукоемкой экономики, подготовки профессиональных кадров для инновационной деятельности, а также коммерциализации и внедрения научных достижений в производство, определена целесообразность дальнейшего совершенствования правовой базы казахстанской науки в соответствии со стратегическими планами развития страны.

Комплексные меры по поддержке ученых, развитию инфраструктуры, межведомственной координации науки предусмотрены также в Национальном проекте «Технологический рывок за счет цифровизации, науки и инноваций». Его реализация позволит

пополнить ряды казахстанских ученых, повысит число перспективных научных разработок, обеспечит обновление технологического оборудования исследовательских институтов.

В соответствии с поручением Президента ежегодно 500 ученых страны в ведущие научные центры мира. В рамках проекта ««Жас галым» для молодых специалистов выделяется 1000 грантов.

В решении этой задачи важное место отводится мерам по созданию прорывных инноваций, внедрению в практику на основе коммерциализации результатов научно-технической деятельности, защите интеллектуальной собственности и кардинальному увеличению финансирования науки. В связи с этим практическую актуальность приобретает проблема развития система стимуляции научно-исследовательской и инновационной сферы, субъекты которой должны быть заинтересованы не просто получении финансирования путем участия в конкурсах, но и максимальной эффективности результатов своей работы за счет их коммерциализации. Для этого им необходимо создать соответствующие условия, прежде всего правовые и материальные.

Как показывает передовая зарубежная практика, существенное влияние на развитие высокотехнологичной сферы и коммерциализацию технологий оказывают два главных фактора – создание нормативно-правовых основ, способствующих активной деятельности инновационных систем, и наличие в экономическом поле структур и механизмов, обеспечивающих благоприятные условия для развития инноваций и их внедрения в производственные процессы. Например, во многих странах применяется такой механизм косвенной стимуляции, как налоговые преференции для субъектов инновационной деятельности.

В Республике Казахстан в контексте реализации Государственной программы форсированного индустриально-инновационного развития переход к инновационному развитию требует решения ряда ключевых задач в научно-технической области. Одна из первых – это доведение результатов научной деятельности до степени готовности к внедрению в производство и их коммерциализация. Вторая задача – активизация инновационной деятельности и создание цивилизационного рынка интеллектуальной собственности. И, наконец, повышение эффективности партнерства государства и бизнеса в сфере науки и технологий, включая рациональное использование госимущества и нематериальных активов.

В прямой связи с указанными задачами стоит и вопрос обновления соответствующей правовой базы. В действующем Законе Республики Казахстан «О науке» предусмотрены многие аспекты инновационной деятельности, однако за пределами правового поля оказалось законодательное определение принципа возникновения права собственности на результаты интеллектуального труда, финансируемого из государственного бюджета. При концептуальном решении данного вопроса необходимо внесений изменений и дополнений в действующий закон для обеспечения правового регулирования деятельности по коммерческому использованию результатов научно-исследовательской работы, созданных за счет бюджетных средств. Это во многом позволит устранить барьеры, препятствующие трансферту инноваций в реальный сектор экономики.

Актуальной задачей является выход отечественной науки на международный уровень, ее интеграция в мировое научное пространство. Для этого предстоит обеспечить повышение качественного уровня проводимых научных исследований, их концентрацию на прорывных направлениях современной науки, а также создание условий, обеспечивающих полный научный цикл – от возникновения идеи до ее апробации и практической реализации. Вместе с тем важной стороной международного научного сотрудничества казахстанских ученых должно стать использование полученных результатов для решения практических задач развития нашей страны.

Существенную пользу техническому перевооружению энергетической отрасли страны может принести сотрудничество с Международным агентством по возобновляемой энергии (ИРЕНА), первоочередной целью которого является наращивание темпов устойчивого использования возобновляемых источников энергии во всем мире. С точки зрения расширения горизонтов отечественной энергетической науки и развития ее прикладного характера всемерного внимания заслуживает проходящий ежегодно в Объединенных Арабских Эмиратах Всемирный саммит энергии будущего. Этот форум посвящен совершенствованию и нахождению новых подходов и принципов получения возобновляемой энергии и разработки практических решений для уменьшения негативных последствий изменения климата на планете.

Круг рассматриваемых на саммите проблемных вопросов включает развитие мировой энергетики, стимулирование инноваций, устойчивую энергетику для всех, рынок экологически чистых видов

энергии, солнечную энергетику, использование энергию ветра, био-энергетику, биомассу и биотопливо, энергоэффективность, газовую революцию, ядерную энергетику, роль науки и техники богатых ресурсами странами и другие.

Важным фактором обеспечения устойчивого развития страны и перехода к наукоемкой экономике выступает повышение качества человеческого капитала и интеллектуального уровня нации. Основную роль в решении этой задачи играет наличие современной, отвечающей лучшим международным стандартам образовательной системы, интегрированной с передовыми научно-исследовательскими школами и академическими институтами. С ее помощью должен быть подготовлен кадровый потенциал, способный внести максимально эффективный вклад в осуществление целей социально-экономической модернизации страны.

Сегодня Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев придает особое значение непрерывному развитию науки, поддержке перспективных научных исследований и повышению интеллектуального потенциала нашего народа.

Хочется отметить что в реализации задач по развитию казахстанской науки, поставленных Президентом страны Касым-Жомартом Токаевым основная роль отводится исследовательским университетам. В Послании народу Казахстана Глава государства отметил: «В целом, перед казахстанским образованием и наукой стоит масштабная, неотложная задача – не просто поспевать за новыми веяниями, а быть на шаг впереди, генерировать тренды». «[2,1]

В национальной инновационной системе любой страны особую роль играют исследовательские университеты, которые являются важнейшим элементом наукоемкой экономики. Все известные мировые высокотехнологичные ареалы развиваются на базе исследовательских университетов и успешно выполняют роль драйверов инновационного развития своих стран и регионов.

Современное образование невозможно без активных научных исследований и внедрения их результатов в учебный процесс. Справедливо, что в классификации вузов в Казахстане появились исследовательские университеты и исследовательские национальные университеты. В то же время надо не стараться заново «изобрести велосипед» в каждой отрасли науки или ставить чрезмерно высокие задачи, например перед посредственными лабораториями.

Создание везде и во всем абсолютных инноваций не под силу многим вузам и даже странам. Скорее, это удел отдельных выдающихся, в том числе казахстанских, ученых, немногих научных центров, Научно-исследовательских институтов, кафедр. Тем более это надо ценить. Об этом говорил и Глава государства: «Развитие науки наш важнейший приоритет. Прежде всего, необходимо решить проблему выплаты нашими ведущим ученым стабильной и достойной заработной платы. Это должно быть обеспечено за счет основных средств, выделяемых на науку. На заседании Национального общественного совета доверия я поручил ввести порядок прямого финансирования научно-исследовательских институтов, занимающихся фундаментальной наукой»[3,1].

Совершенствовать работу надо во всех сферах, но соизмеряя финансовые, технические и человеческие ресурсы с формулируемыми задачами, надо финансировать научные исследования, поддерживая талантливых ученых и реально возможные инновации. При этом эксперты, распределяющие гранты, должны быть на высоте и способными отделить талант от посредственности.

В Стратегии «Казахстан-2050» отмечается, что «мы вполне можем активно участвовать в масштабных международных научно-исследовательских проектах. ...Наша цель – стать частью глобальной технологической революции»[1,2].

Это следует учитывать и активно развивать, поощрять международные программы, проекты в научной сфере, в том числе в гуманитарных науках.

В соответствии с международными стандартами в Казахстане, как и в некоторых других странах СНГ, введена трехступенчатая система подготовки специалистов: бакалавр – магистр – доктор философии (PhD). Но и здесь есть вопросы. Например, при последних преобразованиях системы подготовки научных кадров в Законе «о науке» было заменено одно слово в характеристике степени доктора философии (PhD) «академическая» на «ученая». Тем самым Комитет по контролю в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан обеспечил себе сохранение функции присвоения этой степени, которая в ином случае присваивалась бы самими вузами как академическая (вузовская) степень, как это происходит во многих странах.

В последние годы прекращены защиты кандидатских и докторских диссертаций и введены в целом немного более низкие по

сравнению с ними (по уровню трудозатрат и результатов) степени по итогам защиты магистерских и докторских (PhD) диссертаций. При этом для защиты диссертаций докторов PhD, например по юриспруденции, ввели требование о публикации в зарубежных журналах с ненулевым импакт-фактором. Однако, как выяснилось, в зарубежных странах при защите докторской диссертации (PhD) нет таких требований. В англоязычных журналах с высоким рейтингом цитирования опубликованных в них статей, как правило, принимают статьи докторов PhD.

В сложном положении оказались гуманитарные науки. Например, статьи по юридическим наукам в основном связаны с анализом национального законодательства. Если в такой журнал статью докторанта и примут, то, пока она через год-два будет опубликована за рубежом, наше динамичное законодательство может измениться. Очевидно, действующие нормы искусственно завышают типовые международные требования и должны быть скорректированы.

А в государственной программе записано, что к 2021 году лишь 5% профессорско-преподавательского состава вузов за пять лет будут иметь публикации в научных журналах с импакт-фактором. То есть планируется, что к тому времени примерно 1% преподавателей вузов ежегодно будет публиковать статьи в тех журналах, где обязаны по установленным требованиям напечатать свои статьи 100% докторантов. Видимо, для естественных и технических наук с их типично небольшим объемом статей и распространенным обычаем многочисленных соавторов это реально. Однако не для докторантов по гуманитарным наукам.

В контексте потребности развития науки, укрепления ее финансовой основы и увеличения ее финансовой основы и увеличения заинтересованности всех стран, имеющих то или иное отношение к научному процессу, представляется целесообразным внесение ряда изменений и дополнений в законодательство. По общему мнению экспертов, эти правовые новации должны быть направлены на стимулирование работы по коммерциализации результатов научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также внедрению в производство наукоемких технологий. В этих целях настоятельно необходимо предусмотреть меры по привлечению предпринимательских кругов к участию в научно-технических и инновационных проектах.

Целесообразно разработать механизмы защиты интеллектуальной собственности путем внесения соответствующих поправок в Закон

Республики Казахстан «Об охране авторских и смежных прав», в частности, касательно введения в хозяйственный оборот научных патентов и платы авторам научных разработок.

Необходимо обратить внимание при этом на совершенствование правового режима инвестиционной деятельности с целью создания благоприятных условий для иностранных инвестиций в сферу науки и техники. Предлагается законодательно установить процентные пороговые значения финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ национальными компаниями и зарубежными недропользователями, работающими в Казахстане. В рамках совершенствования правовой базы развития науки назрела необходимость внесения в законодательство изменений, регулирующих вопросы венчурного финансирования научной деятельности и использования ее результатов в экономических целях.

Для привлечения зарубежных и отечественных инвестиций и трансферта в страну знаний и новых технологий наши ученые предлагают рассмотреть возможность освобождения от обложения прямыми и косвенными налогами, другими обязательными отчислениями в бюджет, инвесторов, реализующих инновационные проекты по внедрению результатов научно-технологической деятельности. Ставится вопрос об изучении целесообразности введения нулевой (либо льготной) ставки корпоративного подоходного налога для предприятий малого бизнеса, выпускающих инновационную продукцию на основе охраняемых документов, выданных от имени Республики Казахстан и лицензионных соглашений, заключенных в Республике Казахстан.

Необходима координация работ по совершенствованию законодательной базы государственно-частного партнерства в научной сфере, формированию механизма кооперации частного сектора и субъектов научно-технической деятельности путем стимулирования частного сектора к участию в финансировании научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ с целью получения прибыли при внедрении их результатов в производство.

В рамках осуществления программы по коммерциализации результатов научной деятельности, ориентированной на создании новых технологий и производств, особое место должно занять сотрудничество с Национальной палатой предпринимателей Казахстана.

Хотелось бы отдельно сказать о венчурном финансировании, которое во многих развитых странах является реальным механизмом, обеспечивающим инновационное развитие современной науки.

Отрадно, что такие примеры появляются в нашей республике. В частности, подобный позитивный пример демонстрирует научно-производственный холдинг «Парасат», одним из первых в стране прошедший по этому пути. Представляется целесообразным, нарабатывая опыт в реализации деятельности венчурных фондов, развивать их в масштабах страны.

Еще одной проблемой, ждущей своего решения, выступает вопрос поддержки развития фундаментальной науки. Как правило, бизнес заинтересован в финансировании «коротких» инноваций, обещающих быструю прибыль, а потому фундаментальная наука остается за пределами их интересов. Вместе с тем не следует забывать, что весь научно-технический прогресс стал возможен благодаря лишь тем открытиям, которые делает академическая наука. В связи с этим на развитие данной научной сферы должен быть направлен интерес не только государства, но и бизнеса. Государственно-частное партнерство должно стать формой объединения как интеллектуального потенциала, так и материальной базы учреждений науки, образования и бизнеса. Разумеется, этот «союз» необходимо подкрепить на законодательном уровне, в том числе обеспечив бизнесу определенные преференции и привилегии.

Одним из главных приоритетов являются меры по усилению подготовки научных кадров, удовлетворяющих требованиям инновационного развития. Предлагаемые меры предусматривают разработку специальных программ по привлечению зарекомендовавших себя дома и за рубежом казахстанцев в ведущие научно-исследовательские центры страны, выделение им долгосрочных целевых грантов для проведения самостоятельных исследований в перспективных направлениях науки.

Было бы полезно создать в Казахстане национальный институт информации для учета цитирования не только журналов, но и книг. Он мог бы определять рейтинг цитирования научных работ казахстанских авторов за рубежом, а зарубежных — в Казахстане. Такой институт должен наладить связи с библиотеками, выписывать все основные периодические научные издания, в том числе электронные, иметь достаточный штат компетентных программистов и библиографов по всем отраслям наук.

Кроме того, что многие докторанты из Казахстана, защитившие диссертации за рубежом, испытывают трудности с переаттестацией их диссертаций по причине отсутствия у них публикаций, требуемых казахстанскими правилами. Для них предлагается облегчить правила

переаттестации. Не следует ли уточнить действующие правила защиты диссертаций и для других докторантов, многих из которых по этой причине не допускают к защите в Казахстане?

Казахстан относится к числу стран с незначительным удельным весом количества публикаций. Видимо, следует поддержать издательскую инфраструктуру, содействовать качеству национальной научной продукции не только формальным введением импакт-фактора, а системой мер по развитию книжных издательств, научных журналов, подготовке профессиональных редакторов и корректоров. Многие издательства у нас фактически являются типографиями, а большинство журналов не рецензируются и нередко печатают все, что им представили (тем более что многие не только не платят авторам гонорар за качественные статьи, а наоборот, публикуют их за деньги авторов).

Комитету науки Министерства образования и науки Республики Казахстан было бы полезно реализовать систему действенных мер по организации издания ряда научных журналов в разных отраслях науки на казахском и английском, русском и английском языках. Кроме того, целесообразно оказать содействие по включению ведущих научных казахстанских журналов в российские, американские и иные организации по учету рейтинга цитирования содержащихся в них статей.

В целом человеческий капитал является важным фактором развития экономики, влияющим на конкурентоспособность нашей страны. В связи с этим представляется логичным и целесообразным объединение нынешних законов об образовании и науке в единый правовой документ с определением его статуса и названия, например «Кодекс об интеллектуальном развитии».

В Казахстане принимаются системные меры на государственном уровне для решения задач по созданию наукоемкой экономики. Проводится дальнейшая реализация Закона Республики Казахстан «О науке», в котором определена модель управления наукой, адаптированная к передовой международной практике.

Принятый в 2015 году Закон «О коммерциализации результатов научной и (или) научно-технической деятельности» направлен на разработку новых механизмов взаимодействия науки и бизнеса, повышение результативности научных исследований, их нацеленности на практическую реализацию, на обеспечение внедрения в производство наукоемких технологий и стимулирование предпринимательского сектора к участию в научных проектах.

В области гуманитарных наук Казахская юридическая наука является самостоятельным дискурсом в составе мирового правового процесса, с собственной уникальностью и национальной идентичностью.

Инициативы руководства страны по празднованию юбилеев аль-Фараби и Абая, А.Байтурсынова являются логическим стремлением обнаружить глубокие мировоззренческие корни в нашей духовной культуре, и они нуждаются в дальнейшем расширении с точки зрения возвращения в общественное пространство и галереи других выдающихся личностей нашей интеллектуальной и духовной истории, а также изучения и широкой их общественной популяризации.

Основопологающей проблемой, на которой сфокусировано внимание казахстанской юридической науки, остается формирование общеказахстанской национальной идентичности, процессы правовой модернизации, этнической и гражданской интеграции в контексте сохранения стабильности государства.

Важным направлением научных исследований должны стать проблемы анализа эффективности функционирования государственных институтов, моделирования гармоничного диалога государства и гражданского общества с учетом международной практики.

В целом, на наш взгляд, многие из этих идей, получивших поддержку ученых страны, найдут свое отражение в последующих решениях Правительства.

В итоге научный потенциал страны в аспектах права и его законодательная поддержка будут в полной мере способствовать эффективности проведения научно-исследовательских работ, внедрению инноваций на основе коммерческих подходов и системной подготовки профессиональных кадров.

Предложения по дальнейшему развитию национальной научной сферы

Необходимо добиться увеличения доли коммерциализированных результатов научной деятельности, привлечение бизнес-структур, особенно крупных промышленных предприятий к финансированию научных исследований.

Научные достижения априори не могут быть невостребованными. Однако их применению на практике могут препятствовать ряд объективных и субъективных причин. Чтобы преодолеть их, необходимо найти эффективные формы взаимодействия науки с реальным

сектором экономики и взаимовыгодный для обеих сторон механизм коммерциализации результатов научной деятельности:

- создать специализированные научно-производственные центры для проведения укрупненных лабораторных испытаний и проектно-конструкторских работ;

- укреплять материально-техническую базу и приборный парк НИИ и вузов для научных исследований на высоком теоретическом и экспериментальном уровне и подготовки научных кадров.

- наладить научное сопровождение производств, так называемые scientific support, чтобы поддерживать технологии на современном уровне.

Необходимо наладить работу по внедрению научных разработок в крупных промышленных предприятиях и в других металлургических и нефтегазовых заводах на договорной (платной) основе.

При этих заводах также необходимо создавать технологические участки (цехи) для проведения полупромышленных испытаний для внедрения в производство.

- исключить монополизм и создать необходимые условия для конкуренции производственных предприятий.

Это является одним из основных принципов для прогресса в индустрии. При этом лидерами могут стать предприятия, которые, используя научные достижения, создадут самые передовые технологии.

Объем финансирования науки в 2019 г. составил 0,12% от ВВП. Только более 0,5% от ВВП финансирование науки дало бы возможность сохранить нашей республике ведущие научные школы и взять курс на дальнейшее развитие.

В настоящее время наблюдается рост объема финансирования, принята Госпрограмма, согласно которой к 2025 году предусмотрен объем финансирования, равный 1,0% от ВВП.

Необходимо по опыту ведущих западно-европейских стран проводить рейтинги и категории научных организаций (НИИ, открытые лаборатории вузов и др.) с учетом их научного потенциала:

оснащенность лабораторий современным оборудованием, электронно-цифровой техникой, острепенность научных кадров, наличие отдельного специализированного здания, снабженного необходимой коммуникацией и т.д.

Это необходимо для сохранения ведущих научных школ, которые, как правило, хорошо интегрированы в мировое научное сообщество.

Необходимо воссоздать триединую систему: наука – образование – производство, предусмотреть соответствующие налоговые льготы и меры государственной поддержки. Существенной перестройки требует и работа Фонда науки.

Необходимо разработать программу привлечения молодых ученых к научной деятельности, предусмотреть меры по повышению социального статуса науки и ученого. Без участия молодых умов и формирования научных школ и возрождения лучших традиций казахстанской юриспруденции – успешная разработка востребованных государством исследовательских проектов окажется весьма проблематичной

В своем Послании народу Казахстана 1 сентября 2020 года Президент Республики Казахстан Токаев К.К. особо остановился на вопросе развития науки и поставил перед Правительством и научным сообществом следующие безотлагательные задачи:

- привлекать для финансирования науки средства крупнейших предприятий, особенно сырьевого сектора;

- обеспечить централизацию сбора и распределения отчислений 1% от капитальных вложений на развитие науки и технологий через бюджет, исходя из общенациональных научных приоритетов;

- принятие «шефства» со стороны крупного бизнеса над региональными университетами в части их научной деятельности;

- разработка отдельного программного документа по научно-технологическому развитию страны, призванного привлечь науку для решения прикладных проблем национального уровня.

Реализация этих задач, несомненно, послужит повышению результативности науки и ее инвестиционной привлекательности.

Список использованной литературы

1. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоящегося государства. Послание Президента Республики Казахстан, Астана, 2012, -17с.
2. Единство народа и системные реформы – прочная основа процветания. Послание Президента Республики Казахстан, Нур Султан, 2021, -11с.
3. Курмангазина Н.К. Токаев поручил рассмотреть возможность увеличения сроков грантового финансирования науки до 5 лет//Власть, №1, 2021.98с7

2.4. Перспективы российско-корейского сотрудничества в сфере науки и образования в эпоху больших вызовов

В условиях новых вызовов, к которым возможно отнести, в частности, эпидемию COVID-19, а также введенные в отношении России рядом государств политические и экономические санкции, стала отчетливо видна необходимость преодоления Российской Федерацией экстенсивного характера собственной экономики. Вывод о принадлежности России к числу государств с экстенсивным типом экономики позволяет сделать сравнительно низкий уровень инноваций, отличающий экономику России от интенсивных экономик таких государств, как США, Япония, Франция и Южная Корея, обладающих высокими показателями как ВВП, так и инновационности, и занимающих стабильно высокие места в международных рейтингах³⁰⁷. Поскольку после введенных США и ЕС санкций зарубежное финансирование инновационных институтов в Российской Федерации практически прекращено, необходимо обратить внимание на перспективы относительно автаркического пути развития инновационной сферы. В условиях возможной недостаточности материально-технической базы это представляется возможным осуществить путем подготовки специалистов и научно-педагогических кадров, способных к созданию наукоемких решений.

Кроме того, согласно положениям Указа Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», одной из национальных целей государства является создание возможностей для развития талантов в научной сфере путем формирования эффективной системы высшего образования и обеспечения нахождения Российской Федерации в десятке стран, являющихся ведущими по объему научных исследований и разработок. Достижение цели должно сопровождаться повышением престижа карьеры в сфере науки, созданием условий для развития кадрового потенциала и эффективным импортозамещением в наукоемких областях. Вместе с тем, согласно исследованию, проведенному Е. Емельяновой, В. Лапочкиной, И. Шкилевым в 2021 г., по показателям результативности научно-технической деятельности в странах ОЭСР Россия, хотя и входит в группу ведущих стран по числу

---

³⁰⁷Валиахметов И. Р., Курилова А. А., Курилов К. Ю. Разработка механизма финансирования российских инноваций в условиях санкций ЕС и США // Вестник ВУиТ. – 2022. – № 1 (49). – С. 191-198.

исследователей и публикаций, при перерасчете данных по количеству затраченных финансовых и человеческих ресурсов на результаты занимает далекие от лидирующих места. Так, согласно коэффициенту изобретательской активности (отражает количество поданных заявок на получение патента в расчете на одного исследователя) Россия занимает 33 место, согласно коэффициенту публикационной активности (отражает количество публикаций на одного исследователя в международных базах) 37 место, и 41 место согласно коэффициенту востребованности (цитируемости научных публикаций)³⁰⁸. Для успешного достижения поставленных национальных целей в установленные сроки требуется принятие ряда решений, призванных пересмотреть подход государства к организации и правовому регулированию научной деятельности. Разумным видится и использование зарубежного опыта, в особенности стран, сумевших в сравнительно короткие сроки преодолеть научно-техническое отставание и войти в число ведущих научных государств. К числу таких государств возможно отнести и Республику Корею, занимающую в упомянутом ранее рейтинге 4 место согласно коэффициенту изобретательской активности.

Исторический опыт развития сферы науки и образования в Республике Корея любопытен тем, что, в отличие от многих других лидеров рейтинга (США, страны ЕС), научно-технологическая база южнокорейского государства в первые десятилетия с момента его образования по итогам Второй Мировой войны носила крайне ограниченный характер – изначально разоренная японским колониальным господством страна также тяжело пострадала в ходе гражданской войны. Развиваясь как придаток промышленной политики, южнокорейская научно-образовательная сфера создавалась вокруг национальной инновационной системы с использованием иностранных технологий при протекционистской патентной политике, что позволило Республике Корея, с одной стороны, обеспечить приток иностранных знаний в государство, с другой – не допустить замещения отечественного рынка зарубежными компаниями и специалистами. Меры по поддержке совместных исследований с более развитыми государствами, активному участию в международных научных организациях, обеспечению международного характера инвестиций в научно-технологической сфере позволили Республике Корея выйти в лидеры списка наиболее

---

³⁰⁸Емельянова Е. Е., Лапочкина В. В., Шкилев И. Н. Позиция России в мире по уровню научно-технологического развития // Экономическая политика. – 2022. – № 1. – С. 85-86.

инновационных стран мира³⁰⁹. Важную роль в успехе сыграл и стратегический характер подхода к развитию научной сферы – действующая в государстве на данный момент научно-образовательная политика ориентируется на направления, заданные еще в 1999 г. «Долгосрочным прогнозом развития науки и технологий до 2025 года». Полагаем, что использование южнокорейского опыта в условиях новых вызовов, стоящих перед Российской Федерацией, способно значительно ускорить темпы научного развития в России. В данном контексте целесообразно также дать общую характеристику связям, имеющимся между Российской Федерацией и Республикой Корея в сфере науки и образования, а также более подробно проанализировать южнокорейский опыт построения научной и образовательной сферы.

История дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея охватывает сравнительно непродолжительный период – они начались после отхода СССР от политики безальтернативного признания суверенитета КНДР над Корейским полуостровом, а официально были закреплены 30 сентября 1990 г. после подписания министрами иностранных дел двух государств соответствующего соглашения об установлении дипломатических отношений. Затем, уже в 1992 г., на уровне президентов был заключен Договор об основах отношений Российской Федерации и Республики Корея, после чего в 1995 г. была подписана Декларация о содействии развитию двустороннего сотрудничества. Совокупность указанных актов очертила контуры будущих взаимодействия двух государств и стала основой для последующих соглашений³¹⁰. В 2008 г. отношения между Российской Федерацией и Республикой Корея после встречи на уровне президентов были охарактеризованы как «стратегическое партнерство»³¹¹. При этом необходимо признать, что сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Корея, несмотря на ряд сделанных заявлений и подписанных соглашений, носило в значительной степени спорадический характер, в том числе и в сфере научно-технического

---

³⁰⁹Троекурова И. С., Колотырина Е. А. Международное научно-технологическое сотрудничество Республики Корея // Изв. Саратов. ун-та. Нов.сер. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2015. – №1. – С. 28-37.

³¹⁰Карпович О. Г., Смагина Л. А. Россия – Республика Корея: итоги и перспективы (30 лет установления дипломатических отношений) // Сравнительная политика. – 2021. – № 2. – С. 111-120.

³¹¹Акимова В. Г. Стратегические направления сотрудничества Российской Федерации и Республики Корея // Корееведение в России: направление и развитие. – 2022. – № 2. – С. 71-77.

сотрудничества и образования. Так, в 1991 и 1994 гг. под руководством Министерства науки и ИКТ были созданы Объединенный комитет по науке и технологиям и Корейско-российский центр научно-технического сотрудничества. С 2004 по 2012 гг. под покровительством Министерства торговли, промышленности и энергетики функционировал Корейско-российский центр сотрудничества в области промышленных технологий, однако комплексная поддержка начинаний отсутствовала. Вместе с тем, нельзя не упомянуть реализацию ряда совместных наукоемких проектов, потребовавших привлечения специалистов обеих сторон, среди которых обучение ученых в рамках НИОКР, выставки передовых технологий, взаимодействие в рамках развития бизнеса и деятельности Фонда «Сколково»³¹².

В ходе последнего десятилетия Российская Федерация, находясь в условиях нарастающей конфронтации со странами Запада, стремилась укрепить свое сотрудничество с государствами Северо-Восточного азиатского региона. В частности, продолжалась работа Российско-Корейской совместной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству – последнее, 19-е заседание комиссии состоялось в декабре 2021 г. Кроме того, можно выделить ряд ключевых соглашений в сфере научно-технического сотрудничества между Россией и Республикой Корея, заключенных на протяжении указанного периода.

Взаимодействие между государствами активизировалось после провозглашения концепции «Девяти мостов» в 2017 г., в которой были обозначены ключевые направления сотрудничества: газовая сфера, железнодорожная сфера, сфера развития портовой инфраструктуры, сфера электроэнергетики, сфера судостроения, промышленных комплексов, сельского и рыбного хозяйства, а также сфера сотрудничества в рамках Северного морского пути³¹³.

Ряд ключевых договоренностей, последовавших за провозглашением концепции «Девяти мостов», был достигнут в июне 2018 г. с подписанием нескольких меморандумов о взаимопонимании на уровне министерств. Так, Меморандум о взаимопонимании между Минвостокразвития России и Министерством иностранных дел Республики Корея о создании Российско-Корейского Форума межрегионального

---

³¹²Троекурова И. С., Колотырина Е. А. Указ.соч.

³¹³Кривошеев М. Д. Концепция «Девяти мостов» и перспективы развития российско-южнокорейских экономических отношений // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 77-80.

сотрудничества развивал положения концепции «Девяти мостов» на уровне взаимодействия регионов Дальнего Востока и Республики Корея. Меморандум о взаимопонимании между Минэкономразвития РФ и Министерством науки и информационно-коммуникационных технологий Республики Корея о создании российско-корейской инновационной платформы для четвертой промышленной революции предопределил создание Корейско-российского инновационного центра и расширение функций Корейско-российского центра сотрудничества по науке и технологиям. Курс на взаимодействие в сфере больших данных и высокоскоростного Интернета нашел выражение в Меморандуме о взаимопонимании между Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Министерством науки и информационно-коммуникационных технологий Республики Корея по сотрудничеству в области связи и информационно-коммуникационных технологий от 22 июня 2018 г.³¹⁴.

Отметим, что в самой концепции «Девяти мостов» как отдельные направления сотрудничества наука и образование заявлены не были, однако из заключения упомянутых соглашений следует, что интенсивное взаимодействие в указанных сферах невозможно без обмена имеющимся научно-техническим опытом и программ подготовки квалифицированных кадров. Данная позиция подтверждается формированием совместных научно-технических площадок, одной из которых должен был стать упомянутый ранее и открытый в 2019 г. Корейско-Российский инновационный центр в южнокорейском городе Ичхон. Тем не менее, информации о значимых результатах деятельности центра найти не удалось.

В октябре 2020 г. концепция «Девяти мостов» была актуализирована в виде подписания сторонами «Плана действий девяти мостов 2.0», при этом одним из ключевых направлений взаимодействия было признано сотрудничество в сфере инноваций³¹⁵. Среди иных оговоренных в Плане направлений, перспективных с точки зрения обмена научным опытом, можно отметить подготовку совместной программы поддержки обмена квалифицированными кадрами между

---

³¹⁴Ким Ю. Программы научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и странами Северо-Восточной Азии в сфере цифровой экономики // Международная торговля и торговая политика. – 2020. – № 1 (21). – С. 140-155.

³¹⁵РюКванЧоль. Перемены в корейско-российских отношениях после установления дипломатических отношений и перспективы будущего сотрудничества // Корееведение в России: направление и развитие. – 2022. – № 1. – С. 136-158.

соответствующими частными учреждениями, такими как университеты, научно-исследовательские институты обеих стран в определенных областях, совместные программы подготовки кадров и обмена квалифицированными кадрами в целях реализации научно-технических и научно-образовательных программ, проектов и других мероприятий, а также сотрудничество в сфере искусственного интеллекта и развитие научно-технического сотрудничества между российскими и корейскими научно-исследовательскими учреждениями, включающее в себя расширение научных обменов в рамках заседаний Совместного комитета по научно-технологическому сотрудничеству, дней науки и технологий, проведение совместных исследований, организацию коммуникативных площадок, семинаров в целях обмена результатами исследований и обмен руководителями научных групп³¹⁶. Вместе с тем, необходимо отметить также сложности, возникшие после присоединения Республики Корея к санкциям в отношении России в феврале-марте 2022 г. Среди введенных южнокорейским правительством санкций – запрет на поставку ряда стратегических и технологических компонентов и усиление экспортного контроля со стороны Республики Корея. Указанные санкции затрагивают оборудование стратегического значения, микроэлектронику, телекоммуникационное и навигационное оборудование, авиационные компоненты, морское оборудование и др. Кроме того, ограничительные меры введены и в отношении финансового сектора экономики Российской Федерации – они выражаются в приостановлении финансовых операций с Центробанком России, семью крупнейшими российскими банками с отключением последних от системы SWIFT, и настоятельных рекомендациях частным и государственным финансовым учреждениям приостановить инвестирование в российские государственные облигации. В марте 2022 г. санкции были расширены запретом на проведение транзакций с Центробанком РФ, Банком «Россия», Фондом национального благосостояния и Российским фондом прямых инвестиций.

Правительство Российской Федерации, с другой стороны, 5 марта 2022 г. включило Республику Корею в перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц

---

³¹⁶Самсонова В. Г. Перспективы российско-южнокорейского инновационного сотрудничества в эпоху COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. – 2022. – № 1. – С. 160-161.

недружественные действия. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» и Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 марта 2022 г. №295, данное решение означает возможность осуществления российскими физическими и юридическими лицами, имеющими валютные обязательства перед южнокорейскими кредиторами, расчетов в рублях, а также введение процедуры обязательного одобрения всех сделок и операций российских компаний с южнокорейскими гражданами и фирмами.

Бесспорно, что санкции, наложенные Республикой Корея на Российскую Федерацию, равно как и ответное включение Республики Корея в перечень государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц недружественные действия, отрицательно скажутся на дальнейшем российско-корейском научном и экономическом сотрудничестве. Негативный эффект для российской наукоемкой и инвестиционной сфер, а также российско-южнокорейских отношений в целом, вероятно, проявится в сокращении практики совместных проектов, а также в падении товарного оборота между странами, в том числе импорта южнокорейской продукции – в том числе машин, оборудования и транспортных средств, составлявшим, по данным Федеральной таможенной службы России, большую часть импорта из Республики Корея и труднозаменимым на российском рынке. При этом оборот с Республикой Корея по итогам 2021 г. составил 4,6% от всего внешнеторгового оборота Российской Федерации, что ставит Республику Корея на пятое место в списке торговых партнеров России после Китая (18,8%), Германии (7,4%), Нидерланд (7,3%) и Турции (7,1%). Официальная статистика внешней торговли за период, начавшийся с февраля 2022 г., на момент исследования отсутствует, однако, вероятно, не будет ошибочным предположение о том, что ожидать повторения роста товарооборота последних лет не придется, при том, что в январе 2021 г. оборот составлял 2108,4 млн долларов США, а в январе 2022 г. – уже 3160,5 млн долларов США с двукратным увеличением экспорта. Негативно на развитии экономических отношений сказывается и то, что Южная Корея также сокращает импорт российской продукции – по данным Корейской национальной нефтяной корпорации, в марте 2022 г. из России было импортировано лишь 2,98 млн баррелей нефти против 5,29 млн в 2021 г.

Следует отметить, что разрыв экономического сотрудничества между государствами не является абсолютным – так, в августе 2022 г. «Атомстройэкспорт» и южнокорейская компания KoreaHydroandNuclearPower заключили контракт на участие в работах по проекту АЭС «Эль-Дабба», согласно которому корейская компания не только примет участие в строительстве зданий и сооружений на четырех энергоблоках АЭС, но также закупит и поставит оборудование и материалы для сооружения «турбинных островов». Впрочем, контракт является прямым следствием договоренностей, достигнутых сторонами в 2021 г., до введения Республикой Корея санкций в отношении Российской Федерации, что не позволяет однозначно заявить о наличии тенденции на сохранение научного и экономического сотрудничества в будущем.

Тем не менее, кроме непосредственно технологической и экономической сфер, взаимодействие в которых рискует перейти по меньшей мере в стадию стагнации, приоритетным направлением может стать также и сотрудничество в сфере образования. Один из первых шагов для развития российско-корейского сотрудничества в сфере образования был сделан в 2010 году с открытием 1-ой конференции российских и корейских специалистов в области образования, проведенной Российской академией образования при участии Министерства образования Республики Корея и Фонда Кореи. На конференции, в частности, была отмечена высокая роль программ по обмену и стажировке российских и корейских педагогов³¹⁷. Подобные мероприятия на базе Российской академии образования проводились и позже, однако систематической практикой не стали. Среди иных значимых событий российско-корейского сотрудничества в сфере образования следует упомянуть: проведение российско-корейского Дня науки и технологий 19 июня 2017 г., организованного московским представительством Национального исследовательского фонда Республики Корея и Российским фондом фундаментальных исследований при поддержке Минобрнауки России, Министерства науки, информационно-коммуникационных технологий и перспективного планирования Республики Корея, а также Посольства Республики Корея в Российской Федерации; подписание в 2017 г. Меморандума о взаимопонимании в сфере высшего образования представителями уполномоченных министерств государств; проведение в 2018 г. двусторонней встречи и.о. президента Российской

---

³¹⁷ Богуславский М. В. Российско-корейское сотрудничество в сфере образования: перспективы развития // Проблемы современного образования. – 2010. – № 5. – С. 77-79.

академии образования и вице-президента Академии корееведения с участием представителей педагогических вузов, на которой были обсуждены будущее российского и корейского образования и перспективы их цифровизации³¹⁸. При этом опыт развития южнокорейской образовательной системы, несмотря на определенную специфику, представляет значительный интерес для Российской Федерации даже вне контекста российско-корейского сотрудничества, в особенности в условиях новых вызовов.

Так, система образования в Республике Корея включает в себя ряд глобалистских тенденций, к которым относятся обязательное владение английским языком для чиновников и PhD, активное участие в программах международных стажировок, в том числе магистерских, а также поддержка образованных мигрантов – иностранных специалистов. Тем не менее, Республика Корея, вопреки международным трендам, по-прежнему сохраняет высокий статус высшего образования, не стремится к сокращению университетских программ, а в некоторых случаях – например, при подготовке государственных служащих – позволяет себе сохранить идеологизированный характер образования, отвечающий корейскому национальному духу³¹⁹.

В основе национальной системы образования лежит система подготовки педагогических кадров. В условиях нехватки природных ресурсов корейское правительство определило образование и подготовку квалифицированных специалистов как абсолютный приоритет. Критическое значение уделяется актуальности образования, что требует от сотрудников учебных заведений ежегодного прохождения проверок и курсов повышения квалификации, в том числе – помимо привычных очных и дистанционных форм – индивидуальных курсов. Предъявляются требования к компетентности педагогов при использовании информационно-коммуникационных технологий, проводится крайне строгий и конкурентный отбор абитуриентов на педагогические специальности. Исследователями отмечается также характерный для азиатских стран набор коллективистских ценностей, включающих восприятие человека в контексте группы и поиск путей гармоничного

---

³¹⁸Ден А. Развитие российско-корейских отношений в области образования // Известия Иркутского государственного университета. – Серия: Политология. Религиоведение. – 2020. – № 34. – С. 106-111.

³¹⁹Булавинцева М. Г., Зимонина О. В. Традиционные и глобальные ценности в системе непрерывного образования Южной Кореи // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – № 6. – С. 56-64.

существования индивидуума и коллектива, строгую иерархию и, как следствие, высокий социальный статус педагога. Кроме того, при интеграции глобальных образовательных трендов, основанных преимущественно на западных ценностях, традиционная корейская система образования проявила достаточную резистентность и смогла интегрировать в учебный процесс современные образовательные технологии и методики без значительного ущерба для образовательного процесса³²⁰. Тщательный отбор абитуриентов на педагогические специальности поддерживается высокими требованиями к образованию педагогов в целом – если для учителей детских дошкольных учреждений необходим диплом бакалавра, то для всех прочих педагогических специальностей, как правило, требуется образование не ниже магистерского. Подобные тенденции характерны для большинства стран – лидеров по качеству образования³²¹.

Ведущие корейские университеты стабильно занимают места в первой сотне мирового рейтинга передовых вузов, при этом южнокорейское высшее образование в последние десятилетия, как уже было отмечено, подверглось переориентации с целью интернационализации образования, что было связано отчасти с необходимостью обеспечить работой сотрудников более чем 400 вузов страны. Для достижения поставленных задач вводились курсы на иностранных языках, прежде всего, на английском, а для иностранных студентов предоставлялись различные преференции, как правило, материального характера, включая скидки на обучение, благодаря которым стоимость услуги для иностранных студентов могла быть ниже внутренней³²². Подобные меры привели к многократному увеличению количества иностранных студентов в Республике Корея – с порядка 10 000 человек в начале XXI в. до 158 923 человек по состоянию на март 2021 г. Значительным достижением можно назвать и то, что, согласно данным в открытых источниках, 111 231 человека обучаются на обычных образовательных курсах, в то время как остальные – на языковых. Из этого следует вывод о том, что южнокорейская система образования для множества студентов представляется приоритетной по сравнению с

---

³²⁰Сулайманова Р. Т. Опыт зарубежных стран по подготовке педагогических кадров // Эпоха науки. – 2020. – № 22. – С. 283-289.

³²¹Тагунова И. А., Долгая О. И. Тенденции в организации педагогического образования в странах — лидерах по качеству образования // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2021. – № 5. – С. 78-92.

³²²Кречетников К. Г. Интернационализация высшего образования в Корее // Символ науки. – 2015. – № 7-1. – С. 135-137.

собственными национальными системами даже при условии отсутствия интереса к корейскому языку или культуре. Доля российских студентов, впрочем, остается низкой даже в сравнении с другими европейскими государствами – менее одного процента. Увеличение количества российских студентов в южнокорейских вузах, обеспечение для них комфортных условий обучения представляется одним из приоритетных направлений российско-корейского научно-образовательного сотрудничества.

Со стороны Российской Федерации каких-либо значительных преград для получения образования студентами из Республики Корея не существует. Для обучения в университетах Российской Федерации иностранному студенту необходима сдача экзамена по русскому языку, однако возможно прохождение языковых курсов на базе принимающего учреждения. Тем не менее, общая численность южнокорейских студентов в России остается невысокой³²³. Представляется, что повышение престижа российского образования за рубежом могло бы произойти при последовательной реализации приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» от 30.05.2017, однако перспектива сегодняшнего дня целевой показатель в 710 000 иностранных студентов к 2025 году, заданный в проекте, выглядит нереалистичным. Тем не менее, с учетом ожидаемого падения и ранее немногочисленного количества студентов российских вузов из развитых западных государств 2022 и ближайших последующих годах, повышение экспортной ценности российского образования на азиатском рынке представляется важной задачей, однако, на наш взгляд, подготовка российских студентов в иностранных университетах ведущих государств является более перспективным направлением. Кроме того, предполагаем, что в ближайшей перспективе запросы российских абитуриентов и студентов на получение образования, участие в обменных программах и стажировках в Республике Корея будут расти – этому способствуют отсутствие визовых требований между государствами, растущая популярность корейского языка и культуры, а также усложнение участия граждан Российской Федерации в аналогичных программах стран Запада.

Условия обучения российских студентов в Республике Корея на данный момент схожи с указанными выше условиями обучения

---

³²³ Михайлов И. В., Исмагилова М. И. Перспективы российско-южнокорейского сотрудничества в области образования в XXI веке // *Viaintempore. История. Политология.* – 2020. – № 2. – С. 302-308.

южнокорейских студентов в России. Для поступления необходимо успешное окончание языковых курсов корейского языка либо предоставление сертификата «ТОPIK» («TestofProficiencyinKorean»). Преимуществом является возможность обучения на английском языке, в том числе благодаря привлечению в корейскую систему образования иностранных преподавателей. Студенты, претендующие на обучение в бакалавриате или магистратуре и предоставившие сертификат «ТОPIK» третьего или пятого уровня соответственно, а также сертификат «TOEFL» или «IELTS», имеют право претендовать на стипендиальную поддержку Республики Корея, имеющую различные формы, от оплачиваемых языковых курсов до ежемесячной стипендии.

Ключевой стипендиальной программой является «KGSP» («KoreanGovernmentScholarshipProgram»), включающая в себя:

1. полную оплату билетов в Республику Корею и обратно (единообразно) и незначительную материальную помощь по прибытию;
2. ежемесячную стипендию (выплачивается в размере 900 000 – 100 000 вон, что по актуальному курсу составляет приблизительно 45 000 рублей);
3. покрытие медицинской страховки, языковых курсов и обучения, печати дипломной работы;
4. дополнительные выплаты за высокий уровень знания корейского языка и проведение научных исследований³²⁴.

Немаловажно, что программа допускает помощь также при поступлении в докторантуру, что позволяет Республике Корея привлекать к получению образования в собственном государстве не только начинающих специалистов, но и научных сотрудников с определенным опытом работы.

Различные стипендиальные программы принимаются и отдельными университетами в частном порядке. Кроме того, для студентов, обладающих до поступления значительными достижениями, а также для студентов-отличников предусмотрены программы скидок – например, «SupportProgramforSelf-financedStudents». Также действует программа «GSK» («GlobalKoreanScholarship»), предполагающая краткосрочные обменные курсы для иностранных студентов³²⁵ [Михайлов, Исмагилова, 2020].

---

³²⁴Бабина Т. В. Краткий обзор перспектив сотрудничества Республики Корея и России в сфере образования // Цифровая наука. – 2021. – № 9-2. – С. 44-59.

³²⁵Михайлов И. В., Исмагилова М. И. Указ.соч.

Значительный потенциал российско-корейского сотрудничества может быть раскрыт при стимулировании процессов обмена и стажировок российских студентов в корейских вузах в том числе и с российской стороны. Вместе с тем, научно-техническому развитию двух стран содействуют не только программы экспорта образования, но и непосредственное научное взаимодействие. Так, важным событием в региональном масштабе стало подписание Меморандума о взаимопонимании для осуществления корейско-российского совместного исследовательского проекта по теме «Изучение территориальных производственно-ресурсных структур на основе включения «зеленой экономики» в достижение Целей Устойчивого Развития (ЦУР)» между ИГ СО РАН и Корейским институтом окружающей среды. В проекте также участвовали Якутский научный центр СО РАН, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Байкальский институт природопользования и другие³²⁶. Участие южнокорейской стороны в развитии «зеленого» и иного инновационного производства, при условии сохранения такого участия в дальнейшем, в перспективе позволит частично заполнить пробелы в тех областях, в которых они образовались после введения в отношении Российской Федерации санкций со стороны США и ЕС. Тем не менее, в случае возможного расширения пакета южнокорейских санкций в отношении Российской Федерации подобное взаимодействие, вероятность которого на данный момент уже невысока, станет практически невозможным.

В частном порядке взаимодействие с Республикой Корея активно выстраивают вузы Сибири и Дальнего Востока. Так, в 2022-2023 учебном году в Институте истории и международных отношений Алтайского государственного университета в рамках образовательной программы «зарубежное регионоведение» стартовал профиль «Корея и корейский язык». Целью заявлена подготовка специалистов по корейскому региону уровня бакалавров или магистров. Полагаем, что углубленное знание региональной специфики позволит студентам в дальнейшем принять активное участие в программах обмена либо продолжить получение образования за границей, а также выступать в качестве

---

³²⁶Заборцева Т. И., Кочугова Е. А. Международное сотрудничество как механизм консолидации региональных научных сообществ Сибири для решения глобальных проблем (на примере российско-южно-корейского научного взаимодействия) // Вестник евразийской науки. – 2022. – № 2. – URL: <https://esj.today/PDF/17NZVN222.pdf> (дата обращения: 28.09.2022).

квалифицированных экспертах в государственных или частных организациях.

Тесное сотрудничество по вопросам академической мобильности выстроено между Алтайским государственным университетом и Международной школой бизнеса СолБридж университета Вусонг («SolBridgeInternationalSchoolofBusiness, WoosongUniversity», Республика Корея) по бакалаврской программе «Экономика» и магистерской программе «Международная экономика». Преимуществом программы является проведение обучения на русском и английском языке и получение выпускниками двух дипломов – Алтайского государственного университета и школы SolBridge соответственно.

Помимо стимулирования студентов к участию в обменных программах, следует также обратить внимание на возможность сотрудников российских высших образовательных заведений перенять опыт южнокорейских коллег – например, путем оказания помощи научно-педагогическим сотрудникам, желающим пройти переподготовку или повысить квалификацию в образовательных учреждениях Республики Корея.

Таким образом, сотрудничество Российской Федерации и Республики Корея в сфере науки и образования представляется, с одной стороны, крайне перспективным направлением, потенциал на данный момент не раскрыт в полной мере, с другой стороны – направлением, будущее которого представляется крайне неопределенным, находящимся в зависимости от международной политической обстановки. К положительным сигналам следует отнести сохранение части контактов и продолжение действия соглашений, заключенным в предшествующие годы, к негативным – взаимные ограничительные меры, принимаемые государствами, и ожидаемое падение торгового оборота между Российской Федерацией и Республикой Корея. Вместе с тем, мы полагаем, что даже в столь напряженных условиях следует рассмотреть возможность принятия ряда мер, способных принести Российской Федерации значительную пользу в ходе дальнейшего углубления российско-корейского сотрудничества.

Во-первых, поскольку обучение в высших образовательных учреждениях Республики Корея платное и, как правило, дорогое, особенно относительно обучения в вузах Российской Федерации, необходимо на уровне образовательных учреждений предусмотреть гибкую систему грантов, позволяющую частично или полностью компенсировать студенту стоимость обучения в случае, если достижений данного

студента недостаточно для получения гранта со стороны Республики Корея или же получение гранта не устраняет проблему нехватки средств на обучение полностью. При этом крайне важно, особенно при условии получения студентом диплома о высшем образовании в Республике Корея, чтобы у выпускника сохранялся стимул к возвращению и применению полученных знаний непосредственно в России. Вместо системы строгих запретов, способной отпугнуть кандидатов от участия в программе, возможно создание грантовых программ, подобных программам КНР, предусматривающим покрытие расходов кандидатов суммами вплоть до 20 тыс. долларов, что позволяет во многих случаях полностью компенсировать расходы на обучение, высокие уровни зарплат по возвращению в КНР и компенсацию стоимости жилья³²⁷.

Во-вторых, возможно расширить список потенциальных направлений обучения в Республике Корея для российских студентов посредством распространения оплачиваемых образовательным учреждением курсов корейского языка. Такое нововведение должно касаться не только специалистов-страноведов, но и для студентов иных специальностей при условии дальнейшего участия этих студентов в программах обмена или стажировках в Республике Корея. Данный подход избавит студентов от необходимости выбирать для обмена англоязычные программы или проходить дорогостоящее обучение корейскому языку за свой счет.

В-третьих, схожую систему можно распространить на действующих научно-педагогических работников, предоставив им возможность пройти переподготовку или повышение квалификации в образовательных учреждениях Республики Корея. Условием может быть, например, проведение открытых занятий по изученным методикам либо иная форма распространения полученных знаний в коллективе.

Таким образом, при условии дальнейшего развития сотрудничества между двумя государствами Российская Федерация способна использовать опыт развития науки и образования Республики Корея для преодоления экстенсивного характера собственной экономики, повышения качества научно-педагогических кадров и практикующих специалистов. Вместе с тем, для этого требуется не только симметрично реагировать на предложения корейской стороны, количество которых

---

³²⁷Ильина И. Е., Жарова Е. Н., Королева Н. Н. Поддержка молодых исследователей: зарубежные практики и возможность их применения в России // Интеграция образования. – 2020. – № 3 (100). – С. 360-361.

в ближайшие годы, вероятно, сократится, но и предпринимать самостоятельные шаги для развития обменных и иных образовательных программ, включающие оплачиваемые образовательными учреждениями при государственной поддержке курсы языка, программы академической мобильности, курсы переподготовки и повышения квалификации, а также командировки с целью обмена опытом. Использование корейского и китайского опыта при разработке программ академической мобильности российских студентов открывает возможности как для обеспечения получения ими передового образования, особенно актуального для технических специальностей, так и для предотвращения их последующей миграции за рубеж.

Тем не менее, стоит учитывать, что принятие указанных мер способно принести положительные результаты лишь при установлении правительствами стран и отдельными учреждениями курса на взвешенное, свободное от деструктивного политического влияния научно-техническое сотрудничество, что в текущих условиях представляется маловероятным, по крайней мере, в краткосрочной перспективе.

2.5. Правовое регулирование научной сферы в России и США

Обособление научной сферы в качестве самостоятельного предмета правового исследования приходится на вторую половину прошлого столетия, ознаменовавшуюся свершением очередной научно-технической революции и началом активной перестройки индустриального общества в постиндустриальное.

Научный переворот сопровождался небывалым ростом научных открытий в сфере нано технологий, компьютеризации, цифровизации и т.д. Постепенно акцент государственной политики сместился с промышленного на цифровое производство, в котором наука стала играть еще более существенную роль.

Таким образом, на сегодняшний день научно-техническая сфера является приоритетным направлением современной государственной политики стран мира.

Российская государственная политика устремлена к повышению научно-технического потенциала страны, развитию инвестиционных кластеров.

Вместе с тем, бесспорным мировым лидером по инвестиционной привлекательности и средоточием венчурных капиталовложений продолжает оставаться американская Кремниевая долина.

В этой связи, представляется важным изучение специфики правового регулирования научной сферы в странах России и США в целях выявления позитивного опыта создания правовых условий для разработки и внедрения новейших прикладных технологий и развития фундаментальных исследований в указанных государствах, а также в целях обозначения проблем правового регулирования научной сферы деятельности.

Комплексные научные исследования по заявленной проблематике отсутствуют как в отечественной, так и в американской правовой науке.

Идея правового осмысления научной сферы в отечественной юриспруденции впервые была отражена в работах советских ученых Федыкина И. Г., Дозорцева В. А., Зенина И. А., Ринга М. П.

В современных диссертационных исследованиях российских авторов уделяется внимание проблемам правового регулирования сферы науки, например, в работах В.Н. Гордей «Государственно-правовое регулирование научной деятельности в условиях становления рыночной экономики в России» (2005 г.), Л.Г. Берлявского «Правовая политика советского государства в сфере регулирования научной деятельности: 1917 – конец 20-х годов» (2009 г.), В.П. Барановой «Методы и инструменты совершенствования механизма государственного регулирования в научной сфере Российской Федерации» (2012 г.), Е. К. Нечаевой «Правовое регулирование научных исследований и технологического развития в рамках региональных интеграционных организаций: на примере Европейского Союза и Евразийского экономического союза» (2017 г.).

Ряд диссертационных исследований посвящено проблемам правового статуса ученого, которые непосредственно касаются проблем правового регулирования указанной сферы, в целом. Например, в работах О.Ю. Осиповой «Социальный статус молодых ученых в регионе» (2011 г.), С.М. Никифорова «Юридические лица публичного права в России в XVII – XIX веках» (2017 г.), Л.Ю. Черноморской «Тенденции изменения ценностей научной деятельности в России: установки молодежи» (2005 г.) суждения авторов в рамках изучения социального статуса ученого затрагивают вопросы правового регулирования научной деятельности.

Вместе с тем, комплексно правовые аспекты регулирования научной сферы в рамках российских диссертационных работ не исследованы.

Для американской правовой научной литературы в принципе нехарактерны теоретические дискуссии относительно целей, методов и функций осуществления правового регулирования научной деятельности. Как правило, американская дискуссия относительно правового регулирования научной сферы сводится к обсуждению необходимости установления пределов научной свободы ученого. Указанные научные дебаты, в свою очередь, предопределены активным развитием генной инженерии, современных биотехнологий и иных новейших технологий, принципы разработок которых неминуемо сталкиваются с существующими этическими и гуманистическими принципами.

Так, например, пределам правового регулирования научной сферы посвящены следующие работы: Чемберлен А. Наука и безопасность в среде после 11 сентября — экспортный контроль: гранты, контракты и публикации (Американская ассоциация содействия развитию науки, Вашингтон, округ Колумбия, 2004 г.); Стеффан М., Высокая цена хранения секретов, *WashingtonPost*, 2011 г.; Фитцпатрик Дж. П., Пустей М. А., Руководство в отношении контролируемой несекретной информации и Закона о свободе информации [меморандум], 2011 г.; Голденсон Д.Г., *BostonColl.* Окружающая среда. Закон, 2001– 2002 гг.; Грейди Д., *BroadWJ, New York Times*, 2011 г.

Анализу научно-образовательной среды, в целом, как предмету законодательного внимания посвящены работы следующих авторов: А.А. Болонкин, Дж. Ю. Стиглиц, М. Фридман, Ф.Г. Кумбс, В. Поттер, Р. Шмидт, Р. Фишер, А. Вильдавски, Р.В. Вассмер, Дж. Колеман, Дж. Ханнауэй, Дж. Гютери, Е. Кон, Т.Г. Геске, Р.С. Мартин, Г.В. Мили, В. Т. Хартман, А. Одден, А. Б. Крюгер, Дж.Д. Ангрис, Дж. Грант, К. И. Мюррэй и др.

Однако ввиду того, что в исследовательских работах указанных авторов акцент сделан на образовании и высшей школе, то изучению правового регулирования науки уделяется внимание лишь постольку, поскольку наука касается высшего образования.

Отдельные управленческие проблемы для повышения эффективности научной деятельности ученых встречаются в зарубежной периодической литературе. Например, работы: Gaieck, W. Opinion: Science Policy for Scientists: A Simple Task for Great Effect // *PNAS*, 2020, 117 (35), 20977-20981; Zirkle, C. Our Splintered Learning and the Status of Scientists // *Science*, 1955, 121(3146), 513 –519.

Таким образом, в предшествующих работах акцент был сделан на отдельных проблемных вопросах правового регулирования научной

сферы, однако ни в России, ни в США не проводилось комплексных исследований в сравнительно-правовом аспекте на тему правового регулирования научной сферы в указанных странах.

Правовое регулирование научной сферы в России

Развитие российской науки в ее классическом понимании началось с эпохи преобразований Петра I, учредившего Петербургскую академию наук, ставшую прародительницей современной Российской академии наук. В этой связи наука как социальный и политико-правовой институт появилась в России только в первой четверти XVIII века и первоначально строилась по принципу «копирования» западных идей.

К началу XX века организационная модель отечественной науки отчасти достигла самостоятельности и структурной упорядоченности, в связи с чем, по оценкам некоторых ученых, переживала в этот период свой бурный, но недолгий рассвет.³²⁸

Однако даже в этот прогрессивный период российская наука продолжала институализироваться по западным образцам, подражая, а следовательно, значительно уступая западу, будучи не в силах повторить навязанный «оригинал».³²⁹

Правовое положение науки в послереволюционной России – это весьма неоднозначное явление, пронизанное спецификой взаимоотношений науки и власти, противостоянию академической свободы и диктуемой идеологии.

Спецификой советского подхода к правовому регулированию научно-технической сферы являлось то, что приоритетным направлением для командно-административного подхода к управлению научными организациями выступала мобилизация научно-технического потенциала для нужд строительства социализма и самоизоляция отечественной науки от достижений мировой науки.³³⁰

Тем не менее, в естественных и технических науках идеологизация науки отчасти имела декоративный характер, так как развитие промышленности и наращивание военно-стратегического потенциала посредством создания передовых вооружений выступало острой нуждой,

---

³²⁸Юдин, Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // *Философские исследования*. – 1993. – №3. – С. 91 – 94.

³²⁹Волобуев, П.В. Русская наука накануне Октябрьской революции // *Вопросы истории естествознания и техники*. – 1987. – №3.

³³⁰Берг, Л.Н. Основные этапы российской правовой политики в сфере научной деятельности // *Политика и общество*. – 2014. – 10. – С. 1155 – 1160.

что позволяло ученым-естествоиспытателям пользоваться чуть большей свободой, нежели чем коллегам – ученым-теоретикам.

«Перестройка» начала 1990-х гг. затормозила научно-техническое развитие. Государственная политика была сориентирована, прежде всего, на формирование правовой оболочки качественно новых политических и социально-экономических отношений, которые на время затмили сферу правового регулирования науки.

В современной России принят целый ряд законодательных актов, направленных на правовое регулирование науки.

Ключевым нормативно-правовым актом, которому иногда придается значение кодифицированного акта, является Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Федеральный закон №127-ФЗ).

Указанный Федеральный закон №127-ФЗ направлен на правовое регулирование отношений между субъектами научной деятельности, органами государственной власти и потребителями научной продукции.

Следует отметить, во-первых, что из очерченного Федеральным законом №127-ФЗ предмета правового регулирования исключены органы местного самоуправления, а также бизнес-сообщество, включая инвесторов. Видится, что и те, и другие являются зачастую непосредственными участниками научно-правовых отношений, в связи с чем не могут быть исключены из сферы правового регулирования.

Во-вторых, Федеральным законом от 21.07.2011 №254-ФЗ в указанную норму, а также в иные нормы поименованного федерального закона были внесены изменения, в частности указано, в том числе, на отношения «по предоставлению государственной поддержки инновационной деятельности». Видится, что с внесением указанных изменений Федеральный закон №127-ФЗ приобрел статус не только закона о науке и научно-технической сфере, но и закона об инновациях, что, тем не менее, не следует из его названия.³³¹

Статьей 1 Федерального закона №127-ФЗ установлено, что законодательство о науке государственной научно-технической политике включает в себя непосредственно сам Федеральный закон №127-ФЗ, законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, принятые в соответствии с поименованным федеральным законом, законы и иных нормативных правовых актов субъектов Российской

---

³³¹ Бердашкевич, А.П. О направлениях реформирования законодательства о науке // Инновации. – 2012. – №11. – С. 100 – 104.

Федерации, правовые акты органов публичной власти федеральной территории «Сириус».

Некоторыми учеными акцентируется внимание на то, что в указанной норме отсутствуют указания на Конституцию Российской Федерации и Гражданский кодекс Российской Федерации,³³² которые непосредственно направлены, в том числе, на правовое регулирование научной деятельности и правовую охрану результатов интеллектуальной деятельности.

Кроме того, согласно поименованной норме правовое регулирование научной сферы осуществляется исключительно на законодательном федеративном и (или) региональном уровнях. Вместе с тем, правовые акты органов местного самоуправления, правовые акты Российской академии наук и ее отделений, локальные нормативные правовые акты высших учебных заведений, научно-исследовательских университетов и других научных организаций исключаются из сферы правового регулирования.

Видится, что указанное Федеральным законом №127-ФЗ ограничение снижает правотворческие способности иных участников научной и (или) научно-технической деятельности.

При этом, в статье 7 указанного Федерального закона №127-ФЗ прямо предусматривается обратное, в частности, указывается на то, что управление научной и (или) научно-технической деятельностью осуществляется на основе сочетания принципов государственного регулирования и самоуправления.

Кроме того, статьей 15 Федерального закона №127-ФЗ предусматривается, что финансовое обеспечение научной, научно-технической, инновационной деятельности может осуществляться не только с привлечением средств федерального и регионального бюджета, но и за счет финансирования муниципальными образованиями.

Иными словами, в самом законе прямо предусмотрены принципы самоуправления, но не предусмотрены правотворческие возможности для их реализации.

Следует отметить, что в Федеральном законе №127 поименованы ключевые субъекты научной деятельности, а именно:

- научный работник;
- специалист научной организации;
- работник сферы научного обслуживания;

---

³³² Берг, Л.Н. Проблемы законодательного обеспечения научной деятельности в России // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – №1. – С. 3.

- общественные объединения научных работников;
- научная организация и ее структурные подразделения;
- государственные академии наук;
- высшая аттестационная комиссия

Правовой статус указанных субъектов научного права закреплен статьями 4 – 6.1 Федерального закона №127-ФЗ. Вместе с тем, указанный перечень субъектов носит достаточно условный характер. Так, помимо вышеперечисленных в правовых актах употребляются иные наименования субъектов научной деятельности, например, «ученый», «молодой ученый», «научный сотрудник», «аспирант», «профессорско-преподавательский состав» и т.д.

В статье 11 Федерального закона №127-ФЗ регламентируются фиксируются основные цели государственной научно-технической политики, в числе которых развитие, рациональное размещение и эффективное использование научно-технического потенциала, увеличение вклада науки и техники в развитие экономики государства, реализация важнейших социальных задач, обеспечение прогрессивных структурных преобразований в области материального производства, повышение его эффективности и конкурентоспособности продукции, улучшение экологической обстановки и защиты информационных ресурсов государства, укрепление обороноспособности государства и безопасности личности, общества и государства, интеграция науки и образования.

В обобщенном виде целью научно-технической политики можно обозначить рост общественного благосостояния.

В Федеральном законе №127 поименованы принципы российской государственной научно-технической политики, которые могут быть квалифицированы по следующим группам:

1. Принципы приоритета:

1.1. признание науки социально значимой отраслью, определяющей уровень развития производительных сил государства;

1.2. гласность и использование различных форм общественных обсуждений при выборе приоритетных направлений развития науки, технологий и техники и экспертизе научных и научно-технических программ и проектов, реализация которых осуществляется на основе конкурсов;

1.3. гарантия приоритетного развития фундаментальных научных исследований;

2. Принципы интеграции:

2.1. интеграция науки и образования на основе различных форм участия работников и обучающихся образовательных организаций высшего образования в научных исследованиях и экспериментальных разработках посредством создания лабораторий в образовательных организациях высшего образования, кафедр на базе научных организаций;

2.2. развитие научной, научно-технической и инновационной деятельности посредством создания системы государственных научных центров и других структур;

2.3. развитие международного научного и научно-технического сотрудничества Российской Федерации;

3. Принципы финансирования:

3.1. поддержка конкуренции и предпринимательской деятельности в области науки и техники;

3.2. концентрация ресурсов на приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники;

3.3. стимулирование научной, научно-технической и инновационной деятельности через систему экономических и иных льгот.

Таким образом, поименованные Федеральным законом №127-ФЗ принципы являются по своей сути установочными и подчеркивают приоритетность отрасли, предпочтительность интегративных форм осуществления научной деятельности, а также стимулирующий характер финансирования.

Вместе с тем, следует отметить, что, например, принцип предпринимательской деятельности в области науки и техники, несмотря на свое легальное закрепление в Федеральном законе №127-ФЗ, является затруднительным для реализации.³³³

Само содержание указанного федерального закона подчеркивает его государственную ориентированность, ограниченность частного вмешательства, подотчетность и подконтрольность науки государству, что препятствует образованию необходимых условий на развития свободной, рыночной, предпринимательской научной деятельности.

Таким образом, видится, что цель создания Федерального закона №127-ФЗ – подготовка фундамента правового регулирования научной сферы – не оправдалась в полной мере.

---

³³³Лапаева, В.В. Закон о науке: анализ нормативного содержания // Законодательство и экономика. – 2003. – №5. – С. 4 – 5.

Федеральный закон №127-ФЗ получился поверхностным и бессистемным с нечетким предметом правового регулирования и противоречивым содержанием.

Федеральный закон №127-ФЗ является базовым, но не единственным правовым актом, посвященным правовому регулированию российской науки.

Иерархию источников правового регулирования отечественной науки можно представить следующим образом.

Уровень I. Конституционное правовое регулирование науки.

Следует отметить, что научная сфера в отечественном конституционном правовом регулировании представлена довольно слабо. Так, статья 114 Конституции Российской Федерации наделяет Правительство Российской Федерации полномочиями по обеспечению проведения в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области науки и образования. Статья 72 Конституции Российской Федерации закрепляет, что вопросы развития науки и образования находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Таким образом, указанные статьи обозначают лишь органы, уполномоченные на принятие управленческих решений в области науки и образования.

Уровень II. Специальное федеральное законодательство о науке.

В указанную группу нормативных правовых актов входит, прежде всего, Федеральный закон №127-ФЗ, а также отдельные федеральные законы, направленные на правовое регулирование тех или иных аспектов научной деятельности. Например, Федеральный закон от 27.09.2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 07.04.1999 №70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации»; Федеральный закон от 16.10.2012 №174-ФЗ «О Фонде перспективных исследований»; Федеральный закон от 28.09.2010 №244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»; Федеральный закон от 02.11.2013 №291-ФЗ «О Российском научном фонде и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Уровень III. Общее федеральное законодательство.

Видится, что общие положения ряда нормативных правовых актов могут быть в той или иной мере применены к научно-правовым отношениям. Вместе с тем, особо следует подчеркнуть важность

Гражданского кодекса Российской Федерации и Трудового кодекса Российской Федерации для правового регулирования науки.

Так, Гражданским кодексом Российской Федерации регулируются основные положения о вещном и обязательственном праве, имеющие применение в научной сфере в части, не противоречащей специальным нормативным правовым актам. Кроме того, Гражданский кодекс Российской Федерации является базовым нормативным правовым актом, регулирующим права на результаты интеллектуальной научной деятельности.

Трудовым кодексом Российской Федерации регулируются особенности регулирования труда научных работников и руководителей и заместителей научных организаций. Кроме того, Трудовой кодекс РФ отдельными нормами указывает на особенности правового регулирования трудовой деятельности педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу. Указанные особенности вызывают дополнительную научную дискуссию о разделении правового статуса научных работников и педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, так как большинство научных работников одновременно замещают педагогическую деятельность, в профессорско-преподавательский состав находится в неразрывном единстве с научной деятельностью.

Уровень III. Подзаконное федеральное законотворчество о науке.

Видится, что данный уровень представлен наиболее многочисленной группой нормативно-правовых актов. Как правило, указанный уровень правового регулирования направлен на закрепление некоторых гарантий, финансовой и грантовой поддержки ученых, а также фиксации стратегических целей научно-технического развития.

К указанной группе нормативных правовых актов относятся: Указ Президента РФ от 16.09.1993 №1372 «О мерах по материальной поддержке ученых России»; Указ Президента РФ от 13.06.1996 №884 «О доктрине развития российской науки»; Указ Президента РФ от 09.02.2009 №146 «О мерах по усилению государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов и докторов наук»; Указ Президента РФ от 01.12.2016 №642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»; Постановление Правительства Российской Федерации от 24.12.2018 г. № 1652 «Об утверждении Правил взаимодействия федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия наук» и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации при осуществлении ими

отдельных полномочий в соответствии с Федеральным законом «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 24.07.2002 №554 «О грантах Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук и их научных руководителей»; Постановление Правительства РФ от 27.04.2005 №260 «О мерах по государственной поддержке молодых российских ученых – кандидатов наук и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 04.11.2006 №645 «О координации научных исследований и разработок гражданского назначения, финансируемых за счет собственных средств федеральных государственных унитарных предприятий и открытых акционерных обществ, контрольный пакет акций которых находится в федеральной собственности, направленных на реализацию приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации, а также критических технологий Российской Федерации»; Паспорт национального проекта «Наука» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 №16).

Уровень IV. Законотворчество субъектов Российской Федерации (на примере Алтайского края)

В Алтайском крае приняты Закон Алтайского края от 11.10.1999 №48-ЗС «О научной деятельности и региональной научно-технической политике Алтайского края», Закон Алтайского края от 04.09.2013 №46-ЗС «О государственной поддержке инновационной деятельности в Алтайском крае».

Несмотря на то, что указанные нормативные правовые акты нацелены на развитие региональной научно-технической политики, они в основном дублируют положения Федерального закона №127-ФЗ без учета региональной специфики развития науки в конкретном регионе (в данном случае, в Алтайском крае).

Уровень V. Подзаконное нормотворчество субъектов Российской Федерации (на примере Алтайского края)

Поставщиком норм указанного уровня правового регулирования выступает Правительство Алтайского края. В качестве примеров принимаемых правовых актов на данном уровне можно привести Постановление Правительства Алтайского края от 10.11.2017 №404 «О региональном совете (проектном офисе) по инновационному развитию

Алтайского края», распоряжение Правительства Алтайского края от 13.12.2017 №398-р «Об утверждении состава Регионального совета (проектного офиса) по инновационному развитию Алтайского края».

Министерство образования и науки Алтайского края принимает правовые акты, направленные на правовое регулирование, прежде всего, сферы образования.

Уровень VI. Муниципальные нормативные правовые акты (на примере города Барнаула)

Как было показано на примере анализа положений Федерального закона №127-ФЗ муниципальному научно-правовому нормотворчеству уделяется крайне слабое внимание.

В этой связи, правовые акты, принимаемые органами местного самоуправления города Барнаула, сводятся к введению поощрительных мер жителей муниципалитета (например, решение Барнаульской городской Думы от 30.11.2018 №225 «О единовременных именных денежных выплатах главы города Барнаула студентам, аспирантам и докторантам»).

Как следует из представленного перечня нормативных правовых актов, правовое регулирование науки представлено рядом неоднородных нормативных правовых актов, большинство из которых было принято после вступления в силу базового, фундаментального свода норм о науке – Федерального закона №127-ФЗ. Причем, российская наука существенно изменилась с 1996 года, а соответствующих качественных изменений (помимо включения в предмет правового регулирования инновационной деятельности) в Федеральный закон №127-ФЗ внесено не было.

Кроме того, за период с 01.01.2021 по 01.09.2021 в России только на федеральном уровне было принято более 100 нормативных актов, регулирующих научную сферу. Большинство из указанных правовых актов – акты органов исполнительной власти Российской Федерации, направленные на уточнение и дополнение ранее принятых документов.³³⁴

Таким образом, российская система правового регулирования науки стоит по принципу множественности дублирующих друг друга правовых актов, инкорпорируемых в единую сеть противоречащих друг другу документов.

---

³³⁴ Серебряков, А. А. Обзор нормативных правовых актов в сфере регулирования науки (01.01.2021 – 01.09.2021) // Управление наукой: теория и практика. – 2021. – №3(3). – С. 226 – 235.

Ввиду того, что правовое регулирование научной сферы опосредует реализацию государственной политики в научно-технической сфере, используемый в Федеральном законе №127-ФЗ подход к правовому регулированию науки не отвечает объективно существующей реальности.³³⁵

Отсутствие сбалансированного правового регулирования научной сферы ведет к проблемам научной деятельности. Так, наблюдается отчетливая тенденция к сокращению доли российских ученых в общем количестве ученых мира.³³⁶

Видится, что повышению эффективности реализации научно-технической государственной функции будет способствовать принятие кодифицированного правового акта, служащего сводом законов о науке.

Правовое регулирование научной сферы в США

США занимает лидирующие мировые позиции по научно-техническим показателям, включая количество научно-технических открытий, число Нобелевских лауреатов, цитируемость американских научных работ и т.д.

Причем успех американской науки проявляется в развитии таких передовых технологий как космонавтика, цифровые технологии, биотехнология, генная инженерия и т.д.

Вместе с тем, история науки США не имеет такой многовековой традиции, как история науки Европы, России и других стран мира.

На первых этапах своего существования Америка была изолирована от Старого света, что не могло не отразиться на развитии науки, которая на тот момент была сосредоточена преимущественно в английской и немецкой высших школах.

Весомый вклад в развитие американской науки внесли отцы-основатели США, которые одновременно являлись выдающимися учеными – Бенджамин Франклин и Томас Джефферсон.

Бенджамина Франклина по той роли, которую он сыграл для американской науки, сравнивают с его современником – М.В. Ломоносовым, сыгравшим схожую роль для российской науки.³³⁷

---

³³⁵Гумеров, Л.А. Потенциал права в реализации функций государства в научно-технологической сфере: проблемы и перспективы // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2017. – №159(2). – С. 333 – 340.

³³⁶Габов, А.В., Путило, Н.В., Гутников, О.В. Проект федерального закона о науке – новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности // Вестник Пермского университета. Сер. Юридические науки. – 2017. – №38. – С. 385 – 399.

³³⁷Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт. – М.: Прогресс, 1993.

Вместе с тем, по исторически объяснимым причинам до начала XX в. американская наука значительно уступала прогрессивному европейскому просвещению.³³⁸

Первые колледжи начинают появляться на территории Америки вскоре после начала колонизации. Гарвардский колледж был основан одним из первых. Причем основной целью создания коллежа послужила необходимость обучения пасторов. В брошюре 1643 года назначение Гарварда было определено так: «Для прогресса знаний и их сохранения для потомства, опасаясь оставить в невежестве современных пасторов».³³⁹

Примечательно, что наименования известных американских колледжей, впоследствии ставших университетами, ассоциировались не с местностью, в которой они располагались, а с именами лиц, вложивших вклад в их развитие. Например, Гарвард своим названием обязан английскому министру Джону Гарварду, завещавшему ему библиотеку и часть своего состояния.³⁴⁰ Йель – купцу Элайху Йелю, также значительно пополнившему библиотеку университета и пожертвовавшему весомую денежную сумму на нужды университета. Стэнфордский университет – железнодорожному магнату Леланду Стенфорду, который основал университет в память об умершем единственном сыне.

Помимо колледжей с конца XVIII века в США активно создаются и развиваются различные научные сообщества. Например, Американское философское общество, Бостонское Общество Естествознания, Американская ассоциация содействия развитию науки, Американское географическое общество, Американское физическое общество, Американская академия искусств и наук и т.д.

Таким образом, специфика американской науки в том, что ее фундамент был заложен не амбициозным государем, а щедрыми меценатами.

Историческая драма XX века сыграла неожиданно положительную роль для американской науки. Когда Европа и Россия всполохнули Первой и Второй мировыми войнами, большое число ученых, стремясь покинуть истерзанный войнами континент, эмигрировали на

---

³³⁸Kevles, D. J. *The Physicists. The physicists: The history of a scientific community in modern America.* N.Y.: RandomHouseInc., 1978.

³³⁹Wright, L. B. *The Cultural Life of the American Colonies.* Courier Corporation, 2002.

³⁴⁰Geiger, R.L. *Research and Relevant Knowledge. American Research Universities since World War II,* N.Y., Oxford, 1993.

территорию США, не затронутую линией фронта. Например, одним из первых величайших эмигрантов XX века стал Альберт Эйнштейн.

Кроме того, в США из Европы приехал выдающийся ученый Н. Тесла, прозванный «человеком, который изобрел двадцатый век».³⁴¹

К концу Второй мировой войны в США эмигрировали более 2400 немецких ученых еврейского происхождения.³⁴²

Учитывая, что сама по себе американская промышленная и социальная инфраструктура не были затронуты военными действиями, а США не были вынуждены принимать колоссальные меры по восстановлению послевоенного порядка, неудивительно, что к середине XX века США прочно заняли позиции научного лидера на мировой арене.

Дополнительным стимулом для развития американской науки стала Холодная война, предопределившая гонку советских и американских научных амбиций. Но, в отличие от СССР, столкнувшегося с другой исторической драмой XX века – своим скоропалительным распадом и очередной необходимостью выстраивания новой политики – научно-техническое развитие США беспрепятственно продолжило свой эволюционный путь.³⁴³

Развитие научного права в США началось в XVIII веке с принятия законов в сфере защиты интеллектуальной собственности.

В период гражданской войны 1861-1865 гг. в США активно внедрялась практика применения военных контрактов в целях развития военной и в последующем гражданской промышленности, что стало основой для зарождения партнерства между государством и наукой.³⁴⁴

Вместе с тем, несмотря на практику применения государственных научных заказов, в начале XX века научные исследования в США в большей степени финансировались за счет частных компаний. В этой связи, акцент, прежде всего, был сделан на прикладных науках в целях внедрения результатов научной деятельности на производстве. Указанная тенденция крайне негативно сказывалась на развитии фундаментальной науки.

---

³⁴¹Loomas, R. The Man who Invented the Twentieth Century. Nikola Tesla, Forgotten Genius of Electricity. N.Y., 2013.

³⁴²Moser, P., Voena, A., Waldinger, F. German Jewish Émigrés and US Invention. AmericanEconomicReview, 2014, 3222 – 3255.

³⁴³Пономарева, Д.В., Барабашев, А.Г. Правовое регулирование сотрудничества российской федерации и Соединенных Штатов Америки в сфере науки и технологий // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №7. – С. 115 – 122.

³⁴⁴Куркова К.М. Научно-технологическая политика США: Становление нормативно-правового регулирования // Colloquium-Journal. – 2020. – 9-9(61). – С. 22 – 25.

Научно-техническая политика США изменилась в середине XX века, когда государство активно включилось в регулирование и финансирование научно-технической деятельности США.

Однако с 1990-х годов в США вновь последовательно реализуется доктрина глобальной технологической конкурентоспособности, которая предполагает, прежде всего, увеличение финансирования научно-исследовательской деятельности в целях доведения результатов научно-исследовательской деятельности до коммерческого использования на мировом рынке.³⁴⁵

На сегодняшний день самыми крупными и известными научными организациями США являются Национальный научный совет, Национальный научный фонд, Национальное управление аэронавтики и космонавтики и т.д.

Правовое регулирование американской научно-технической сферы обеспечивается следующими нормативными: Конституция, федеральные законы, федеральные ведомственные нормативные правовые акты, нормативные правовые акты штатов, нормативные правовые решения судов, административные распоряжения.

В отличие от российского правового регулирования, американское правовое регулирование науки и инноваций строится в большей степени не по принципу федерализма, а по принципу разделения властей: акты законодательной, исполнительной и судебной властей.

Иерархию источников правового регулирования американской науки можно представить следующим образом.

Уровень I. Акты законодательной власти США

Указанный уровень правового регулирования составляют Конституция США, вносимые в нее поправки, Федеральный закон о бюджете, Федеральные законы о целях, задачах и функциональной деятельности федеральных ведомств, министерств, администрации или иных органов федерального правительства, Федеральные законы-программы в сфере науки, техники и научно-технического развития, Федеральные законы о государственных заказах на товары и услуги, принимаемые Конгрессом США.

Так, в разделе 8 статьи 1 Конституции США подчеркивается, что Конгресс США имеет право содействовать развитию науки и полезных

---

³⁴⁵Авдулов, А.Н. Кулькин, А.М. Системы государственной поддержки научно-технической деятельности в России и США: Процессы и основные этапы их формирования / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. По науке, образованию и технологиям. М.: ИНИОН, 2003. – 84 с.

ремесел, закреплять за авторами и изобретателями исключительные права на принадлежащие им сочинения и открытия.

Закон «О научно-технической политике, организации и приоритетах» является основополагающим нормативно-правовым актом о целях, задачах, приоритетах и принципах научно-технологической политики США. Указанный закон подчеркивает приоритетную роль государства в планировании, организации и финансировании научно-технологической политики.³⁴⁶

Важными для американского законодательства о науке и инновациях стали законы Бая-Доула и Стивенсона-Уайдлера. Так, закон Бая-Доула направлен на поощрение патентования научно-исследовательских результатов и их коммерциализацию. Указанный нормативный правовой акт открывает новые возможности для университетов получать прибыль от результатов собственной интеллектуальной деятельности. Закон Стивенсона-Уайдлера регламентирует порядок трансфера технологий между государственным и частным секторами.³⁴⁷

Таким образом, оба закона способствовали внедрению изобретений, созданных за государственный счет, в экономический оборот, а также содействовали конкурентоспособности промышленности.

Итак, указанный блок американского правового регулирования предназначен для укрепления научно-технического потенциала страны и реализации стратегических и тактических задач научно-технической и военно-технической политики.

Уровень II. Акты исполнительной власти США

Актами исполнительной власти США являются исполнительные приказы президента, издаваемые Белым домом как подзаконные акты, принятые во исполнение федерального законодательства.

Указанный блок нормативных правовых актов является практическим инструментом правового регулирования научно-технической сферы, а также основным средством организации, управления, регулирования и функционирования государственного рынка товаров и услуг.

Уровень III. Акты судебной власти США

---

³⁴⁶Куркова К.М. Научно-технологическая политика США: Становление нормативно-правового регулирования // *Colloquium-Journal*. – 2020. – 9-9(61). – С. 22 – 25.

³⁴⁷Игнатов, И.И. Роль акта Бэя-Доула (Bayh-Doleact, 1980) в трансфере научных знаний и технологий из американских университетов в корпоративный сектор: итоги тридцатилетнего пути // *Управление наукой и наукометрия*. – 2012. – №12. – С. 159 – 188.

Ввиду того, что американская правовая система относится к англо-саксонской правовой семье, к правовым актам, регулирующим американскую научно-техническую сферу, относятся решения арбитражных органов и апелляционных судов, а также административные распоряжения.

Указанный уровень является примером правового регулирования «снизу», на основе конкретных судебных или административных прецедентов. В этой связи, нормативные правовые акты данного уровня служат основой американского прецедентного права.

Проанализировав историю развития науки в США и основы правового регулирования, можно отметить, что американской науке присущи следующие особенности.

1. Специфической чертой американской науки является ее прикладная направленность в ущерб развитию фундаментальных наук, что было предопределено американским стремлением совершить моментальный апгрейд из раннего модерна в зрелый постмодерн.

2. Американская наука развивается по принципу синергии между высшей школой, государством и частным бизнесом. Стремление к диалогу между наукой, государством и бизнесом способствует выстраиванию различных моделей научно-промышленных альянсов и упрощению трансфера технологий.

3. Американская научно-техническая политика нацелена на образование экосистемы инноваций.

4. Организационной моделью для американской науки являются исследовательские университеты.

5. Акцент на иммиграцию лучших «мировых мозгов» из других стран. Поэтому по оценкам некоторых аналитиков, ключевым фактором мирового научного лидерства США в сфере науки, техники, инновации и инженерии является незаурядная способность государства привлекать и удерживать талантливых ученых по всему миру.

6. Акцент на развитие функционального научно-технического разнообразия.³⁴⁸

7. Основными принципами научно-технической политики в США являются долгосрочность финансовой поддержки, академическая свобода, взаимодействие с международной научной

---

³⁴⁸Hong, L., Page, S. Groups of diverse problem solvers can outperform groups of high-ability problem solvers. Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 2004, 16385 – 16389.

общественностью, улучшение положения ученого-профессионала в американском обществе.

8. В сфере науки и инноваций федерализм пока проявил себя наименее ярко по причине широкой автономии штатов в этой области.³⁴⁹ Однако по мере усиления федерации существующий баланс полномочий между федеральными и региональными властями становится неустойчивым.

9. Основным критерием наделения лица статусом исследователя или научного работника является оценка непосредственно результата научной деятельности. Преимущество указанного подхода возможности реализации научных открытий не только признанными учеными, но и неизвестными одаренными исследователями. Этот подход стал базовым принципом «равных возможностей» для титулованных ученых и прочих граждан в тот момент, когда «гаражные стартапы», созданные группой талантливых энтузиастов, превратились в крупнейшие инновационные и научно-технологические корпорации США. В связи с чем, можно сделать вывод о том, что в зарубежных странах стремительно формируется концепция частной науки.

Несмотря на вышеотмеченные позитивные оценки научно-технической политики США, последней не удалось избежать обоснованной критики. Так, колоссальные ассигнации, выделяемые государством и промышленными компаниями на развитие передовых научных технологий, далеко не всегда используются по целевому назначению, а узконаправленные бюрократические интересы нередко препятствуют развитию и продвижению свободной науки, оценка результатов научной деятельности зачастую проводится не профессионалами-учеными, а управленцами, не имеющими отношения к реальной науке.

Кроме того, многие критики отмечают отсутствие в американских вузах системы квотирования для афроамериканцев, что приводит к отсутствию «научного социального лифта».³⁵⁰

Таким образом, несмотря на ряд положительных черт, главная из которых – эффективность применения результатов научной деятельности в государственных и (или) бизнес-структурах – американская наука также претерпевает проблемы бессистемности и отсутствия единого подхода к правовому регулированию.

---

³⁴⁹Макинерни, Д. США. История страны. М.: ЭКСМО, 2009.

³⁵⁰Thompson, A. Does Diversity Trump Ability? An Example of the Misuse of Mathematics in the Social Sciences. *Notices of the American Mathematical Society*, 2014, 1024 – 1030.

Сравнительные анализ подходов к правовому регулированию науки в России и США

В результате анализа подходов к правовому регулированию научно-технической деятельности в России и США, выделяются следующие сходства и различия государственной политики рассматриваемых стран (Табл. 1).

Таблица 1 – Сравнительная характеристика осуществления научно-технической политики в России и США

Критерии сравнения	США	Россия
Особенности становления научно-технической политики	Заимствование европейских научных идей и достижений.	Заимствование европейских научных идей и достижений.
Особенности истории научно-технического развития	Непрерывное эволюционное развитие.	Циклическое развитие.
Подход к правовому регулированию	Англо-саксонский (к источникам правового регулирования относятся, в том числе, решения судебных, арбитражных и административных органов).	Романо-германский (к источникам правового регулирования относятся нормативные правовые акты – преимущественно законы и подзаконные акты).
Взаимодействие науки, государства и бизнеса	Рыночный подход (акцент на взаимодействие бизнеса и науки).	Административно-плановый подход (акцент на взаимодействие государства и науки).
Уровни правового регулирования	Функциональный принцип разделения правовых актов (по ветвям судебной власти).	Федеративный принцип разделения правовых актов (на федеральный и региональный уровни).
Кадровая работа	Активная иммиграция.	Активная эмиграция.
Международное сотрудничество	Стремление к международной научной интеграции.	Стремление к международной научной интеграции.
Проблемы правового регулирования	Бессистемность правового регулирования.	Бессистемность правового регулирования.

Таким образом, сходство российской и американской научно-технической политики выражается в особенностях исторического становления (масштабное европейское влияние), а также в основных проблемах современного правового регулирования (отсутствие системности), которое, видится, предопределено первоначальным заимствованием и попытками преломить чуждые идеи сквозь призму национального мировоззрения.

В связи с осознанием того, что движущей силой прогресса является информация (знания), в современной юриспруденции отчетливо наблюдается обособление научного права в качестве самостоятельной отрасли права.

Несмотря на выявленные многочисленные различия, указанная тенденция характерна как для американской, так и для российской правовой системы. В обоих государствах научно-техническая сфера является приоритетным направлением государственной политики.

Вместе с тем, изучение нормативных правовых актов, посвященных научно-техническому развитию России и США, позволило сделать вывод о том, что в обоих государствах принято множество нормативных правовых актов в сфере науки и инновациях, однако отсутствие кодификации или единого свода законов препятствует однородному системному регулированию приоритетной сферы и эффективному правоприменению.

2.6. Научная дипломатия как катализатор международного сотрудничества: потенциал и опыт Индии

В условиях глобальной напряженности международных отношений дипломатия выступает в качестве основного рычага влияния на политические решения и договоренности. Именно поэтому в прошлом столетии во время периода «холодной войны», когда мир находился в точке бифуркации, было положено начало развитию научной дипломатии, поскольку, согласно социологическим опросам, доверие к ученым до сих пор находится на одном из самых высоких уровней,³⁵¹ а наука стала одним из факторов, повлиявших на улучшение межгосударственных отношений на тот момент, примечательными примерами чего являются:

---

³⁵¹Pew Research Center. Science and Scientists Held in High Esteem Across Global Publics. 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/science/2020/09/29/scientists-are-among-the-most-trusted-groups-in-society-though-many-value-practical-experience-over-expertise/> (дата посещения: 24.10.2022).

- Пагуошское движение ученых, которые в 1955 году объединились с целью противостояния применению ядерной энергетики в военных целях;
- Всемирная академия наук (The World Academy of Sciences), основанная в 1983 году для распространения и развития науки в мире;
- проект международного экспериментального термоядерного реактора, который был начат по американо-советскому соглашению 1980-х годов и привлек ученых из разных стран.

Более того, в современных реалиях политических и экономических санкций научное сотрудничество между странами не прерывается – наука выступает в качестве связующего звена между государствами.³⁵²

Первая попытка институализировать феномен научной дипломатии была предпринята в 1999 году Национальным советом по исследованиям в США, издавшим отчет «Всепроникающая роль науки, технологий и здравоохранения во внешней политике: задачи для Государственного департамента», в котором указывалась связь между наукой, технологиями и дипломатией.³⁵³ Аналогичные связи пытались определить и на конференции ООН по торговле и развитию в 2003 году в докладе «Научно-техническая дипломатия: концепции и элементы рабочей программы». Согласно данному документу, в основе научно-технической дипломатии лежат международные соглашения об обмене технологиями, биотехнологиями и прямыми иностранными инвестициями, взаимной торговле, управлении технологическими рисками, доступе к рынкам и установлении стандартов, правах интеллектуальной собственности и открытии международных технологических альянсов.³⁵⁴

В 2009 году правительство США использовало науку в странах Ближнего Востока после вторжения в Ирак с целью восстановления

---

³⁵²Крынжина М.Д. Возможности научной дипломатии в условиях санкций: Опыт советско-американского научно-технического сотрудничества в 1970-1980-е гг. Социология науки и технологий, vol. 11, no. 3, 2020, doi:10.24411/2079-0910-2020-13004 – с.61-62.

³⁵³National Research Council (US) Committee on Science, Technology, and Health Aspects of the Foreign Policy Agenda of the United States. The Pervasive Role of Science, Technology, and Health in Foreign Policy: Imperatives for the Department of State. Washington (DC): National Academies Press (US); 1999.

³⁵⁴United Nations, Science and Technology Diplomacy: Concepts and Elements of a Work Program, United Nations Conference on Trade and Development, 2003. URL: <https://digital-library.un.org/record/489139> (дата посещения: 24.10.2022).

репутации в данном регионе. Была составлена новая внешнеполитическая стратегия, в которой особое внимание уделялось научному сотрудничеству со странами, где преобладает мусульманское население. В это же время, во внешнеполитической стратегии США фокус внимания научного сотрудничества был расширен в том числе на регионы Африки и Юго-Восточной Азии. Это стало первым примером использования научной дипломатии в нынешнем ее понимании, когда совместная академическая деятельность официально легла в основу внешнеполитического плана.³⁵⁵

В XXI веке дискурс в этой сфере приобрел более широкий характер, в особенности, после событий 24 февраля 2022 года, когда количество публикаций, содержащих термин «научная дипломатия» увеличилось по всему миру, включая Россию. В данных статьях наблюдаются противоположные мнения, рассматривающие это явление как инструмент сотрудничества и улучшения отношений, а также как метод политической конкуренции в научно-технологических сферах.³⁵⁶

В этой связи можно констатировать, что в настоящее время не существует однозначно сформулированного, научно-сконструированного определения «научной дипломатии». В академических кругах признан доклад Лондонского королевского общества и Американской ассоциации содействия развитию науки (AAAS) от 2010 года, где была представлена более системная разработка научно-дипломатических отношений и задано три основных направления термина: «наука в дипломатии», «наука для дипломатии» и «дипломатия для науки».³⁵⁷

Под «наукой в дипломатии» понимается проработка механизмов для совместного достижения целей внешней политики. Данный вид дипломатии отражен в общей работе ученых из разных стран при решении мировых проблем в рамках Целей устойчивого развития, принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 году. Глобальное

---

³⁵⁵Краснова Г.А. Научная дипломатия в современном мире: учеб.-метод. материалы № 9/2021 / [вып. ред.: Е.О. Карпинская, И.А. Бочаров]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2021— с. 8.

³⁵⁶Краснова Г.А. Возможности научной дипломатии в новых геополитических условиях. Российский совет по международным делам (РСМД), 2022. URL: <https://russian-council.ru/analytiks-and-comments/analytiks/vozmozhnosti-nauchnoy-diplomatii-v-novykh-geopoliticheskikh-usloviyakh/> (дата посещения: 24.10.2022).

³⁵⁷The Royal Society and AAAS. New Frontiers in Science Diplomacy: Navigating the Changing Balance of Power. TheRoyalSociety, 2010, pp. 5-6.

сотрудничество ученых происходит во многих направлениях, включая климатическую повестку, экономику, здравоохранение и другие.³⁵⁸

Благодаря такому объединению решаются также вопросы, связанные с мировыми катаклизмами и кризисами: лихорадка Эбола в Западной Африке, выбросы вулканического пепла в Исландии, пандемия COVID-19 и т.д. В рамках «науки в дипломатии» ученые также занимаются исследованиями территорий, которые находятся вне государственных юрисдикций: океаны, полярные области, космос, киберпространство.³⁵⁹ В этой связи, ряд ученых также рассматривает научную дипломатию как содействие решению общих проблем, стоящих перед человечеством, посредством научного взаимодействия между странами и в процессе формирования нового международного партнерства, основанного на знаниях и обмене научно-техническим потенциалом.³⁶⁰

«Дипломатия для науки» контролируется политическими и подведомственными органами, которые способствуют развитию исследовательских проектов на международном уровне путем упрощения визового режима и пребывания в стране зарубежных ученых. С этим соглашаются и китайские исследователи, обозначая научную дипломатию как зарубежную деятельность в суверенном государстве, которое использует научно-технические обмены и другие научно-технические средства для развития отношений между странами и достижения конкретных целей.³⁶¹

В России благодаря данному направлению наблюдается прогресс в «мегасайенс» – масштабных по размеру, оборудованию и количеству задействованных участников исследованиях, которые координирует рабочая группа по развитию исследовательской инфраструктуры Российской Федерации (МРГ). Примером может служить строительство установки комплекса NICA на базе Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ), всемирно известный центр со слоганом «наука сближает народы».³⁶²

---

³⁵⁸Цели развития тысячелетия // ООН в Российской Федерации. URL: <http://www.un-russia.ru/ru/millennium-development-goals> (дата посещения: 23.10.2022).

³⁵⁹Grimes, R., Ibrahim, et al. Science Diplomacy – To 2030 and Beyond. Science Diplomacy Center, The Fletcher School, Tufts University, Massachusetts, U.S.A. (2018)–с.9.

³⁶⁰Fedoroff N. V. MScience Diplomacy in the 21st Century. Cell, Vol. 36, No. 1, 2009–с.10.

³⁶¹ ВанМинго. КэцзиВайцзяоЮйЧжунмэй Гуаньси Дэ ВэйлайФачжань. ЦюаньЦюКэцзиЦзинциЛяован. 2017, vol.7– с. 41.

³⁶²Крынжина, М.Д. Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов / М.Д. Крынжина // Международные процессы. -Т. 16. - № 4(55) – с. 201.

«Наука для дипломатии» в большей степени рассматривается как часть «мягкой силы», с помощью которой можно преобразовать сотрудничество исследователей и работников внешнеполитических ведомств в канал дипломатического влияния наряду с культурной и спортивной дипломатией». ³⁶³ Показательным примером здесь может выступать Центр научной и технологической дипломатии Барселоны (SciTechDiploHub), основанный с целью «повысить роль науки, технологий и городов во внешней политике, сделать Барселону более влиятельным игроком на глобальной арене, представляющим свою экосистему знаний и инноваций». ³⁶⁴ Другим наглядным примером является Китайско-африканский центр инноваций и сотрудничества, отражающий научное сотрудничество двух стран с целью укрепления связей не только академических и дипломатических, а также политических.

В российском сегменте науки считается, что «наука в дипломатии» и «дипломатия для науки» в большей мере связаны со сферой международного научно-технического сотрудничества и их не стоит изучать в контексте научной дипломатии. В то время как наука для дипломатии, напротив, несет в себе наибольшую практическую ценность в рамках сотрудничества между отдельными представителями науки и представителями внешнеполитических ведомств в сфере международного взаимодействия. ³⁶⁵

Несмотря на обширность количества определений термина, в изучении инструментария научной дипломатии используется единая типология Л. Лангенхове, выделяющего стратегические, оперативные и вспомогательные инструменты, которые способствуют формированию политического курса и достижению внешнеполитических целей. ³⁶⁶

Стратегическими инструментами являются политические документы, отражающие позицию того или иного государства, с поставленными целями, методами их достижения и ответственными за данные задачи лицами. ³⁶⁷ Как правило, в таких случаях научная дипломатия не указывается как цель, однако используется для ее достижения путем определения схем международного академического сотрудничества

---

³⁶³ Там же, с. 204.

³⁶⁴ SciTech DiploHub // <https://www.scitechdiplohub.org> (дата посещения: 23.10.2022).

³⁶⁵ Крынжина, М.Д. Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов. 205.

³⁶⁶ Langenhove L. Tools for an EU Science Diplomacy // Institute for European Studies. 2017 (дата посещения: 25.10.2022) – с. 5.

³⁶⁷ Там же.

или улучшения глобального взаимодействия посредством научных обменов. Стратегии задают политический курс и осуществляются с помощью оперативных инструментов:

- соглашений о научно-техническом сотрудничестве в двустороннем или многостороннем формате;
- научно-технических консультативных советов на уровне первых лиц государства или профильных министерств и ведомств;
- научно-технических консультантов при посольствах (атташе);
- фондов финансирования для совместных исследований с зарубежными странами.³⁶⁸

Вспомогательные инструменты «направлены на продвижение или содействие деятельности научной дипломатии». ³⁶⁹ К ним относится любое взаимодействие с участием ученых и дипломатов, которые могут принимать форму совещаний и конференций, торговых ярмарок, личных встреч, брифингов и круглых столов.³⁷⁰

В практическом измерении научная дипломатия может быть рассмотрена на примере Индии, которая обладает большим научным потенциалом и большой вовлеченностью в международную исследовательскую деятельность через многочисленные форматы, что регулируется Уставом Департамента науки и технологий Индии (далее ДНТ)³⁷¹ и реализуется с помощью Правил о коммерческих операциях Кабинета министров.³⁷² Индия принимает участие в таких глобальных научных проектах, как Европейская организация по ядерным исследованиям (ЦЕРН) в Женеве, Проект международного экспериментального термоядерного реактора (ИТЭР) во Франции, Лазерно-интерферометрическая гравитационно-волновая обсерватория (ЛИГО), Международный солнечный альянс (МСА) и другие. Иными словами, в политике Индии прослеживается не только понимание движущих сил

---

³⁶⁸Краснова Г.А. Научная дипломатия в современном мире: учеб.-метод. Материалы– с.11-12.

³⁶⁹Langenhove L. Tools for an EU Science Diplomacy – с. 13.

³⁷⁰Young M., Rungius C., et al. The ‘Matters’ of Science Diplomacy: Transversal Analysis of the S4D4C // S4D4C. 2020. URL: https://www.s4d4c.eu/wp-content/uploads/2020/09/S4D4C_REPORTS_The-Matters-of-Science-Diplomacy_Sept2020.pdf (дата посещения: 25.10.2022)– с. 30.

³⁷¹Mandate // Department of Science and Technology. URL: <https://dst.gov.in/about-us/mandate> (дата посещения: 24.10.2022).

³⁷²The Government of India (Transaction of Business) Rules, 1961 // Cabinet Secretariat. URL: https://cabsec.gov.in/writereaddata/transactionofbusinessrulescomplete/completeaobrules/english/1_Upload_2214.pdf (дата посещения: 24.10.2022).

научно-технических договоров, но также их практическое воплощение, демонстрирующее двукратное увеличение проектов, в которых принимает участие эта страна в течение последних десяти лет.

Соглашение 2015 года между ДНТ и Всемирной академией наук о наращивании научного потенциала для стимулирования социально-экономического прогресса развивающихся стран является значительным показателем заинтересованности Индии в продвижении межгосударственного академического сотрудничества. Стоимость проекта в рамках соглашения составила 1 млн долларов и была направлена на поддержку совместных усилий в сфере исследований научной дипломатии.³⁷³ Более того, в регионе Юго-Восточной Азии Индия единственная среди восьми стран организует форум, посвященный этому направлению - Форум о научной дипломатии в Индии (Forum for Indian Science Diplomacy).

Рассматривая ДНТ Индии, как финансирующий подобные проекты орган, некоторые авторы выделяют три модели развития:

- 1) Модель технологической синергии, которая способствует двусторонним отношениям, основанных на взаимности и совместном финансировании деятельности;
- 2) Модель технологической дипломатии, посредством которой инвестируются различные проекты, направленные на развитие научно-технического потенциала развивающихся стран;
- 3) Модель технологического развития, предполагающая стимулирование инноваций и технологического предпринимательства с помощью государственно-частного партнерства.³⁷⁴

Также можно выделить следующие инструменты, которыми располагает ДНТ Индии для поддержки научной дипломатии:

- 1) Контакты и связи – помощь в проведении совместных практикумов, семинаров и симпозиумов, студенческих стажировок и выставок, приглашение именитых ученых для проведения лекций;
- 2) Поддержка проектов – помощь в осуществлении совместных инициатив путем организации обучающих программ и курсов повышения квалификации, предоставление доступа к передовым технологиям и к участию в крупных научных проектах;

---

³⁷³India strike major accord // TWAS. 2014. URL: <https://twas.org/article/twas-india-strike-major-accord> (дата посещения: 24.10.2022).

³⁷⁴Jyoti S., SanjeevK. V. Science Diplomacy and Cooperation in Science and Technology in India. Science Diplomacy Review, vol.1, no.2, 2019– с.12.

3) Содействие и продвижение – поддержка совместных кластеров, сетевых центров и многоуровневых проектов НИОКР, продвижение до стадии коммерческого использования продукта, содействие развитию технологий и их передаче конечному потребителю.³⁷⁵

Для достижения внешнеполитических целей, в которые заложено научно-техническое взаимодействие, правительство Индии учредило Глобальный альянс инновационных технологий (GITA), некоммерческую структуру государственно-частного партнерства, которая действует совместно с Советом по развитию технологий (TDB), ДНТ и Конфедерацией индийской промышленности (СИ).³⁷⁶

Сотрудничество Индии происходит в таких областях как космос, информационные технологии и телекоммуникации, а также здравоохранение в Африке и Южной Азии. Оно расширяется за счет взаимодействия со странами Европейского союза (ЕС), Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), странами БРИКС, Форумом диалога IBSA, Ассоциацией регионального сотрудничества Южной Азии (SAARC), Инициативой стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (BIMSTEC), Азиатско-европейским совещанием (ASEM), Восточноазиатским саммитом (EAS) и вышеуказанной Всемирной академии наук.

Все это оказывает свое положительное влияние на позиционирование Индии в пространстве мировой политики и ее роль в решении глобальных проблем. Эти факторы подчеркиваются также присутствием и активным участием этой страны в Фонде Карнеги за международный мир (CEIP), Группе старших должностных лиц Глобальной сети исследовательских инфраструктур (GSO), Большой двадцатке G20, и на Форуме «Наука и технологии в обществе» (STS).

Ответственность за ведение переговоров в области науки и техники, а также за подписание и реализацию соглашений между Индией и другими странами несет Министерство науки и технологий при содействии МИД, зарубежных представительств Индии, советников, и иных заинтересованных научных, государственных учреждений, отраслевых индийских ассоциаций.³⁷⁷ Согласно отчету о Международном научно-техническом сотрудничестве на 2020-2021 годы, Индия

---

³⁷⁵ Там же, с. 12.

³⁷⁶ AboutUs // Global Innovation & Technology Alliance (GITA). URL: <https://www.gita.org.in/Aboutus.aspx> (дата посещения: 24.10.2022).

³⁷⁷ International S&T Cooperation // DST. URL: <https://dst.gov.in/international-st-cooperation> (дата посещения: 24.10.2022).

приняла участие в 218 проектах различной направленности.³⁷⁸ Помимо этого, Индия имеет двусторонние связи в научно-технологической сфере с 83 странами, и за последние годы укрепила взаимодействие с Австралией, Канадой, странами ЕС, Израилем, Японией, Россией, Великобританией, США.³⁷⁹

ДНТ поддерживает научно-технические центры, созданные в соответствии с межправительственными двусторонними соглашениями с Францией, Германией и США, а сотрудничество с африканскими странами было укреплено благодаря инициативе Индии в научно-технической сфере Африки. Научная дипломатия использовалась для взаимодействия со многими странами в рамках концепции Индии «Действуй на Востоке» (Act East).³⁸⁰

Во внешнеполитической стратегии Индии в области науки, технологий и инноваций (НТИ) за 2013 год уделяется внимание участию в проектах «мегасайенс», одним из примеров которого выступает консорциум индийских физиков-специалистов по поиску гравитационных волн (IndIGO) – целью проекта является возведение в Индии совместной гравитационно-волновой обсерватории.³⁸¹

В проекте по созданию самого мощного радиointерферометра SKA задействовано 12 стран, одной из которых является Индия (с участием 16 государственных учреждений).³⁸²

Масштаб вовлеченности Индии в проект по созданию компактного мюонного соленоида является 8-м по величине после США, Италии, России, Германии, Франции, ЦЕРН и Великобритании с присутствием 43 докторов физических наук среди 1407.³⁸³

Двустороннее сотрудничество с другими странами обеспечивает доступ к дополнительным знаниям и технологиям, а объединение

---

³⁷⁸ 2020-2021 ProjectsSanctionedby International Division // DST. URL: https://dst.gov.in/sites/default/files/2020-2021%20Projects%20of%20International%20Division_0.pdf (дата посещения: 24.10.2022).

³⁷⁹ International S&T Cooperation // DST. URL: <https://dst.gov.in/international-st-cooperation> (дата посещения: 24.10.2022).

³⁸⁰ Act East Policy // Ministry of External Affairs of India, 2015. URL: <https://pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=133837> (дата посещения: 24.10.2022).

³⁸¹ Indian Initiative in Gravitational-wave Observations (IndIGO). 2019. URL: <http://www.gw-indigo.org/tiki-index.php?page=Welcome> (дата посещения: 24.10.2022).

³⁸² Square Kilometer Array Project (SKA). URL: <https://www.skatelescope.org/> (дата посещения: 24.10.2022).

³⁸³ Annual Report 2017-18 // DST. 2018. URL: <http://www.dst.gov.in/about-us/annual-reports> (дата посещения: 24.10.2022).

усилий в высокотехнологичных отраслях приводят к более скорому достижению общих целей при меньших затратах и обеспечивают положительное влияние на поддержание дипломатических отношений даже перед лицом разногласий по другим вопросам.

Подобная политика помогает предать гласности достижения в области науки и техники и образования, а также продемонстрировать другим странам развитие экономики, основанной на инновациях. Это возможность для Индии достигать целей внешней политики средствами всесторонних отношений, имеющих решающее значение в вопросах обмена технологиями с развитыми странами, желающими видеть в своих исследовательских институтах квалифицированных специалистов из Индии.

Научно-техническое сотрудничество привлекает дипломатическое сообщество и предоставляет возможность сосредоточиться на таких приоритетных областях как нанотехнологии, здравоохранение, возобновляемые источники энергии и т.д. вместо конкурентной борьбы и территориальных споров. В этом отношении, научная дипломатия связана не только с наукой, но и с возможностью изучения экономических и торговых связей с другими странами. Публичность совместных соглашений в этой области является хорошим стимулом для Индии, улучшающим ее положение на мировой арене.

2.7. Правовое регулирование международного научно-технического сотрудничества в Киргизии

Наука в Кыргызской республике переживает после распада СССР достаточно сложные времена – слабое финансирование, устаревшая материально-техническая база, низкий уровень денежного содержания ученых. В 2001 г. численность ученых Киргизии составляла 4 тысячи человек, в 2015 г. их число сократилось до 1913 человек. Финансирование научных исследований составляет всего 0,08 % от ВВП. Государство финансирует заработную плату и коммунальные услуги. На исследование и материально-техническую базу средства не выделяются. Преимущественно, научные исследования проводятся при поддержке и совместно с Россией в рамках международных научных проектов. С 2016 г. по 2020 гг. наблюдался заметный скачок научного сектора в Киргизии: по финансированию проектов, зарубежным публикациям, международным соглашениям и конференциям и пр.

Управление и координация научных исследований осуществляется Правительством Киргизии, Советом по науке, инновациям и новым

технологиям при премьер-министре Киргизии, Министерством образования и науки Кыргызской Республики и Национальной Академией наук Киргизии (была создана как филиал АН СССР в 1954 г.).

Правовое регулирование международного научно-технического сотрудничества в Кыргызской Республике основывается на следующих источниках:

1) Законы Киргизии в сфере науки «О науке и об основах научно-технической политике» от 16 июня 2017 г. и «О Национальной Академии наук» от 25 июля 2002 г.

Следует отметить, что закон Киргизии «О науке и об основах научно-технической политики» среди принципов научно-технической политики определяет принцип максимального использования возможностей мировой науки и международного научно-технического сотрудничества для обеспечения научно-технического прогресса. Кроме того, закон содержит самостоятельную главу о международном научно-техническом сотрудничестве, в которой определяются направления сотрудничества (совместные научные исследования, научные конференции, мобильность ученых и т.п.)³⁸⁴.

Закон «О Национальной Академии Наук» среди задач Академии Наук Киргизии определяет развитие международного научно-технического сотрудничества и в ст.23 устанавливает полномочия Академии наук на осуществление международных связей³⁸⁵.

- 2) Подзаконные акты;
- 3) Международные договоры.

В числе международных договоров Киргизии можно выделить документы СНГ о научно-техническом сотрудничестве:

- Соглашение о прямых научно-технических связях в рамках Содружества Независимых Государств от 13 марта 1992 г.;

- Соглашение о совместном использовании научно-технических объектов в рамках Содружества Независимых Государств от 13 марта 1992 г.;

- Соглашение о сотрудничестве в области подготовки научных и научно-педагогических кадров и нострификации документов об их квалификации в рамках Содружества Независимых Государств от 13 марта 1992 г. и другие соглашения.

---

³⁸⁴Эркин Тоо. 27 июня 2017 года. № 76.

³⁸⁵Эркин-Тоо. 7 августа 2002. № 59.

Интересным представляются соглашения России и Киргизии в части реализации совместных научных проектов и создания научных установок:

- соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о создании международного научно-исследовательского центра – геодинамического полигона в г. Бишкек от 31 декабря 1997 г.;

- Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о правовом и имущественном статусе научной станции и опытно-методической электромагнитной экспедиции Объединенного института высоких температур Российской академии наук в г. Бишкеке от 31 декабря 1997 г.;

- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о внесении изменений в Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о правовом и имущественном статусе научной станции и опытно-методической электромагнитной экспедиции Объединенного института высоких температур Российской академии наук в г. Бишкеке от 31 декабря 1997 г. и в Соглашение между Правительством Российской Федерации и правительством Киргизской Республики о создании международного научно-исследовательского центра – геодинамического полигона в г. Бишкеке от 31 декабря 1997 г.

4) международные обычаи, которые в основном выражаются в виде сложившихся в международной практике форм научной деятельности – проведение научных мероприятий для обнародования результатов исследований, обмен учеными и пр.

Особую роль в научно-образовательном пространстве Киргизии играет межгосударственный университет, созданный Российской Федерацией и Кыргызской Республикой, Кыргызско-Российский славянский университет. Университет в значительной степени содействует интеграции образовательного и научного пространства России и Киргизии.

Значительным представляется вклад Национальной академии наук Киргизии в развитии международного научного сотрудничества. НАН Киргизии ведет сотрудничество по таким направлениям как:

- академический обмен;
- международные научные конференции;
- реализация международных научных проектов;

- заключение и исполнение соглашений о сотрудничестве.

Среди форм международного сотрудничества НАН Киргизии можно назвать взаимодействие с фондом К. Аденаура в части поддержки научных проектов и издания книг, активное участие в различного рода ассоциациях академий наук: Международная ассоциация академий наук; Ассоциация академий наук стран Азии; Международный инновационный центр нанотехнологий СНГ и др. Несмотря на период пандемии и обновление политической системы, Киргизия продолжает наращивать международное сотрудничество: с Францией в части биотехнологий, республиками РФ Татарстаном и Башкортостаном как в фундаментальной, так и прикладной части научных исследований.

Заметно наращивание потенциала международного научного сотрудничества по линии СНГ, ЕАЭС, ШОС. Экономически и в научном отношении стали складываться отношения с КНР.

Финансирование крупных научных тем и мероприятий основано на международных договорах и грантах Российской Федерации. Так, в районе села Чон Курчак действует российская научная станция по изучению космических процессов. Научная станция РАН в г. Бишкеке осуществляет исследования по целому ряду научных проектов за счет средств грантов Российского научного фонда: исследование глубинного строения земной коры и верхней мантии Тянь-Шаня и сопредельных территорий на базе комплекса геофизических методов, в том числе: сейсмологических, геомагнитных, электроразведочных, гравиметрических и других методов; изучение современных геодинамических процессов как основы прогноза землетрясений посредством.

Таким образом, следует констатировать слабую интеграцию в сфере науки и техники и соответствующее правовое регулирование научно-технического сотрудничества в рамках ШОС. Научно-техническое сотрудничество преимущественно строится на двухсторонней основе между государствами-членами ШОС. Причем, такие соглашения в основном заключены каждой из стран-участниц ШОС с Российской Федерацией. Россия в рамках ШОС выступает интегратором научно-технического сотрудничества и инициирует совместные научно-технические проекты.

2.8. Институционализация научной дипломатии: регионально-страновой анализ

Научная дипломатия приобретает всё большее значение в современном академическом и политическом дискурсе. В настоящее время наблюдается рост интереса к исследованию феномена научной дипломатии, развиваются двусторонние и многосторонние форматы. Актуальным в этой связи выступает исследование институционализации научной дипломатии.

Научная дипломатия – относительно новая категория политической науки и теории международных отношений. И в российском, и в зарубежном политическом и научном дискурсе концепт научной дипломатии закрепился не так давно – во втором десятилетии XXI века. До этого упоминания термина «научная дипломатия» в литературе носили точечный характер. Процесс формирования целостной концепции научной дипломатии ещё не находится на исчерпывающей стадии. При этом к настоящему времени в ходе теоретизации рассматриваемого феномена было сформулировано достаточно много его определений и характеристик.

В научной дипломатии принято выделять три измерения: наука в дипломатии (*science in diplomacy*), дипломатия для науки (*diplomacy for science*), наука для дипломатии (*science for diplomacy*). Наука в дипломатии предполагает использование научных разработок, рекомендаций в процессе внешнеполитического целеполагания и реализации внешней политики, дипломатия для науки – комплекс дипломатических мер, направленных на установление связей между учёными из разных стран, наука для дипломатии представляет собой содействие устойчивых научных контактов улучшению отношений между государствами.

Рассмотрим некоторые из трактовок научной дипломатии. Т. Флинк и У. Шрайтер выделяют три ключевые цели научной дипломатии: доступ к общению с исследователями, результатами исследований, исследовательскому оборудованию, природным ресурсам и капиталу; продвижение достижений страны в области исследования и развития; влияние на общественное мнение в других странах, лиц принятия решения, действующих и потенциальных политических или

экономических лидеров³⁸⁶. Д. Коупленд видит значение научной дипломатии в том, что она является «эффективным каналом передачи важнейших человеческих ценностей, таких как научно обоснованное исследование, сотрудничество, открытость и обмен»³⁸⁷. Как отмечает Л. ван Лангенхув, «сегодня учёные по всему миру соединены между собой “невидимыми колледжами”, то есть сетями, организованными вокруг научных дисциплин или проблем»³⁸⁸. Т. Легранд и Д. Стоун указывают на то, что научная дипломатия реализуется фрагментированным сложным сетевым составом негосударственных и государственных акторов³⁸⁹. П.-Б. Руффини трактует научную дипломатию как «ту область международных отношений, где пересекаются интересы науки и интересы внешней политики»³⁹⁰. Авторы первой главы книги *Science Diplomacy: New Day or False Dawn?* В. Турекян, С. Макиндо, Д. Коупленд, Л. Дэвис, Р. Патман и М. Поцца определяют научную дипломатию как «процесс, с помощью которого государства представляют себя и свои интересы на международной арене, когда они касаются области знаний – их приобретения, использования и коммуникации – полученных научным методом»³⁹¹.

Основоположниками концептуальной проработки научной дипломатии были представители Швейцарии. Именно Швейцарией, как указывают А.А. Горохов и З. Виторович, в 1950-х гг. началось активное развитие научно-технологического сотрудничества мирового масштаба и, таким образом, сформировалась «швейцарская модель» научной дипломатии, включающая в себя ориентацию на «развитие инвестиций в научные исследования, инновации и охрану окружающей среды»³⁹².

---

³⁸⁶ Flink T., Schreiterer U. Science diplomacy at the intersection of S&T policies and foreign affairs: toward a typology of national approaches // *Science and Public Policy*. – 2010. – Vol. 37. – No. 9. – P. 665-677.

³⁸⁷ Copeland D. Science Diplomacy: What’s It All About? // CEPI-CIPS Policy Brief. – 2011.

³⁸⁸ Van Langenhove L. Science Diplomacy: New Global Challenges, New Trend // *RSIS Commentary*. – 2016.

³⁸⁹ Legrand T., Stone D. Science diplomacy and transnational governance impact // *British Politics*. – 2018. – P. 392-408.

³⁹⁰ Ruffini P.B. *Diplomatie scientifique. De quelques notions de base et questions-clés* // *Philosophia Scientiae*. – 2019. – P. 67-80.

³⁹¹ Turekian V.C. et al. The Emergence of Science Diplomacy // *Science Diplomacy: New Day or False Dawn?* – 2015. – P. 3-24.

³⁹² Горохов А.А., Виторович З. *Научная дипломатия*. – Москва – Цюрих: LAP LAMBERT Academic Publishing. – 2020. – 156 с.

По определению, предложенному С.В. Букаловой, научная дипломатия – «та часть практики современных международных отношений, которую составляют контакты между профессиональными учёными разных стран – при посредничестве дипломатов или же без него»³⁹³. В.Р. Габрильянц трактует научную дипломатию как «стабилизацию международных взаимодействий», то есть как то, что может «способствовать началу переговоров на политическом уровне», и как «один из инструментов умной силы». Автор упоминает такое явление, как «научные диаспоры», поддержка которых осуществляется через дипломатические представительства³⁹⁴. А.В. Торкунов и В.Я. Панченко видят назначение научной дипломатии, то есть «постоянных международных контактов учёных» и «рабочего взаимодействия с теми, кто принимает решения и реализует их на международной арене», в демонстрации научным сообществом результатов исследований, которые могут быть использованы в процессе принятия политических решений³⁹⁵.

Новый этап в российских исследованиях научной дипломатии связан с изучением научной дипломатии Российским советом по международным делам (РСМД), с началом реализации им проекта «Развитие механизмов и инструментов научной дипломатии в России». Доклад «Новые горизонты научной дипломатии России», опубликованный РСМД в декабре 2020 г., содержит предложения и рекомендации, основанные на «выдающихся примерах использования научной дипломатии в прошлом в целях снижения политической напряженности и преодоления глобальных вызовов для человечества», на зарубежном опыте «применения инструментов научной дипломатии для социально-экономического благополучия стран и наций» и на обобщении практик российской научной дипломатии³⁹⁶. Обобщающая работа

---

³⁹³ Букалова С.В. Научная дипломатия: сущность и роль в системе международных отношений // *Мировая политика*. – 2018. – №2. – С. 95-103.

³⁹⁴ Габрильянц В.Р. Научная дипломатия как стабилизация международных взаимодействий // *Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце: материалы XVIII Междунар. науч. конф., посвящ. 98-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2019 г.* / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2019. – С. 413-418.

³⁹⁵ Торкунов А.В., Панченко В.Я. Учёный как дипломат. Наука влияет на решение международных конфликтов и проблем // *Российская газета-Столичный выпуск*. – №7304(138).

³⁹⁶ Новые горизонты научной дипломатии в России: Доклад № 63/2020 / [Г.А. Краснова; Р.О. Райнхардт; О.И. Шакиров; Д.Б. Соловьев]; Российский совет по

РСМД на тему научной дипломатии – учебно-методические материалы авторства Г.А. Красновой «Научная дипломатия в современном мире». Материалы были опубликованы в августе 2021 г. Их целевой аудиторией являются не только исследователи научной дипломатии, но и студенты, аспиранты, преподаватели, то есть данная публикация «предназначена для использования в образовательной работе высшими учебными заведениями»³⁹⁷. Это свидетельствует о становлении учебной дисциплины, связанной с научной дипломатией, то есть об институциональном оформлении научной дипломатии не только в научном и политическом, но и образовательном дискурсе. По мысли Г.А. Красновой, научная дипломатия «сложный и неоднозначный феномен, который включает в себя как теоретическую основу, так и конкретные практические элементы»³⁹⁸.

Таким образом, научная дипломатия – система взаимодействий между различными акторами, осуществляющихся через разнообразные институты и механизмы на различных уровнях в двустороннем и многостороннем формате, в том числе в рамках международных объединений, целью которой выступает использование научного подхода при выстраивании внешней политики государств, международных отношений, решении глобальных и региональных проблем и в целом развитие совместной созидательной деятельности мирового научного сообщества, направленной приращение знаний.

Для проведения исследования были использованы контент-анализ, анализ документов нормативного-правового характера, базовые методы анализа, сравнения, обобщения и сопоставления. Кроме того, в рамках анализа географических ареалов распространения научной дипломатии были использованы методы геополитического проектирования, анализ стратегических потенциалов центров научной дипломатии в политических системах разных государств, а также анализ внешнеполитических институтов некоторых стран (в контексте функционирования центров научной дипломатии и их влияния на процесс принятия политических решений).

международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2020. – 42 с.

³⁹⁷ Краснова Г.А. Научная дипломатия в современном мире. – URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Science-diplomacy-UMM9.pdf> (дата обращения: 05.02.2021).

³⁹⁸ Там же.

Северная Америка

Данный регион уместно считать образцовым с точки зрения институциональной организации научной дипломатии. Во-первых, потому что Северная Америка (и, в частности, США) располагает одним из наибольших среди всех стран и территорий показателей уровня научно-исследовательской активности. Согласно рейтингу Национального научного фонда 2019 года, США занимают второе место после Китая с показателем 422 808 статей³⁹⁹. Во-вторых, исторически после Второй мировой войны Соединенные Штаты считались «локомотивом» научной сферы и НИОКР: наибольшая в мире представленность научно-исследовательских центров, разветвленная сеть научных фондов, тесно аффилированная с различными структурами: университетами, федеральным правительством США и в штатах, благотворительными фондами (Фонд Рокфеллера⁴⁰⁰, Национальный научный фонд США⁴⁰¹, Институт социальных исследований Мичиганского университета (ISR)⁴⁰²).

Что касается центров научной дипломатии, то мы остановимся на двух ключевых, по мнению коллектива авторов, организациях: Центр научной дипломатии при Американской ассоциации содействия развитию науки (AAAS) и Национальный научный фонд (NCF).

Центр научной дипломатии при Американской ассоциации содействия развитию науки / Center for Science Diplomacy (AAAS) был основан в 1848 году и с этого года, как отмечается на сайте организации, следует считать становление национального научного сообщества в США. В то же самое время, формально, современная работа в области научной дипломатии началась с 2008 года⁴⁰³. Кроме того, AAAS является первой постоянной организацией, которая стала «продвигать развитие науки и технологий на национальном уровне и

---

³⁹⁹ Рейтинг стран мира по уровню научно-исследовательской активности / Гуманитарный портал: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2021. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/scientific-and-technical-activity> (дата обращения: 03.02.2022).

⁴⁰⁰ Фонд Рокфеллера. – URL: <https://www.rockefellerfoundation.org/> (дата обращения: 03.02.2022).

⁴⁰¹ About the National Science Foundation. – URL: <https://www.nsf.gov/about/> (accessed: 04.02.2022).

⁴⁰² Институт социальных исследований Мичиганского университета (ISR). – URL: <https://isr.umich.edu/> (дата обращения: 03.02.2022).

⁴⁰³ Mission and History AAAS. – URL: <https://www.aaas.org/mission> (accessed: 03.02.2022).

представлять интересы всех существующих в центре дисциплин». Миссия данной организации заключается в:

- Расширении коммуникации между учеными, инженерами и общественностью;
- Продвижении и защите целостности науки и ее использование;
- Усилении поддержки научно-технических предприятий;
- Предоставлении голоса науке по социальным вопросам;
- Содействии ответственному использованию науки в государственной политике;
- Укреплении и диверсификации научно-технической рабочей силы;
- Способствовании образованию в области науки и техники для всех;
- Расширении взаимодействия общественности с наукой и техникой;
- Развитии международного сотрудничества в области науки⁴⁰⁴.

Далее, следует сказать, что AAAS специализируется на таких исследовательских областях как «Advocacy for Evidence» (просветительская деятельность среди научного сообщества по тонкостям включения в процесс принятия политических решений), «Careers in STEM» (обучение и интеллектуальная поддержка ученых, участвующих в программе STEM), «Diversity, Equity & Inclusion» (включение и представление широкого круга научных тематик, требующих своего внимания для мирового научного сообщества), «Federal Science Budget Analysis» (AAAS является ведущим центром анализа данных по научным разработкам и поддержке данной области со стороны федеральных властей), «Human Rights, Law & Ethics» (развитие науки как ответственного актора перед обществом и государством), «Public Engagement» (тесная кооперация с общественностью, практическое продолжение предыдущей исследовательской области), «Science Diplomacy» (собственно, само базовое направление деятельности организации, «наведение мостов» коммуникации между странами и народами через науку и дипломатию), «Science Education» (обучение методам научного исследования и работы по программе), «Shaping Science Policy» (информационное консультирование политиков и общество по вопросам

---

⁴⁰⁴ Ibid.

науки и техники). Широкая номенклатура направлений отображает сложность научной сферы сегодня.

Значимость института научной дипломатии определяется через проводимые им мероприятия и издаваемые «интеллектуальные продукты». Если говорить о деятельности AAAS, то следует остановиться на нескольких моментах. Во-первых, с 2012 года на базе центра происходит издание журнала «Наука и дипломатия»⁴⁰⁵. Кроме того, проводятся круглые столы в рамках тематического профиля центра Neureiter Science Diplomacy Roundtable⁴⁰⁶. В силу ограниченного формата статьи мы не можем глубоко погрузиться в хронологию мероприятий AAAS, поэтому сразу перейдем к центрам-партнерам AAAS. Американский центр сотрудничает с Всемирной академией наук ООН⁴⁰⁷, а также с различными центрами научной дипломатии на Кубе, в Мьянме (Бирме), Сирии, КНДР.

Другим значимым центром научной дипломатии с официальной пропиской в США является Национальный научный фонд (NCF) / The National Science Foundation (NSF).

Национальный научный фонд (NSF) - независимое федеральное агентство, созданное Конгрессом США в 1950 году «для содействия прогрессу науки; для содействия национальному здоровью, процветанию и благосостоянию»⁴⁰⁸. В общем виде, NSF является организацией, осуществляющей поддержку разнообразных научных исследований (чаще всего, прикладного характера), конечной целью которых является укрепление национальной экономики, безопасности и глобального лидерства. Характерной чертой данного центра является то, что он находится под непосредственным контролем политических элит США: руководитель NSF назначается президентом Соединенных Штатов и утверждается Сенатом США. Это влияет на неформальный статус организации как «тесно аффилированный с государством институт». Основные исследовательские (финансируемые) области

---

⁴⁰⁵ Q & A: Vaughan Turekian on the AAAS's new science & diplomacy quarterly // SciDevNet. – URL: <https://www.scidev.net/global/features/q-a-vaughan-turekian-on-the-aaas-s-new-science-diplomacy-quarterly-1/> (accessed: 03.02.2022).

⁴⁰⁶Neureiter Science Diplomacy Roundtable. – URL: <https://www.aaas.org/programs/center-science-diplomacy/Neureiter-Roundtable> (accessed: 03.02.2022).

⁴⁰⁷ World Academy of Sciences TWAS. – URL: <http://www.unesco.org/new/en/natural-sciences/science-technology/basic-sciences/international-basic-sciences-programme/world-academy-of-sciences-twas/> (accessed: 03.02.2022).

⁴⁰⁸ About the National Science Foundation. – URL: <https://www.nsf.gov/about/> (accessed: 04.02.2022).

центра представлены здесь⁴⁰⁹. Исследовательские области фонда подразделяются на: «Biological Sciences (BIO)», «Computer and Information Science and Engineering (CISE)», «Education and Human Resources (EHR)», «Engineering (ENG)», «Environmental Research and Education (ERE)», «Geosciences (GEO)», «Integrative Activities (OIA)», «International Science and Engineering (OISE)», «Mathematical and Physical Sciences (MPS)», «Social, Behavioral and Economic Sciences (SBE)».

Что касается проектов, реализуемых на практике NSF, то мы должны обратить наше внимание на несколько аспектов. Во-первых, создан постоянно действующий орган «Office of International Science & Engineering (OISE)»⁴¹⁰. В рамках своей специализации здесь осуществляется продвижение научной деятельности через различные интегрированные программы с международным участием. Критериями таких программ являются инновационность, инклюзивность и интеграция. Офисы представителей OISE имеет в таких странах как Австралия, Канада, Дания, Великобритания, ЮАР, Южная Корея и так далее⁴¹¹. Существует представительство и в России, что важно в контексте кризиса российско-американских отношений сегодня. Во-вторых, проведение программы Partnerships for International Research and Education (PIRE). В ней на конкурсной основе участвуют ученые, специалисты разных стран, НКО и научные общества по тематике климатических изменений и поиска социательных решений современных глобальных вызовов в области чистой (зеленой) энергетики⁴¹².

По сути, институт OISE в системе NSF следует считать «центром научной дипломатии». Ключевым отличием от AAAS является то, что NSF имеет в качестве структурного подразделения отдел по развитию научной дипломатии между учеными разных государств. Другим отличием NSF от проанализированного выше центра научной дипломатии является то, что степень «аффилированности» с государством в случае с Национальным научным фондом более подчеркнута, чем с AAAS. Данная характеристика позволяет нам сделать вывод, что

---

⁴⁰⁹ Legrand T., Stone D. Science diplomacy and transnational governance impact // *British Politics*. – 2018. – P. 392-408.

⁴¹⁰ About the Office of International Science & Engineering (OISE). – URL: <https://www.nsf.gov/od/oise/about.jsp> (accessed: 04.02.2022).

⁴¹¹ OISE Regional and Country Contacts. – URL: <https://www.nsf.gov/od/oise/country-list.jsp> (accessed: 04.02.2022).

⁴¹² Partnerships for International Research and Education (PIRE) -- Use-Inspired Research Challenges on Climate Change and Clean Energy. – URL: <https://www.nsf.gov/pubs/2022/nsf22546/nsf22546.pdf> (accessed: 04.02.2022).

уровень государственного участия и степень подчеркивания его в официальных документах является индикатором заинтересованности политических элит страны (США, в данном случае) в влиянии на коммуникацию между учеными, продвижении национальной науки на международном уровне, а также в скорости приращения научных достижений иностранных ученых к инфраструктуре США.

Латинская Америка

На основании проанализированной нами информации о центрах научной дипломатии Латинской Америки, в начале следует сказать несколько слов о характере данных организаций в целом. Во-первых, мы должны сказать, что в открытом доступе существует мало информации об этих центрах. Чаще всего, эти организации являются НКО с иностранным участием, чьи основные функции скрываются за «фасадом» просветительской и научно-дипломатической деятельности: продвижение интересов и ценностей «государства-донора», чей капитал представлен в учредителях центров. Во-вторых, ориентируясь на эталонные центры научной дипломатии США и Европы, созданные на их основе организации в других частях Света, например, в Южной Америке, не являются популярными в научном сообществе («популярность» здесь синонимична слову «известность»). Их число невелико и деятельность остается локальной, направленной на местного интеллектуального потребителя. Также причиной низкой популярности подобных организаций следует назвать недостаточное финансирование со стороны местных правительств.

В рамках Латинской Америки мы рассмотрим следующий центр научной дипломатии: Институт Беринга-Беллинггаузена по изучению обеих Америк.

Институт Беринга-Беллинггаузена по изучению обеих Америк/*Instituto Bering-Bellingshausen para las Américas*, (ИБВА) «новая неправительственная некоммерческая организация, уставная задача которой - содействие диалогу политиков, предпринимателей, журналистов, ученых России и стран СНГ с коллегами из обеих Америк»⁴¹³ был создан в 2014 году по инициативе правительства России. По сути, данное НПО является российским центром, посвященным социокультурному изучению Латинской Америки и проведению совместных проектов. Идее культурной связи столицы Уругвая (г. Монтевидео) с российской историей, в которой находится юридический адрес ИБВА,

---

⁴¹³ Институт Беринга-Беллинггаузена по изучению обеих Америк. – URL: <http://www.ibbamericas.com/ru/> (дата обращения: 07.02.2022).

посвящен отдельный пассаж в описании центра. «Само собой, это - и столица Уругвая: страны, которая в отношениях Южной Америки с Российской империей, Советским Союзом, новой Россией и новым Евразийским экономическим союзом не раз и не два выступала в роли “застрельщика”»⁴¹⁴.

На сайте центра мы не сможем найти полной номенклатуры направлений, тем не менее уместно обратить более пристально наше внимание на основных учредителей ИБВА. Учредителями организации являются российский журналист С.В. Брилев и его уругвайский коллега по амплуа Херардо Лионель Блейер. С.В. Брилев в российском медиапространстве является узнаваемой персоной: с 1995 года работает в структуре телеканала «Россия» (РТР) на разных должностях, после 2008 года – ведущий программы «Вести в субботу», заместитель директора Дирекции информационных программ⁴¹⁵. Х.Л. Блейер является с 2010 года руководителем консалтинговой организации «LBP Оригинальные создания» (LBP Creaciones originales). По поводу основной деятельности Института С.В. Брилев емко отметил, что «несмотря на очевидное политическое сближение между Россией и Таможенным союзом со странами Латинской Америки и, в особенности, Южноамериканского общего рынка /МЕРКОСУР/, постоянно действующей платформы для осуществления диалога не существует”. Именно такой площадкой и может стать Институт Беринга-Беллинсгаузена, который планирует проводить регулярные деловые конференции, “круглые столы” ведущих политологов и журналистов, а также другие гуманитарные мероприятия»⁴¹⁶.

Что касается мероприятий, в которых был задействован ИБВА, то уместно обратить внимание на несколько мероприятий. Во-первых, в феврале 2020 года была проведена международная конференция «Новая энергия» в St. George’s club («SGC») в Гренаде с участием одного из глав-учредителей ИБВА⁴¹⁷. Тематика конференции затрагивала вопросы развития динамики глобальной экономики и мировых энергетических вопросов. С.В. Брилев выступал в качестве одного из спикеров.

---

⁴¹⁴ Там же.

⁴¹⁵ Об Институте. – URL: <http://www.ibbamericas.com/ru/ob-institute/> (дата обращения: 07.02.2022).

⁴¹⁶В Уругвае начнет работу Институт Беринга-Беллинсгаузена // ТАСС. 14.07.2014. – URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/1366118> (дата обращения: 07.02.2022).

⁴¹⁷ «New Energy» International conference. – URL: <http://sgc.gd/> (дата обращения: 07.02.2022).

Далее, в 2019 году на полях Петербургского международного экономического форума была организована «Российско-Латиноамериканская сессия», где одним из партнеров-организаторов выступал ИВВА⁴¹⁸. Подводя итог относительно данного центра научной дипломатии, мы должны сказать, что Институт Беринга-Беллинсгаузена по изучению обеих Америк уместно назвать российским НПО, продвигающим интересы отечественного истеблишмента. Сюда включены такие организации как «Совет по внешней и оборонной политике» (СВОП), ВГТРК, ИТАР-ТАСС, Экспортное страховое агентство России (ЭКСКАР), Российский фонд прямых инвестиций» (РФПИ). В целом, этот центр научной дипломатии мы можем де факто отнести и к России (как компонент отечественной «мягкой силы») по классификации Дж. Ная⁴¹⁹).

Европа

Исторически Старый свет считается колыбелью научно-технического прогресса и НТР XVIII-XX веков. Большое количество старейших в мире университетов (Гейдельбергский университет в Германии, Оксфорд и Кэмбридж в Великобритании), научных организаций, специализирующихся на фундаментальных исследованиях в области физики, химии и других естественных дисциплин также имеют юридический адрес на Европейском полуострове. Находясь в авангарде научно-технических изменений, Европа (следом за США) выдвинула свои центры научной дипломатии на ключевые позиции в мире.

В рамках Европы мы рассмотрим и проанализируем такой центр научной дипломатии как Европейский Центр ядерных исследований ЦЕРН (CERN).

Европейский Центр ядерных исследований ЦЕРН (CERN) является одним из наиболее известных современных международных коллаборационных центров, в котором ученые со всего мира участвуют в фундаментальных физических исследованиях. Возникший в 1954 году как организация по проведению экспериментальных физических исследований, в документах ЮНЕСКО ЦЕРН значится как центр

---

⁴¹⁸ Российско-латиноамериканская сессия, Санкт-Петербургский международный экономический форум, 2019 год. – URL: http://www.ibbamericas.com/ru/tekuie-proekty-anonsy/sesi_2/ (дата обращения: 07.02.2022).

⁴¹⁹ Nye J.S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. – 192 pp.

научной дипломатии, специализирующийся на физике высоких энергий⁴²⁰. Основная миссия, которую заложили отцы-основатели центра – создание условий для проведения исследований мирового уровня в области фундаментальной физики, объединение людей со всего мира для расширения границ науки и техники во благо интересов общества и человека⁴²¹.

Уместно будет говорить, что ЦЕРН как международный научный центр имеет два негласных направления: классические исследовательские («Физика», «Акселераторы (физические)», «Компьютерные технологии», «Инженерия», «Эксперименты») и специализированные (организация и проведение специализированных научных исследований, главная характеристика которых является соединение ученых стран всего мира в одной команде исследователей). Специализированные направления (проекты) ЦЕРН нам и следует назвать практической реализацией задач «научной дипломатии». На сайте центра приводится такой посыл, связанный с научно-дипломатической деятельностью: «ЦЕРН объединяет национальности и объединяет различные культуры для достижения общей цели в духе открытости и мирного сотрудничества»⁴²². Плодом совместных усилий ученых разных стран следует назвать открытие в физике такого явления как Бозон Хиггса, с 2008 года осуществляется работа Большого адронного коллайдера (ЛHC), открытие Всемирной Паутины (в 1989 году создал ученый Тим Бернер-Ли будучи сотрудником ЦЕРНа). Все эти открытия являются коллективным вкладом иностранных учёных различных государств, поэтому следует отметить, что Европейский Центр ядерных исследований ЦЕРН (CERN) по праву уместно считать одним из старейших и известных в Европе центров научной дипломатии. Россия имеет статус наблюдателя в данном центре, что ограничивает наши возможности в использовании полного «пакета опций», который дает полное членство в ЦЕРНе.

---

⁴²⁰ Science Centres and Organizations UNESCO. – URL: <http://www.unesco.org/new/en/natural-sciences/science-technology/science-policy-and-society/science-diplomacy/science-centres-and-organizations/> (accessed: 15.02.2022).

⁴²¹ Our Mission CERN. – URL: <https://home.cern/about/who-we-are/our-mission> (accessed: 15.02.2022).

⁴²² Bring nations together CERN. – URL: <https://home.cern/about/what-we-do/bring-nations-together> (accessed: 15.02.2022).

Россия

Что касается нашей страны, то обозначим первоначально несколько общих ремарок по вопросу развития научной дипломатии. Отечественная наука, исторически, развивалась в нашей стране в тесной связи с государством: российская администрация всячески поощряла частную инициативу в сфере исследований (Демидовы в XVIII веке были первооткрывателями российской металлургии на Урале, Н.Н. Миклухо-Маклай в XIX веке занимался этнографической работой населения Папуа-Новой Гвинеи). И сегодня российское правительство не находится в стороне от развития популяризирующегося направления в научной сфере как «научная дипломатия». Обратимся к брошюре «Развитие научной дипломатии в Российской Федерации», составленной совместно РАН, Министерством науки и высшего образования, Российским научно-исследовательским институтом экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП) и Объединенным институтом ядерных исследований⁴²³. Первым важным центром научной дипломатии в РФ по праву считается Российская академия наук (РАН).

Не имеет смысла рассказывать историю становления и складывания РАН как крупнейшего государственного института в сфере отечественной фундаментальной науки. Она была основана в 1724 году и с изменением политического режима в России претерпевала изменения в своих наименованиях: от Петербургской академии наук до РАН. В сфере научной дипломатии Российской академией наук принята Стратегия международного сотрудничества РАН в сфере научной и научно-технической деятельности (на период до 2030 года) [16]. В ней выделены группы ключевых задач и показателей реализации. С позиции ключевых задач Стратегии, стоит выделить «разработку и реализацию программ и проектов в сфере международного научного, научно-технического, образовательного и инновационного сотрудничества, экспертное и научное обеспечение международной деятельности государственных органов и организаций в сфере науки, научно-технического сотрудничества, международных отношений и внешнеэкономической деятельности, повышение качества международной академической мобильности, в том числе через создание собственных программ

---

⁴²³ Семин А.А., Ильина И.Е., Васильева И.Н., Андрианов В.Л., Малахов В.А., Покровский Д.С., Реброва Т.П. Развитие механизма научной дипломатии в Российской Федерации. — М.: IMG Print, 2020. — 72 с.

мобильности, а также образовательных и просветительских программ и проектов»⁴²⁴.

С позиции ключевых показателей, мы выделим несколько: «расширение доступа российских ученых к уникальным зарубежным объектам научной инфраструктуры (объектам и установкам класса «мега-сайенс», научным коллекциям, клеточным линиям, научным данным (включая базы данных) и иным, содействие участию зарубежных ученых в международных проектах, инициированных российской стороной и реализуемых при участии российских научных организаций и вузов, в том числе с использованием российской научной инфраструктуры, организация международного академического обмена в целях повышения квалификации научных и научно-педагогических работников научных организаций и образовательных организаций высшего образования и проведения научных исследований»⁴²⁵. Существует также и широкий арсенал задач и критериев, по которым руководство РАН проверяет эффективность предпринимаемых шагов в области научной дипломатии. Что касается партнеров по реализации Стратегии, то мы должны сказать, что «сетка» организаций является широкой и разнообразной. Для удобства понимания мы разобьем их на подгруппы. Первая подгруппа – международные научные, профессиональные, экспертные и отраслевые организации: «Организация экономического сотрудничества и развития, Международная организация по исследованию мозга, Пагуошское движение ученых, Международная астрономический союз»⁴²⁶. Вторая подгруппа – международные финансовые институты в части развития финансово-кредитных ресурсов и торгово-инвестиционных норм. Здесь мы отметим ВТО, МВФ, Группу Всемирного банка, Новый банк развития, Конференцию ООН по торговле и развитию. Третья подгруппа – региональные интеграционные объединения. Сюда мы отнесем СНГ, ЕАЭС, Союзное государство России и Белоруссии, ШОС, БРИКС, АТЭС и другие. Четвертая подгруппа – международные организации и институты глобального управления. Здесь уместно выделить «академии наук иностранных государств,

---

⁴²⁴ Стратегия международного сотрудничества РАН в сфере научной и научно-технической деятельности на период до 2030 год. – URL: http://oem.ras.ru/images/_store15.cp/upload/image/natasha/STRATEGIYA.pdf (дата обращения: 16.02.2022).

⁴²⁵ Там же.

⁴²⁶ Семин А.А., Ильина И.Е., Васильева И.Н., Андрианов В.Л., Малахов В.А., Покровский Д.С., Реброва Т.П. Развитие механизма научной дипломатии в Российской Федерации. — М.: IMG Print, 2020. С. 14.

международные неправительственные научные организации, организации системы ООН»⁴²⁷. Последняя подгруппа – это организации, ориентированные на продвижение научно-технической повестки и преодоление «Больших вызовов. Это Группа 20, Группа 7, Организация исламского сотрудничества, Давосский форум, GSO, группа Карнеги. Как итог, мы должны сказать, что Российская академия наук является одним из ведущих «игроков» в России в области научной дипломатии, который задействован во многих специализированных проектах и чьи сотрудники регулярно используют каналы для международного взаимодействия с партнерскими организациями.

Теперь обратим внимание на еще одну организацию, занимающуюся вопросами научной дипломатии. Это Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ).

Данный институт – это «международная межправительственная научно-исследовательская организация. ОИЯИ был создан на основе Соглашения, подписанного 26 марта 1956 года в Москве представителями правительств одиннадцати стран-учредителей, с целью объединения их научного и материального потенциала для изучения фундаментальных свойств материи. Сегодня полноправными членами организации является 17 государств, еще 6 имеют статус ассоциированных членов»⁴²⁸. По региональному составу ОИЯИВ охватывает территории бывшего СССР (РФ, Армения, Беларусь, Грузия и другие) и некоторые страны Восточной Европы (Словакия, Чехия и другие). Ассоциированными членами являются Венгрия, Германия, Египет, Италия, Сербия, ЮАР.

С точки зрения научно-дипломатической деятельности, стоит сказать, что сотрудники ОИЯИВ открыли в мае 2016 года многофункциональный офис с целью оформления в режиме «одного окна» вновь прибывших специалистов из разных стран. «В 2019 году для решения вопросов сотрудничества, участия в международных конференциях и школах центр принял 1 812 специалистов»⁴²⁹. В программу центра входят: стажировки для сотрудников исследовательских организаций стран-участниц ОИЯИВ, развитие международной академической мобильности (150 аспирантов и молодых ученых участвовали в научно-образовательном проекте «Дубненская международная школа по

---

⁴²⁷ Там же.

⁴²⁸ Там же. С. 29.

⁴²⁹ В ОИЯИ подвели итоги 2019 года // Атомная энергия 2.0. 19.12.2019. – URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2019/12/19/100179> (дата обращения: 05.03.2022).

теоретической физике». Молодые ученые из стран – не участников ОИЯИ – Индия, Ирак, Китай, Таджикистан работают в лабораториях ОИЯИ на постоянной основе⁴³⁰). Кроме того, в сфере научной дипломатии ОИЯИВ осуществляет развитие российской инфраструктуры коллективного пользования и уникальных научных установок с привлечением иностранных специалистов. Здесь мы должны отметить, что коллаборацией «Байкал» введены в эксплуатацию четвёртый и пятый кластеры нейтринного телескопа Baikal-GVD⁴³¹. Далее, еще одним проектом является поэтапное завершение и ввод в эксплуатацию сверхпроводящего кольцевого ускорителя – бустера для исследовательского комплекса NICA⁴³².

Научно-дипломатическая деятельность ОИЯИВ распространяется также и на привлечение учёных по направлениям международной деятельности. Например, в рамках спецпрограмм привлекаются специалисты из Армении, Польши, Румынии, Чехии; сотрудничество с учеными-теоретиками организаций: Азиатско-тихоокеанский Центр теоретической физики (Республика Корея), АН Китайской Народной Республики, ЦЕРН. В целом, как итог, мы должны говорить, что Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ) занимает особое место среди организаций, осуществляющих научно-дипломатическую деятельность. Безусловно, данными организациями список, конечно же, не исчерпывается.

Научная дипломатия на исходе первой четверти XXI века приобретает особую актуальность в контексте выстраивания внешнеполитического курса государств мира. Разные политологи могут по-разному оценивать её роль в структуре принятия внешнеполитических решений, и данные споры могут лишь еще и еще раз подтвердить о той важности, которую данная категория приобретает быстрыми темпами. Еще в XX веке ведущие ученые в области физики, химии и других фундаментальных наук подписывали разные документы международного характера, целью которых было организация более предсказуемого и спокойного мира без конфликтов и войн на взаимное уничтожение. На

---

⁴³⁰ Сайт Объединенного института ядерных исследований, раздел «Научно-техническое сотрудничество». – URL: http://www1.jinr.ru/Reports/Otchet_19_rus_sait.pdf (дата обращения: 05.03.2022).

⁴³¹ Сайт Baikal-GVD. – URL: <https://baikalgvd.jinr.ru/> (дата обращения: 05.03.2022).

⁴³² Запущен бустер российского коллайдера NICA // Атомная энергия 2.0. 26.12.2019. – URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2019/12/26/100392> (дата обращения: 05.03.2022).

современном этапе ученым разных профилей специализации стоит активнее разрешать взаимные претензии между национальными исследовательскими сообществами с посылом на то, что это поможет повлиять на политиков, принимающих важные для их стран решения.

С учетом происходящих событий в международной политике сегодня (усиление противостояния с Европой по различным направлениям общественной жизни) следует говорить, что массивный пласт контактов, например, российских центров научной дипломатии с зарубежными на Западе будет прекращен на неопределенное время, что повлечет за собой коррекцию документов стратегического планирования базовых российских центров научной дипломатии. Как предположение, можно прогнозировать, что теперь в долгосрочной перспективе большая часть контрактов и научно-технических соглашений будет заключаться с вузами и организациями АТР, Латинской Америки, Африки. Кроме того, следует также прогнозировать о возрастании отличительных черт национального российского научного сообщества в разных областях знания: от известных всеми миру естествонаучных школ до гуманитарных (политологических, социально-философских, исторических и так далее).

Глава 3. Лучшие мировые практики правового регулирования международного научно-технического сотрудничества: опыт региональных международных организаций

3.1. Цели и приоритеты научного и научно-технического сотрудничества в рамках ШОС

На сегодняшний день Шанхайская организация сотрудничества выступает быстроразвивающейся международной ассоциацией, показывает альтернативную военно-политическому блоку модель взаимодействия государств. Данная организация состоит из стран Евразии, объединяющих территориально большую часть материка, с населением свыше 2,5 млрд. человек, включает крупнейшую экономику мира – экономику КНР. Существует также институт наблюдателей ШОС, куда входят не только азиатские страны, но и, например, Арабская республика Египет. Возникнув изначально как Шанхайская пятерка пограничных государств Бывшего СССР и Китая в целях разрешения спорных территориальных приграничных вопросов, ШОС приобрела со временем трансасиатский характер, особенно после включения в её состав в качестве полноправных членов Индии и Пакистана.

Для России Шанхайская организация сотрудничества в санкционный период, вызванный определенными территориальными возвратами в 2014 году, приобретает особое ключевое значение, как и восточный вектор внешнеполитической работы в целом. Так или иначе, но необходимость большего внимания отношениям с восточными и южными странами, нежели с западной Европой и Северной Америкой, постепенно осознается и принимается российской внешнеполитической доктриной, и в этом отношении ШОС является готовой и устоявшейся площадкой для развития взаимодействия с неевропейскими партнерами. Увеличение количества полноправных членов ШОС и стран-наблюдателей свидетельствует о том, что данная организация не превратилась в статичный рудимент посткоммунистической эпохи (вроде СНГ), а является динамично развивающейся, отвечающей потребностям времени.

Хотя необходимость научного и научно-технического сотрудничества, на первый взгляд, не нуждается в особом обосновании, и многое из далее сказанного кому-то может показаться трюизмом, но на наш взгляд, в области права и философии не существует аксиом по аналогии с точными науками, а то, что таковыми называется, отражает веру авторов в то, что им бы хотелось, чтобы данные положения в

качестве аксиом воспринимались. Но социальное бытие сложно и плюралистично, сущность социальных феноменов амбивалентна, в связи с чем даже банальные истины нуждаются в обосновании. Этот вывод вытекает в том числе исходя из достижений науковедения второй половины XX – начала XXI века, эпохи неклассической и постклассической научной методологии.

Научное сотрудничество может на сегодняшний день рассматриваться с нескольких исходных позиций. С науковедческой точки зрения наука – вещь интернациональная, она отражает бесконечное стремление человечества к знанию, это единая общечеловеческая задача, которая не знает государственных границ, наций и континентов. В этой связи развитие научного и научно-технического сотрудничества представляется оптимальным, поскольку любое взаимообогащение различных национальных научных школ способствует общему научному развитию. Однако даже под таким углом зрения возникает ряд вопросов, дело в том, что в современной философии науки наука воспринимается в одном из своих значений как социальный институт. Соответственно, выступая одним из институтов общества, наука подчиняется законам его развития, обуславливается происходящими в конкретный исторический период времени социальными процессами. При наличии определенных существенных противоречий между различными социумами осложняется и научное сотрудничество. И наоборот, близость, родство социумов обуславливают более активное сотрудничество и в научной сфере.

С точки зрения самой науки как процесса познания и его результата в виде системы знаний научное сотрудничество выступает одним из средств осуществления этого процесса и достижения данного результата. В этих двух смыслах понимания науки, разработанных классиками европейского Просвещения, она индифферентна тому социальному контексту, в котором существует и развивается. Стоит сказать, что такой подход, взятый в идеальных условиях, оптимален, только таких идеальных условий в реальности не существует. Появление третьего смысла понимания науки – науки как определенного социального института, позволило учесть социально-контекстуальную сторону научного знания и научного познания и, одновременно, развеяло миф об изолированном от общественной жизни существовании науки. В связи с указанными обстоятельствами необходимо говорить о социально-политическом и о политико-правовом понимании научного и научно-технического сотрудничества, которое следует учитывать при

формулировании целей и задач такого сотрудничества под эгидой ШОС.

Итак, с социально-политической точки зрения научное сотрудничество выступает особым видом деятельности ученых по обмену опытом научного познания объективной действительности, а также полученными в ходе такого познания знаниями, когда каждая из сторон этой деятельности делает соразмерный участию другой стороны вклад в общий познавательный процесс и его результат. При этом научное сотрудничество возможно между школами в рамках одной дисциплины, между разными научными дисциплинами одного научного цикла, либо между научными дисциплинами разных научных циклов. В государстве, где провозглашается политическое и идеологическое многообразие, такое сотрудничество выступает ординарным явлением научной жизни и не нуждается в юридическом опосредовании. В идеократическом государстве также не существует принципиальных препятствий для обозначенных разновидностей научного сотрудничества, за исключением необходимости соблюдения определенного свода этических правил, обусловленных т.н. «идеей-правительницей». Следует отметить, что большинство стран-участниц ШОС так или иначе выступают идеократическими, что необходимо учитывать при формулировании целей и задач научного и научно-технического сотрудничества. Совместимость идейно-политической основы социумов и государств, планирующих развивать научное сотрудничество, может существенно облегчить взаимопонимание сторон, напротив же, несовместимость ставит такое сотрудничество под вопрос.

Отдельно необходимо рассмотреть политико-правовой аспект социального контекста научного и научно-технического сотрудничества. В этом аспекте можно выделить политическую и правовую составляющие. Политическая составляющая оформляется разного рода идеями, концепциями и теориями, определяющими векторы и наполненность данного сотрудничества, его обусловленность доктринами и программами развития государства в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Программные документы в области научного и научно-технического сотрудничества содержат теоретически обоснованные и логически выверенные ориентиры для развития правового регулирования. Учитывая, что речь идет именно о сотрудничестве, характер программных положений должен быть конструктивным и учитывать интересы сотрудничающих сторон. С другой стороны, политический элемент не может обладать признаками конкретности и детальности, он

задает лишь общие основы, которые затем должны конкретизироваться и детализироваться в специальных правовых актах.

Наконец, правовая составляющая социального контекста научного и научно-технического сотрудничества опосредует этот вид социально значимой деятельности путем формулирования общеобязательных формально определенных правовых предписаний. Это своего рода итог восприятия всего социального обусловливания названного сотрудничества, результат познания субъектами правотворчества его сущности и внешне проявленных обстоятельств. Правовая составляющая, как и правовое регулирование любой сферы в принципе, подчиняются своим собственным законам и правилам, среди которых можно назвать и правовые принципы, и пределы правового регулирования, и нормативы юридической техники, и внутрисистемные правовые характеристики. Системный характер права предполагает существование цементирующих его начал, к которым можно отнести в том числе цели и задачи правового регулирования научного и научно-технического сотрудничества.

Научное и научно-техническое сотрудничество обосновывается с разных позиций, а именно с науковедческой, собственно научной, социально-политической и политико-правовой. При этом правовое опосредование такого сотрудничества вытекает из всех остальных аспектов, ими определяется и обуславливается, от них зависит. И в таком ключе при формулировании программных право-политических и конкретных нормативно-правовых положений социально-правовой контекст во всех его проявлениях необходимо учитывать.

Переходя непосредственно к целям и задачам международного научного и научно-технического сотрудничества под эгидой ШОС, определимся изначально с исходными понятиями, а затем, опираясь на все выше сказанное, наполним их конкретное содержание. Цель в общем смысле понимается как идеальная модель желаемого результата, к которому стремится поставивший данную цель субъект. Целей может быть несколько, в контексте настоящего исследования можно рассмотреть первичную и вторичную цель. Первичной целью выступает само по себе развитие научного и научно-технического сотрудничества, поскольку оно выступает в качестве самостоятельного и самодостаточного блага. Причем, на наш взгляд, не существует непреодолимых препятствий для достижения этой цели, поскольку не существует и непреодолимых различий между правовыми культурами стран-участниц ШОС. Наличие определенной культурной общности

значительно облегчает развитие сотрудничества по всем сферам социальной действительности, в т.ч. и в области науки и техники.

Что касается вторичной цели научного и научно-технического сотрудничества, то она складывается из ряда равнозначных элементов, таких, как обмен инновационными технологиями производства, взаимное обогащение достижениями фундаментальных научных исследований, решение общих научно-технических задач, взаимное укрепление общего научно-технического потенциала. В общем виде такую цель можно сформулировать как *взаимное развитие научного и научно-технического потенциала стран ШОС в цифровую эпоху в условиях многополярного мира*. Такая цель обусловлена современной внешнеполитической обстановкой в мире, быстро и неуклонно меняющимися обстоятельствами развития взаимоотношений между Россией и США, между КНР и США, между Россией и странами СНГ. Шанхайская организация сотрудничества в этом отношении выступает удобной международной площадкой, пока что не связанной военно-политическими аспектами, носящей конструктивно-нейтральный характер.

Объединенная цель в таком случае будет звучать как развитие научного и научно-технического сотрудничества для взаимного совершенствования научного и научно-технического потенциала стран ШОС в цифровую эпоху в условиях многополярного мира. Эта цель отражает современное состояние международных отношений и его перспективы. Кроме того, она выступает как предельно общая модель идеального результата развития взаимодействия между странами-участницами ШОС, в большей степени показывая характер и содержание такого взаимодействия в динамике, как постоянно развивающийся процесс, нежели в статике. Думается, что на сегодняшний день, пока и поскольку научное и научно-техническое сотрудничество под эгидой ШОС выступает лишь перспективным направлением взаимодействия, пока лишь начинает обозначаться в качестве самостоятельной ветви этой сферы, постольку ставить статичную и осязаемую цель, несмотря на тавтологию, просто нецелесообразно.

В юридической науке сложился такой подход, согласно которому постановка цели предполагает формулирование ряда задач в её развитие. Своеобразие и неординарность поставленной цели обуславливает аналогичный подход к системе задач, направляемых на её реализацию. Задачи являются отдельными частными направлениями в рамках общего глобального направления, поставленного в качестве цели. Соответственно, единый системный характер цели определяет восприятие

задач в качестве такой же целостной и взаимосвязанной системы. Таким образом, если формулировать задачи в качестве перечня, то они примерно могут выглядеть следующим образом:

- принятие на уровне ШОС серии программных документов декларативного характера, определяющих намерения стран-участниц в части развития научного и научно-технического сотрудничества;
- развитие международно-правовой основы научного и научно-технического сотрудничества на основе ранее принятых декларативных документов, в форме, в первую очередь, Конвенции ШОС о научном и научно-техническом сотрудничестве;
- развитие национального законодательства стран-участниц ШОС, посвященного научному и научно-техническому сотрудничеству;
- формирование национальных и международных организационных структур, которые будут обеспечивать реализацию сформулированных правовых предписаний в части осуществления научного и научно-технического сотрудничества под эгидой ШОС;
- разработка правовых и организационных основ механизма реализации правовых предписаний в области научного и научно-технического сотрудничества стран ШОС;
- формирование правовых основ контроля в сфере реализации правового механизма научного и научно-технического сотрудничества стран ШОС.

Перечень такого рода задач необходимо оставить открытым. Связано это с динамикой анализируемых отношений, и сфера научного и научно-технического сотрудничества, и ШОС находятся в состоянии бурного развития, в связи с чем в дальнейшем может меняться и перечень задач, поставленных для такого сотрудничества. Цель как более статичное и более абстрактное положение, выступает ориентиром при постановке задач, а потому относительно стабильна.

Таким образом, на сегодняшний день в рамках Шанхайской организации сотрудничества важно развитие научного и научно-технического сотрудничества само по себе и в целях взаимного обогащения достижениями в области науки и техники в условиях всеобщей цифровизации, многополярности мира и возобновления противостояния великих мировых держав. Научное и научно-техническое сотрудничество России под эгидой ШОС выступает и важнейшим условием для технологического прорыва, названного Президентом РФ В.В. Путиным в недавнем послании ФС РФ в качестве одного из приоритетов в развитии нашей страны.

Международное научно-техническое сотрудничество (МНТС) на рубеже XX-XXI вв. по праву оказывается в фокусе особого внимания как отдельных государств, так и имеющих влияние в современном мире международных организаций, различных межрегиональных объединений государств (Совет Европы, БРИКС, ЕврАзЭС, СНГ, АСЕАН, ШОС и др.). Почти все современные государства оценивают МНТС как путь объединения интересов в сфере науки, научно-технической политики и внешней политики, а также механизм развития научного потенциала и драйвер экономического роста внутри государства.

В Концепции МНТС РФ подчеркивается, что на *межрегиональном и региональном уровне* международное научно-техническое сотрудничество РФ исполняется в приоритетном порядке *с государствами-членами* финансово-экономических и политических *интеграционных объединений* на постсоветском пространстве (СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и Союзное государство России и Белоруссии) и *в рамках организаций, участницей которых она является* (ШОС, БРИКС, АТЭС, АСЕМ, СБЕР), а также *во взаимодействии с другими международными структурами и торгово-экономическими форматами* (ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР, Африканским союзом и др.), в частности *с целью гармонизации норм, правил и координации научно-технических мероприятий ради обеспечения целей, задач и приоритетов* МНТС России и реализации глобальной научно-технической повестки, связанной с преодолением «*Больших вызовов*»⁴³³.

В.М. Шугуров отмечает, что в подобном взаимодействии определение научно-технологической и инновационной политики и формирования повестки новым содержанием на всех уровнях происходит более интенсивно. В данной связи особой актуальностью начинает характеризоваться анализ не только преобразований во внутригосударственных и внутрирегиональных процессах в научно-технической и инновационной сферах, но и трансформаций по линии международного научно-технологического и инновационного партнерского взаимодействия региональных объединений государств⁴³⁴.

---

⁴³³ Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации (одобрена решением Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2019 года № ТГ-П8-952). URL: france.mid.ru/upload/iblock/7f8/...pdf. (дата обращения – 19.08.2021).

⁴³⁴ Шугуров В.М. Международное измерение научно-технологической интеграции ЕАЭС в контексте стратегии устойчивого: политико-правовые основы – LexRussica. № 8 (153), август 2019. URL: file://mejdunarodnoe-izmerenie-nauchno-tehnologicheskoi-

Как отмечает ряд исследователей из Высшей школы экономики, в последнее время проводятся активные обсуждения вопроса о будущем науки и технологий, их значении в поступательном развитии общества и основных сфер общественной деятельности, актуальных вопросах формирования и осуществления научно-технической политики, и главным посылом этих дискуссий выступает потребность принимать во внимание настоящие и будущие глобальные изменения и детерминирующие их внешние и внутренние, а также эксплицитные и имплицитные факторы⁴³⁵.

По мнению некоторых экспертов Российского совета по международным делам, современный мир сталкивается с большим количеством проблем глобального характера или «глобальных вызовов» (GlobalChallenges), решение которых требует объединения усилий многих государств⁴³⁶. Среди таких проблем Всемирный банк, например, выделяет: глобальное потепление и изменение климата, охрану окружающей среды, распространение опасных заболеваний, сохранение биоразнообразия, управление ресурсами, включая использование Мирового океана и космического пространства в интересах всего человечества. В этом ключе консолидация усилий отдельных стран в решении глобальных проблем является устоявшимся современным трендом в международном научно-техническом сотрудничестве.

В Концепции МНТС РФ отмечается, что направленность международной научно-технологической повестки на решение задач и поиск ответов, связанных с «Большими вызовами», обуславливает расширение и углубление кооперации участников глобальных научно-технологических процессов. Оживление МНТС продиктовано также повышением уровня мобильности научных кадров, интенсивным развитием в области цифровых и коммуникационных технологий, приводящих, в свою очередь, к росту глобальной доступности результатов научных исследований и разработок, возникновению современных сетевых

---

integratsii-eaes-v-kontekste-strategii-ustoi-chivogo-razvitiya-politiko-pravov-e-osnov.pdf.
(дата обращения – 19.08.2021).

⁴³⁵ Глобальные тренды и перспективы научно-технологического развития Российской Федерации: краткие тезисы: докл. к XVIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 11–14 апр. 2017 г. / Л. М. Гохберг, А. В. Соколов, А. А. Чулок и др. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 5.

⁴³⁶ Международное научно-техническое сотрудничество Российской Федерации: краткий обзор и вопросы развития / [Киселев В.Н.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2014. С. 41.

форм партнерств в области научно-технологического и инновационного взаимодействия.

В Стратегии развития ШОС до 2025 года указывается, что на сегодняшний момент имеются определенные основания для выведения ШОС на качественно новый уровень, отличительной чертой которого будет возрастание участия в делах всего макрорегиона, а также в процессе глобального регулирования, увеличение результативности взаимодействия в области экономики, финансов, политики, безопасности, экологии, развития культурных и гуманитарных связей, научно-технического сотрудничества⁴³⁷.

В сентябре 2013 г. в Бишкеке было подписано Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве, ставшее главным документом, регулирующим МНТС между государствами, входящими в данную региональную организацию. В статье 1 данного Соглашения были совместно определены *приоритетные направления в сфере научно-технического сотрудничества государств – членов ШОС:*

– *охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов;*

– *науки о жизни;*

– *сельскохозяйственные науки;*

– *наносистемы и материалы;*

– *информационные и телекоммуникационные технологии;*

– *энергетика и энергосбережение;*

– *науки о Земле, в том числе сейсмология и геология*⁴³⁸.

Стратегия развития ШОС до 2025 года также отмечает приоритетными направлениями МНТС в рамках ШОС *передовые природоохранные технологии, возобновляемые и экологически чистые источники энергии, энергоэффективность в интересах устойчивого развития.*

Необходимо при этом сказать, что указанные приоритеты в области научно-технического сотрудничества в рамках ШОС были согласованы и определены государствами *в соответствии с национальным законодательством, исходя из приоритетов научно-технического*

---

⁴³⁷ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. URL: <http://www.static.kremlin.ru/media/events/files/ru/...pdf>. (дата обращения – 19.08.2021).

⁴³⁸ Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве. URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/499074151>.

развития отдельных государств, входящих в ШОС. В этой связи важно показать, как данные интернациональные приоритеты находят отражение в национальном законодательстве отдельных стран ШОС. Покажем это на примере Китая и Индии как динамично развивающихся в современных условиях в области науки и техники государств – членов ШОС.

В современной ситуации **Китай**, как один из ведущих участников данной региональной организации, может являться определенным ориентиром для других членов ШОС во многих сферах развития, в том числе в области научно-технологического развития.

На сегодня Китай представляет собой одно из активно развивающихся в научно-технологическом плане государств мира: динамично эволюционирует производство наукоемкой продукции; ежегодно увеличивается на 20% объем финансирования научных исследований; число исследователей в республике каждый год повышается в среднем на 9%, и за последние годы китайские ученые показали несколько крупных достижений в научно-технологической области (например, открыты высокотемпературная сверхпроводимость в материалах на основе железа, новый вид нейтринных осцилляций, квантовый аномальный эффект Холла, способ индукции плюрипотентных стволовых клеток и кристаллической структуры человеческого переносчика глюкозы GLUT1 и др.)⁴³⁹. В современном Китае активно развивается система внедрения результатов НИОКР⁴⁴⁰.

Необходимо отметить, что значимые достижения китайской науки во многом обоснованы действенной реализацией государственных программ, нацеленных на поступательное движение вперед в области науки и технологий, а также экономическими реформами, обеспечившими заметные темпы подъема национальной экономики и вероятность размеренного финансирования научно-технологической сферы.

Приоритетные направления научно-технологического развития КНР установлены в следующих основных нормативных стратегических документах:

---

⁴³⁹ Методическое пособие по участию российских научных организаций и университетов в международной научно-технической деятельности / А.Г. Пикалова, Е.Г. Насыбулина, А.В. Соколов и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 53.

⁴⁴⁰См. подробнее: Кузык Б.Н., Титаренко. М.Л. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006.

– Национальный средне- и долгосрочный план развития науки и технологий на период с 2000 по 2020 гг.;

– Государственная программа развития науки и технологий на 2006–2020 годы;

– 13-ая пятилетняя Государственная научно-техническая и инновационная программа;

– Стратегия «Решения по ускорению реформ научно-технической системы и построению национальной инновационной системы»;

– Программа «Дальнейшие реформы научно-технической системы и построение инновационной системы на основе предпринимательства».

В Национальном средне- и долгосрочном плане развития науки и технологий на период с 2000 по 2020 гг. сформулированы несколько *основных задач национальной научно-технической политики КНР*:

– увеличение внутренних затрат на исследования и разработки до 2.5% от ВВП;

– повышение отдачи от технологических достижений для экономического роста страны более чем на 60%;

– ослабление зависимого положения Китая от импорта технологий (импортируемые технологии должны обеспечивать не более 30% внутреннего рынка);

– увеличение количества зарегистрированных патентов;

– повышение уровня цитируемости китайских исследователей.

Данная программа предусматривает реализацию больших научных проектов, а также широкое внедрение промышленных инноваций и коммерциализацию ноу-хау⁴⁴¹.

Тематические приоритеты научно-технологического развития КНР, сформулированные в Государственной программе развития науки и технологий на 2006–2020 годы, являются следующими:

- *биотехнологии*;

- *информационно-коммуникативные технологии*;

- *морские технологии*;

- *лазерные технологии*;

- *аэрокосмические технологии*;

- *энергетика*;

- *новые материалы*;

- *передовое машиностроение и промышленное оборудование*.

---

⁴⁴¹Салицкая Е.А. Научно-технологический комплекс КНР: опыт развития // Наука. Инновации. Образование. 2013. № 14. С. 9.

Основной курс и тренды в области науки, техники и инноваций КНР зафиксированы в 13-ой пятилетней Государственной научно-технической и инновационной программе с целью осуществления стратегии инновационного развития государства. Большое внимание в программе уделяется повышению согласованности программ развития городских и сельских регионов, увязыванию процессов развития информатизации, индустрии, урбанизации и модернизации сельского хозяйства, ориентации на «зеленую» экономику, усилению интернационализации инноваций в области науки и техники, росту процессов коммерциализации и внедрения инновационно-технологических разработок посредством стимулирования широкой предпринимательской и инновационной активности. Большое значение в таком контексте приобретает мониторинг и экспертиза научно-технических проектов, а также воспроизводство научных кадров. В русле программ «Made in China 2025» и «Укрепление основ развития промышленности» предполагается продвигать в промышленное производство новые технологии, такие как «Интернет плюс», «Интернет вещей», «Большие данные». В этой связи также планируется расширение международного сотрудничества, которое будет основываться на принципах открытой научно-технической и инновационной политики и интеграции в глобальную инновационную сеть.

Программа «Made in China 2025» ориентирована на организацию более совершенной промышленной индустрии, которая будет готова создавать продукцию с высокой добавленной стоимостью, соизмеримую с товарами развитых экономик, а также на формирование и дальнейший рост внутренних производственных инноваций и создание локальных брендов. В этой связи предполагается осуществлять протекцию 10 базовым производственным отраслям (машинное оборудование и робототехника, регенеративная медицина, производство чипов, судостроение, железнодорожное сообщение, энергетическое оборудование, автомобили с использованием энергосберегающих технологий и новых источников энергии и др.)⁴⁴².

Общим координатором реализации данных программ является Министерство науки и технологий КНР, на которое возложены, в том числе, такие функции, как:

– разработка политики, стратегий, формирование приоритетных направлений развития в научно-технологической области; подготовка

---

⁴⁴² Индия vs. Китай: гонка инноваций уже началась // Вести. Экономика. 22.07.2015. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/60402>.

необходимых законодательных актов и регламентов осуществления научной и инновационной деятельности;

- координирование научных исследований и разработок в фокусе приоритетных направлений научно-технологического развития Китая;
- поддержка развития международного научно-технического сотрудничества, обмена лучшими практиками⁴⁴³.

Министерство науки и технологий КНР осуществляет выполнение указанных выше задач, применяя *программно-целевое управление*, основным инструментом которого являются *ключевые программы* (KeyPrograms):

- Национальная программа исследований и разработок в области ключевых технологий (NationalKeyTechnologies R&D Program);
- Национальная программа высокотехнологичных исследований и разработок (NationalHigh-Tech R&D Program);
- Национальная программа ключевых проектов в области фундаментальных исследований (National Programon Key Basic Research Projects);
- программы «Создания научно-исследовательских инфраструктур» (ConstructionofS&TInfrastructures) и «Создания научно-технологической промышленной среды» (Construction of S&T Industrial Environment)⁴⁴⁴.

В Китае динамично развивается программа «Умный город», представляющая собой градостроительную концепцию объединения ряда информационных и коммуникационных технологий и «Интернета вещей» с целью более эффективного управления муниципальной территорией. Предполагается также формирование некоторых промышленных союзов:

- Китайский стратегический альянс поддержки промышленных технологических инноваций «умных городов»;
- Китайский промышленный альянс «умных городов»;
- Альянс развития «умных городов».

В Китае в 2012 г. создан специализированный фонд развития малых и средних инновационных предприятий. Базовой институциональной формой инфраструктурной поддержки инновационного развития

---

⁴⁴³ Методическое пособие по участию российских научных организаций и университетов в международной научно-технической деятельности. С. 53-54.

⁴⁴⁴ China national medium and long-term plan for the development of science and technology // URL: itu.int...ITU...Cybersecurity...National...China_2006.pdf.

малого и среднего предпринимательства выступают зоны новых и высоких технологий, или технопарки⁴⁴⁵.

Ю.Г. Лаврикова, Е.Л. Андреева и А.В. Ратнер, сравнивая в своей работе научно-технологическое развитие Китая и России, отмечают следующие характерные для современной КНР черты:

– обладание необходимой ресурсной базой, в том числе человеческими ресурсами для осуществления экономического роста и научно-технологического прогресса;

– осознание приоритетности научно-технологического прогресса для поступательного и устойчивого развития и модернизации экономики, инновационного роста, усиления конкурентоспособности национальных товаров на внутреннем и международном рынках, адекватного встраивания в международное разделение труда; необходимость во внедрении научно-технологических разработок в современное производство, в том числе за счёт международной кооперации – все это нашло справедливое отражение в стратегических программных документах;

– специализация на мировом рынке Китая как производителя машин, оборудования и транспортных средств;

– трансформация КНР из мирового центра сборки изделий в высокотехнологичную экономику;

– активная практика внедрения и применение на мировом рынке китайских разработок⁴⁴⁶.

Программно-целевой подход в государственном регулировании научно-технической сферы и нормативное закрепление ее приоритетных направлений развития в стратегических программных документах позволяют Китаю интенсивно развиваться в инновационном плане и задавать определенный тон, служить лучшей практикой для других государств – членов ШОС.

Индия только в 2019 году стала полноправным членом ШОС, хотя взаимодействие государств в том числе по линии научно-технического сотрудничества происходило также в рамках межгосударственного объединения БРИКС. Однако, следует сказать, что Индия

---

⁴⁴⁵ Справка об инструментах поддержки инноваций и стимулировании спроса на инновации в КНР // Инновации: информационный портал Минэкономразвития России. URL: innovation.gov.ru/sites/.../gosudarstvennoe_regulirovanie_innovacionnoy-2.doc.

⁴⁴⁶ Лаврикова Ю.Г. Научно-технологическое развитие России и Китая: компаративный анализ и перспективы сотрудничества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 56.

наряду с Китаем, также является страной, интенсивно развивающейся в инновационном и научно-технологическом плане.

На законодательном уровне приоритеты развития науки и технологий Индии определяются следующими документами, отчасти носящими также как в и Китае *программный характер* регулирования данной сферы жизнедеятельности:

– Прогноз научно-технологического развития Индии на период до 2020 г., разработанный Советом по технологическому прогнозированию;

– Заявление о политике в области науки и технологий (2003 г.);

– Двенадцатый пятилетний план на 2012–2017 гг.;

– Научно-техническая и инновационная политика Индии (принята в 2013 г.);

– Десятилетие инноваций 2010–2020 гг.;

– Доклады Консультативного научного комитета кабинету министров Индии и указы соответствующих министерств.

Необходимо отметить, что современная научно-технологическая политика Индии отличается преемственностью и социальной ориентированностью, а также тем, что государство играет главную роль в научно-технологическом развитии страны и является крупнейшим инвестором в данной сфере.

В 2014 г. премьер-министр Индии Нарендра Мори выдвинул инициативу «Делайте в Индии (Made in India)», предусматривающую «превращение страны в глобальный инжиниринговый и промышленный хаб»⁴⁴⁷. Данные программы были приняты в свое время во многих государствах, в том числе, как упоминалось уже выше, и в Китае.

Современные приоритетные направления развития научно-технологической сферы в Индии, зафиксированные в научно-технической и инновационной политике Республики, в общем и целом, соотносятся с приоритетами Китая в данной области, а также с обозначенными выше приоритетами государств – членов ШОС. Такими приоритетными направлениями являются:

– науки о космосе и космические технологии;

– ядерная физика и атомные технологии;

– нанотехнологии;

– биотехнологии;

– здравоохранение и разработка лекарственных препаратов;

---

⁴⁴⁷Кириченко И.В. Индия: актуальная инновационная политика // Азия и Африка сегодня. 2018. №11. С. 38.

- сельское хозяйство и сельскохозяйственные технологии;
- ИКТ, в том числе высокопроизводительные вычисления;
- энергобезопасность и возобновляемые источники энергии (солнечная энергетика);
- питьевая вода и управление водными ресурсами;
- промышленность и энергетика, технологии производства;
- транспорт;
- пищевая промышленность;
- освоение океана;
- автомобилестроение – электромобили и гибридные электромобили;
- окружающая среда и изменение климата⁴⁴⁸.

Общность приоритетов и интересов в сфере науки и технологий Индии с такими локомотивами развития сотрудничества в ШОС, как Россия и Китай, позволила, на наш взгляд, перейти Индии из статуса наблюдателя в категорию стран-участниц ШОС.

Сравнивая научно-технологическое развитие Китая и Индии, можно выделить *общие* для них направления развития научно-технической сферы как-то: *биотехнологии, ИКТ, морские технологии, космические технологии, энергетика, машиностроение*. Специфичными, например, для Индии являются такие направления как *ядерная физика и атомные технологии*, что связано с актуальным вопросом развития данного вида источников энергии в этой стране, а также *питьевая вода и управление водными ресурсами, пищевая промышленность*, что обусловлено проблемой нехватки чистой пресной воды и продуктов питания в некоторых штатах Индии.

Как указывает Т.В. Никифорова, сотрудничество между Индией и Китаем приведет к «азиатскому веку информационных технологий». В этом сотрудничестве КНР проявляет интерес в совместной работе с Индией в сфере космических исследований, а именно в использовании данных космического компьютерного мониторинга для сельского хозяйства и экологических программ. Также Китай заинтересован в индийских технологиях изготовления микрочипов, геномной инженерии,

---

⁴⁴⁸ Методическое пособие по участию российских научных организаций и университетов в международной научно-технической деятельности. С. 57.

биологических исследований, исследований материалов, оптической и радиоастрономии⁴⁴⁹.

При сравнительном анализе научно-технологического развития Китая и Индии также можно наблюдать схожие тренды в развитии нормативно-программной базы научно-технологического развития двух стран. В Китае и Индии разработан целый пакет нормативно-правовых документов стратегического характера на основе программно-целевого подхода в управлении сферой науки и технологий. Имеется ряд государственных программ, ориентированных на прорывное научно-технологическое развитие в обоих государствах. Регулирование научно-технологической сферы является компетенцией государственных структур.

В определении приоритетных направлений в сфере научно-технического сотрудничества Китая и Индии как государств – членов ШОС, а также их соотношении с приоритетами в сфере научно-технического сотрудничества государств – членов ШОС, закрепленных в Соглашении о МНТС государств – членов ШОС, как нам представляется, можно выделить несколько ведущих факторов.

Объективным фактором, несомненно, является «привязка» данных критериев к актуальным, проблемным и в то же время представляющим совместный интерес областям жизнедеятельности в государствах – членах ШОС.

Следующим фактором может являться ответ на потребность в новых технологиях со стороны базовых отраслей национальных экономик, являющихся основным драйвером научно-технологического развития в государствах – членах ШОС. В этой связи государства участники региональной организации должны ориентироваться на глобальную научно-техническую и инновационную повестку, на мониторинг исследований и разработок мирового уровня в научно-технологической сфере, использование передовых научных знаний и технологий в национальном производственном секторе, а также экспорт собственной инновационной высокотехнологичной продукции в другие страны.

Еще одним фактором мы считаем общую стратегию государств – членов ШОС на устойчивое развитие и адекватную реакцию на соответствующие угрозы национальной безопасности. Так, учитывая

---

⁴⁴⁹ Никифорова Т.В. Научно-исследовательская деятельность в Индии: особенности государственного регулирования // Вестник РУДН. Серия «Экономика». 2009. №2. С. 66.

приобретающие в современном мире особую актуальность для стран ШОС вопросы продовольственной безопасности, одним из приоритетных направлений сотрудничества государств – членов региональной организации является сельское хозяйство. И в качестве ответов на данные вызовы, например, планируется реализация сетевых высокотехнологичных программ по производству и переработке сельскохозяйственной продукции, использование инновационных технологий в аграрном комплексе, в том числе в продовольственном секторе и т.п.

Отмеченные приоритеты и научно-технические области для сотрудничества являются, с одной стороны, базовыми направлениями, а с другой стороны, носят общий характер, и в рамках того или иного направления могут разрабатываться более узкие темы. Также следует отметить, что указанный перечень приоритетных направлений не является закрытым и возможны другие взаимосогласованные области сотрудничества.

Предметные приоритеты МНТС государств – членов ШОС определяются исходя из долгосрочных трендов и общемировой линии развития определенных областей науки и отраслей экономики, потенциала государств – членов ШОС, наличия необходимых ресурсов и иных факторов.

Содержание и формы МНТС государств – членов ШОС видоизменяются в зависимости от географического положения стран, интересов каждого и взаимных интересов, степени их развития в сфере науки и технологий, инновационного потенциала, ресурсной базы, конкурентных преимуществ научно-технологического потенциала отдельных стран и других обстоятельств.

Также международное научно-технологическое сотрудничество государств – членов ШОС должно принимать во внимание глобальную геоэкономическую картину и ее выражение в мировой торговле и производстве, а также такие факторы научно-технологического сотрудничества участников данного регионального объединения, как место стран в глобальном инновационном развитии, близкие национальные приоритеты научно-технологического развития и аналогичные виды программных документов. Применение подобных подходов позволит максимально имплементировать национальные приоритеты научно-технологического сотрудничества государств – членов ШОС в наднациональный уровень регулирования данной сферы сотрудничества.

3.2. Система правовых принципов международного научного и научно-технического сотрудничества: теоретические основы и реализация в ШОС

Развитие и углубление научного и научно-технического сотрудничества между государствами играет важную роль в решении глобальных задач, стоящих перед человечеством. Разработка фундаментальных научных проблем, открытие новейших технических горизонтов требуют существенных материальных и организационных затрат, которые подчас непосильны или обременительны для одного государства. Объединение усилий позволяет существенно экономить как время, затрачиваемое на разработку аналогичных существующим технологиям, так и средства, которые необходимы для создания инфраструктуры, используемой при проведении масштабных научных исследований. Кроме того, происходит объединение лучших умов для решения актуальных технических задач и продвижения результатов фундаментальных научных исследований. Многие государства прилагают усилия для развития на паритетной основе международного научного и научно-технического сотрудничества в рамках региональных межгосударственных объединений.

Следует отметить, что современные исследования, охватывающие различные аспекты международного научного и научно-технического сотрудничества, затрагивают преимущественно экономические, социальные или политические вопросы такого взаимодействия. При этом важная роль правовой регламентации научного и научно-технического сотрудничества безосновательно игнорируется.

В этой связи особую роль выполняют принципы правового регулирования научного и научно-технического сотрудничества. Они не только закладывают фундамент для последующей разработки международно-правовой нормативной базы, но могут служить основными началами для национального законодательства государств-членов региональных международных организаций по вопросам правового регулирования научного и научно-технического сотрудничества. Помимо этого, в литературе по международному праву отмечается, что принципы права выступают в качестве юридического средства, с помощью которого могут быть устранены пробелы, возникающие в случаях отсутствия норм, регулирующих соответствующие отношения (*nonliquet*)⁴⁵⁰. Предварительно заметим, что в наднациональном

---

⁴⁵⁰ShowM.N. *International law*, Cambridge, 2008, p. 98.

правовом регулировании международного научного и научно-технического сотрудничества встречается немало пробелов, в связи с чем значение принципов такого сотрудничества становится практически важным.

Качественное развитие системы правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества в общемировом масштабе во многом определяется степенью её разработанности на региональном уровне сотрудничества. Представляется, что построение единой глобальной системы международного научного и научно-технического партнерства сдерживается нарастающим трендом многополярности в социально-экономической и политической сферах жизни мирового сообщества. В подобных геополитических условиях научное и научно-техническое сотрудничество начинает активно развиваться, прежде всего, в рамках региональных международных организаций, объединяющих государства на основе общности интересов и актуализации взаимовыгодных направлений развития науки и техники.

В последние годы научное и научно-техническое сотрудничество активно развивается в рамках региональных объединений развивающихся стран, к которым относятся такие крупные государства как Россия и Китай. В перспективе развитие научного и научно-технического партнерства в региональных организациях с участием данных стран способно составить достойную конкуренцию западноевропейским объединениям в аналогичной сфере.

По нашему мнению, большой потенциал заложен в развитии научных и научно-технических связей в рамках ШОС, участниками которой наряду с другими странами является Россия и Китай. Однако данное направление сотрудничества между государствами-членами ШОС только начинает формироваться. В связи с этим, представляется необходимым обратиться к опыту правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества других региональных организаций со схожим составом государств-участников, с более длительным периодом сотрудничества и более высокой степенью научной и научно-технической интеграции. Примером такой организации является Содружество независимых государств (далее - СНГ), которое объединяет, помимо прочих, пять государств, являющихся одновременно членами ШОС (Россия, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан).

Вышеприведенные региональные организации не только активно развивают сотрудничество между собой, но и выстраивают диалог с другими ведущими региональными объединениями. В частности, согласно Меморандуму о взаимопонимании между секретариатами ШОС и АСЕАН 2005 г. к возможным сферам взаимодействия указанных организаций отнесены экономика и финансы, энергетика, включая вопросы гидроэнергетики и биотоплива, туризм, окружающая среда и использование природных ресурсов, социальное развитие⁴⁵¹. Кроме этого, опыт Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (далее - АСЕАН) в развитии правового регулирования регионального научного и научно-технического сотрудничества может оказаться полезен в связи с тем, что одним из членов АСЕАН является Сингапур - центр высоких технологий Юго-Восточной Азии, сумевший совершить быстрый скачок экономики до уровня развитых стран, в том числе за счет активного развития наукоемких отраслей промышленности.

Как правило, в текстах международных договоров принципы правового регулирования сотрудничества раскрываются применительно к соответствующей сфере взаимодействия договаривающихся сторон. Так, Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г.⁴⁵², Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г.⁴⁵³, Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма 2005 г.⁴⁵⁴ содержат разделы, посвященные принципам международного сотрудничества. Вместе с тем, указанные разделы малообъемны и ограничиваются кратким и абстрактным описанием общих начал сотрудничества. Однако в сфере международного научного и научно-технического сотрудничества специальные соглашения, посвященные именно принципам, отсутствуют. Тем не менее, необходимо отметить, что научная

---

⁴⁵¹ Меморандум о взаимопонимании между секретариатами ШОС и АСЕАН 2005 г. // <http://rus.sectscsco.org/cooperation/#4> (дата обращения 31.01.2019г.).

⁴⁵² Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г. // <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007bd4a> (дата обращения 25.12.2018г.).

⁴⁵³ Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. // <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/173> (дата обращения 25.12.2018г.).

⁴⁵⁴ Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма 2005 г. // <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168008371f> (дата обращения 25.12.2018г.).

коллаборация так или иначе регламентируется нормами международного права, составляющими основные начала правового регулирования указанной сферы международного взаимодействия.

По нашему мнению, следует говорить о трех уровнях такого регулирования, в основе каждого из которых заложены определенные правовые принципы.

Первый уровень составляют основные принципы международного права (*lex generalis*). Они закреплены в Уставе Организации Объединенных Наций (Устав ООН) (ст. 2) и Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г. (Декларация 1970 г.). Будучи сформулированными достаточно абстрактно, эти принципы являются авторитетным признанием творческой функции судов, которые могут их применять⁴⁵⁵.

Ко второму уровню следует отнести отраслевые принципы международного права (*lex specialis*). В науке международного права принято выделять принципы международного космического права, принципы международного экологического права, международного морского права, международного гуманитарного права и прочее⁴⁵⁶. Не является исключением и сфера международного научного и научно-технического сотрудничества. Хотя в настоящее время данное направление международного права недостаточно изучено и регламентировано, все же анализ нормативных договоров и актов в данной области позволяет говорить о наличии отраслевых начал правового регулирования данных отношений.

Третий уровень представлен внутриотраслевыми принципами правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества. Данные принципы закрепляют юридическую основу нормативной регламентации отдельных направлений и компонентов научной и научно-технической коллаборации. Это принципы *lex internus*.

---

⁴⁵⁵Brierly J.L. (H. Waldock ed.) *The Law of the Nations: An Introduction to the International Law of Peace* (Oxford: Clarendon, 1963). P. 63.

⁴⁵⁶ Кузнецова О.А. Общепризнанные принципы и нормы международного права в гражданском праве: от перечня к системе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 2 (4). С. 113; Международное право: учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов и др.; отв. ред. С.А. Егоров. М.: Статут, 2015. С. 51, 52, 68; George K. Walker *Principles for Collective Humanitarian Intervention to Succor Other Countries' Imperiled Indigenous Nationals*, *American University International Law Review*, 2002, Vol. 18.

2.3.1. Основные принципы международного права (lex generalis)

Как обоснованно отмечает профессор Вольфганг Граф Витцтум: «Основные принципы международного права закреплены в Уставе ООН и стали обязательными для всех. Кроме того, они нашли свое воплощение, прежде всего в части традиционного права на сосуществование, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН... Они способствуют разъяснению сущности и действия международного права»⁴⁵⁷.

Безусловно, далеко не все основные принципы международного права оказывают непосредственное или достаточно значимое воздействие на сферу международного научного и научно-технического сотрудничества. Из всех перечисленных в статье 2 Устава ООН и Декларации 1970 г. принципов определенное отношение к рассматриваемой сфере имеют:

- принцип добросовестного выполнения государствами, принятых на себя обязательств;
- принцип суверенного равенства государств;
- принцип уважения прав человека;
- принцип сотрудничества государств.

Несмотря на универсальный характер вышеприведенных принципов, возникает вопрос об их проецировании на сферу правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества.

Принцип суверенного равенства государств согласно Декларации 1970 г. включает в себя несколько элементов, однако, применительно к взаимодействию в области науки и техники, обратим внимание только на некоторые из них. Прежде всего, рассматриваемый принцип предполагает юридическое равенство государств. В литературе по этому поводу отмечается, что, вступая в договорные отношения, государства могут создавать по отношению друг к другу права и обязанности, которых нет у других государств, а также могут на добровольной

---

⁴⁵⁷ Международное право = *Volkerrecht* / Вольфганг Граф Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер и др.; пер. с нем. Т. Бекназара, А. Насыровой, Н. Спица; науч. ред. Т.Ф. Яковлева; пред., сост. В. Бергманн. М.: Инфотропик Медиа, 2011. Серия «Германская юридическая литература: современный подход». Кн. 2. С. 47.

основе ограничить свои права⁴⁵⁸. Принцип суверенного равенства актуален и в связи с участием государств в международных организациях⁴⁵⁹. Данный принцип упоминается в региональных соглашениях по вопросам научного и научно-технического сотрудничества. В частности, он упоминается в преамбуле Соглашения между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве.

Принцип добросовестного выполнения государствами, принятых на себя обязательств (*pactasuntservanda*) в его широком понимании, содержащимся в Декларации 1970 г. предполагает не только соблюдение государствами обязательств, вытекающих из Устава ООН, но и означает, что правила и обязательства, содержащиеся в ратифицированных международных соглашениях, считаются необходимыми к исполнению, подлежат различным защитах или исключениям и не должны игнорироваться при изменении предпочтений⁴⁶⁰. Указанный принцип находит, например, свое отражение в ч. 2 ст. 7 Соглашения о создании общего научно-технологического пространства государств – участников Содружества Независимых Государств⁴⁶¹.

Принцип уважения прав человека, хотя прямо не закреплен в Уставе ООН и не упомянут в Декларации 1970 г., однако, пронизывает практически все основные международные документы о правах человека. Из содержания данного принципа вытекает и сформулированный во Всеобщей декларации прав человека запрет на дискриминацию (ст. 7)⁴⁶². Региональное научное и научно-техническое сотрудничество воспринимает указанный принцип. Так, план действий АСЕАН в области науки, технологий и инноваций (APASTI) на 2016–2025 годы предусматривает ряд положений, направленных на преодоление дискриминации в сфере науки. Одна из основных целей APASTI состоит в создании инновационной экономики, в том числе, за счет более

---

⁴⁵⁸ Международное право: учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов и др.; отв. ред. С.А. Егоров. М.: Статут, 2015. С. 52.

⁴⁵⁹ Brownlie I. *Principles of Public International Law*, Oxford, 2008, p. 291.

⁴⁶⁰ Kenneth W. Abbott, Robert O. Keohane, Andrew Moravcsik, Anne-Marie Slaughter, Duncan Snidal, *The Concept of Legalization, International Law and International Relations*, Cambridge, 2007, p. 122.

⁴⁶¹ Соглашение о создании общего научно-технологического пространства государств – участников Содружества Независимых Государств 1995 г. // <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=502> (дата обращения 25.12.2018г.).

⁴⁶² Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 25.12.2018г.).

активного привлечения в науку молодежи и женщин⁴⁶³. Еще одно проявление принципа уважения прав человека в сфере науки можно обнаружить через призму ст. 27 Всеобщей декларации прав человека. В ней, помимо прочего, закрепляется право каждого свободно участвовать в научном прогрессе и право на защиту моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных трудов авторов. Таким образом, заключая соглашения в сфере научного и научно-технического сотрудничества, договаривающиеся государства должны уважать и обеспечивать соблюдение прав ученых, вовлеченных в международные научные и технологические проекты.

Принцип сотрудничества государств в литературе по международному праву рассматривается в качестве связующего звена между иными основными принципами международного права⁴⁶⁴. Декларация 1970 г. подчеркивает необходимость сотрудничества в области науки и техники и содействия прогрессу в мире в области культуры и образования. Данный принцип представляется особенно актуальным для региональных объединений развивающихся государств, которые во многом благодаря совместным усилиям способны за счет развития инноваций в рамках международного научного и научно-технического сотрудничества обеспечить себе устойчивый экономический рост. В частности, в Соглашении между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве, заключённом в Бишкеке 13 сентября 2013 года, предусматривается развитие такого сотрудничества (ст. 1, 2) и обеспечение охраны прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные в ходе научно-технического сотрудничества⁴⁶⁵.

Таким образом, основные принципы международного права (*lex generalis*) составляют первый (базовый) уровень правового регулирования регионального научного и научно-технического сотрудничества, находят свое отражение в ряде международных договоров и актов по вопросам международного научного и научно-технического

---

⁴⁶³ План действий АСЕАН в области науки, технологий и инноваций (APASTI) на 2016–2025 годы // <https://asean.org/wp-content/uploads/2017/10/01-APASTI-2016-2025-FINAL.pdf> (дата обращения 25.12.2018г.).

⁴⁶⁴ Международное право: учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов и др.; отв. ред. С.А. Егоров. М.: Статут, 2015. С. 68.

⁴⁶⁵ Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве 2013 г. // <http://rus.sectsc.org/documents/> (дата обращения 25.12.2018г.).

сотрудничества и задают вектор развития и конкретизации отраслевых и внутриотраслевых принципов.

2.3.2. Отраслевые принципы правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества (lexspecialis)

Актуализация проблематики регионального международного научного и научно-технического сотрудничества на первый план выдвигает вопросы его правового регулирования и оформления соответствующих отношений. Поскольку наднациональное правовое регулирование рассматриваемых отношений осуществляется преимущественно на макрорегиональном уровне, интерес представляет установление принципов международного научного и научно-технического сотрудничества на уровне региональных международных организаций. Однако количество, содержание, юридическое качество и даже толкование принципов отличаются разнообразием.

По нашим наблюдениям, ряд отраслевых принципов международного экономического права гармонично встраиваются в систему правового регулирования международной научной коллаборации. В частности, речь идет о таких принципах как принцип свободы выбора форм организации внешнеэкономических связей; принцип взаимной выгоды; принцип предоставления национального режима⁴⁶⁶. Проявление указанных принципов можно обнаружить в международных соглашениях о научном и научно-техническом сотрудничестве рассматриваемых региональных организаций. Так, принцип свободы выбора форм организации внешнеэкономических связей, подстраиваясь под сферу научного и научно-технического сотрудничества, трансформируется в принцип свободы выбора форм организации научных связей и описывается в ст. 8 Соглашения о создании общего научно-технологического пространства государств-участников Содружества Независимых Государств 1995 г. (стороны сохраняют за собой право самостоятельного и независимого определения форм и условий научно-технологических отношений)⁴⁶⁷; ст. 2 Соглашения между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества и научно-техническом сотрудничестве 2013 г. не только содержит

---

⁴⁶⁶ Международное право: Учебник для бакалавров / Отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М.: Статут, 2017. С. 370-371.

⁴⁶⁷ Соглашение о создании общего научно-технологического пространства государств – участников Содружества Независимых Государств 1995 г. // <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=502> (дата обращения 25.12.2018г.).

открытый перечень форм международного научно-технического сотрудничества, но и возможность выбора как двусторонней, так и многосторонней основы сотрудничества. Примером закрепления принципа взаимной выгоды могут служить положения Соглашения о создании общего научно-технологического пространства государств-участников Содружества Независимых Государств 1995 г., устанавливающие, что участие... в программах и проектах многостороннего сотрудничества заинтересованных стран, осуществляется на взаимовыгодной и добровольной основе.

Также в соглашениях региональных организаций по вопросам научного и научно-технического сотрудничества может закрепляться принцип предоставления национального режима. Например, ст. 2 Соглашения о создании общего научно-технологического пространства государств-участников Содружества Независимых Государств 1995 г. предусматривает взаимное предоставление национального режима для научно-исследовательских организаций, ученых и специалистов государств-участников данного Соглашения на рынках научно-технологических товаров и услуг, а также при участии в конкурсах на открытые государственные заказы. Рамочное соглашение АСЕАН об услугах 1995 г., которое охватывает, в том числе, сферу научных исследований и технологического развития, также вводит равный национальный режим для поставщиков услуг в АСЕАН (ст. 5)⁴⁶⁸.

Отдельные авторы выделяют принципы, предназначенные специально для правового регулирования международного научно-технического сотрудничества: принцип свободы научных исследований; принцип свободы выбора формы организации научно-технических связей; принцип сотрудничества в применении достижений научно-технического прогресса; принцип научно-технического содействия, равноправия и недискриминации в научно-технических связях; принцип эквивалентности при обмене научно-техническими достижениями; принцип взаимности⁴⁶⁹.

Представляется, что не все вышеприведенные принципы следует признать отраслевыми принципами международного научного и научно-технического сотрудничества. Так, принципы сотрудничества

---

⁴⁶⁸ Рамочное соглашение АСЕАН об услугах 1995 г. // https://asean.org/?static_post=asean-framework-agreement-on-services (дата обращения 09.01.2019г.).

⁴⁶⁹ Борисов К.Г. Основы международно-правового регулирования многостороннего научно-технического прогресса государств мирового сообщества: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.

и взаимности, как уже обосновывалось ранее, являются проявлениями реализации основных принципов международного права (*lex generalis*).

Международные документы по вопросам научного и научно-технического сотрудничества отдельных региональных организаций (СНГ, АСЕАН, ШОС), как правило, не содержат четко сформулированных отраслевых принципов правового регулирования соответствующих отношений. Однако в некоторых документах СНГ можно обнаружить перечни принципов, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой сфере.

В рекомендательном законодательном акте «Об основных принципах сотрудничества государств - участников СНГ в сфере науки и научно-технической деятельности» 1995г. перечислены такие принципы сотрудничества в области науки и научно-технической деятельности как: совпадение долговременных интересов и целей, связанных с необходимостью объединения усилий в деятельности государств участников СНГ; взаимное уважение сторонами государственных интересов, особенностей и традиций каждого из участников; признание международных правовых норм; равноправное участие в совместном решении проблем, представляющих интерес для сотрудничающих государств и организаций; обеспечение взаимной выгоды от сотрудничества по государственной и негосударственной линиям; взаимная ответственность сторон; учет особенностей современного этапа социально-экономического развития государств - участников СНГ⁴⁷⁰. Однако в данном документе преимущественно отражены либо *lex generalis* (например, принцип признания международных правовых норм), либо межотраслевые принципы (например, принцип обеспечения взаимной выгоды, который характерен, в том числе и для международного экономического права).

Решение об Основных направлениях долгосрочного сотрудничества государств – участников СНГ в инновационной сфере 2009 г.⁴⁷¹ и Программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года⁴⁷² также называют ряд принципов,

---

⁴⁷⁰ Рекомендательный законодательный акт «Об основных принципах сотрудничества государств - участников СНГ в сфере науки и научно-технической деятельности» 1995г. // <http://docs.cntd.ru/document/8310762> (дата обращения 09.01.2019г.).

⁴⁷¹ Решение об Основных направлениях долгосрочного сотрудничества государств – участников СНГ в инновационной сфере 2009 г. <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=2729> (дата обращения 09.01.2019г.).

⁴⁷² Программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года <http://www.e-cis.info/index.php?id=779> (дата обращения 09.01.2019г.).

имеющих непосредственное отношение к сфере научного и научно-технического сотрудничества: самостоятельность, равенство, соблюдение национальных интересов, обеспечение оптимальной пропорциональности на основе выделения ведущих звеньев; взаимодополняемость региональной Программы по отношению к национальным программам в научно-технической и инновационной сферах; совместимость и согласованность с основными международными программами инновационного развития.

С позиции функций правового регулирования не все принципы, указанные в Программе инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года, следует рассматривать в качестве отраслевых основных начал юридической регламентации международного научного и научно-технического сотрудничества. Большая часть из них носят организационно-управленческий характер (например, комплексность; научная обоснованность; системность; единство целеполагания; гласность; адекватность; объективность; конкурентность; прозрачность). К юридическим принципам в чистом виде следует отнести, пожалуй, только принципы самостоятельности, равенства, соблюдения национальных интересов. При этом принципы самостоятельности и равенства по своему содержанию относятся к принципам первого уровня (*lex generalis*), а принципы обеспечения оптимальной пропорциональности на основе выделения ведущих звеньев, взаимодополняемости региональной программы по отношению к национальным программам в научно-технической и инновационной сферах, совместимости и согласованности с основными международными программами инновационного развития охватывают исключительно вопросы региональных программ развития в научно-технической и инновационной сферах, поэтому их следует рассматривать в качестве принципов третьего уровня (внутриотраслевые принципы).

Отдельного внимания заслуживает такой отраслевой принцип как принцип соблюдения национальных интересов. На примере данного принципа представляется возможным подробно проследить его конкретизацию в текстах международных актов по вопросам международного научного и научно-технического сотрудничества.

В рамках ШОС применение принципа соблюдения национальных интересов проявляется в Соглашении между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве 2013 г.: в соответствии с национальным законодательством государств-членов ШОС осуществляется развитие

научно-технического сотрудничества (ст. 1, 2), обеспечивается охрана прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные в ходе научно-технического сотрудничества.

Соглашение о создании общего научно-технологического пространства государств-участников Содружества Независимых Государств 1995 г. в некоторой степени сужает применение принципа соблюдения национальных интересов: отмена в рамках Содружества таможенных ограничений при обмене результатами научных исследований, экспериментальными и опытными образцами и технологиями, передаче научной литературы, научно - технической информации, приборов, экспериментального оборудования, реактивов и других материалов для научно-исследовательских работ; взаимное предоставление национального режима для научно - исследовательских организаций, ученых и специалистов государств - участников настоящего Соглашения на рынках научно-технологических товаров и услуг, а также при участии в конкурсах на открытые государственные заказы (ст. 2); скоординированные меры по подготовке соответствующих национальных нормативно-правовых актов (ст. 8). Вместе с тем, общее научно-технологическое пространство СНГ предусматривает предоставление каждому государству-участнику Соглашения возможности использования научно-технологических пространств, рынков научно-технологических товаров и услуг других участников Соглашения, в соответствии с национальными законодательствами Сторон (ст. 1). Последнее положение наглядно демонстрирует, что принцип соблюдения национальных интересов сохраняет свою актуальность и в случае высокой научной и научно-технической интеграции между государствами-участниками региональных организаций

Принцип соблюдения национальных интересов учитывается также в сфере обмена научной и научно-технической информации. Так, в Соглашении о сотрудничестве в сфере межгосударственного обмена научно-технической информацией 2014 г. отмечается, что с учетом интересов национальных систем научно-технической информации формируются проекты программ совместной деятельности в сфере межгосударственного обмена научно-технической информацией (ст. 5)⁴⁷³.

---

⁴⁷³ Соглашение о сотрудничестве в сфере межгосударственного обмена научно-технической информацией 2014 г. // <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=4907> (дата обращения 09.01.2019г.).

В рамках АСЕАН отражение принципа соблюдения национальных интересов можно обнаружить в некоторых положениях Плана действий АСЕАН в области науки, технологий и инноваций (APASTI) на 2016–2025 годы. В частности, обмен и мобильность ученых и исследователей как из государственных научно-технических учреждений, так и из частного сектора осуществляется согласно законам, правилам, положениям и национальной политике государств-членов АСЕАН. Использование космического пространства в мирных целях и сотрудничество в таких областях, как передача технологий, совместные технологические исследования и разработки, усилия по наращиванию потенциала в области космических технологий и их применения осуществляются в соответствии с международными законами, национальным законодательством и правилами государств-участников⁴⁷⁴.

Таким образом, второй уровень правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества составляют следующие отраслевые принципы (*lexspecialis*): принцип свободы выбора форм организации научных связей; принцип взаимной выгоды от участия в программах и проектах международного научного и научно-технического сотрудничества; принцип предоставления национального режима для субъектов, участвующих в реализации совместных научных и научно-технических проектов; принцип свободы научных исследований; принцип научно-технического содействия, равноправия и недискриминации в научно-технических связях; принцип эквивалентности при обмене научно-техническими достижениями; принцип соблюдения национальных интересов при участии в международном научном и научно-техническом сотрудничестве.

При этом в зависимости от степени взаимной интеграции государств-участников региональных организаций, некоторые принципы могут не применяться. Например, принцип предоставления национального режима используется в СНГ и АСЕАН, но отсутствует в ШОС.

2.3.3. Внутриотраслевые принципы правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества (*lexinternus*)

В современной литературе недостаточно внимания уделяется вопросам структурирования принципов международного права. В

---

⁴⁷⁴ План действий АСЕАН в области науки, технологий и инноваций (APASTI) на 2016–2025 годы // <https://asean.org/wp-content/uploads/2017/10/01-APASTI-2016-2025-FINAL.pdf> (дата обращения 25.12.2018г.).

большинстве работ выделяются только основные (*lex generalis*) и отраслевые (*lex specialis*) принципы международного права. Последние иногда именуют внутриотраслевыми принципами, подразумевая то, что эти основные начала регулируют отношения, не выходя за пределы одной отрасли международного права, т.е. противопоставляются межотраслевым принципам, которые применяются в целях правового регулирования нескольких отраслей международного права⁴⁷⁵.

Вместе с тем, оправданным представляется учитывать институциональный аспект, заключающийся в том, что сфера международного научного и научно-технического сотрудничества включает несколько основных компонентов (институтов), составляющих внутреннее содержание отрасли, в каждом из которых можно выделить собственные основные начала правового регулирования соответствующих отношений, именуемые, по нашему предложению, *lex internus*.

Думается, такими основными компонентами можно считать:

- обмен научной и научно-технической информацией;
- финансирование научного и научно-технического сотрудничества;
- права на результаты научной деятельности и технологии, полученные по результатам научного и научно-технического сотрудничества;
- разработка программ международного научного, технологического и инновационного развития;
- статус субъектов совместной международной научной и научно-технической деятельности.

К сожалению, не все вышеуказанные компоненты должным образом развиты и регламентированы в документах региональных международных организаций. Примером такой организации является ШОС, которой ещё предстоит развивать научное и научно-техническое сотрудничество по данным направлениям. Однако это обусловлено объективными причинами, т.к. ШОС объединяет, в том числе, государства, не имеющие длительной истории тесного научного и научно-технического взаимодействия, а нормативная база для его развития стала формироваться только с 2013 г. (принятие Соглашения между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве 2013 г.).

---

⁴⁷⁵ Орехов О.С. Свобода усмотрения государств как внутриотраслевой принцип права международной защиты прав человека // *Международное публичное и частное право*. 2017. № 3. С. 3 - 6.

Поэтому внутриотраслевые принципы юридической регламентации научной и технологической коллаборации, нашедшие свое отражение в деятельности региональных организаций с более длительной историей сотрудничества, могут служить хорошим примером конструктивного развития правового регулирования соответствующих компонентов научного и научно-технического сотрудничества между государствами-участниками ШОС.

Правовое регулирование обмена научной и научно-технической информацией весьма подробно закреплено в документах СНГ. Основными актами в данной области являются Соглашение о межгосударственном обмене научно-технической информацией 1992 г.⁴⁷⁶, Соглашение о свободном доступе и порядке обмена открытой научно-технической информацией государств - участников СНГ 1998 г.⁴⁷⁷ и Соглашение о сотрудничестве в сфере межгосударственного обмена научно-технической информацией 2014 г.⁴⁷⁸.

В литературе отмечается, что Соглашение о сотрудничестве в сфере межгосударственного обмена научно-технической информацией 2014 г. основывается на следующих принципах:

- реализация согласованной научно-технической политики, поддерживающей взаимодействие национальных информационных систем;
- сохранение, развитие и эффективное использование существующей информационной инфраструктуры и информационных ресурсов государств-участников СНГ;
- взаимовыгодный межгосударственный обмен информацией и экономическая целесообразность участия государств-участников СНГ в межгосударственной научно-технической деятельности⁴⁷⁹.

---

⁴⁷⁶ Соглашение о межгосударственном обмене научно-технической информацией 1992 г. // <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=114> (дата обращения 09.01.2019г.).

⁴⁷⁷ Соглашение о свободном доступе и порядке обмена открытой научно-технической информацией государств - участников СНГ 1998 г. // <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=812> (дата обращения 09.01.2019г.).

⁴⁷⁸ Соглашение о сотрудничестве в сфере межгосударственного обмена научно-технической информацией 2014 г. // <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=4907> (дата обращения 09.01.2019г.).

⁴⁷⁹ Gonnova S.M., Yu.E. Sheremet, E.Yu. Razuvaeva, M.Yu. Rebkovets, *Adapting the CIS Cooperation Formats to the Modern Context Based on Scientific and Technological Policy Coordination, Scientific and Technical Information Processing*, 2017, Vol. 44, No. 4, pp. 236–246.

В целом, разделяя данную точку зрения, отметим, что данный перечень может быть дополнен.

Анализ вышеуказанных соглашений позволяет сформулировать следующие принципы правового регулирования обмена научной и научно-технической информацией:

- принцип свободного доступа к источникам научной и научно-технической информации;

- принцип совместного и взаимовыгодного использования накопленной научной и научно-технической информации;

- принцип добровольного участия в программах и проектах развития межгосударственного обмена научно-технической информацией;

- принцип полного формирования и эффективного использования ресурсов научной и научно-технической информации.

Финансирование научного и научно-технического сотрудничества также подчиняется некоторым внутриотраслевым принципам. В Плане действий АСЕАН в области науки, технологий и инноваций (APASTI) на 2016–2025 годы отражены такие принципы как:

- принцип совместного несения расходов на реализацию проектов и мероприятий международного научного и научно-технического сотрудничества (cost-sharing). Данный принцип также подразумевает, что прибыль от участия в проекте определяется пропорционально понесенным расходам на реализацию проекта. Кроме того, указанный принцип означает, что в случаях предоставления частным инвесторам права финансирования международных научных и технологических проектов в качестве доли участия соответствующих государств, таким инвесторам предоставляется первоочередное право на получение прибыли от проекта (Приложение 7);

- принцип целевого использования средств, предоставленных для финансирования научного и научно-технического сотрудничества (Приложение 5);

- принцип равного участия в финансировании научного и научно-технического сотрудничества (Приложение 6);

- принцип запрета предоставления вкладов на финансирование научного и научно-технического сотрудничества с оговорками или ограничениями в отношении их использования (Приложение 6);

- принцип отдельного финансирования научного и научно-технического сотрудничества и финансирования организационных нужд

региональных организаций, а также иных секторальных фондов (Приложение 6)⁴⁸⁰.

В Соглашении о создании общего научно-технологического пространства государств-участников Содружества Независимых Государств 1995 г. упоминается принцип взаимных расчетов и платежей для поддержки совместных научных исследований, который следует рассматривать в качестве составной части принципа совместного несения расходов на реализацию проектов и мероприятий международного научного и научно-технического сотрудничества.

В отношении прав на результаты научной деятельности и технологии, полученные по результатам научного и научно-технического сотрудничества, важным является вопрос о принципах правового регулирования их распределения. В рамках СНГ данные принципы перечисляются в решении Совета глав правительств СНГ от 2 ноября 2018 г. «О порядке распределения прав на объекты интеллектуальной собственности, созданные в результате реализации межгосударственных инновационных проектов и мероприятий в рамках Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств - участников СНГ на период до 2020 года»:

- соблюдение законодательства государств - участников Программы;
- надлежащая охрана объектов интеллектуальной собственности, созданных в результате и (или) используемых в процессе реализации межгосударственных инновационных проектов и мероприятий в рамках Программы;
- учет соответствующих вкладов участников;
- эффективное использование объектов интеллектуальной собственности;
- равноправие участников межгосударственных инновационных проектов и мероприятий в рамках Программы;
- защита конфиденциальной информации;
- осуществление мероприятий, направленных на предупреждение и пресечение правонарушений в отношении интеллектуальной собственности⁴⁸¹.

---

⁴⁸⁰ План действий АСЕАН в области науки, технологий и инноваций (APASTI) на 2016–2025 годы // <https://asean.org/wp-content/uploads/2017/10/01-APASTI-2016-2025-FINAL.pdf> (дата обращения 25.12.2018г.).

⁴⁸¹ Решение Совета глав правительств СНГ от 2 ноября 2018 г. «О порядке распределения прав на объекты интеллектуальной собственности, созданные в результате

По нашему мнению, из вышеперечисленных принципов к внутриотраслевым следует отнести только принцип надлежащей охраны объектов интеллектуальной собственности, созданных в результате и (или) используемых в процессе реализации межгосударственных инновационных проектов и мероприятий; принцип учета вкладов участников в создание объектов интеллектуальной собственности; принцип эффективного использования объектов интеллектуальной собственности; принцип защиты конфиденциальной информации. Остальные принципы носят общий характер, например, равноправие участников межгосударственных инновационных проектов и мероприятий в рамках Программы представляет собой лишь конкретизацию общего принципа равенства.

Анализ Соглашения между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве 2013 г. также позволяет говорить о закреплении в данном документе принципа надлежащей охраны объектов интеллектуальной собственности, созданных в результате международного научного и научно-технического сотрудничества (ст. 3).

С целью разработки эффективных региональных программ международного научного, технологического и инновационного развития необходимо соблюдение таких внутриотраслевых принципов как обеспечение оптимальной пропорциональности на основе выделения ведущих звеньев; взаимодополняемость международных региональных программ по отношению к национальным программам в научно-технической и инновационной сферах; совместимость и согласованность с основными международными программами инновационного развития. В частности, в СНГ эти программы провозглашены в решении об Основных направлениях долгосрочного сотрудничества государств – участников СНГ в инновационной сфере 2009 г.⁴⁸² и Программе инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года⁴⁸³.

реализации межгосударственных инновационных проектов и мероприятий в рамках Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года» // <http://mobileonline.garant.ru/#/document/72109358/paragraph/36/highlight/> (дата обращения 09.01.2019г.).

⁴⁸² Решение об Основных направлениях долгосрочного сотрудничества государств – участников СНГ в инновационной сфере 2009 г. <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=2729> (дата обращения 09.01.2019г.).

⁴⁸³ Программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года <http://www.e-cis.info/index.php?id=779> (дата обращения 09.01.2019г.).

Положения ст. 4 Соглашения между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве 2013 г. также содержат отсылку к принципу согласованности научно-технических программ и проектов.

Игнорирование вышеуказанных принципов может обернуться тем, что региональное научное и научно-техническое сотрудничество может отстать от мировых тенденций развития науки и техники и выступить в качестве фактора, сдерживающего инновационное развитие государств-участников соответствующих региональных объединений.

Статус субъектов совместной международной научной и научно-технической деятельности также должен подвергаться регламентации с помощью внутриотраслевых принципов. Однако в настоящее время в рассматриваемых региональных организациях ощущается недостаток правового регулирования данного компонента.

К числу субъектов совместной международной научной и научно-технической деятельности региональные документы относят международные научные организации и центры, а также ученых и научных работников. Однако, по нашему мнению, в данную сферу должны быть также включены организации, осуществляющие практическое внедрение результатов научной и научно-технической деятельности.

Некоторые принципы, регламентирующие статус международных научных организаций и центров, ученых и научных работников можно обнаружить в Конвенции СНГ «О создании и статусе международных научно-исследовательских центров и научных организаций» 1998 г. и Модельном законе СНГ «О статусе ученого и научного работника» 2008 г.:

- принцип предоставления льгот, привилегий и иммунитетов, необходимых для обеспечения деятельности международных научных организаций и центров (ст. 9 Конвенции СНГ «О создании и статусе международных научно-исследовательских центров и научных организаций» 1998 г.)⁴⁸⁴;

---

⁴⁸⁴ Конвенция СНГ «О создании и статусе международных научно-исследовательских центров и научных организаций» 1998 г. // <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=849> (дата обращения 09.01.2019г.).

- принцип свободы научного творчества и научной деятельности (ст. 4 модельного закона «О статусе ученого и научного работника» 2008 г.)⁴⁸⁵;

- принцип признания личных и имущественных прав на результаты научной и научно-технической деятельности за соответствующими субъектами (ст. 8 Конвенции СНГ «О создании и статусе международных научно-исследовательских центров и научных организаций» 1998 г.; ст. 9 модельного закона «О статусе ученого и научного работника» 2008 г.).

Некоторые из вышеуказанных принципов находят свое отражение и в документах АСЕАН. Так, принцип свободы научного творчества упоминается в основных целях АРАСТИ на 2016-2025 годы.

К сожалению, данный компонент научного и научно-технического сотрудничества в рамках ШОС фактически ещё не развит, что обусловлено непродолжительным периодом развития сферы научной и научно-технической кооперации в рамках данной региональной организации. Тем не менее, представляется, что принципы свободы научного творчества и научной деятельности, а также признания личных и имущественных прав на результаты научной и научно-технической деятельности за соответствующими субъектами являются универсальными в рамках рассматриваемого компонента и существенно не меняются в зависимости от вида региональной организации.

Внутриотраслевые принципы также имеют важное правоприменительное значение и используются в практике деятельности международных судебных органов. Так, Экономический Суд СНГ при рассмотрении дела о толковании отдельных положений Соглашения о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности от 24.12.1993 г. применил ряд внутриотраслевых принципов, относящихся к сфере финансирования научного и научно-технического сотрудничества⁴⁸⁶. В частности, Судом были применены принцип целевого использования средств, предоставленных для финансирования научного и научно-технического сотрудничества и принцип раздельного финансирования научного и научно-технического сотрудничества и финансирования

---

⁴⁸⁵ Модельный закон «О статусе ученого и научного работника» 2008 г. // <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3114> (дата обращения 09.01.2019г.).

⁴⁸⁶ Консультативное заключение Экономического Суда СНГ № 01-1/5-09 от 22.03.2010 г. // http://www.sudsng.org/download_files/rh/2010/zk_01-1_5-09_22032010.pdf (дата обращения 09.01.2019г.).

организационных нужд региональных организаций, а также иных секторальных фондов. Первый принцип был применен при толковании вышеуказанных документов с целью формулирования вывода о том, что имущество Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ может быть использовано исключительно на финансирование мероприятий в области гуманитарного сотрудничества, в то время как финансирование содержания Исполнительной дирекции Фонда, не соответствует указанным целям. В соответствии со вторым принципом Суд установил, что имущество Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ и расходы на содержание Исполнительной дирекции Фонда разграничиваются по источникам формирования (имущество Фонда формируется за счет добровольных взносов, зачисляемых на счет для целевых поступлений, тогда как денежные средства на содержание Исполнительной дирекции поступают на специальный открытый только для этих целей отдельный банковский расчетный счет – «счет для целевых поступлений на содержание Исполнительной дирекции Фонда»).

Таким образом, внутриотраслевые принципы (*lexinternus*) насыщают и задают вектор развития правового регулирования отдельных компонентов международного научного и научно-технического сотрудничества, что представляется особенно важным при углублении научной и технической коллаборации региональных организаций на начальных этапах развития интеграционных процессов.

Проведенное исследование демонстрирует, что принципы правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества обладают сложной трехуровневой структурой. Первый уровень представлен основными принципами международного права (*lexgeneralis*), среди которых: принцип добросовестного выполнения государствами, принятых на себя обязательств; принцип суверенного равенства государств; принцип уважения прав человека; принцип сотрудничества государств. Данные принципы носят фундаментальный характер и могут быть применены даже при отсутствии их прямого упоминания в текстах документах региональных организаций по вопросам научного и научно-технического сотрудничества. Они также служат ориентиром для формулирования основных положений в сфере международного научного и научно-технического сотрудничества. Однако *lexgeneralis* достаточно абстрактны, в связи с этим возникает необходимость их конкретизации на отраслевом уровне. Так,

например, общий принцип суверенного равенства находит свое дальнейшее развитие в рамках *lexspecialis* в принципе соблюдения национальных интересов.

Выделение отраслевых принципов во многом зависит от определения места международного научного и научно-технического сотрудничества в системе международного публичного права. Не смотря на дискуссионность выбранной позиции, полагаем, что международное научное и научно-техническое сотрудничество представляет собой самостоятельную отрасль международного права, которая регулирует отношения в сфере развития сотрудничества между государствами с целью проведения совместных научных исследований и научно-технических разработок, а также развития устойчивых связей между национальными научными сообществами. Необходимость углубленного регулирования данных отношений органично приводит к выводу о появлении принципов второго уровня, дополняющих *lexgeneralis* с учетом специфики регулируемых общественных отношений.

Ко второму уровню принципов относятся отраслевые принципы международного права (*lexspecialis*). С учетом того, что международное научное и научно-техническое сотрудничество является производным от отрасли международного экономического права, в качестве основных отраслевых начал следует рассматривать: принцип свободы выбора форм организации научных связей; принцип взаимной выгоды от участия в программах и проектах международного научного и научно-технического сотрудничества; принцип предоставления национального режима для субъектов, участвующих в реализации совместных научных и научно-технических проектов; принцип свободы научных исследований; принцип научно-технического содействия, равноправия и недискриминации в научно-технических связях; принцип эквивалентности при обмене научно-техническими достижениями; принцип соблюдения национальных интересов при участии в международном научном и научно-техническом сотрудничестве.

При этом в зависимости от степени взаимной интеграции государств-участников региональных организаций, некоторые принципы могут не применяться. Например, принцип предоставления национального режима используется в СНГ и АСЕАН, но отсутствует в ШОС.

Вместе с тем, сложная система отношений в сфере международного научного и научно-технического сотрудничества предполагает наличие специальных компонентов (институтов). В этом случае

lexspecialis способны эффективно регулировать вопросы взаимодействия между подобными компонентами, однако, их недостаточно для регламентации отношений внутри институтов в силу их узкой специализации. Таким образом, возникает потребность в третьем уровне принципов правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества.

Третий уровень принципов правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества находится только на стадии своего формирования. Предлагается данный уровень обозначать как внутриотраслевые принципы (*lexinternus*). Принципы этого уровня отличаются многообразием и зависят от регламентируемого компонента научного и научно-технического сотрудничества. Наличие указанных принципов свидетельствует о более глубоком уровне взаимодействия государств-участников региональных организаций.

Lexinternus способны качественно дополнять как общеправовые, так и отраслевые принципы правового регулирования научного и научно-технического сотрудничества. С их помощью становится возможным конструирование стройной системы правового регулирования, каждый элемент которой имеет свою нормативную основу: 1) международное публичное право (*lexgeneralis*); 2) отрасль международного научного и научно-технического сотрудничества (*lexspecialis*); 3) узконаправленные компоненты (институты) отрасли международного научного и научно-технического сотрудничества (*lexinternus*).

Обозначенную систему можно проиллюстрировать на примере взаимодействия следующих принципов. Из общего принципа суверенного равенства следует, что в рамках научного и научно-технического сотрудничества государства взаимодействуют как партнеры, уважая национальные интересы друг друга. Однако данный посыл требует уточнения, что становится возможным благодаря выделению такого отраслевого принципа научного и научно-технического сотрудничества как принцип соблюдения национальных интересов. Тем не менее, этого может быть недостаточно для регулирования отдельных узких сфер международной научной и научно-технической кооперации. В частности, без дополнительного (внутриотраслевого) регулирования не ясно каким образом могут быть реализованы принципы суверенного равенства и соблюдения национальных интересов, например, при разработке программ международного научного, технологического и

инновационного развития. В данной ситуации применение такого внутриотраслевого принципа как взаимодополняемость международных региональных программ по отношению к национальным программам в научно-технической и инновационной сферах логически завершает систему правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества, учитывая региональный аспект такого взаимодействия.

Будучи институциональными по своей природе *lex internus* могут эффективно использоваться в правоприменительной практике. Приведенный в настоящей работе пример свидетельствует о востребованности внутриотраслевых принципов при разрешении международными судебными органами дел о толковании положений международных документов и устранении юридических коллизий.

Итак, в целях эффективного укрепления научных и научно-технических связей, а также устойчивого экономического развития государств-участников региональных международных организаций необходимо сосредоточить усилия на укреплении системы принципов правового регулирования межгосударственного партнерства в сфере науки и техники, а также имплементации внутриотраслевых принципов правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества в региональные международные акты.

Правовое обеспечение национальных интересов России в рамках ШОС при осуществлении научно-технического партнёрства

Существенные изменения в мире, продолжающие тенденцию к развитию его многополярности, к формированию незападных «центров силы», альтернативных международных организаций, происходят, по меньшей мере, с 2014 года. Учеными констатируется возрастающая в этом свете роль ШОС⁴⁸⁷. Ведущей спецификацией этой организации является то, что она выстраивается на подходах равноправия всех государств-участников, взаимного уважения взглядов и мнений друг друга, многообразия культур, традиций, называемых шанхайским духом, что сочетается с ее управленческой структурой и многогранностью направлений сотрудничества⁴⁸⁸. С другой стороны, ряд авторов признает, что «большинство проблем в международных отношениях

---

⁴⁸⁷Хабриева Т. Я. Шанхайская организация сотрудничества: новые приоритеты развития. Москва, ИНФРА-М, 2017.

⁴⁸⁸Василенко В.И. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект). Москва: Проспект, 2018.

обусловлено наличием внутригосударственных проблем конституционализации наиболее значимых сфер общественной жизни и их охраны особыми социальными институтами, при помощи которых достигается стабильность в системах социальных отношений, обеспечивающих предпосылки цивилизованного диалога между странами»⁴⁸⁹. В силу этого можно говорить об актуализации как наднациональных, так и национальных начал в современную эпоху развития международных отношений.

События 2020-2021 годов, связанные с пандемией, вызванными ею ограничениями, форсированной цифровизацией, непрекращающиеся локальные конфликты, в т.ч. на пространстве ШОС, делают выше обозначенные тенденции ещё в большей степени рельефными. Оформление получает вопрос о необходимости отстаивания и защиты национальных интересов России, в т.ч. в рамках ШОС. Противостояние транснациональным структурам, а также отдельным государствам, стремящимся сохранить режим единоличной гегемонии, необходимость противодействия современным транснациональным угрозам, в т.ч. терроризму, сепаратизму и экстремизму (доктрина борьбы против «трех зол») ставит вопрос об осмыслении и понимании национальных интересов России в различных сферах международного взаимодействия⁴⁹⁰.

Важное место занимает сфера научного и научно-технического сотрудничества. Ее значимость, особенно в области медицины, микробиологии, вирусологии, фармакологии, вновь была осознана с особой остротой в 2020 году. Однако и в этой, жизненно важной для человечества, сфере, деструктивные аспекты преобладают над конструктивными, политика над наукой, а сиюминутные выгоды над долгосрочными перспективными проектами. В связи с этим отстаивание Россией своих национальных интересов в сфере научно-технического партнерства, в том числе в рамках ШОС, ещё достаточно длительное время предполагается в качестве одного из ведущих направлений международного взаимодействия⁴⁹¹. Исходя из этого в настоящей статье определяется сущность национальных интересов, содержание

---

⁴⁸⁹Юрковский А.В., Кузьмин И.А. Конституционно-правовая охрана в странах Северо-Восточной Азии. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2017. С. 13.

⁴⁹⁰Кокошина З.А. Шанхайская организация сотрудничества и интересы национальной безопасности России. Москва: ЛЕНАНД, 2016.

⁴⁹¹Капитонов С.А. Юридический парадокс государства. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2012.

национальных интересов России в научной сфере, особенности национальных интересов на пространстве ШОС, а также характер и своеобразие национальных интересов и их защиты в научной сфере при развитии научно-технического партнерства с другими странами-участниками ШОС.

Международная обстановка в начале третьего десятилетия XXI века существенно повышает значимость международного сотрудничества в рамках организаций, не относящихся к западному миру. По-прежнему требуют к себе внимания ставшие традиционными проблемы международного сотрудничества в различных сферах, в т.ч. в сфере науки, технологий, инноваций. Ещё не завершившаяся пандемия коронавируса Covid-19 обнажила все недостатки системы взаимоотношений между государствами и нациями. При этом общая глобальная трагедия не привела к пересмотру международной политики США и Европейского союза в отношении России, сохраняется и усиливается режим санкций, учащаются попытки вмешательства во внутренние дела России по различным, зачастую, надуманным предлогам. Сложный характер имеют и взаимоотношения США и КНР, накануне пандемии имелись основания говорить о «таможенной войне» между ними. В период пандемии неоднократно со стороны высших должностных лиц США предпринимались попытки возложить ответственность за распространение инфекции именно на Китай. Эти обстоятельства, несмотря на их негативный характер, повышают актуальность и значимость развития взаимодействия евразийских государств в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Названная организация за двадцать лет ее существования (а также за пять предшествующих лет взаимодействия в формате «Шанхайской пятерки») накопила немалый опыт сотрудничества в различных сферах, особое место среди которых занимает динамично развивающееся научное и научно-техническое сотрудничество. Ускорение научно-технического развития, актуальность и значимость фундаментальных и прикладных научных исследований требуют и адекватного правового сопровождения. Страны, входящие в Шанхайскую организацию сотрудничества, демонстрируют разный опыт противодействия новым глобальным вызовам, но акцент на развитии взаимодействия между ними остается важным пунктом в повестке их диалога.

Особенностью этой организации, проявлением т.н. шанхайского духа, выступает ставка на равноправие и культурно-идеологическую самостоятельность ее участников. Защита национальных интересов в

этом случае представляет собой развитие межгосударственного диалога и разрешение спорных вопросов, возникающих между странами-участницами ШОС. Само понятие таких интересов акцентирует внимание на некоем самосознании, самоидентичности, проявленных определенной нацией, и оформленных в виде ее интересов. Как отмечает И.Б. Кардашова⁴⁹², «интерес – сложное неделимое явление действительности, представляющее собой форму осознанных потребностей, характеризующееся динамичным соотношением объективного и субъективного, имеющее предметный, ценностный характер». Определение интереса через потребности вполне обосновано применительно к индивиду, отдельной человеческой личности, однако вызывает вопросы экстраполяция такого подхода на трактовку национальных интересов.

Тем не менее, подобный подход в современной юридической литературе является достаточно распространенным. Так, по мнению В.П. Беляева и Б.Б. Бидовой, «национальные интересы – это комплексная система жизненно важных потребностей государства и общества с внутренне присущими народу культурно-духовными ценностями, позволяющими обеспечить его благосостояние и минимизацию (ликвидацию) угроз национальной безопасности»⁴⁹³. Более детализированное определение искомому понятию дает В.Ю. Туранин: «национальные интересы – это симбиоз внутренних и внешних интересов народа России, направленных на поступательное развитие социальной, экономической, политической и духовной сферах, а также на предотвращение существующих угроз национальной безопасности, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности страны, формирование лидирующих позиций в мире, поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений с другими странами»⁴⁹⁴. В.Ю. Туранин, таким образом, определяет общее содержание национальных интересов России, упуская, правда, некоторые важные сферы, без охвата которых даваемое им определение выступает неполным.

---

⁴⁹² Кардашова И.Б. О сущности национального интереса // Административное право и процесс. 2015. № 5. С. 11-15.

⁴⁹³ Беляев В. П., Бидова Б. Б. Сущность национальных интересов: общетеоретический аспект // Актуальные проблемы российского права. 2020. №7. С. 11-21.

⁴⁹⁴ Туранин В.Ю. Национальные интересы: подходы к определению понятия // Российская юстиция. 2021. №1. С. 2-7.

В качестве одной из таких сфер выступает научная сфера, в т.ч. сфера научного и научно-технического сотрудничества. Президент РФ В.В. Путин указывал в двух последних посланиях Федеральному собранию РФ (2020 и 2021 гг.) направления развития науки, критически важные для страны. Исходя из анализа положений данных посланий президента РФ, можно говорить о существовании у России особых национальных интересов в научной сфере, в т.ч. в части научного сотрудничества с другими государствами, прежде всего с теми, политика которых на сегодняшний день носит партнерский, конструктивный по отношению к России характер. В качестве таковых можно назвать: создание собственных технологий и стандартов по тем направлениям, которые определяют будущее - искусственный интеллект, генетика, новые материалы, источники энергии, цифровые технологии; развитие исследовательской инфраструктуры, включая объекты класса мегасайенс; обеспечение свободы для работы, научного инновационного поиска; поддержка высокотехнологичного экспорта, расширение спроса на инновации внутри самой страны; цифровая трансформация реального сектора экономики при осуществлении национальных проектов, главным образом, на основе программных продуктов отечественного производства. Лейтмотивом перечисленных ориентиров является обеспечение суверенных прав России в научной сфере, развитие собственных научных технологий, адекватных современным вызовам, а также поддержание информационной и научно-технологической безопасности России.

Надо сказать, что ст. 67 Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, формулирующая «стратегические цели обеспечения национальной безопасности в области науки, технологий и образования, исходит из тех же принципиальных установок: развитие системы научных, проектных и научно-технических организаций, способной обеспечить модернизацию национальной экономики, реализацию конкурентных преимуществ Российской Федерации, оборону страны, государственную и общественную безопасность, а также формирование научно-технических заделов на перспективу; повышение социальной мобильности, качества общего, профессионального и высшего образования, его доступности для всех категорий граждан, развитие фундаментальных научных исследований»⁴⁹⁵. Сходным образом обновлённая Стратегия

---

⁴⁹⁵ Указ Президента РФ от 31.12.2015 №683 «Об утверждении Стратегии национальной безопасности РФ» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

национальной безопасности РФ предусматривает, что «целью научно-технологического развития Российской Федерации является обеспечение технологической независимости и конкурентоспособности страны, достижения национальных целей развития и реализации стратегических национальных приоритетов» (п. 75)⁴⁹⁶.

Трактовка национальных интересов в научной сфере вполне согласуется с определениями национальных интересов, приведенными ранее. При этом, изменения, происходящие в мире и в 2020 году, и в текущем, 2021 году, не только не отрицают, но ещё больше актуализируют вопрос о необходимости развития сотрудничества между государствами в научной сфере. Несмотря на активные попытки политики влиять на развитие научной сферы, в т.ч. научного сотрудничества, возможности для конструктивного диалога сохраняются. Акторами в научно-технологических проектах выступают не только страны Западной Европы и Северной Америки, но и страны Азии. В связи с этим, наметившийся в начале 2000-х годов восточный вектор России вполне оправдан и отвечает современным реалиям⁴⁹⁷.

Перспективной международной организацией, ориентированной на сотрудничество и взаимодействие на пространстве Евразии, выступает ШОС⁴⁹⁸. Как отмечается в Стратегии развития ШОС до 2025 года (далее – Стратегия ШОС), принятой в ходе Саммита Шанхайской организации сотрудничества, который состоялся 9-10 июля 2015 года в г. Уфе главами государств-членов ШОС, «к настоящему времени сложились предпосылки для выведения ШОС на качественно новый уровень, характеризующийся повышением эффективности сотрудничества в сферах политики, безопасности, экономики, развития культурных и гуманитарных связей, расширения участия в делах региона и процессе глобального регулирования»⁴⁹⁹. Указанная Стратегия ШОС исходит, таким образом, из постепенного строительства многополярного мира, постепенного перемещения центра мирового хозяйства в Азию, и возрастания роли трансасиатских региональных

---

⁴⁹⁶ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

⁴⁹⁷ Барабашев А.Г., Пономарева Д.В. Правовое регулирование сотрудничества Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в сфере науки и технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. №7. С. 115-122.

⁴⁹⁸ Курбанов Р. А. Евразийское право. Теоретические основы. Москва, Проспект, 2021.

⁴⁹⁹ Стратегия развития ШОС до 2025 года от 10 июля 2015 г. // <http://sco-russia.ru/documents/> (дата обращения – 26.08.2021).

международных организаций, к которым, в том числе, относится и Шанхайская организация сотрудничества.

С учетом перечисленных обстоятельств значимым для защиты национальных интересов России, в т.ч. в сфере научного и научно-технического партнерства, выступает ориентация на Восток, на страны Восточной, Южной и Центральной Азии, значительная часть которых на сегодняшний день объединена под эгидой ШОС. Надо сказать, что в литературе предпринимаются попытки сформулировать национальные интересы России на пространстве ШОС. Л.Е. Васильев к таковым, в частности, относит: «1) обеспечение стабильности политической обстановки в регионе, основанном на тесном партнерстве с входящими в него государствами (вопросы безопасности); 2) создание общего экономического пространства для России и центрально-азиатских государств, которое в будущем смогло бы более эффективно содействовать экономической модернизации России; 3) обеспечение права беспрепятственного транзита для России через Центральную Азию товаров и сырья в целях поддержания партнерских отношений с Китаем, Индией и Ираном; 4) создание возможностей использования геостратегического потенциала региона для практических военных нужд, а также для того, чтобы сохранить статус России как мировой и региональной державы; 5) создание предпосылок для международного признания ведущей роли России в регионе; 6) обеспечение прав и равного положения русских в постсоветских странах»⁵⁰⁰. Видимо, специфическая направленность тематики работы Л.Е. Васильева на изучение противодействия терроризму в пространстве ШОС вывела из сферы его внимания, по меньшей мере, седьмую задачу – обеспечение информационной и научно-технологической безопасности России, защиту ее суверенных прав при осуществлении научного и научно-технического партнерства. Между тем, как выше уже было сказано, такое направление выступает квинтэссенцией защиты национальных интересов России в научной сфере. Шанхайская организация сотрудничества выступает перспективной площадкой для такой защиты на международном уровне.

Надо сказать, что Стратегия ШОС затрагивает вопросы научного и научно-технического партнерства, в частности, при обеспечении информационной безопасности. «Государства-члены... будут укреплять сотрудничество в сфере контроля за Интернетом, пресекать

---

⁵⁰⁰ Васильев Л.Е. Борьба с терроризмом на пространстве ШОС. Москва: ИДВ РАН, 2017. С. 56.

использование «тремя силами зла» (терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом) Интернета для проведения деятельности, подрывающей безопасность и стабильность в регионе. В этих целях они будут совершенствовать механизм сотрудничества в борьбе против использования информационно-коммуникационных технологий в террористических целях и в противодействии киберугрозам безопасности государств-членов ШОС». Бишкекская декларация Совета глав государств-членов ШОС от 14 июня 2019 года (далее – Бишкекская декларация) развивает положения, высказанные в Стратегии ШОС, указывая на то, что особого внимания, тесной координации и конструктивного взаимодействия требуют возрастающие и приобретающие трансграничный характер, наряду с прочими, такие вызовы и угрозы безопасности, как распространение террористической и экстремистской идеологии в Интернете, а также преступность в сфере информационно-коммуникационных технологий. Имеет отношение к рассматриваемому вопросу и положение Бишкекской декларации о том, что «государства-члены выступают за развитие технологических парков и бизнес-инкубаторов на пространстве ШОС в целях улучшения бизнес-климата в регионе и поддержки молодежных стартап-проектов...»⁵⁰¹.

Подобного рода положения, определяющие сотрудничество стран ШОС в научно-технологической сфере, направленное на обеспечение национальной безопасности и национальных интересов, характерны не только для программных документов ориентирующего и декларативного характера, но и для заключенных и ратифицированных международных договоров в рамках ШОС. Так, Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму среди мер, рекомендованных странам-участницам, содержит, например, такую, как «мониторинг средств массовой информации и сети Интернет в целях своевременного выявления и пресечения распространения экстремистской идеологии»⁵⁰². Не касаясь научного сотрудничества непосредственно, такие направления совместной работы его определяют опосредованно, поскольку контрольно-надзорная деятельность в глобальных информационно-телекоммуникационных сетях предполагает взаимодействие не только правоохранительных органов, но и научно-исследовательских организаций, в целях объединения усилий

---

⁵⁰¹ Бишкекская декларация Совета глав государств-членов ШОС от 14 июня 2019 г. // <http://www.kremlin.ru/supplement/5421> (дата обращения - 26.08.2021).

⁵⁰² Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г. // Бюллетень международных договоров. 2020. N 4.

для совершенствования алгоритмов поиска угроз, защиты от вредоносного воздействия, обмена опытом и т.п. Как отмечает Н.А. Молчанов, «необходимость серьезного внимания со стороны системы государственного управления к использованию информационного пространства и Интернета выражается в том числе в развитии правового регулирования деятельности в сети Интернет и защиты его российского сегмента»⁵⁰³.

Обращение к международным актам под эгидой ШОС, непосредственно не связанным с научно-техническим партнерством, а лишь затрагивающим отчасти вопросы обеспечения национальных интересов России при осуществлении такого партнерства, вызвано ещё и тем, что основной на сегодняшний день документ - Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о научно-техническом сотрудничестве – не регулирует эти вопросы. Полезным можно считать в этом отношении опыт СНГ, в рамках которого, например, в 1999 году в г. Минске было заключено Соглашение о взаимном обеспечении сохранности межгосударственных секретов в области правовой охраны изобретений, обеспечивающее суверенные права договаривающихся сторон при соблюдении необходимой секретности критически важных технологий и изобретений.

Национальное право России, в частности, уголовное право, нацеленное на охрану национальных интересов в области науки и технологий, на сегодняшний день также далеко от совершенства. Помимо предусмотренных в ст. 146 и ст. 147 УК РФ норм об охране авторских, патентных, смежных и других прав, существует ещё ряд составов, обеспечивающих научную сферу от посягательств на нее. К таковым можно отнести, например, предусмотренные ст. 189 УК РФ незаконные экспорт из Российской Федерации или передача иностранной организации или ее представителю сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ для иностранной организации или ее представителя либо незаконное оказание услуг иностранной организации или ее представителю, которые заведомо для виновного могут быть использованы при создании вооружения и военной техники и в отношении которых установлен экспортный контроль. Законодатель, при этом указывает, что должны отсутствовать признаки государственной измены. Надо

---

⁵⁰³ Молчанов Н.А. Правовое регулирование науки и образования в интересах национальной безопасности в условиях сетевого общества // Lexrussica. 2019. № 11. С. 124-130.

сказать, что предусмотренные ст. 275 УК РФ и 276 УК РФ государственная измена, осуществляемая гражданином РФ, и шпионаж, осуществляемый иным субъектом, выступают основными нормами, охраняющими национальные интересы России в том числе, и в сфере науки и научно-технологического сотрудничества, от общественно опасных посягательств. Нормы главы 28 УК РФ, устанавливающей ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, национальные интересы России в этой области защищают лишь отчасти, непосредственное отношение имеет лишь ст. 274.1 УК РФ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации». Восполняющий бланкетность УК РФ федеральный закон от 26 июля 2017 г. N 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» определяет содержащиеся в статье термины: критическая информационная инфраструктура - объекты критической информационной инфраструктуры, а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов; объекты критической информационной инфраструктуры - информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления субъектов критической информационной инфраструктуры⁵⁰⁴. Можно сказать, что определенности уголовно-правовому запрету такие нормы не добавляют, хотя, исходя из анализа объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 274.1 УК РФ, и положений указанного федерального закона, следует, что эта норма охраняет общегосударственные интересы России в сфере информационной безопасности. Пока что все приведенные нормы УК РФ представляют собой лишь выборочное и фрагментарное регулирование данного вопроса уголовно-правовыми средствами. Некоторый прогресс был достигнут в научном проекте нового Уголовного кодекса России⁵⁰⁵, в частности, проведена систематизация составов преступлений, охраняющих от посягательств на информационную, в т.ч. научную сферу и национальные интересы России в этой сфере, но это всего лишь официально опубликованный проект, а не законодательный акт. Как верно заметил Н.Ш. Козаев, наблюдается четкая взаимосвязь между внедрением

---

⁵⁰⁴ Федеральный закон от 26 июля 2017 г. N 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4736.

⁵⁰⁵ Лопашенко Н.А. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект). Москва: Юрлитинформ, 2019.

достижений научно-технического прогресса в общественную жизнь и обострением уголовно-правовых проблем. Как международное право, так и национальная уголовная политика не могут оставаться статичными, поскольку с внедрением новых технологий и стереотипов поведения требуется качественный пересмотр уголовно-правовой оценки преступных деяний, а также тех деликтов, которые в создавшихся условиях приобретают признаки криминала⁵⁰⁶.

Рассматриваемые в статье проблемы в юридической литературе затрагиваются достаточно редко и, как правило, в контексте противодействия определенному виду преступности, обеспечения национальной безопасности, либо в контексте правового регулирования научной деятельности в целом. Однако, даже такое отражение в трудах исследователей значения ШОС в защите Россией своих национальных интересов в области научного и научно-технического партнерства, дает примеры разных оценок возможностей и перспектив этой трансазиатской организации. З.А. Кокошина отмечает, что «успешное развитие ШОС отвечает долгосрочным внешнеполитическим интересам России, интересам РФ в сфере национальной безопасности, организация может сыграть очень важную роль в случае резкой дестабилизации обстановки в тех или иных странах Центрально-Азиатского региона, что может воздействовать и на обстановку внутри самой России»⁵⁰⁷. Т.Я. Хабриева и В.И. Василенко в вышеуказанных работах также подчеркивают уникальность ШОС, важность ее существования и функционирования в части противодействия многим новым угрозам безопасности, совпадение интересов крупных ее участников – России и Китая. Основная мысль указанных авторов состоит в том, что Шанхайская организация сотрудничества – важнейший инструмент защиты национальных интересов России, альтернатива прозападным международным организациям, в т.ч. в сфере научного и научно-технического сотрудничества.

Существуют и другие точки зрения на возможности развития ШОС, партнерства в рамках этой организации, в т.ч. в научной сфере. Так, А. Муратбекова пишет о кризисе идентичности Шанхайской организации сотрудничества и перспективах его преодоления. Этот кризис она связывает со вступлением в ШОС на правах полноправных членов Индии и Пакистана. «Существует риск, что ШОС превратится

---

⁵⁰⁶Козаев Н.Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом. Москва: Юрлитинформ, 2019.

⁵⁰⁷ Кокошина З.А. Указ.соч. С. 34.

в некий церемониальный орган. Учитывая существенные различия между интересами ведущих членов ШОС относительно целей и задач деятельности организации, данная международная организация может деградировать до уровня регулярных, но бессмысленных с точки зрения практических результатов саммитов и встреч». Однако, ученый не рассматривает кризис как что-то негативное, а как вполне нормальный этап развития любой организованной системы, в т.ч. и международной организации, прохождение которого выступит качественно новым уровнем для ШОС⁵⁰⁸. Данное мнение, таким образом, не является популярным, а представляет собой осмысление последствий расширения ШОС до пределов Южной Азии, превращение ее в трансазиатскую международную организацию.

Таким образом, рассмотрение современного состояния обеспечения национальных интересов России в научной сфере в рамках Шанхайской организации сотрудничества, позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, следует констатировать несовершенство и неполноту правового регулирования данного вопроса как на национальном уровне, так и на уровне правовых актов ШОС. Регулирование либо отсутствует, либо оно фрагментарное и имеет несколько иное целевое назначение. Во-вторых, на сегодняшний день сформирована основа для развития правового обеспечения защиты национальных интересов России в сфере научного и научно-технического партнерства как на национальном уровне, так и на уровне ШОС. Основа эта состоит в вытекающей из законопроектов, а также из программных документов ШОС моральной готовности к принятию актов, обладающих юридической силой, для регулирования научной деятельности с учетом национальных интересов. В-третьих, оформилось осознание национальных интересов России в сфере научно-технологической деятельности и научно-технического развития, они получили закрепление в Стратегии национальной безопасности России, а также находят отражение в ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному собранию РФ. Наконец, в-четвертых, национальные интересы РФ в сфере науки и научно-технического сотрудничества вписываются и в систему национальных интересов России в ШОС, и в общее понятие национальных интересов России. Эти интересы можно определить, как 1) обеспечение суверенных прав России в научной сфере и развитие собственных научных

---

⁵⁰⁸Муратбекова А. (2019). Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше? // Вестник международных организаций. 2019. №14 (4). С. 138-160.

технологий, адекватных современным вызовам, а также 2) обеспечение информационной и научно-технологической безопасности России.

В литературе в целом регулятивный и организационный потенциал Шанхайской организации сотрудничества оценивается достаточно высоко. В современных статьях высказываются идеи о качественно новом этапе развития данной организации, что представляется методологически и прагматически верным. Независимо от состояния самой организации, вызовы 2020-2021 гг. приведут к ее обновлению. В научной сфере правовая база ШОС нуждается в регулировании, в принятии не только программных документов, но и конвенций, которые бы определили «правила игры» при таком сотрудничестве и механизм защиты национальных интересов. Можно воспользоваться богатым опытом, накопленным в рамках СНГ, нашедшем отражение в нескольких двусторонних и многосторонних договорах, регулирующих взаимодействие государств в сфере науки и научно-технического партнерства.

3.3. Роль Шанхайской организации сотрудничества в правовом регулировании научной деятельности: национальный и наднациональный уровень

Шанхайская организация сотрудничества (далее - ШОС) является активно действующей международной ассоциацией стран евразийского континента. Трудно согласиться с мнением А. Муратбековой, которая пишет, что, «данная международная организация может деградировать до уровня регулярных, но бессмысленных с точки зрения практических результатов саммитов и встреч»⁵⁰⁹. Обоснованнее видится позиция Р.А. Курбанова, «ШОС утвердилась в качестве одного из влиятельных участников системы международных отношений, сформирована нормативно-правовая база, успешно функционируют механизмы многостороннего взаимодействия, установлены партнерские отношения с государствами, международными организациями и структурами, разделяющими принципы и ценности ШОС»⁵¹⁰. Аналогично рассуждает Ли Вэй, по мнению которого открытость, прозрачность и расширяющееся партнерство ШОС, несомненно, приблизят ее организационную философию к концепции построения сообщества с

---

⁵⁰⁹ Муратбекова А. Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше? // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 4. С. 153.

⁵¹⁰ См.: Курбанов Р.А. Евразийское право: учебник для магистратуры. М.: Проспект, 2021. С. 326.

общим будущим для человечества, в новую эпоху ШОС станет мощной силой для развития международного сотрудничества»⁵¹¹.

ШОС создавалась в целях обеспечения региональной безопасности в Евразии⁵¹². 15 июня 2001 г. была принята Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В развитие ее положений 16 июня 2009 г. принимается Конвенция ШОС против терроризма, а 9 июля 2017 г. – Конвенция ШОС по противодействию экстремизму. Борьбе против «трех зол» также уделяется внимание в Стратегии развития ШОС до 2025 г., в декларациях саммитов глав государств – членов ШОС. Проблемы обеспечения региональной безопасности и противодействия терроризму на пространстве ШОС приобрели новое звучание в связи с резким и радикальным изменением внукотриполитической обстановки в Афганистане, а также событиями начала 2022 года в Казахстане.

Значимость развития научно-технического сотрудничества под эгидой ШОС подчеркивается в Душанбинской декларации двадцатилетия ШОС (от 17 сентября 2021 г.), где сказано, что «сотрудничество в области науки и техники отвечает интересам всех государств-членов и имеет важное значение для развития их экономик»⁵¹³. Объединяет проблематику противодействия угрозе «трех зол» на пространстве ШОС – с одной стороны, - и развитие взаимодействия в научно-технической сфере между странами-участницами ШОС – с другой, ряд обстоятельств.

А.И. Коробеев говорит «о высокой адаптированности преступности к происходящим в социуме изменениям, новейшим достижениям научно-технического прогресса, перерождении в новых формах, методах и способах совершаемых преступных посягательств в сферах, сложных для осуществления социального контроля»⁵¹⁴. Противодействие преступности должно соответствовать ее уровню технической оснащенности и интеллектуальной подготовленности. А такое соответствие невозможно без развития научно-технического сотрудничества между государствами. Н.Ш. Козаев подчеркивает необходимость

---

⁵¹¹ Вэй Ли и др. Китай и международное сотрудничество в борьбе с терроризмом / пер. с англ. И. Сиренко. М.: Серебряные нити, 2021. С. 220-221.

⁵¹² Шанхайская организация сотрудничества: новые приоритеты развития: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2017. С. 15.

⁵¹³ См.: Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС // <http://rus.sectsc.org/>

⁵¹⁴ См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 232.

учета научно-технических достижений при решении вопросов противодействия преступности⁵¹⁵. П.В. Жестеров в подобном же ключе высказывается относительно основных тенденций уголовно-правовой политики противодействия терроризму. «В современных реалиях подстрекательство и вербовка новых членов идут в основном через социальные сети. В информационно-телекоммуникационном пространстве формируются боевые ячейки, поддерживается связь между радикально настроенными лицами. Финансовой составляющей их деятельности выступает система «Хавала» (от арабского - передача), позволяющая практически бесконтрольно перечислять денежные средства небольшими суммами внутри социальных сетей. В настоящее время используется метод дробления (смерфинга) для обеспечения анонимности денежных переводов. Как следствие, данная схема стала «тихой гаванью» для террористов и наркоторговцев»⁵¹⁶. Аналогично оценивает научно-техническую «вооруженность» террористов Ю.С. Горбунов⁵¹⁷. Применительно к организованным преступным формированиям возрастание уровня их технологического развития и технической оснащенности подчеркивается А.Н. Мондохоновым⁵¹⁸. Государственная деятельность по противодействию терроризму, сепаратизму приобретает, вследствие этого, наукоемкий характер, что обуславливает важность взаимодействия между различными государствами в научно-технической сфере.

В период с 2015 по 2017 гг. была реализована процедура вступления Индии в данную организацию. Вследствие этого названная организация перестала быть региональной, превратилась в трансазиатскую. Индию как участника ШОС многие специалисты в области международных отношений рассматривают как важный фактор равновесия между Россией и Китаем в данной организации, а также как перспективного партнера⁵¹⁹, в том числе в области научного и научно-

---

⁵¹⁵ См.: Козаев Н.Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом: дисс. д-ра юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2016. С. 6-7.

⁵¹⁶ См.: Жестеров П.В. Манифест уголовной репрессии эпохи дополненной реальности: монография. М.: Проспект, 2017. С. 63-64.

⁵¹⁷ См.: Горбунов Ю.С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему: монография. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 103-104.

⁵¹⁸ См.: Мондохонов А.Н. Преступные объединения в уголовном праве России: закон, теория, практика: монография. М.: Проспект, 2021. С. 17.

⁵¹⁹ Шанхайская организация сотрудничества: новые приоритеты развития: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 216.

технического сотрудничества. Важность развития сотрудничества в этой сфере обусловлена, помимо прочего, меняющимися условиями, в частности, наступлением полноценной информационной эпохи, мира виртуальных реальностей, цифровой валюты, электронного взаимодействия между людьми, социальными группами, государствами. Технологический прорыв, анонсированный Президентом РФ В.В. Путиным в очередном ежегодном послании Федеральному Собранию РФ, также предполагает особое внимание к регулированию научного и научно-технического сотрудничества.

Особенности правовой культуры того или иного государства оказывают серьезное влияние на развитие науки, на роль науки в социальных процессах. Сравнительный метод, предметно связанный с анализом цивилизационного типа, сходного с цивилизационным типом России, позволит обогатить отечественную теорию права а также представления о научном и научно-техническом сотрудничестве под эгидой ШОС. Индия на сегодняшний день выступает одной из успешно развивающихся стран, в том числе и в сфере науки и техники. Во второй половине XX века Индия прошла сложный путь в части своего социально-политического, культурно-идеологического и производственно-экономического развития⁵²⁰. Конституция Индии 1950 г., явившись результатом серии политических компромиссов, а также выступив попыткой закрепить модернизацию индийской социальной и политической системы⁵²¹, как отмечает, например, Н.А. Крашенинникова, сосуществует с альтернативной религиозно-философской трактовкой прав человека (индуистской и буддийской, используется специальный термин «санскритизация»)⁵²². Причем, по мере усиления модернизационных тенденций, усиливается и национально-культурная ориентация индийского общества, его санскритизация. Аналогичные выводы делает А.И. Ковлер, изучая *homo juridicus* индусской общины⁵²³. С.П. Синха указывает, что около 80% населения Индии, живущего в индийских деревнях, продолжают вести жизнь по традиционным канонам, влияние старых традиций остается весьма

---

⁵²⁰ Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л. История Индии. М.: Дрофа, 2010. С. 451-460.

⁵²¹ Конституции зарубежных государств / сост. В.В. Маклаков. М.: ВолтерсКлувер. 2006. С. 423.

⁵²² Крашенинникова Н.А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. – М.: Норма, 2013. С. 261-276.

⁵²³ Ковлер А.И. Антропология права: учебник для вузов. – М.: Норма, 2002. С. 201-212.

значительным также и в городах⁵²⁴. Названную особенность можно проследить и в сфере регулирования науки и научной деятельности. Такое сочетание, с одной стороны, консервирует позитивные процессы в социальных отношениях, с другой, позволяет развиваться науке при активном государственном участии.

Особенности правовой культуры Индии. Прежде всего, рассмотрим, как понимается правовая культура в общей теории права. Универсальное определение правовой культуры дается Н.Я. Соколовым: «Правовую культуру можно определить как обусловленную экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидность общей культуры, представляющую собой меру освоения и использования накопленных человечеством правовых ценностей, передаваемых в порядке преемственности от поколения к поколению»⁵²⁵. Данное определение представляется подходящим для настоящего исследования, правовая культура как мера освоения накопленных человечеством правовых ценностей, передаваемых в порядке преемственности от поколения к поколению, присуща любому правовому порядку, любому социальному строю, и в таком ключе может быть охарактеризована как нечто сугубо специфическое, и, в то же время, как ценностно-универсальный феномен общественной и правовой жизни.

Индия, представляющая собой особый тип цивилизации – цивилизация-держава⁵²⁶, в правокультурной сфере обладает как общими с западным миром, так и особенными чертами правовой культуры. О цивилизационном плюрализме в области соционормативного регулирования и неуниверсальности права как регулятора пишет индийский автор Синха С.П., отмечая, что для каждой цивилизации можно выделить наиболее фундаментальный принцип жизни, самый центральный принцип её социальной организации, и если для западной цивилизации таковым является право, то в других цивилизациях эта роль принадлежала другим принципам⁵²⁷. Многообразие позволяет полноценно раскрыться человеческой личности, способствует развитию творческого

---

⁵²⁴ Синха С.П. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс / пер. с англ.-М.: Издательский центр «Академия», 1996. С. 40.

⁵²⁵ Соколов Н.Я. Профессиональная культура юристов. Понятие, сущность, содержание. М.: Проспект, 2014. С. 213.

⁵²⁶ Насыров Р.В. Человек как самоценность: о формулировке статьи 2 Конституции РФ 1993 г. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 280.

⁵²⁷ Синха С.П. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс / пер. с англ. - М.: Издательский центр «Академия», 1996. С. 11.

мышления, и, соответственно, науки и техники. Свобода творчества, допущение различных, в том числе, нестандартных мировоззренческих установок определяет повышение общекультурного уровня, стимулирует развитие в том числе научной мысли. Потребность во взаимном обмене достижениями разных культур обуславливает необходимость научного и научно-технического сотрудничества.

При анализе иных правовых культур существуют определенные трудности в их восприятии, поскольку каждый исследователь всегда подходит к другой культуре с позиций своей⁵²⁸. При таком подходе ярко проявляется стремление к единообразному пониманию по сути своей не вполне совместимых феноменов. Между тем, по аргументированной позиции Р. Генона, «единообразие, чтобы быть возможным, предполагает существа, лишённые всякого качества и сведённые к простым нумерическим «единицам»; такое единообразие в действительности никогда не может быть реализовано, а все усилия реализовать его, в частности, в человеческой области, могут иметь своим результатом более или менее полное лишение существ их собственных качеств и создание из них чего-то такого, что похоже, насколько это возможно, на простые машины, т.к. машина, типичный продукт современного мира, как раз есть то, что в наивысшей из достижимых степеней представляет преобладание количества над качеством»⁵²⁹. Таким образом, органичным свойством традиционных культур, к каковым, без сомнения, относится индийская правовая культура, является сохранение своего качественного своеобразия, непохожести на других, при условии, что это обусловлено историческим развитием данной культуры.

С другой стороны, Дж. Флетчер и А.В. Наумов обосновывают тезис о том, что между различными системами уголовного права (и права вообще) на самом деле существует гораздо больше общего, чем обычно предполагается, «скрытое единство не лежит на поверхности, а находится под глубоким пластом законодательных положений и судебных решений и проступает в ходе дискуссий, ведущихся практически в каждой стране, имеющей свою правовую культуру». Авторы выделяют ряд сквозных проблем, характерных для различных правовых систем и правовых порядков, которые в дальнейшем находят

---

⁵²⁸ История и методология юридической науки: монография / под ред. В.В. Сорокина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 220.

⁵²⁹ Генон, Рене. Царство количества и знаменья времени / пер. с фр. Т.Б. Любимова. – М.: Беловодье, 2011. С. 52-53.

подтверждение при исследовании отдельных правовых феноменов и институтов⁵³⁰. Сходство различных индоевропейских культур, в том числе в области власти, права и религии, через языковые феномены хорошо показывает Э. Бенвенист⁵³¹, используя характеристики различных социально-правовых терминов, и на их примере обосновывая родство индоевропейских правовых культур, их общие черты. Отметим, что если бы различные правовые культуры не имели достаточное число общих черт количественного и качественного порядка, это сделало бы невозможным проведение любого сравнительного анализа. Сравнение же во все времена являлось и является одним из ведущих методов познания. Таким образом, при соблюдении определенных методологических правил, в частности, избегая упрощения проблемы для её решения, можно выделить аутентичные особенности определенной правовой культуры, даже если она будет кардинально не похожа на правовую культуру, к которой принадлежит сам исследователь.

Нельзя сказать, что правовая культура России и правовая культура Индии являются принципиально различными и, в то же время, принципиально похожими друг на друга. Современная философия убедительно доказывает существование амбивалентности бытия в социальной сфере, когда несовместимые противоположности легко уживаются в одном феномене. В качестве гипотезы необходимо выдвинуть идею о том, что эти правовые культуры в достаточной мере имеют сходство, и в той же самой мере различаются. Российская культура формального права во многом опирается на романо-германские, как немецкие, так и французские начала. Индийская культура формального права в большей степени испытала влияние англо-саксонской юридической традиции, однако, не только её. В то же время, и для России (обстоятельно об этом пишет В.В. Бочаров)⁵³², и для Индии характерно противостояние формальному праву традиционных правовых начал – обычного права, религиозного права, корпоративного права. Истоки такого традиционного права различны, однако на сегодняшний день имеются научные исследования, констатирующие наличие общих ведических корней и у индийской, и у русской правовой культуры,

---

⁵³⁰ Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М.: Юристъ, 1998. С. 8.

⁵³¹ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. / общ.ред. и вст. ст. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995.

⁵³² Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование. 2-е изд. СПб.: Издательство АИК, 2013. С. 40-43.

этот вопрос затрагивает, например, Т.И. Демченко⁵³³. В любом случае, такую сложную полиморфичную правовую культуру, как культура Индии, можно познать только с позиции антропологии права, не с точки зрения юридической догматики. Такое познание требует обращения к философским и религиозным основаниям правовой культуры, к её истокам, генезису и формированию в течение всех периодов истории.

В связи с этим представляется необходимым рассмотреть различные подходы к правовой культуре Индии, представленные на сегодняшний день в литературе по антропологии права и теории права. Антропология права как раз и выступает той научной отраслью, которая дает возможность познания иных юридических культур исходя из принципа правового плюрализма⁵³⁴. Существует несколько фундаментальных трудов, охватывающих антропологические и духовно-культурологические особенности правовых укладов различных народов. Так или иначе они затрагивают особенности индийской правовой культуры.

Г.В. Мальцев раскрывает ряд культурных традиций права, присущих Индии используя понятие «рта» (порядок). «Рта – это порядок как узаконенное состояние, или закон как упорядочивающее начало, и здесь соединяются космические и социально-правовые начала». «Рядом стоят, собственно, два закона: один из них мировой закон с большой буквы, а другой – близкий по смыслу к юридическому пониманию, т.е. «закон дающий», с помощью которого можно, по образному выражению гимна, «дойти» землю и небо, как «превосходных дойных коров». Предельно ясная мысль обладает «вечной свежестью»: кто почитает закон, строго его соблюдает, будет вознагражден небесными и земными благами, а кто его нарушает перед лицом могущественных богов, пусть не ищет иных объяснений, почему на него со всех сторон и сверху сыплются неудачи»⁵³⁵. Высказанное Г.В. Мальцевым обстоятельное суждение о индуистской культуре подтверждает ранее обозначенный нами тезис о двойственности её правового сегмента, о наличии собственно юридического, вестернизированного закона и закона,

---

⁵³³ Демченко Т.И. Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой мысли: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 45.

⁵³⁴ Рулан Н. Юридическая антропология / ред. В.С. Нерсесянц. М.: Норма, 2000. С. 59.

⁵³⁵ Мальцев Г.В. Культурные традиции права: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 17, 19, 21.

опирающегося на традиционные индусские религиозно-философские начала. В этом состоит первая особенность правовой культуры Индии.

Рассмотрим следующую особенность правовой культуры Индии. Наряду с понятием «рта» в индийской правовой культуре используется конструкция (концепция) дхармы. С.П. Синха отмечает, что данное понятие является непереводаемым, который, по существу, не является также и правовым в западном смысле. «Концепция «рта» (rta), или универсального порядка, означала структуру, которая была имманентна, вечна и независима от какой-либо другой силы. Дхарма являлась тем, что поддерживало или сохраняло этот порядок. «Рта» охраняло природное окружение человека и структурировало беспорядочные явления в определенную форму регулярности. Боги давали пример дхармы для поддержания того, что существовало в упорядоченном состоянии (рта). Преследовалась цель, чтобы человек осознал необходимость активного, хотя и упорядоченного образа жизни»⁵³⁶. Здесь мы уже наблюдаем констатируемую ученым внутреннюю структуру традиционных индусских правокультурных начал, где универсальный принцип-регулятор дополняется детально проработанным порядком следования ему. Помимо дхармы, выступающей в качестве свода правил, существует также понятие кармы, чаще всего трактуемое как действие, реализующее данный порядок. Есть основания говорить уже не о двух, а о трехэлементной конструкции традиционной части правовой культуры Индии.

Аргументацию такой точки зрения можно найти и в трудах других специалистов по антропологии права. Так, А.И. Ковлер указывает на то, что при раскрытии сути индусского права необходимо проводить различие между правом Индии как независимого государства, образованного в 1947 г. на значительной части бывшей колонии Британской Индии, и правом общины, исповедующей индуизм и имеющей своих последователей как в Индии, так и в ряде других стран, из делает вывод, что индусский *homo juridicus* в историческом обозрении был и остается «человеком общинным», только недавно начавшим приобретать правовые признаки «человека государственного». Также он отмечает, что в индусском мировоззрении юридическое не совпадает с логическим, т.е. «космический порядок, закон, обычай (обозначаемые, что показательно, одним понятием - рита) не совпадает с Истиной,

---

⁵³⁶ Синха С.П. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс / пер. с англ. - М.: Издательский центр «Академия», 1996. С. 41.

основной категорией священных текстов Вед, древнейшей философской системы»⁵³⁷.

«Традиционное право в Индии отнюдь не является памятником правовой мысли, изучаемым только студентами юридических факультетов, эта сама жизнь современной Индии, дающей одних из лучших в мире специалистов в области компьютерных технологий»⁵³⁸. Таким образом, А.И. Ковлер показывает, что в антрополого-юридическом смысле компоненты традиционного права Индии выступают вполне действующим компонентом её правовой системы и правовой культуры. Рене Давид, разработавший концепцию классификации правовых систем современности, уделяет определенное внимание индуской правовой семье, показывает, что все три дхарма, артха и кама - легитимны, и естественный порядок вещей требует, чтобы люди надлежащим образом соблюдали их, при этом каждый должен вести себя так, как это предписано социальной касте, к которой он принадлежит. «Дхарма основана на веровании, что существует всемирный порядок, вытекающий из природы вещей и необходимый для сохранения мира, причем сами боги являются хранителями этого порядка. Дхарма говорит о поведении людей, не различая религиозные и юридические обязанности»⁵³⁹. Французский компаративист, таким образом, приходит к тем же самым выводам о действенности, легитимности и вовлеченности в повседневную правовую жизнь индийского социума традиционных правокультурных феноменов Индии.

Проведенный выше анализ позволяет сделать вывод, что ученые при анализе индийской правовой культуры, сходятся в двух основных её специфических особенностях. Первая - это двойственность, сосуществование традиционного права и современного права. Вторая касается традиционного права, оно носит сложный, полиструктурный и не юридический, а, преимущественно, религиозно-философский характер. В этой связи необходимо обратиться к работам знатоков индуизма, индусских учений, для лучшего понимания традиционного характера правовой культуры Индии.

Р. Генон, изучая специфику индусских учений, отмечает: «Общественное устройство, чтобы быть признанным традиционным, должно быть эффективно прикреплено в своей основе к традиционному

---

⁵³⁷ Ковлер А.И. Антропология права: учебник для вузов. – М.: Норма, 2002. С. 201-202.

⁵³⁸ Там же. С. 210.

⁵³⁹ Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вст. ст. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1988. С. 408-409.

учению, будь оно метафизическим, религиозным или каким-либо ещё. Другими словами, традиционными являются те общества, которые имеют свое главнейшее основание в более или менее прямой, но всегда сознательной и намеренной зависимости от доктрины, которая, как требует того её внутренняя природа, принадлежит во всех случаях к интеллектуальному порядку; но эта интеллектуальность может быть обнаружена либо в чистом виде, когда речь идет о полностью метафизическом учении, либо в соединении с составляющими иного порядка, как в случае религии или иной особой формы, которую традиционная доктрина способна принять». «В Индии мы сталкиваемся с традицией, чисто метафизической по своей сути; к ней прикреплены, как и многие другие зависимые дополнения, различные приложения, которым она дает начало, как, например, некоторые вторичные ответвления самого учения, типа космологии, или же в области общественного устройства, которое весьма строго управляется аналогичным соответствием, связывающим воедино космическое и человеческое бытие»⁵⁴⁰. Таким образом, тонкий знаток индусских учений и всего традиционалистского цикла эзотерики Рене Генон убедительно показывает третью особенность индийской правовой культуры – её опору не на религиозные в собственном смысле слова, а на метафизические или, как бы их назвали ориенталисты, квазирелигиозные, религиозно-философские доктрины. А это значит, что основания традиционной индусской правовой культуры являются интеллектуально-созерцательными, и во вторую очередь – ритуально-действенными, а такая конфигурация не препятствует, а способствует развитию и научной сферы социальной жизни.

Что характерно, подобная точка зрения находит подтверждение и в трудах правоведов, занимающихся проблемами правовой культуры Индии. Н.А. Крашенинникова трактует индусское право как «ныне определенную совокупность норм, связанных с религией индуизма (по вопросам брака и семьи, усыновления, наследования имущества и проч.), персональную систему права, применяемую к индусам, т.е. лицам, исповедующим индуизм, или, точнее, признающим свою связь с индусской соционормативной культурой»⁵⁴¹. Наиболее рельефно специфическую особенность индийской правовой культуры подчеркивает

---

⁵⁴⁰ Генон, Рене. Общее введение в изучение индусских учений / пер. с англ. М.В. Маковчик. – М.: Беловодье, 2013. С. 80-81.

⁵⁴¹ Крашенинникова Н.А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. – М.: Норма, 2013. С. 47.

следующий тезис Н.А. Крашенинниковой: «В самой Индии вообще нет понятия, которое соответствовало бы западному представлению о религии. По своему характеру это не столько канонизированная религия, церковь, сколько социальная, религиозно-философская, этико-правовая система с её многочисленными сектантскими отличиями»⁵⁴². Как видим, религиозно-метафизический характер традиционной правовой культуры Индии очерчивает её своеобразие и непохожесть на западные правовые порядки, основанные на позитивном праве, исходящем в обществе от государства. Сложный и полиструктурный характер современного права Индии выступает, своего рода, отражением того непростого пути, который прошло право данной страны в течение всей её истории.

Итак, во-первых, говоря о правовой культуре Индии нужно иметь в виду, что она носит двойственный характер, и состоит из параллельно сосуществующих модернистского и традиционного компонентов или слоев. Во-вторых, традиционный компонент носит достаточно сложный по содержанию и структуре характер, уходящий, в силу более чем трехтысячелетнего существования индусского культурно-исторического типа, в глубину человеческой истории. Причем, общее происхождение индоариев и славян, утверждаемое некоторыми авторами, общий ведический период их древнейшего прошлого, закладывает одну из незримых предпосылок сотрудничества России и Индии, наряду с другими обстоятельствами. Наконец, в-третьих, данный традиционный компонент опирается не на религиозные, а на метафизические, интеллектуальные начала, что не препятствует, а способствует научному развитию Индии. Далее мы рассмотрим, как именно осуществляется на сегодняшний день это развитие, и каким образом осуществляется правовое опосредование научной сферы в Индии.

Правовое регулирование и развитие науки и научной деятельности в Индии. В литературе отмечается, что Индия, изначально имея ограниченные возможности для капиталовложений и сложный инвестиционный климат, осуществляла и продолжает осуществлять целенаправленную государственную политику в области развития информационно-телекоммуникационных технологий. В результате этой политики, а также благодаря наличию ряда благоприятных предпосылок и деятельности индийских предпринимателей, Индия за сравнительно короткий срок сумела построить мощную индустрию

---

⁵⁴² Там же. С. 55.

информационно-коммуникационных технологий и, в частности, экспортную отрасль производства программного обеспечения, опираясь на свои преимущества⁵⁴³. Отсюда уже можно заключить, что, несмотря на изначально малоблагоприятные условия, даже в такой наукоемкой и высокотехнологичной сфере, как информационные и коммуникационные технологии, Индии удалось добиться серьезных успехов, что также позволяет говорить о необходимости учета опыта Индии и при правовом регулировании научной деятельности в России.

Значительные успехи Индии фиксируются исследователями также в области инновационной деятельности. В качестве объекта особого внимания выступают меры, стимулирующие инновационную деятельность. «Среди всего комплекса мер особый упор делается в Индии на создание необходимой инфраструктуры, оказание технической, информационной и методологической помощи, а также на снижение рисков инновационной деятельности за счет вовлечения в проекты государственного финансирования»⁵⁴⁴. В качестве одного из основных элементов инновационной системы Индии указанные авторы называют технологические парки и инкубаторы, задача по поддержке этих институтов признана одной из важнейших государственных задач, при правительстве созданы специализированные государственные органы по организационному обеспечению их функционирования.

В области регулирования научной деятельности в Индии используется методика пятилетних планов (рецепция позитивного советского опыта), охватывающих собой, в том числе, и планирование политики государства в названной сфере. В аналитической справке по Индии отмечается, что в начале 2013 г. был начат 12-й по счету пятилетний план, в ходе которого планируется в период с 2013 по 2018 гг. удвоить государственное финансирование развития науки и технологий в результате чего, в частности, к 2020 г. Индия должна занять пятое место в мире по уровню научно-исследовательской активности (по результатам 2014 г. она была на одиннадцатом месте)⁵⁴⁵.

---

⁵⁴³ Балашова С.А., Лазанюк И.В. Государственное регулирование сектора информационных технологий: Индия и Россия // Электронный журнал «Исследовано в России». <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2004/199.pdf>

⁵⁴⁴ Калятин В.О., Наумов В.Б., Никифорова Т.С. Опыт Европы, США и Индии в сфере государственной поддержки инноваций // Российский Юридический Журнал, 2011, № 1 (76). С. 10.

⁵⁴⁵ Республика Индия. Страновая аналитическая справка. 12.07.2016. М.: Проспект, 2016. С. 16.

Научно-техническая система Индии на сегодняшний день представлена следующими ведомствами: центральные правительственные научно-технические департаменты; независимые исследовательские институты; собственные НИОКР частного производства; НИОКР неправительственных организаций; научно-технические департаменты штатов; центральные социоэкономические и др. министерства⁵⁴⁶. К центральным правительственным научно-техническим департаментам относятся: министерство по науке и технологиям; департамент по атомной энергетике (учрежден в 1954 г.); департамент по биотехнологиям; министерство наук о Земле; департамент научно-промышленных исследований; индийский совет по медицинским исследованиям; организация оборонных исследований и разработок; департамент по делам космоса⁵⁴⁷.

Также в Индии существует и реализуется ряд научных программ и программ поддержки науки, в частности, Космическая программа Индии, Индийская организация по исследованию космического пространства, Атомная программа Республики Индия, Джейтаперский ядерно-энергетический проект, Институт исследования плазмы, Программа исследований и развития по содействию промышленности, Программа инноваций и развития технологий, Программа менеджмента технологий, Программа международного трансфера технологий, Программа консультирования в области продвижения, Программа облегчения информирования в области технологий, Национальный проект по соединению рек Индии⁵⁴⁸.

Значительное внимание уделяется и международному научному сотрудничеству, существуют, в частности, Центр международного сотрудничества в научной сфере, Центр по науке и технологиям в странах неприсоединения и прочих развивающихся странах, Индийско-французский центр содействия передовым исследованиям, Форум по науке и технологиям между Индией и США, Индийско-немецкий центр по науке и технологиям. Российско-Индийский научно-технологический Центр был создан в 2010 г. в результате подписания Совместного заявления глав государств Индии и России от 25 января 2007 г. Наконец, необходимо указать индийские технопарки, среди которых называют Керальский технологический парк, Электронный город,

---

⁵⁴⁶ Там же. С. 17.

⁵⁴⁷ Там же. С. 18.

⁵⁴⁸ Там же. С. 19-32.

Международный Бангалорский Технопарк, Хай-тек город, Геномная долина⁵⁴⁹.

Необходимо сказать отдельно о наукометрии и управлении наукой в Индии. В литературе отмечается последовательность, проявленная индийским правительством в области регулирования научной деятельности: политические программные документы 1958, 1983, 2003, 2009 и 2013 гг. определяют что ключом к национальному процветанию, помимо силы духа народа, является эффективное сочетание трех факторов: технологий, сырья и капитала, из которых первый является самым важным, поскольку создание и применение новых наукоемких технологий компенсирует дефицит сырья и капитала в стране⁵⁵⁰.

Развитие системы управления наукой в Индии прошло сложный, продуктивный путь. В период с 1954 по 1986 гг. были созданы основные государственные органы в этой области, определяющие научную деятельность по главным стратегическим направлениям⁵⁵¹. С 1991 года определенные изменения приобретают стратегические основы управления наукой: индийская наука становится открытой, ориентированной в том числе и на международное сотрудничество, а также получает значительную государственную поддержку. В 2013-м году Департамент науки и технологий принимает документ «Наука, технологии и инновационная политика», который формулирует положение о том, что новой парадигмой политики Индии в области науки, технологий и инноваций является ориентация на улучшение качества жизни людей и что национальные органы Индии в сфере науки, технологий и инноваций должны стать центральным элементом быстрого развития экономики страны, при этом определяющую роль должен играть человеческий капитал⁵⁵². В этом же документе в качестве цели научно-технической политики в Индии названо создание сильной и конкурентоспособной национальной системы для проведения высокотехнологичных научных исследований и разработок, ориентированных на человека, основной заинтересованной стороной признается индийское общество в целом, а результаты исследований и разработок должны быть

---

⁵⁴⁹ Никифорова Т.В. Научно-исследовательская деятельность в Индии: особенности государственного регулирования // Вестник РУДН, серия Экономика, 2009, № 2. С. 66.

⁵⁵⁰ Петровский А.В., Проничкин С.В., Стернин М.Ю., Шепелев Г.И. Организация и управление наукой: опыт Индии // Труды ИСА РАН. Том 67. 3/2017. С. 27.

⁵⁵¹ Там же. С. 28-39.

⁵⁵² Science, technology and innovation policy. Government of India. – NewDelhi: DST Publ., 2013.

доступны как можно большему числу жителей страны⁵⁵³. Отсюда становится ясным содержание и направленность приоритетов научной политики в Индии, этим объясняется и активная государственная поддержка научных исследований.

Касательно государственной поддержки науки в Индии в литературе отмечается: «За последние 15 лет валовые расходы на исследования и разработки возросли в стране более чем в четыре раза: с 15,6 млрд. долл. в 2000 году до 66,5 млрд. долл. в 2015 году. Динамика роста ежегодных затрат в Индии на исследования и разработки (в млрд. долл.) представлена следующими данными: 15,63 (2000 год); 21,59 (2004 год); 37,03 (2008 год); 51,93 (2012 год); 66,49 (2015 год). В указанный период затраты на исследования и разработки в долях ВВП также возросли с 0,74% (2000 год) до 0,85% (2015 год)»⁵⁵⁴. Но при этом в целом констатируются существенные трудности в научном развитии Индии, особенно с наукометрической точки зрения. Не самый характерный показатель, особенно учитывая, что среди стран БРИКС в посткризисный (2010-2018 гг.) период именно Индия демонстрирует наивысшие темпы роста ВВП.

В качестве основных принципов современной научно-технической политики Индии называют:

- ориентация на национальный человеческий капитал;
- стремление к достижению мирового лидерства в науке и технологиях;
- проведение ориентированных исследований и разработок;
- вовлечение в процессы принятия решений всех заинтересованных сторон⁵⁵⁵.

Как можно увидеть, эти принципы отражают национальную ориентированность научно-технической политики, а также значительную долю демократизма. Учитывая, что около 40 % исследователей индийского происхождения работают за пределами Индии, такого рода подход необходимо признать вполне оправданным и обоснованным. Характерно, что и для России национальная ориентированность (ориентация не на иностранные, а на отечественные рейтинги, системы цитирования, оправданность разработок отечественной экономикой, политикой и культурой) научной и научно-технической политики видится

---

⁵⁵³ Ibid.

⁵⁵⁴ Ibid. P. 29.

⁵⁵⁵ Mashelkar R. Indian science, technology, and society: the changing landscape // *Technology in Society*. 2008. Vol. 30.P. 302.

такой же необходимой, как и для Индии, поскольку способна обеспечить ослабление оттока человеческого научного капитала и национализацию передовых разработок.

Таким образом, освободившаяся от колониальной зависимости Республика Индия активно развивает свою научную индустрию, уверенно продвигаясь среди передовых стран мира. Её традиционная правовая культура не препятствует, а способствует развитию научной деятельности и науки. Такой вывод вытекает из двух посылок: сохранение существенных традиционных начал в правовой системе Индии и активное поступательное развитие индийской науки, научной сферы. Сказанное повышает ценность Индии как стратегического партнера и активного участника Шанхайской организации сотрудничества, в которую, наряду с РИК и БРИКС она с недавнего времени входит в качестве полноправного участника.

Индия и ШОС. Рассмотрев наиболее характерные черты правовой культуры Индии необходимо перейти к взаимодействию данного государства с Шанхайской организацией сотрудничества. С момента возникновения этой организации существовало активное стремление Индии вступить в неё. В специальной литературе отмечается, что «Индия заявила о своей заинтересованности в участии в организации в 2005 г., на пятом саммите ШОС в Астане, когда она стала государством-наблюдателем, с тех пор она не раз показывала о своей готовности стать полноправным членом, в этом стремлении её активно поддерживали Россия и Казахстан, которые убеждены, что ШОС многое выиграет от членства Индии»⁵⁵⁶. «Со своей стороны Индия, выразив желание присоединиться к Шанхайской организации сотрудничества, планирует усилить внимание к углублению регулируемого экономического партнерства в целях повышения национальных конкурентных преимуществ экономик стран-участниц. В частности, в силу избытка трудовых ресурсов в Индии она готова направлять своих специалистов (медиков, фармацевтов, программистов и др.) для работы на предприятиях и в компаниях России»⁵⁵⁷.

Заинтересованность Индии в участии в ШОС может быть также объяснена её активным желанием вовлечения в международные

---

⁵⁵⁶ Акарашов И.С. Российско-индийские отношения в 1991-2017 годы: основные направления, проблемы, перспективы. Дисс... канд. юрид. наук.: 07.00.15. М., 2018. С. 87.

⁵⁵⁷ Шанхайская организация сотрудничества: новые приоритеты развития: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 218-219.

организации сотрудничества, свидетельствующие о складывании многополярного мира. Ведь именно в таких организациях есть возможность развития отношений на началах паритета и партнерства, а не господства и подчинения. Аналогичным образом можно оценить возникновение и функционирование БРИКС (Бразилия - Россия - Индия - Китай - Южная Африка) и РИК (Россия – Индия - Китай). При этом невоенный формат ШОС не приводит к повышению эскалации напряженности в мире при вхождении в неё новых членов. Сами страны ШОС, и прежде всего, Россия, также заинтересованы в повышении степени сотрудничества с Индией, это делает формат данной организации более международным, нежели региональным.

З.А. Кокошина отмечает: «Все более важным фактором развития ШОС являются российско-индийские отношения, находящиеся на весьма высоком уровне. Помимо двусторонних отношений Индия – РФ немаловажное значение имеет взаимодействие этих двух стран в формате БРИКС и РИК». Далее она приводит слова посла Индии в России Рагхавана, который подчеркивает характер отношений этих двух стран как «особого и привилегированного партнерства», и отмечает развитие сотрудничества в области энергетики, ВПК и вопросах безопасности, в связи, в частности, с Афганистаном⁵⁵⁸. Таким образом, участие Индии в ШОС способно выступить локомотивом данной организации, особенно в свете развития противостояния США и КНР в торговой сфере.

Стоит отметить, что научная тема в сотрудничестве под эгидой ШОС стала приобретать значимость и актуальность в недавнее время. «Важную роль в деле развития сотрудничества в сфере научных интересов сыграл Форум ШОС, учрежденный в Москве в мае 2006 г. Это многосторонний общественный консультативно-экспертный механизм по взаимодействию научно-исследовательских и политологических центров государств-участников»⁵⁵⁹. Проанализированный позитивный опыт Индии в развитии научной и научно-технической сферы, а также в сочетании традиционных и модернистских начал, может быть эффективно воспринят другими странами ШОС, многие из которых по своему цивилизационному типу к Индии достаточно близки.

---

⁵⁵⁸ Кокошина З.А. Шанхайская организация сотрудничества и интересы национальной безопасности России. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 21-22.

⁵⁵⁹ Василенко В.И. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект): монография / В.И. Василенко, В.В. Василенко, А.Г. Потеенко. М.: Проспект, 2018. С. 105.

Кроме того, взаимообмен технологиями, специалистами, идеями позволит ШОС обрести научно-технологическую самостоятельность по отношению к панамериканскому миру. Точки правокультурного соприкосновения участников ШОС, в частности, России, Индии и Китая, позволят и осуществить научно-технологический прорыв, и сохранить свою национально-культурную и историческую самобытность.

Резюме. Выделенные особенности правовой культуры Индии, по нашему мнению, способствуют её уверенному самостоятельному научно-технологическому развитию. Об этом свидетельствуют выше приведенные успехи и достижения индийской научной индустрии. Сохранение собственных национально-культурных метафизических оснований позволяет также оставаться в культурном отношении независимым от стран Запада. В пользу данного вывода говорит факт возвращения индийских студентов, прошедших обучение в университетах Западной Европы и США, обратно на родину, принимать участие в развитии национальной индийской науки. Кроме того, существующие общие черты, исходные общие корневые предпосылки, а также параметры цивилизационной общности между Индией и странами ШОС, в частности, Россией, обуславливают возможности тесного научного и научно-технического сотрудничества, а также стабильного культурного взаимообогащения без ущерба для своей собственной правовой идентичности. Следует, однако, отметить, что научное и научно-техническое сотрудничество России и Индии ещё в самом начале пути, и только получает концептуальное оформление в условиях новой цифровой реальности. В связи с этим, вступление Индии в 2017-м году в ШОС, при активном способствовании этому шагу России, можно расценить как один из самых позитивных и перспективных моментов в развитии Шанхайской организации сотрудничества, наряду с образованием Шанхайской пятерки, и преобразования её в ШОС с расширением формата участников.

Некоторые особенности правового регулирования науки в России. Рассмотрим, какие дефекты можно выделить в федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Закон о науке). Прежде всего, обратимся к специальной литературе. Д.В. Мурзин, сравнивая положения этого закона, а также Рекомендации ЮНЕСКО «О стандартизации международной статистики в области науки и техники» (Париж, 27 ноября 1978 г.), отмечает, что «в дефинициях понятий «научные исследования и экспериментальные разработки» и «научно-

исследовательская деятельность», приведенных в Рекомендациях ЮНЕСКО, неизменно обращается внимание на то, что это творческая деятельность, а в российских легальных определениях отсутствуют указания на творческий характер научной деятельности». Далее ученый подробно аргументирует позицию о том, что непризнание за наукой творческого характера деятельности, противоречит социальным реалиям и данным современного науковедения, поскольку «само развитие науки сверхдиалектично, поскольку строится на преодолении (отрицании) только что достигнутых результатов»⁵⁶⁰. В этом случае мы можем говорить о содержательном дефекте Закона о науке - о его определенном несоответствии предмету правового регулирования. Кроме того, Д.В. Мурзин выделяет ряд проблем, связанных с недостаточностью нормативного правового регулирования отдельных сторон научной деятельности и ее результатов, в частности, о правовой природе этих результатов, о статусе субъектов, о формах научной деятельности, о договорном режиме этой деятельности и о служебных результатах научной деятельности, что можно расценивать как дефект неполноты нормативного правового регулирования⁵⁶¹.

Ю.В. Степаненко рассматривает дефекты Закона о науке с точки зрения правового статуса государственных научных центров. Ученый, в частности, отмечает, что норма о государственном научном центре в Законе о науке находится не в том месте, которое определяет ей логика закона, а также данному понятию не дается приемлемой законодательной дефиниции. Указанное можно обозначить как технико-юридический и содержательный дефекты закона. Также автор пишет и о том, что законодателю и по сегодняшний день не удалось установить четкие критерии разграничения понятий «научная (научно-исследовательская) деятельность» и «научно-техническая деятельность»⁵⁶². Эту проблему регулирования научной сферы можно тоже трактовать как содержательный дефект нормативной основы этой сферы.

В другой статье Ю.В. Степаненко подвергает критике содержащееся в Законе о науке определение понятия «научный работник». «Заметим, во-первых, что законодатель почему-то не относит это понятие

---

⁵⁶⁰ См.: Мурзин, Д.В. Проблемы правового регулирования научной деятельности как деятельности творческой // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 167-175.

⁵⁶¹ См.: Там же.

⁵⁶² Степаненко, Ю.В. К вопросу о совершенствовании правового регулирования деятельности государственных научных центров // Современный юрист. 2017. № 1. С. 18-26.

к числу основных понятий, применяемых в Законе о науке. Во-вторых, он отождествляет понятия «научный работник» и «исследователь», что, на наш взгляд, является не вполне оправданным. Понятие «исследователь», по нашему мнению, шире понятия «научный работник» и, как представляется, является самым широким по смыслу при обозначении субъектов научной деятельности. Конечно, любой научный работник является исследователем, но не каждый исследователь является научным работником. Исследователем можно назвать и гражданина, занимающегося наукой не в силу возложенных на него профессиональных обязанностей, а в порядке творческого увлечения, личного хобби»⁵⁶³. Здесь речь идет уже о терминологических неточностях законодательного материала, о неоправданной синонимии понятий, не являющихся на самом деле синонимами.

При анализе Закона о науке вопросы вызывает уже преамбула, в которой, как может показаться на первый взгляд, сформулирован предмет регулирования данного закона. Однако помимо указания насубъектов отношений, а также одного из сегментов объекта отношений, больше никакой характеристики сферы регулирования закона не приводится, не указано ни содержание отношений, ни другие объекты, по поводу которых в отношении вступают участники, перечисленные в преамбуле. В связи с этим возможны проблемы при возникновении коллизии норм равной юридической силы Закона о науке и, например, Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Для сравнения, в ст. 1 последнего из законов очень подробно расписывается, что является предметом его регулирования, и что устанавливается этим законом в данной сфере. В связи с чем, нечеткое определение предмета регулирования Закона о науке можно рассматривать в качестве его содержательного дефекта.

Определенная диспропорция нормативного правового регулирования наблюдается в ст. 7 Закона о науке «Управление научной и (или) научно-технической деятельностью». Ч. 1 этой статьи указывает, что управление научной и (или) научно-технической деятельностью осуществляется на основе сочетания принципов государственного регулирования и самоуправления. При этом в самой статье только одна шестая текста посвящена самоуправлению, а все остальное касается государственного регулирования. Не регламентированы ни пределы самоуправления, ни сферы, в которых оно может осуществляться. В

---

⁵⁶³Степаненко, Ю.В. Правовой статус научного работника: ключевые понятия // Административное право и процесс. 2019. № 5. С. 26-32.

связи с чем можно говорить о дефекте непропорционального нормативного правового регулирования в сфере управления научной и (или) научно-технической деятельностью, который можно отнести к технико-юридическим дефектам.

Нельзя не отметить в качестве примера дефектов нормативно-правового регулирования ст. 16 Закона о науке, посвященную международному научному и научно-техническому сотрудничеству РФ. В целом статья носит декларативный характер и не содержит конкретных направлений, сфер, объектов сотрудничества, в качестве приоритетного направления называется только сотрудничество со странами СНГ. В данном случае наблюдается дефект неполноты нормативного правового регулирования, относящийся также к содержательным дефектам.

В части преодоления названных дефектов можно предложить законодателю воспользоваться положениями принятого на 31-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ Модельного закона «О научной и научно-технической деятельности», в котором вполне удачно сформулировано определение предмета регулирования в преамбуле. Вопросы научного сотрудничества в данном модельном акте также расписаны достаточно подробно для использования в национальном нормативном правовом регулировании.

Наднациональное межгосударственное регулирование науки и научной деятельности (на примере СНГ и ШОС). Рассмотренный выше Закон о науке, затрагивая вопросы международного научного и научно-технического сотрудничества, особое внимание обращает на исторически сложившиеся связи между государствами-участниками Содружества независимых государств в различных областях, в том числе и в сфере науки. На уровне СНГ было принято несколько модельных актов в этой области, в частности, уже упоминавшийся модельный закон «О науке и научно-технической деятельности», а также представляющий определенный интерес модельный закон «О статусе ученого и научного работника», принятый на 31-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ (постановление № 31-14 от 25 ноября 2008 года). В последнем модельном акте, также как и в первом из названных, подробно и точно сформулирован предмет регулирования закона, определены основные понятия, а также ряд других важных вопросов, касающихся правового статуса субъекта научных отношений (права и обязанности, социальные гарантии и компенсации, исключительное право на результаты

интеллектуальной деятельности и др.), которые в действующем российском законодательстве рассредоточены по нормативным правовым актам различной отраслевой принадлежности, в частности, в Трудовом кодексе РФ, в Гражданском кодексе РФ, и т.п. В связи с этим можно заключить, что, во-первых, российскому законодательству, регулирующему научные отношения, не хватает системности (и видимо эта проблема связана с нечетким и неполным определением предмета регулирования Закона о науке). Так, нормы, регулирующие правовой статус ученого как автора, например, и как работника научных учреждений, рассредоточены по разным отраслям права с различным отраслевым правовым режимом. И, во-вторых, необходимо отметить высокий уровень принятых на уровне СНГ модельных актов для регулирования научной сферы, потенциал которых российским законодателем далеко не в полной мере можно считать использованным.

Сфера научного и научно-технического сотрудничества стран Шанхайской организации сотрудничества (*далее – ШОС*) до настоящего времени находится в стадии становления и постепенного поэтапного развития. Отражается это обстоятельство и на правовом регулировании данной сферы. Право не может и не должно регулировать общественные отношения, находящиеся в стадии становления. Будучи явлением статичным и консервативным, как и всякая иная регулятивная нормативная система, право фиксирует уже имеющееся состояние социальной реальности и берет его под охрану. Несмотря на популярность опережающего правового регулирования, опыт его применения в ходе многолетних непрекращающихся реформ показывает его концептуальную неэффективность. Попытки опережающего правового регулирования научного и научно-технического сотрудничества нарушают органичность развития данной сферы и могут создавать дополнительные препятствия для развития ее содержательных элементов, т.е. непосредственно самих общественных отношений. И хотя с правовокультурных позиций между странами ШОС довольно много общего, благоприятствующего и способствующего развитию между ними научного и научно-технического сотрудничества, конкретные правовые механизмы такой работы оставляют желать лучшего, и не в последнюю очередь это обусловлено дефектами национального, а также наднационального правового регулирования научной сферы.

Прежде всего, необходимо проанализировать на предмет дефектов Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом

сотрудничестве, заключенном в г. Бишкеке 13 сентября 2013 г (далее – Соглашение ШОС). Показательна ст. 1 указанного соглашения, предусматривающая перечень сфер, в которых, исходя из названия документа, должно осуществляться научно-техническое сотрудничество. Обращает на себя внимание открытый характер этого перечня (присутствует формулировка «другие взаимосогласованные области сотрудничества»), а также не научный, а прикладной характер части направлений. С одной стороны, предоставление подобным образом широкой свободы странам – участникам соглашения, может быть оценено положительно, поскольку в условиях непрерывно и динамично развивающейся науки и техники невозможна строгая формализация сотрудничества в этой сфере. С другой – способ регламентации в Соглашении ШОС сфер научно-технического сотрудничества не придает регулированию этого вопроса правовой определенности, что может расцениваться как технико-юридический дефект. Аналогичным дефектом обладает и закрепленный в статье 2 Соглашения ШОС перечень форм научно-технического сотрудничества.

Что касается последующих статей анализируемого документа, то обращает на себя внимание их преимущественно декларативный характер, или, точнее говоря, характер своего рода заявлений о намерениях, как например, положение статьи 9: «В случае возникновения спорных вопросов и разногласий, связанных с толкованием и применением положений настоящего Соглашения, они решаются путем консультаций и переговоров между Сторонами». Здесь закрепляется очевидный без всякой юридической регламентации вариант поведения участников любого соглашения в случае возникновения спорных ситуаций. В целом декларативный и малосодержательный характер большинства положений Соглашения ШОС противоречит характеру документа как соглашения, в большей степени подходящим было бы наименование его как декларации стран ШОС о научно-техническом сотрудничестве. Налицо такой частный дефект нормативного регулирования, как несоответствие названия акта его содержанию. Можно заключить, что наднациональное регулирование научной деятельности под эгидой ШОС находится в стадии становления, а существующие в этой области акты можно считать лишь проявлением начального этапа такого регулирования, когда определяются основные возможности юридического опосредования общественных отношений. Кроме того, в соглашении немало отсылочных норм, что также обедняет его собственный регулятивный потенциал.

Выводы. Правовое регулирование научной сферы на уровне национального российского права характеризуется в части его типовых дефектов следующими основными моментами. Во-первых, нормативная основа такого регулирования создана, но она имеет рассредоточенный характер, научное право с точки зрения системных правовых характеристик пока что не оформилось в относительно самостоятельное образование, выделяющееся среди всего остального массива нормативно-правовых предписаний. Во-вторых, не вполне корректно определен предмет регулирования Закона о науке, что может создать сложности при выделении предметного приоритета в ходе разрешения коллизий между данным актом и иными актами равной с ним юридической силы. Дефектное закрепление предмета, как думается, определяет и незавершенность системно-структурного оформления совокупности норм, регулирующих научную сферу. Также ряд статей Закона о науке характеризуются различными формальными и содержательными дефектами, такими как непропорциональность регулирования, декларативность или абстрактный характер предписаний и т.п.

В-третьих, на уровне СНГ сформирована неплохая база модельных нормативных правовых актов для регулирования научной сферы. Эти модельные законы характеризуются высоким уровнем разработанности предписаний, а также хорошим качеством законодательных формулировок и определенностью правового регулирования. В связи с чем желательно использовать такой потенциал модельного регулирования для формирования национальных систем регулирования научной сферы.

В-четвертых, достаточно проблемным и декларативным по характеру и содержанию выступает Соглашение ШОС о научно-техническом сотрудничестве: это не полноценный международный договор, а, скорее, соглашение о намерениях, которое нуждается в дальнейшем развитии его положений в последующих международных договорах.

Таким образом, можно выделять как формально-юридические, так и содержательные дефекты нормативно-правового регулирования научной сферы как на национальном, так и на наднациональном уровне. Без преодоления этих дефектов крайне сложно говорить об эффективном и результативном правовом опосредовании данной сферы.

Теоретически дефекты нормативного правового регулирования можно определить как несоответствие правовых предписаний содержанию общественных отношений, которые они призваны регулировать (предмет правового регулирования), либо требованиям

юридической техники, либо внутрисистемным правовым закономерностям и правилам. Виды и типы такого рода дефектов можно выделять исходя из разнообразных критериев, главным среди которых будет их отношение к форме права, либо к его содержанию. На примере регулирования научной сферы можно убедиться в том, насколько содержательные дефекты создают больше проблем, чем формальные, в силу чего законодателю следует в первую очередь избегать именно таких дефектов и, например, в ряде случаев обращаться к модельным актам, выступающим результатом научного анализа соответствующей сферы, в силу чего достаточно совершенным как в формальном, так и в содержательном плане.

3.4. Правовое регулирование международного научно-технологического сотрудничества в законодательстве государств – членов ЕАЭС в контексте повестки гармонизации

В эпоху современного научно-технологического прогресса, отмеченного инновационной направленностью и динамичным появлением целого спектра новых и новейших технологий, современные государства активизируют свои усилия по созданию правовых условий для удовлетворения потребностей технологического развития экономики и общества, исходя из прогнозных сценариев и соответствующих стратегических ориентиров. В том случае, если они являются членами интеграционных объединений государств, то стратегическое планирование и правовое регулирование развития национальных научно-технологических комплексов прямым и обратным образом соотносится с правовым регулированием и стратегическим планированием на интеграционном уровне, для которого характерна та или иная степень наднациональности. При этом повышается значение гармонизации национальных научно-технических политик государств – членов, соответствующего национального отраслевого законодательства, а также гармонизации политики и правового регулирования международного научно-технологического сотрудничества (далее – МНТС).

В самом общем плане под МНТС подразумевается «совместная разработка научно-технических проблем, взаимный обмен научными достижениями, производственным опытом и подготовка квалифицированных кадров»⁵⁶⁴. По общему определению, подобного рода

---

⁵⁶⁴ Балуев Н.И., Бердашкевич А.П., Калинин А.В. Правовой статус субъектов научной деятельности в российском законодательстве. М., 2006. С. 141.

сотрудничество осуществляется в разных организационных формах – конкуренция, координация, коллаборация, кооперация, интеграция⁵⁶⁵. Представляется, что все перечисленное более верно назвать типами МНТС, тогда как собственно организационно-правовые формы представлены совместными исследованиями и разработками, обменом научной информацией, передачей технологий и т.д. Разумеется, перечень организационно-правовых форм значительно шире. Но, во всяком случае, все его формы, включая также передачу технологий, обмен научной информацией и данными и т.д., самым тесным образом сопряжены друг с другом.

Разумеется, перечень форм МНТС, как и их содержание, развивается с течением времени⁵⁶⁶. Например, в Стратегии международного сотрудничества РАН РФ в сфере научной и научно-технической деятельности на период до 2030 года⁵⁶⁷ сформулированы задачи в отношении создания механизмов, а также новых институциональных форм участия российских ученых в международных научных разработках и, как следствие, в содействии достижению такой цели, как лидерство в области научных разработок. Подобного рода интеграция через участие в формах сотрудничества имеет весомый практический смысл. Так, следует согласиться с концептуальной позицией, согласно которой, «научно-технологическое развитие страны в условиях глобализации предполагает партнерство с другими государствами в качестве одного из ключевых инструментов такого развития. Однако цели, формы и направления международного научно-технического сотрудничества ... каждое государство выбирает исходя из своих национальных интересов и приоритетов»⁵⁶⁸.

---

⁵⁶⁵ См.: Нечаева Е.К. Правовое регулирование научных исследований и технологического развития в рамках региональных интеграционных организаций (на примере Европейского Союза и Евразийского экономического союза // Автореф. дисс. .. канд. юрид. наук. М., 2017. С. 20–26.

⁵⁶⁶ См.: Бальхаева С.Б., Капустин А.Я., Символоков О.А., Шулятьев И.Я. Эволюция форм международного научно-технического сотрудничества в СССР и Российской Федерации // Вопросы истории. 2020. №11. Ч. 2. С. 125–133.

⁵⁶⁷ Стратегия международного сотрудничества РАН в сфере научной и научно-технической деятельности на период до 2030 года. URL: http://oem.ras.ru/images/_store15.cpf/upload/image/natasha/STRATEGIYA.pdf (дата обращения 20.09.2022).

⁵⁶⁸ Биткина И.В., Васильева И. Н., Реброва Т. П., Демидов А. В. Развитие сотрудничества с зарубежными партнерами как одно из направлений реализации приоритетов России в области науки, технологий и образования // Управление наукой и наукометрия. 2022. № 2. С. 216–236.

От эффективного правового регулирования МНТС в целом и его форм в частности, а также от правильного выбора его модели во многом зависит успех в реализации национальных планов по технологической модернизации экономики и общества. Во многом это определяется правильно выбранными приоритетами. Как отмечает А.А. Васильев, «приоритеты государственной научно-технической политики России вытекают из тех реальных проблем и вызовов, с которыми сталкивается научно-техническая сфера»⁵⁶⁹. Действительно, эти проблемы и вызовы имеют как страновой, так и универсальный характер. Одновременно с этим они решаются как индивидуальными, так и коллективными усилиями государств. Данного рода сотрудничество, среди прочего, предполагает решение проблем, характерных для самого МНТС: неравенство научных потенциалов сотрудничающих государств, правовые и организационные барьеры, трудности с коммерциализацией совместных разработок и т.д.

В основе международного сотрудничества находятся не только положения международного, но и национального права. В законодательстве государств сложился блок норм, регулирующих МНТС⁵⁷⁰. Все это приобретает особую значимость в эпоху перехода к Четвертой промышленной революции, когда между государствами, с одной стороны, обостряется конкуренция в сфере науки, технологий и инноваций, а с другой – возникают новые кооперационные и интеграционные связи на базе новой, в частности цифровой научно-технологической инфраструктуры. Вполне очевидно, что Четвертая промышленная революция не только задает новые технологические запросы, одновременно порождая новые технологические тренды, но и привносит инновации в организацию МНТС. Например, следует указать на использование платформенных решений и их многообещающие перспективы в отношении практически всех организационных и содержательно-тематических форм в отношении всех направлений данного сотрудничества. Поэтому вызывает повышенный интерес позиция российских авторов, согласно которой в условиях цифровых трансформаций научной деятельности «требуется обособление в системе международного

---

⁵⁶⁹ Васильев А.А. Приоритеты государственной научной и научно-технической политики России: юридический анализ // Феномен научного права: коллективная монография / Под ред. А.А. Васильева. Барнаул: АЗБУКА, 2021. § 2.2. С. 53.

⁵⁷⁰ См.: Балякин А.А., Задорина А.К., Куклина И.Р., Малышев А.С., Тараненко С.Б. Позиционирование международного научно-технического сотрудничества в правовых документах стран - участников научной глобализации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 18. С. 651–667.

научного права комплекса норм права, регулирующих научно-техническое сотрудничество в сфере цифровизации науки и изучение процессов информатизации»⁵⁷¹.

В условиях наступления эры Четвертой промышленной революции, особенно с учетом текущей геополитической ситуации, обостряющей некоторые аспекты мировой политики в сфере науки, технологий и инноваций (далее – НТИ)⁵⁷², повышенную актуальностью приобретает научно-технологическое сотрудничество государств – членов ЕАЭС в рамках интеграционных процессов. Это определяется тем, что в синергии усилий заложен источник модернизации технологической базы экономики, характеризующейся расширенным использованием соответствующего спектра технологий, начиная от аддитивных технологий и заканчивая искусственным интеллектом. Сегодня, как никогда ранее, весьма актуален вопрос о формировании применительно к данной сфере надлежащей правовой базы, которая является составной частью права Союза.

Трудно не согласиться с Г.И. Осадчей в том, что «развитие евразийского пространства сегодня осуществляется в условиях международной неопределенности, экономического кризиса, усиления конкуренции интеграционных инициатив; перспектив реализации идеи Большого евразийского партнерства. Сохраняется санкционный режим, неустойчивость курса рубля, и как следствие национальных валют стран-участниц, напряженность отношений России и коллективного Запада»⁵⁷³. В дополнение к этому в литературе указывается на четкую зависимость позиций России в разного рода международных рейтингах «от внешнеполитических и экономических факторов, оказывающих значительное влияние на параметры развития национальной экономики»⁵⁷⁴. Впрочем, такая закономерность характерна и для других государств – членов ЕАЭС. На этом фоне от комплексности,

---

⁵⁷¹ Васильев А.А., Шпопер Д., Печатнова Ю.В. Перспективы международного научного и научно-технического сотрудничества в условиях новой технологической реальности // Российско-азиатский правовой журнал. 2021. № 4. С. 66.

⁵⁷² См.: Зиновьева Е.С. Микрополитическая концептуализация международного научно-технологического сотрудничества // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 6. С. 242–254.

⁵⁷³ Осадчая Г.И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества: [монография]. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2021. С. 6.

⁵⁷⁴ Лапочкина В.В., Емельянова Е.Е., Шкилев И.Н. Научно-технологическое развитие России в контексте международных сопоставлений // Управление наукой и наукометрия. 2021. № 4. С. 490.

своевременности и самое главное – действенности права Союза в сфере науки, технологий и инноваций, воспринимающего целевые во многом зависит успех в кооперационных усилиях по разработке и внедрению в производство самых разных технологий. В сущности, данное право призвано регулировать МНТС государств – членов, которое из международного в привычном смысле этого слова превращается в интеграционное. Однако это не означает «вычеркивание» международного характера данного сотрудничества. Даже будучи членами интеграционного объединения, государства – члены не утрачивают свое право на двустороннее сотрудничество друг с другом и на сотрудничество с третьими сторонами. Но в обоих случаях такое сотрудничество должно быть согласованным/скоординированным.

В настоящее время можно констатировать, что правовые основы, включающие в себя нормы и принципы, содержащиеся в источниках права Союза, обладающих разной юридической силой, или – право ЕАЭС в НТИ находится в стадии своего формирования и далеки от завершенности⁵⁷⁵. Тем не менее, вполне заметно ее соответствие международно-правовой модели ЕАЭС, предполагающей доминирование международно-правового начала, представленного прежде всего международными договорами. В качестве важного дополнения данной базы можно рассматривать двусторонние соглашения по вопросам научно-технического сотрудничества, заключенные между государствами – членами ЕАЭС⁵⁷⁶. Разумеется, они в право ЕАЭС не входят, но, тем не менее, вносят свой вклад в формирование общего научно-технологического пространства. В свою очередь они служат отправной точкой для развития собственно права Союза, выступая источником опыта правового регулирования межгосударственных связей. Отмеченные двусторонние соглашения достаточно гармонизированы, т.е. включают сходные и практически идентичные положения. Думается, что это является результатом членства государств – членов ЕАЭС в другом интеграционном объединении, а именно СНГ.

---

⁵⁷⁵ См.: Шугуров М.В. Право ЕАЭС в сфере науки, технологий и инноваций: системный подход // Московский журнал международного права. 2020. № 3. С. 44–63.

⁵⁷⁶Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о научно-техническом сотрудничестве (Бишкек, 10 октября 1997 года); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о научно-техническом сотрудничестве (Москва, 27 февраля 1997 года); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о научно-техническом сотрудничестве (Москва, 25 ноября 1996 года) и др.

Сказанное подводит нас к постановке вопроса о том, что повестка формирования права ЕАЭС в сфере НТИ необходимым образом должна быть дополнена повесткой гармонизации правового регулирования МНТС, предусмотренного в научном праве государств – членов.

В целом проблематика, связанная с определением степени гармонизированности текущего законодательного регулирования МНТС государств – членов ЕАЭС, а также определения данного рода гармонизации имеет не только теоретическую, но и практическую значимость, особенно в свете перспектив разработки договоров в составе правовых основ научно-технологической интеграции в рамках ЕАЭС, что предполагает выработку согласованной позиции. Зачем это необходимо? С нашей точки зрения, это необходимо для повышения согласованности сотрудничества государств – членов, а точнее сотрудничества их организаций и предприятий в рамках ставших уже традиционными и оправдавшими себя организационно-правовыми формами. К тому же, формирующееся право ЕАЭС в НТИ не только ориентируется на формы, в которых государства – члены осуществляют МНТС друг с другом, но и в своей эффективности во многом будет зависеть от степени гармонизированности правового регулирования МНТС в целом и его форм в национальных законодательствах государств – членов. Все это чрезвычайно важно в аспекте осуществления скоординированного МНТС с третьими сторонами – зарубежными государствами и их объединениями, а также с различными видами международных организаций. Правовое регулирование внешнего МНТС, безусловно, входит в состав права ЕАЭС в сфере науки, технологий и инноваций, которое обеспечивает реализацию таким типов МНТС, как кооперация и интеграция.

Вполне закономерно, что на уровне интеграционных объединений государств имеет место разрешение противоречия между конкуренцией и сотрудничеством. Здесь конкуренция уступает место сотрудничеству, для которого не только характерна логика расширения сфер научно-технологического взаимодействия, но и дополнение координации и кооперации такой формой, как интеграция, суть которой заключается в объединении научно-технологических комплексов и решении единых задач научного, технологического и инновационного развития. Безусловно, элементы конкуренции сохраняются, но они имеют очаговый характер.

Разные интеграционные объединения государств находятся на разной стадии развертывания данной логики. Одновременно с этим

они могут выбирать различные модели научно-технологического взаимодействия, которые характеризуется освоением той или иной стадии отмеченной логики развертывания сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций. Собственная модель, соответствующая интересам государств – членов, достаточно активно вырабатывается в рамках ЕАЭС⁵⁷⁷. Свое правовое выражение она находит в модели правового регулирования не только тех или иных форм МНТС⁵⁷⁸, но и МНТС в целом⁵⁷⁹.

В настоящее время в странах ЕАЭС сложилось законодательство в сфере НТИ, которое динамичным образом развивается в виду необходимости ответа на новые вызовы, с которыми сталкиваются национальные научно-технологические и производственные комплексы. Рассматриваемое национальное законодательство включает положения о МНТС. Нормы национального права играют существенную роль в выработке общих позиций, которые далее находят свое воплощение в международных договорах.

В случае разработки договорной базы ЕАЭС в сфере НТИ эффективность реализации положений последней во многом будет зависеть от гармонизированности положений национальных законодательств между собой. Разумеется, перспективы участия государств – членов в договорах, которые войдут в право Союза, в рассматриваемой области стимулирует данную гармонизацию. Одновременно, как представляется, ее можно осуществлять и не дожидаясь заключения данных договоров. Участие государств в интеграционном объединении следует отнести к фактору, который побуждает к осуществлению анализа интересующей нас составной части национального законодательства с точки зрения его соответствия потребностям развертывания научно-технологической интеграции.

Признание важности МНТС нашло свое отражение в специальных статьях законов государств – членов ЕАЭС о науке и научно-технической политике, которые в ряде случаев детализируют один из основных принципов государственного регулирования научной

---

⁵⁷⁷ См.: Шугуров М.В. Формирование модели научно-технологической интеграции в рамках ЕАЭС: теоретические и методологические аспекты // Политика и общество. 2020. № 4. С. 50–81.

⁵⁷⁸ См.: Давлетгильдеев Р. Ш., Цыганцова С. И. Особенности формирования евразийской региональной модели международно-правового регулирования исследовательской мобильности // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 127–139.

⁵⁷⁹ См.: Шугуров М.В. Правовая модель научно-технологической интеграции ЕАЭС: концептуальный анализ // Право и образование. 2020. № 10. С. 14–25.

деятельности (Россия, Киргизия). Закрепленное в законах внимание государств и его органов к МНТС является продолжением фиксации направлений МНТС в национальных документах стратегического характера в сфере научно-технологического развития. Однако, надо сказать, интересующие нас положения базовых законов о науке имеют характер всего лишь наиболее общих правовых рамок. В настоящее время они нуждаются в обновлении, особенно с учетом нового содержательного контента МНТС в условиях Четвертой промышленной революции. Разумеется, это должно также затрагивать и другие законодательные акты, входящие в законодательство о науке.

Обратимся к Закону Республики Казахстан (далее – РК) от 18 февраля 2011 г. № 407-V «О науке»⁵⁸⁰. В нем содержится специальная статья 29 «Международное сотрудничество», положения которой регулируют международное сотрудничество в сфере НТИ. В п. 1 в качестве его правовой основы выделены соответствующие международные договоры, а также международные научные и научно-технические проекты и программы. В этом же пункте также отмечается, что данное сотрудничество осуществляется в форме содействия установлению и расширению научно-технического сотрудничества между казахстанскими и зарубежными научными и иными организациями. С нашей точки зрения, данное положение тавтологично, по крайней мере с точки зрения требований юридической техники.

Как бы то ни было, пункт 2 данной статьи расширяет объем правового статуса субъектов научной и научно-технической деятельности, некоторые элементы которого закреплены в Главе 3 «Субъекты научной и (или) научно-технической деятельности». В отмеченном пункте закреплено право данных субъектов на участие в деятельности международных научных, научно-технических организаций и объединений и далее – на участие в международных научных, научно-технических проектах и программах, а также на участие в научных, научно-технических проектах и программах иностранных государств. Разумеется, указанное право по своему составу гораздо шире: оно, например, включает право на участие в международных конференциях, обмен научной и научно-технической информацией и т.д. Однако, как вполне заметно, казахстанский законодатель не артикулировал в данном случае все нормативные элементы данного права.

---

⁵⁸⁰ Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2011 г. № 407-V «О науке». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30938581&show_di=1 (дата обращения: 09.09.2022).

Вполне понятно, что предусмотренные программы и проекты реализуются на базе национальных и на базе международных центров. Поэтому, как нам представляется, субъекты научной и научно-технической деятельности также располагают правом на участие в работе данных центров. Поэтому со стороны РК предполагается создание условий для создания и функционирования научных организаций и научных центров с участием иностранцев, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц. В свою очередь в п. 4 предусмотрено, что иностранные инвестиции в сферу науки и техники осуществляются в порядке и формах, предусмотренных законодательством РК.

Обратим также внимание на пункт 5. Есть все основания полагать, что в нем предусматривается достижение национальной научно-технологической безопасности. На это указывает то, что здесь предусматривается контроль со стороны государственных органов за передачей научных и (или) научно-технических результатов, а также научной и (или) научно-технической продукции за пределы территории РК. Порядок такой передачи регламентируется законодательством данного государства.

Переходя к анализу законодательного регулирования международного научно-технического сотрудничества Киргизии, отметим, что ему придается особое значение. Это нашло свое закрепление в одном из основных принципов государственной научно-технической политики. Так, согласно п. 10 ст. 5 «Основные принципы государственной научно-технической политики» Закона Кыргызской Республики (далее – КР) от 16 июня 2017 г. № 103 «О науке и об основах государственной научно-технической политики»⁵⁸¹ постулируется максимальное использование возможностей мировой науки и международного научно-технического сотрудничества для обеспечения научно-технического прогресса. Все это говорит о той роли МНТС, которой Киргизия придает огромное значение. По этой причине в Законе содержится специальная Глава 8 «Международное сотрудничество». Специфической чертой данной главы, а точнее входящей в нее ст. 32 «Международное научно-техническое сотрудничество», является перечисление форм МНТС, которые, в принципе, являются общераспространенными. Сюда отнесено проведение совместных научных исследований, технических и технологических разработок с участием зарубежных

---

⁵⁸¹ Закон Кыргызской Республики от 16 июня 2017 г. № 103 «О науке и об основах государственной научно-технической политики». URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111606> (дата обращения: 10.10.2022).

специалистов и международных организаций, взаимный обмен научно-технической информацией при посредстве использования объединенных межгосударственных информационных фондов и банков данных. К еще одной форме отнесено проведение международных конференций, конгрессов и симпозиумов. Не осталась забытой и такая форма, как обмен кадрами. Так, в п. 5 предусматривается обмен научно-техническими и преподавательскими кадрами, студентами, аспирантами, что дополняется нацеленностью на совместную подготовку специалистов.

В качестве организационной основы предусмотрена реализация совместных международных программ, в которых могут участвовать субъекты научно-технической деятельности. В качестве конкретной правовой основы выступают соглашения с иностранными организациями. При этом допускается возможность, как это следует из п. 2 ст. 32, их участия в деятельности иностранных и международных научных сообществ, ассоциаций и союзов на правах их членов, а также участия в международных симпозиумах и других мероприятиях. Если учесть еще и предусмотренную возможность заключать контракты с зарубежными организациями, то можно видеть закрепление права на участие в международном научно-техническом сотрудничестве, которое выступает составной частью правового статуса субъектов научной и научно-технической деятельности, являющихся как физическими, так и юридическими лицами. Однако здесь оговаривается, что участие в международных мероприятиях должно соответствовать законодательству КР.

Одновременно интерес вызывает п. 3 об использовании результатов научной деятельности. Речь здесь идет о результатах международной научной деятельности именно государственных научных организаций, которые получены на территории КР. Их использование осуществляется на основе международных договоров с участием КР и вступивших в законную силу. Таким образом данный пункт, по сути, отсылает к договорам КР в сфере МНТС. Как правило, такие договоры предусматривают распределение прав ИС на совместно созданные результаты НИОКР. Тем не менее, все это дополняется аналогичными положениями договоров, которые заключены между конкретными субъектами научно-технической деятельности. Именно об этом идет речь в п. 2. ст. 32. Таким образом с содержательной точки зрения положения закона КР более детализированы в отличие от положений соответствующей статьи закона Казахстана.

Одновременно с этим есть некоторые содержательные различия. Так, в ст. 33 «Деятельность иностранных научных организаций на территории Кыргызской Республики» говорится о том, что деятельность иностранных научных организаций и ученых на территории республики регулируется в соответствии с международным договором, тогда как в п. 3 ст. 29 казахстанского закона создание таких организаций, а также центров должно соответствовать установленному порядку. Представляется, что этот порядок устанавливается именно национальным законодательством.

В Законе Армении о научной и научно-технической деятельности содержится достаточно компактная статья 24 «Международное научное и научно-техническое сотрудничество». В сущности, в ней повторяются положения, которые встречались в законах Казахстана и Киргизии. В частности, сюда входит закрепление права субъектов научной и научно-технической деятельности на участие в международном сотрудничестве. К элементам этого права отнесено членство в международных научных и научно-технических организациях и ассоциациях, участие в международных научных и научно-технических проектах и программах иностранных государств, заключение контрактов с иностранными физическими и юридическими лицами (п. 1 ст. 24). Кроме этого в этом же пункте предусматривается создание на территории Армении совместных научных организаций и центров на основе сотрудничества с иностранными физическими и юридическими лицами, а также с научными организациями в порядке, установленном законодательством. И, наконец, в п. 2 устанавливается, что инвестиции в области науки и техники осуществляются в соответствии с законодательством.

Отличительной чертой Закона Республики Беларусь от 21 октября 1996 № 708-ХП «Об основах государственной научно-технической политики»⁵⁸² [Закон Республики Беларусь от 21 октября 1996 № 708-ХП «Об основах государственной научно-технической политики»], направленного на создание благоприятных условий для осуществления научной деятельности, выступает отсутствие статьи о научно-техническом сотрудничестве. Хотя подобного рода вопросы затрагиваются в ст. 9 «Научный работник», в которой данные субъекты имеют право в установленном законом порядке принимать

---

⁵⁸² Закон Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-ХП «О научной деятельности» (с изм. и доп. от 17.05.2016 г.). URL: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=V19600708> (дата обращения: 18.10.2022).

участие в разработке и реализации международных и межгосударственных научных программ и проектов.

Наиболее значимой правовой основой государственной научной, научно-технической и инновационной политики Российской Федерации (далее – РФ) является Федеральный Закон о науке и государственной научно-технической политике №127-ФЗ от 23 августа 1996 года (далее – Закон о науке)⁵⁸³. Данный закон выступает также базовым законодательным актом в сфере правового обеспечения государственной политики в сфере МНТС и содержит нормы, являющиеся основой его регулирования.

Основные цели и принципы государственной научно-технической политики (развитие, рациональное размещение и эффективное использование научно-технического потенциала, увеличение вклада науки и техники в развитие экономики государства, реализация важнейших социальных задач и т.д.) определены в п. 1 ст. 11. Однако здесь не указана цель интеграции РФ в систему международного научно-технологического и инновационного сотрудничества. Подчас данная цель государственной политики в рассматриваемой сфере не выделяется в качестве самостоятельного предмета изучения и в научной литературе⁵⁸⁴. Более того в работах, в которых на системной основе происходит обращение к вопросам правового регулирования научной и научно-технической деятельности и содержащих ценные предложения по совершенствованию законодательства⁵⁸⁵, подчас не затрагиваются вопросы регулирования МНТС. В другом же случае, если они и исследуются⁵⁸⁶, то это происходит без взвешенного и одновременно критического анализа положений Закона о науке в целях их совершенствования в контексте современных стандартов международного научно-

---

⁵⁸³ Федеральный Закон от 23.08.1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. на 31 июля 2020 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/9028333> (дата обращения: 27.10.2022).

⁵⁸⁴ См.: Лапаева В.В. Концепция развития законодательства о науке // Концепции развития российского законодательства. М., 2004. С. 700–734; Гордеева Н.А., Филь М.М. Право и реформирование науки. Проблемы и решения. М., 2005. С. 20–35.

⁵⁸⁵ См.: Свиридов В.А. Особенности правоотношений в сфере научной деятельности // Актуальные проблемы гражданского, предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса: Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. Е.А. Трещевой. Самара, 2005. С. 33; Кузнецова Т.Е. Актуальные проблемы совершенствования законодательства о науке // Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. В.В. Лапаева. М., 2004. С. 78–102.

⁵⁸⁶ См.: Гордеева Н.А., Филь М.М. Комментарий к федеральному закону «О науке и государственной научно-технической политике». М., 1997. С. 12–127.

технологического взаимодействия. Отсюда возникает потребность рассмотрения положений Закона о науке с точки зрения повышения их регулятивных возможностей по обеспечению эффективного участия России в МНТС.

Следует начать с того, что доктринальный анализ принципов и целей государственной научно-технической политики не может не учитывать содержащееся в п. 2 ст. 11 Закона о науке указание, среди иных принципов государственной научно-технической политики (признание науки социально значимой отраслью, определяющей уровень развития производительных сил государства; стимулирование научной, научно-технической и инновационной деятельности через систему экономических и иных льгот и т.д.), на принцип развития международного научного и научно-технического сотрудничества РФ. Однако в ст. 12 «Полномочия органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области формирования и реализации государственной научно-технической политики» не выделенными оказались полномочия органов государственной власти РФ по формированию и реализации политики в области МНТС международного научно-технологического сотрудничества и развития, выбору приоритетных направлений и форм международного сотрудничества, участию в научно-технологических программах и проектах. Вместе с тем, если исходить из смысла п. 2 ст. 7 «Управление научной и (или) научно-технической деятельностью, то вполне ясно, что полномочиями по определению приоритетных направлений научно-технологического развития в контексте международной интеграции могут обладать не только государственные органы, но и государственные академии и научные организации.

По причине многообразия форм и видов МНТС российское законодательство не содержит его легального определения. Но при этом представляется возможным выделение несколько разновидностей законодательных положений, относящихся к данной сфере. Во-первых, это положения, косвенно затрагивающие или косвенно предусматривающие международное направление государственной научно-технологической политики. Во-вторых – положения, прямо нацеленные на регулирование российского международного сотрудничества в сфере НТИ. Например, нацеленность на международное сотрудничество вполне прослеживаются в легальном определении грантов (абз. 7 ст. 2).

Обратим внимание на то, что правовое регулирование интересующих нас общественных отношений международного характера

тесным образом связано с правовым регулированием правового статуса субъектов научной и научно-технической деятельности, а в конечном счете предполагает создание условий для реализации права субъектов научной и научно-технической деятельности на осуществление международного сотрудничества. Оно принадлежит не только физическим, но и юридическим лицам, которые относятся к субъектам научной и научно-технической деятельности. Данное право можно рассматривать как элемент свободы научных исследований.

В частности, находящийся в основе МНТС принцип свободы научных исследований предполагает международный научный обмен. Законодательная имплементация рассматриваемого принципа нашла свое закрепление в положении п. 6 ст. 4 о том, что научный работник имеет право на подачу заявок на участие (а также располагает правом на участие – М.Ш.) в МНТС. К формам такого сотрудничества отнесены – стажировки, командировки, публикации научных и (или) научно-технических результатов за пределами территории РФ. В ключе реализации свободы исследований следует истолковывать и право на публикацию. Оно предусматривает публикацию в открытой (в том числе и зарубежной – М.Ш.) печати научных и (или) научно-технических результатов в том случае, если они не содержат сведений, которые относятся к служебной или коммерческой тайне. Кстати говоря, подобные, а также иные аналогичные положения содержатся в законодательстве других государств – членов ЕАЭС.

В тесной связи с принципом свободы научного творчества находится принцип свободного обмена идеями и информацией. Научная и научно-технологическая деятельность не мыслимы без обменных процессов в сфере информации: субъекты научной и (или) научно-технической деятельности имеют право на обмен информацией, за исключением информации, содержащей сведения, относящиеся к государственной, служебной или коммерческой тайне (п. 1 ст. 9). К полномочиям Правительства РФ отнесено обеспечение обмена информацией посредством создания федеральных информационных фондов и систем в области науки и техники, которые в свою очередь осуществляют сбор, государственную регистрацию, аналитическую обработку, хранение и доведение до потребителей научной и технической информации. Предусматривается, что Правительство РФ содействует изданию научной и научно-технической литературы, освещающей основные достижения в области науки и техники.

Однако, как представляется, на законодательном уровне следует предусмотреть меры по продвижению данной продукции за пределы РФ с тем, чтобы вызвать заинтересованность за рубежом теми разработками, которые существуют на стадии результата или же осуществляются в России, находясь на стадии разработки. С другой стороны, Закон предусматривает поддержку на правительственном уровне приобретению научных журналов, книг, иных печатных изданий о научных и(или) научно-технических результатах за пределами РФ. Подобные меры призваны установить баланс между «экспортом» и «импортом» научной информации. Вполне обоснованно в ст. 9 Закона устанавливается норма, согласно которой Правительство РФ гарантирует субъектам научной и (или) научно-технической деятельности доступ к подобному роду информации, право на ее приобретение, а также обеспечивает им доступ в международные информационные фонды и системы в области науки и техники. Важное значение имеют механизмы обеспечения данного доступа, отсутствие нормативного закрепления которых способно ослабить действие отмеченных положений Закона.

Если говорить о субъектах международного сотрудничества, то к ним Закон о науке относит не только физические лица, но и научные организации. В соответствии со ст. 5 «Научная организация» предусматривается, что научная организация осуществляет научное и научно-техническое сотрудничество с иностранными юридическими лицами и внешнеэкономическую деятельность в соответствии с национальным законодательством и международными договорами РФ. Частно-правовой формой отношений МНТС выступает договор (контракт). Закон о науке в целом предусматривает контрактную форму правоотношений в случае создания, передачи и использования научной и (или) научно-технической продукции, оказания научных, научно-технических, инженерно-консультационных и иных услуг. Существенное значение имеют другие виды договоров, особенно договоры о совместной научной и (или) научно-технической деятельности и распределении прибыли. Закрепляется, что внешнеэкономические контракты могут заключаться между различными субъектами, выполняющими научные исследования и экспериментальные разработки, в различных государствах. Помимо этого вполне возможны договоры между иностранными заказчиками и отечественными исполнителями и наоборот.

В условиях ускоренной научно-технологической международной интеграции несколько узкими выглядят положения п. 6 ст. 4. Здесь

признается право научного работника на признание его автором научных и (или) научно-технических результатов и подачу заявок на изобретения и другие результаты интеллектуальной деятельности в соответствии с законодательством РФ. Не затрагивая такого важного недостатка Закона о науке, как отсутствие четкого разграничения научной и научно-технической деятельности⁵⁸⁷, отметим лишь то, что понятие «научный работник», используемое в п. 6 ст. 4, должно толковаться расширительно и включать в себя также лиц, которые занимаются разработкой новой техники и технологий. При этом автор изобретения имеет право на подачу заявки за рубеж с целью обретения патентной охраны, в частности, изобретения за рубежом.

Такой важнейший элемент международного научно-технологического развития и сотрудничества, как зарубежное патентование, пока что не стало одним из приоритетных направлений государственной научно-технологической политики в ее международном измерении. Результатом этого является мизерный уровень зарубежного патентования российских разработок. Закон о науке не содержит положений о наличии государственной поддержки патентования российских разработок за рубежом. С нашей точки зрения, элементом политики РФ в области международного научно-технологического сотрудничества должно стать содействие со стороны государственных органов. Оно может заключаться, например, в том, чтобы разработчики/научные работники не только получали бы в соответствии с законодательством РФ доходы от реализации научных и (или) научно-технических результатов, автором которых они являются, в России, но также и за рубежом. Именно в ключе подобной конкретизации следует толковать законодательное положение о том, что научный работник вправе рассчитывать на объективную оценку своей научной и (или) научно-технической деятельности и получение вознаграждений, поощрений и льгот, соответствующих его творческому вкладу (п. 6 ст. 4).

Анализ Закона о науке позволяет сделать вывод о том, что законодатель не учел в полной мере изначальной включенности научно-технической деятельности в рамки МНТС. Поэтому государственная научно-технологическая политика, по крайней мере, в том виде, в каком она предстает в анализируемом законе, не предусматривает полномасштабного международного вектора, хотя и исходит из признания его значимости. Вполне очевидно, что в условиях международной

---

⁵⁸⁷ Запорожец А.М. Правовое регулирование научно-технической деятельности // Цивилист. 2008. № 1. С. 69.

научно-технологической интеграции и научно-технологического обмена необходимо предусмотреть заключение договоров между субъектами научной научно-технологической деятельности не только в соответствии с законодательством РФ, но и в соответствии с международными соглашениями.

В ключе ориентации на интенсивное международное сотрудничество следует истолковывать нормативное положение п. 9 ст. 4, в котором закрепляется, что научные работники в порядке, предусмотренном законодательством РФ об общественных объединениях, вправе создавать на добровольной основе общественные объединения (в том числе научные, научно-технические и научно-просветительские общества, общественные академии наук). Следует отдавать отчет в том, что научные работники вправе создавать международные неправительственные объединения. По всей видимости, в целях укрепления интеграции РФ в сферу МНТС необходимо предусмотреть возможность более широкого участия иностранных научных работников в целом ряде работ, о которых ведется речь в последнем абзаце 9 ст. 4 Закона о науке. Здесь устанавливается, что органы государственной власти могут привлекать на добровольной основе общественные объединения научных работников к подготовке проектов решений в области науки и техники, проведению экспертиз, а также на основе конкурсов к выполнению научных и научно-технических программ и проектов, финансируемых за счет средств федерального бюджета.

Важнейшее значение в аспекте развития международного научно-технологического сотрудничества и проведения соответствующей государственной политики имеют положения ст. 15 Закона, касающиеся порядка финансирования научно-технологических изысканий. Так, п. 4 ст. 15 предусматривает, что в порядке долевого участия могут финансироваться научно-технические программы, сформированные и реализуемые на основе международных и межотраслевых научно-технических соглашений, научно-технические программы создания новой техники и технологии двойного применения. В п. 7 ст. 15 определяется, что в Российской Федерации действуют государственные, негосударственные и международные фонды поддержки научной и (или) научно-технической деятельности.

Недосказанность некоторых статей Закона о науке в отношении комплексного решения проблемы правового регулирования МНТС объясняется тем, что его законодательному регулированию посвящена отдельная ст. 16 «Международное научное и научно-техническое

сотрудничество Российской Федерации». В ней определяется, что органы государственной власти РФ создают необходимые условия для международного научного и научно-технического сотрудничества. В п. 1 ст. 16 анализируемого Закона содержится перечень прав субъектов научной и (или) научно-технической деятельности в области международного сотрудничества. Сюда относится право вступать в международные научные и научно-технические организации и объединения, право на участие в международных научных и научно-технических программах и проектах, научных и научно-технических программах и проектах иностранных государств. Также данные субъекты имеют право заключать договоры (контракты) и иные соглашения с иностранными юридическими лицами на работу как в РФ, так и за ее пределами в порядке, установленном законодательством РФ.

В качестве нормативной основы научного и научно-технического сотрудничества с иностранными государствами пункт 3 статьи 16 Закона о науке указывает на международные договоры РФ, международные научные и научно-технические программы и проекты. Далее в этом же пункте находит свое подтверждение обязательство любого современного государства содействовать научному обмену и сотрудничеству, что выражено в положении о содействии расширению научно-технического сотрудничества научных работников, а также научных и иных организаций. Эта формулировка говорит о том, что наука и научно-техническая деятельность в РФ не являются «огосударствленными» и что существует государственно-академическое партнерство, опирающееся на принципы свободы научного творчества и самоуправления, а также на принцип государственного регулирования не только научно-технологической деятельности, но и МНТС.

Огромный потенциал для активизации международного сотрудничества РФ имеет абз. 2 ст. 16, в котором предусматривается возможность создания на территории РФ научных организаций, научных центров с участием иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц в установленном порядке. В достаточно сжатой форме п. 2 ст. 16 определяет порядок осуществления иностранного инвестирования в сфере науки и техники. Однако, по всей видимости, порядок и формы инвестирования в научно-техническую деятельность должны предусматриваться не только, как на это указано в Законе, законодательством РФ, но и международными инвестиционными соглашениями в данной сфере, участником которых является РФ.

Достаточно обоснованным в абз. 2 п. 3 ст. 16 выглядит акцентирование важности развития научно-технического сотрудничества на основе международных двусторонних и многосторонних договоров с государствами СНГ на основании существования интегрированного научно-технического потенциала. Однако нельзя не заметить, что в современных условиях политика международного научно-технологического сотрудничества должна быть многовекторной и включать ориентацию на научно-техническую кооперацию с высокоразвитыми в научно-технологическом плане государствами, не говоря уже о международных организациях. И, конечно же, к одному из приоритетов относится научно-технологическая интеграция в рамках ЕАЭС.

Интересы достижения национальной, в том числе технологической, безопасности любого государства требуют осуществления политики регулирования и контроля за потоками передаваемых знаний и технологий. Это ключевое обстоятельство предопределило включенность в статью 16 пункта 4. В нем устанавливаются полномочия органов государственной власти по осуществлению контроля за передачей научных и (или) научно-технических результатов, а также контроля за передачей научной и (или) научно-технической продукции за пределы территории РФ. В последнем случае речь идет об экспортном контроле в процессе осуществления внешнеэкономической деятельности, который предусмотрен специальными законодательными актами Российской Федерации. Вместе с тем механизмы и формы контроля за экспортным трансфером результатов научно-технической деятельности нуждаются в специальном регулировании.

Надо отметить, что стимулом для совершенствования национального законодательства в сфере научного и технологического развития выступает участие РФ в МНТС, а также присоединение к принятым или уже действующим многосторонним международным соглашениям, которые в том числе предполагают гармонизацию правовых норм в сфере научной и научно-технической деятельности. В частности, наиболее существенной новеллой Закона науке стало введение ФЗ от 27.07.2010 г. № 198-ФЗ статьи 6.2 о признании и установлении эквивалентности документов иностранных государств об ученых степенях и ученых званиях на территории РФ.

Субъекты научно-технологической и инновационной деятельности, принимающие участие в международном сотрудничестве и выходящие на мировой рынок интеллектуальной собственности, представленный, в частности, на уровне промышленной собственности такими

сегментами, как рынок наукоемкой продукции, рынок высокотехнологичных работ и услуг и, наконец, рынок прав на объекты промышленной собственности⁵⁸⁸, нуждаются в особых мерах стимулирования и поддержки. Коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности в мировом масштабе связана со значительными трудностями. Поддержка коммерциализации должна рассматриваться в единстве с мерами по поддержке МНТС.

Система соответствующих мер, которые могут предприниматься в данном направлении, основаны на полномочиях органов государственной власти по реализации обязательств по научным и научно-техническим программам и проектам, предусмотренным международными договорами РФ. Однако на законодательном уровне следует предусмотреть полномочия Президента и Правительства РФ по формированию и реализации единой государственной научно-технической политики в области международного сотрудничества и определению научных и научно-технологических программ и проектов по приоритетным направлениям мирового развития науки и техники. Следует иметь в виду, что государственная политика должна формироваться не только органами государственной власти, но и широкими кругами научной общественности в рамках государственно-научного партнерства. Это относится и к выбору приоритетных направлений и форм МНТС, к выработке рекомендаций и соответствующих предложений, проведения экспертиз и мониторинга сотрудничества как в целом, так и на уровне отраслевой международной научно-технической политики.

В современных условиях требуется дальнейшее развитие правовой базы МНТС. Поэтому в проект базового закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности»⁵⁸⁹, как можно видеть, включена ст. 8 «Международное сотрудничество в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности». Это в очередной раз доказывает, что МНТС того или иного государства регулируется не только международными договорами, но и национальным законодательством.

---

⁵⁸⁸ Конов Ю.П., Гончаренко Ю.П. Рынок интеллектуальной собственности. М., 2010. С. 16–17.

⁵⁸⁹ Проект ФЗ «О научной, научно-технической и инновационной деятельности» (от 28.03.2018). URL: <http://profsobranie.ru/assets/files/проект-федерального-закона.pdf> (дата обращения: 21.09.2022).

В п. 1 ст. 8 «Международное сотрудничество в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности» предусматривается дальнейшее развитие международной договорной базы, стимулирующей научное и научно-техническое сотрудничество с международными организациями и иностранными государствами, на практике означающее развитие сотрудничества российских и иностранных субъектов научной, научно-технической и инновационной деятельности. Думается, что здесь имеются в виду международные межправительственные и неправительственные организации. Все это достаточно своевременно, так как они стали заметными субъектами научно-технической деятельности и играют важную роль, что самое главное, в распространении знаний и технологий.

В п. 1 ст. 8 определяется, что в целях развития научной, научно-технической и инновационной деятельности РФ заключает международные договоры, а также вырабатывает и реализует меры, стимулирующие научное, научно-техническое сотрудничество с международными организациями и иностранными государствами». В качестве законопроектной новеллы следует указать на то, что меры по развитию сотрудничества с упомянутыми субъектами предполагается поставить на плановую основу, а именно на основу планов мероприятий (дорожных карт) в отношении различных стран и (или) групп таких стран, а также отдельных международных организаций.

Важной законопроектной новеллой можно признать закрепление круга субъектов, отвечающих за развитие МНТС. Так, в п. 1 также предусматривается, что органы государственной власти РФ, а также государственные корпорации, которые являются уполномоченными органами управления в установленной сфере деятельности, должны оказывать содействие развитию сотрудничества российских и иностранных субъектов научной, научно-технической, инновационной деятельности, а также международной академической мобильности ученых, мобильности инженерно-технических работников и предпринимателей в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности. Сюда также включена деятельность по привлечению иностранных граждан к осуществлению научной, научно-технической и инновационной деятельности в российских организациях, осуществляющих соответствующие виды деятельности. Отметим также п. 2, в котором устанавливается, что органы государственной власти субъектов РФ в пределах своей компетенции в порядке, установленном законодательством РФ осуществляют взаимодействие в сфере научной, научно-

технической и инновационной деятельности с международными организациями, иностранными государственными органами, а также иностранными организациями.

Особенность п. 4 ст. 8 заключается в четкой систематизации направлений участия российских субъектов научной, научно-технической и инновационной деятельности в международном сотрудничестве, опосредованного заключением соответствующих договоров по вопросам научной, научно-технической и инновационной деятельности с иностранными организациями и гражданами в соответствии с законодательством РФ и в иных формах, предусмотренных настоящим ФЗ и иными нормативными правовыми актами РФ, в частности по следующим направлениям: Сюда отнесена:

- 1) разработка и реализация научных, научно-технических, инновационных программ и проектов совместно с международными или иностранными научными организациями, в том числе в целях развития компетенций участников таких программ и (или) привлечения инвестиций (Здесь, как нам представляется, подчеркнута приоритетность проектно-программных механизмов сотрудничества);

- 2) участие в создании и деятельности международных организаций в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, реализации международных научных, научно-технических и инновационных проектов (Данное направление показывает необходимость активизации участия в создании подобного рода международных организаций);

- 3) создание и (или) обеспечение функционирования уникальных научных установок, включая уникальные установки международного класса (ч. 1 ст. 53 настоящего проекта ФЗ) (Здесь отражен глобальный тренд, выражающийся в развитии класса исследований мегасайенс);

- 4) участие в проведении конгрессов, симпозиумов, конференций, семинаров или самостоятельное проведение указанных мероприятий, а также организация и осуществление на двусторонней и многосторонней основе информационного обмена в сфере научной, инновационно-технической и инновационной деятельности (Все перечисленное укладывается во вполне традиционные формы активности в сфере МНТС);

- 5) направление научных, инженерно-технических работников и обучающихся российских организаций, осуществляющих научную, научно-тех и инновационную деятельность в международные

иностранные научные организации (Все это может быть расценено как усиление непосредственных контактов исследователей, а также формирование каналов разработки и распространения знаний).

Как мы уже отмечали, МНТС регулируется не только нормами международных договоров, но и нормами национального законодательства. Поэтому вполне логичной предстает п. 5, в котором отмечается, что условия осуществления международного сотрудничества в его отдельных областях, а также условия участия отдельных субъектов научной, научно-технической и инновационной деятельности, в том числе возможные ограничения такого сотрудничества, регулируется настоящим ФЗ и иными федеральными законами. Все это, конечно, требует своей дальнейшей конкретизации, впрочем, как и положения п. 6. Согласно последнему, в РФ обеспечивается в приоритетном порядке финансирование выполнения международных обязательств. В этих же целях обеспечивается предоставление доступа к научному оборудованию российских и иностранных ученых.

Анализ документов концептуального и стратегического характера, например, новой Концепции МНТС России⁵⁹⁰, позволяет сделать вывод о достижении понимания парадигмы современного МНТС, охватывающей ее природу, принципы, содержание и тренды. Все это должно найти свое продолжение в выработке системы гибких правовых средств и инструментов, обеспечивающих переход к новой модели МНТС, соответствующей цифровой трансформации в целом и Четвертой промышленной революции в частности. Особую роль играет здесь законодательство о науке. Между тем в исследованиях, посвященных анализу совершенствования данного законодательства, внимание регулированию МНТС не уделяется⁵⁹¹. Все это требует проведения дальнейших исследований относительно воздействия документов концептуального и стратегического характера на развитие законодательства о

---

⁵⁹⁰Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации (одобрена решением Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2019 г. № ТГ-П8-952). URL: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aad5de45b3a58103046d70eabef2.pdf> (дата обращения: 18.10.2022).

⁵⁹¹Тодосийчук А.В. О законодательном обеспечении достижения целей прорывного научно-технологического развития // Наукоевческие исследования. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 176–198; Габов А.В. Путило Н.В., Гутников О.В. Проект Федерального закона о науке – новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 385–399.

науке в отношении совершенствования правового регулирования МНТС.

Переходя к заключительной части нашего исследования, хотелось бы отметить, что в подавляющем числе случаев в рассмотренных положениях законодательств государств – членов ЕАЭС мы не найдем учета интеграционного формата. В базовых законах государств – членов ЕАЭС о науке и научно-технической политике, за исключением российского закона, нет ни указаний на приоритетные направления МНТС, ни на государства, с которыми в первую очередь должно осуществляться данное сотрудничество. Конечно, все эти вопросы в определенной степени затрагиваются в национальных стратегиях и концепциях, инструментом реализации которых служит законодательство, создающее общие правовые рамки для МНТС в рамках Союза. На примере проекта нового российского закона можно также видеть новеллы, отражающие современные тренды МНТС, – во-первых, это связь с инновационным сотрудничеством, а, во-вторых, это закрепление сотрудничества в рамках проектов класса мегасайенс.

Несмотря на то, что законодательство государств – членов ЕАЭС обеспечивает правовые условия для МНТС в формате международно-правовой модели, все же интеграционный формат требует дополнительных правовых средств для возможной имплементации права ЕАЭС в сфере НТИ, которое включает и будет включать в себя не только положения международных договоров, входящих в право Союза, но и актов (решений и распоряжений) органов Союза, а также актов рекомендательного характера. Более того в рамках интеграционного МНТС в ходе реализации проектов и программ весомую роль занимает Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК). Именно это обстоятельство побуждает задуматься над законодательным закреплением правовых основ взаимодействия между ЕЭК и компетентными органами государств – членов в сфере НТИ. Вполне целесообразно также законодательно закрепить права и обязанности субъектов научной и научно-технической деятельности в реализации совместных программ и проектов ЕАЭС. Все это должно дополняться привнесением еще большей степени единообразности, но, разумеется, не тождественности, в содержание соответствующих статей законов о МНТС.

Указанные направления по адаптации законодательных положений о МНТС необходимо рассматривать как один из элементов гармонизации других положений базовых законов о науке и научно-

технической политике, а, в конечном счете, и всего массива законодательств государств – членов ЕАЭС в данной сфере. Таково необходимое условие проведения скоординированной и далее единой научно-технической политики как фактора формирования и дальнейшего функционирования общего научно-технологического пространства и действия интеграционного научно-технологического права. Однако все это должно начинаться и вполне может начаться с гармонизации содержания концептуальных и стратегических документов государств – участников ЕАЭС в сфере НТИ. Это даст толчок для общей модернизации и дальнейшей адаптации законодательства к интеграционному формату МНТС и для выработки общей стратегии ЕАЭС в сфере НТИ, в том числе в сфере взаимодействия с третьими государствами и их интеграционными объединениями, что в свою очередь придаст импульс более активному формированию соответствующей отрасли права ЕАЭС.

3.5. Концепция формирования региональной модели международно-правового регулирования единого научно-исследовательского пространства ЕАЭС и практические рекомендации для органов ЕАЭС⁵⁹²

I. Концепция формирования региональной модели международно-правового регулирования единого научно-исследовательского пространства ЕАЭС

Важным концептуально-методическим документом, определяющим систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи в области МНТС государств-членов ЕАЭС может стать разработанная Концепция формирования общего (интегрированного) научно-исследовательского пространства ЕАЭС. Целью данной Концепции является определение основных принципов, направлений, условий и этапов формирования ОНП ЕАЭС.

Учитывая, что формирование единого научно-технологического пространства является одной из задач Союзного Государства России и Беларуси, определенных в Договоре о создании Союзного Государства⁵⁹³, а также, что эти две страны сегодня выступают основными

---

⁵⁹² Материал подготовлен в рамках проекта РФФИ 18-29-15046 «Региональные модели международно-правового регулирования научно-исследовательских пространств в регионах Европы и Евразии»

⁵⁹³ Договор о создании Союзного Государства (от 8 декабря 1999 г.) URL: <http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor5/> (дата обращения: 16.03.2022).

центрами притяжения в сфере МНТС⁵⁹⁴ в рамках ЕАЭС, накопленный интеграционный опыт может быть использован при формировании повестки по развитию общего научного пространства ЕАЭС. Одновременно, при разработке Концепции может быть использован опыт государств-участников СНГ (участниками которого являются все государства-члены ЕАЭС) по формированию единого (общего) образовательного пространства СНГ и общего научно-технологического пространства государств-участников СНГ, а также опыт других региональных интеграционных объединений Европы и Евразии, уже подтвердивших свою эффективность (в частности, опыт Европейского Союза по формированию Европейского научного пространства).

В контексте проведенного исследования под Единым научно-исследовательским пространством ЕАЭС предлагается понимать «среду, характеризующаяся проведением государствами-членами ЕАЭС согласованной политики по приоритетным направлениям, представляющим взаимный интерес в развитии науки, технологий и инноваций, гармонизацией содержания ее отдельных компонентов и соответствующих национальных нормативно-правовых баз, предоставление каждому государству-члену возможности использования научно-технологических пространств, рынков научно-технологических товаров и услуг других стран-участников в соответствии с национальными законодательствами Сторон»⁵⁹⁵.

Представляется, что в данном документе целесообразно регламентировать следующие аспекты.

Определение целей формирования единого научного пространства ЕАЭС, к которым можно отнести:

– развитие научного и научно-технического сотрудничества для взаимного совершенствования научного и научно-технического потенциала стран ЕАЭС в цифровую эпоху в условиях многополярного мира;

– повышение глобальной конкурентоспособности стран ЕАЭС за счет развития наукоемких и инновационных секторов экономики и реализации высокотехнологичных кооперационных проектов;

---

⁵⁹⁴ Вашурина Е.В., Давлетгильдеев Р.Ш., Евдокимова Я.Ш., Тюрина Н.Е., Цыганцова С.И. Международно-правовое сотрудничество государств-членов ЕАЭС: потенциал научно-исследовательской интеграции // Вопросы экономики и права. 2020. № 9. С. 31-36.

⁵⁹⁵Соглашение о создании общего научно-технологического пространства государств-участников СНГ (с изм. на 20 ноября 2009 г.) <https://docs.cntd.ru/document/1900984>

- формирование общего рынка знаний, технологий, инноваций;
- достижение устойчивого развития и решение проблем, связанных с «Большими вызовами» - с особым вниманием к их проекции на ЕАЭС, государств-членов и партнеров по МНТС с использованием совместного опыта и взаимодополняющих возможностей в сфере науки, технологий и инноваций

- расширение международного научно-технического сотрудничества, усиление интеграции науки государств-членов ЕАЭС в мировое научное пространство, достижение международного лидерства по отдельным приоритетным направлениям, в т.ч. за счет повышения вклада ЕАЭС в реализацию глобальной научно-технологической повестки⁵⁹⁶.

Достижение указанных целей может быть обеспечено посредством решения следующих задач:

- формирование системы опережающего НТИ-прогнозирования государств-членов ЕАЭС, позволяющей сформировать скоординированную системы приоритетов сотрудничества в сфере НТИ⁵⁹⁷;

- создание эффективного организационного механизма координации интеграционных процессов в сфере науки, технологий и инноваций;

- формирование системы международной мобильности исследователей и молодых специалистов в профессиональном сообществе ЕАЭС⁵⁹⁸, развитие системы трудовой академической мобильности научных кадров высшей квалификации внутри ЕАЭС и привлечения лучших исследовательских кадров с международного академического рынка труда;

- развитие системы подготовки научных кадров на наднациональном и национальном уровне, развитие компетенций в сфере научных исследований, разработки и инноваций, реализация мероприятий, способствующих повышению статуса ученых и их роли в обществе;

- формирование комфортной среды для научных исследований, разработок и инноваций в рамках МНТС, в том числе за счет совершенствования институтов, норм, механизмов поддержки и форм

---

⁵⁹⁶ https://www.minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoy_Federatsii.pdf

⁵⁹⁷ <https://www.hse.ru/data/2021/02/15/1408232796/EAEU%202020%20HSE%20presentation.pdf>

⁵⁹⁸ <https://enu.kz/ru/info/novosti-enu/64849/>

организации научно-технической деятельности и МНТС, развитие инструментов научной дипломатии;

– развитие современной исследовательской и технологической (в т.ч. цифровой) инфраструктуры;

– обеспечение эффективного трансфера и коммерциализации результата научно-технической деятельности в национальные экономики государств-членов ЕАЭС, экономику интеграционного объединения, глобальную экономику; создание центров коммерциализации;

– формирование системы финансовой поддержки совместных программ и проектов в том числе за счет действующих институтов развития – Евразийского банка развития, Евразийского фонда стабилизации развития и международного финансового центра «Астана»;

– формирование адекватной правовой и институциональной базы для достижения взаимодействия, которая может включать:

- сбалансированное сочетание общих правовых основ международного научно-технического сотрудничества и конкретизации форм и механизмов такого сотрудничества с учетом особенностей государства-членов ЕАЭС;

- модернизацию существующих и создание новых международных и национальных организационных структур по вопросам научно-технического сотрудничества (формирование постоянного действующей правительственной комиссии ШОС в сфере научно-технического сотрудничества);

- преодоление тех положений национального законодательства, которые создают необоснованные препятствия для научно-технического сотрудничества, а также его совершенствование в части создания наиболее благоприятных условий для двухстороннего и многостороннего научно-технического сотрудничества (программы совместных исследований, обмен знаниями и технологиями, защита интеллектуальной собственности и т.п.).

.Формирование ОНП ЕАЭС должно опираться на следующие основные принципы, которые могут быть словно разделены на следующие группы, в соответствии с предложенными уровнями⁵⁹⁹ (Таблица 1):

---

⁵⁹⁹ Аничкин Е.С., Серебряков А.А. Конвенция ШОС о международном научном и научно-техническом сотрудничестве: необходимость принятия// Российско-азиатский правовой журнал. 2021. № 4.; Васильев А.А., Аничкин Е.С., Канакова А.Е. Концептуальная модель правового регулирования международного научно-технологического

Каждый уровень принципов выступает основой для следующего уровня, при этом принципы нижестоящего уровня должны соответствовать принципам более высокого уровня юридической силы и обобщения. Важно отметить, что многие принципы политики России в сфере МНТМ, отраженные в Концепции международного научно-технического сотрудничества РФ, также могут быть применимы в отношении России со странами ЕАЭС, в том числе в рамках двусторонних и многосторонних соглашений.

Таблица 1. Принципы международного научно-технического сотрудничества стран ЕАЭС

основные принципы международного права	отраслевые принципы международного научного права	принципы отдельных компонентов международного научного права,	специальные принципы
принцип суверенного равенства государств в сфере международного научного и научно-технического сотрудничества	принцип свободы выбора форм организации научных связей,	надлежащей охраны объектов интеллектуальной собственности, созданных в результате и (или) используемых в процессе реализации межгосударственных инновационных проектов и мероприятий;	принцип развития науки, техники и технологии в мирных целях и на благо человечества
принцип добросовестного выполнения государствами принятых на себя обязательств по вопросам	сбалансированности целей международного сотрудничества в сфере научных исследований и технологического развития	принцип учета вкладов участников в создание объектов интеллектуальной собственности;	принцип безопасного научно-технологического развития

сотрудничества стран Шанхайской организации сотрудничества// Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4 (141). С. 207-222.

основные принципы международного права	отраслевые принципы международного научного права	принципы отдельных компонентов международного научного права,	специальные принципы
международного научного и научно-технического сотрудничества			
принцип уважения прав человека, в том числе запрет дискриминации при осуществлении международного научного и научно-технического сотрудничества	принцип соблюдения национальных интересов при осуществлении международного научного и научно-технического сотрудничества	принцип эффективного использования объектов интеллектуальной собственности при осуществлении международного научного и научно-технического сотрудничества;	принцип оказания научно-технической помощи развивающимся государствам
принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств	принцип свободного доступа к источникам научной и научно-технической информации	принцип защиты конфиденциальной информации при осуществлении международного научного и научно-технического сотрудничества;	принцип свободы научного творчества и научной деятельности
	принцип добровольного участия в программах и проектах развития межгосударственного обмена научно-	принцип взаимодополняемости международных региональных программ по отношению к национальным	

основные принципы международного права	отраслевые принципы международного научного права	принципы отдельных компонентов международного научного права,	специальные принципы
	технической информацией	программам в научно-технической и инновационной сферах;	
	принцип совместного несения расходов на реализацию проектов и мероприятий международного научного и научно-технического сотрудничества (cost-sharing)	принцип совместности и согласованности с основными международными программами инновационного развития;	
	принцип взаимной выгоды при осуществлении международного научного и научно-технического сотрудничеств		
	принцип целевого использования средств, предоставленных для финансирования научного и научно-технического сотрудничества		

Обязательными элементами Концепции являются выбор основных форм МНТС между государствами-членами ЕАЭС, включая традиционные формы, используемые и другими региональными интеграционными объединениями, а также приоритетных направлений, которые смогут обеспечить прорыв ЕАЭС в соответствии с заявленными стратегическими целями объединения (Таблица 2).

Таблица 2. Основные направления и формы научно-технического сотрудничества стран ЕАЭС

Направления сотрудничества	Формы сотрудничества
<ul style="list-style-type: none"> ● машиностроение ● химия и нефтехимия, включая фармацевтику ● металлургия ● производство строительных материалов ● промышленные цифровые платформы ● экология ● энергетика ● технологии здравоохранения и биологической безопасности ● технологии образования <p>данный перечень не является исчерпывающим</p>	организация научно-технических исследований
	разработка и реализация совместных научно-технических программ и проектов
	организация и участие в научных конференциях, семинарах и других мероприятиях, проводимых в рамках ШОС
	разработка и внедрение инновационных технологий в различных областях науки
	обмен научно-технической информацией
	обмен экспертами и учеными
	формирование совместных научных и инновационно-технологических территорий (парков), технологических платформ
	совместное создание и использование исследовательской инфраструктуры

Учитывая, что одним из мероприятий в рамках Стратегии -2025 названо расширение проведения совместных научно-исследовательских работ, необходимым условием является совместное определение и утверждение странами ЕАЭС приоритетов научно-технического и инновационного развития. Так как евразийские приоритеты не сильно отличаются от мировых трендов, предлагается выделять не отрасли, а

отдельные направления, уделяя особое внимание тем из них, которые могут быть реализованы в среднесрочной перспективе до 2025 года. Определение приоритетов научно-технического развития Союза позволит проработать первоочередные шаги, обеспечить картирование научно-технического потенциала Союза, а также выработать предложения по созданию в ЕАЭС программы финансирования научных исследований и высокотехнологичных проектов, аналогичной действующим в других международных организациях (например, ЕС, АСЕАН, СГ).

Список приоритетных направлений, представленный в Таблице 2, сформирован на основании опроса экспертного сообщества (в т.ч., членов НТС ЕЭК), а также компаний стран ЕАЭС, проведенного в рамках мониторинга технологических разработок инновационных компаний ЕАЭС⁶⁰⁰.

Учитывая важность этой деятельности, странам ЕАЭС необходимо достаточно быстро определиться с приоритетами научно-технического развития Союза (в том числе с учетом высказанных национальных предложений), перечень которых планируется утвердить уже в 2022 году.

Особое внимание необходимо уделить в Концепции развитию *субъектного* уровня (компоненты) регионального научного пространства Союза, включая создание специализированного органа, отвечающего за развитие данной сферы взаимодействия государств-членов ЕАЭС. Таким органом может выступать постоянно действующий департамент/комитет/комиссия по научному и научно-техническому сотрудничеству, созданная в структуре Евразийской экономической комиссии и наделенная специальными полномочиями в компетенцию которого будут входить полномочия по разработке документов и модельных правовых актов, а также организационно-аналитический функционал (см. ниже).

Еще один важный вопрос, который должен быть раскрыт в Концепции, касается *финансирования* рассматриваемой сферы интеграции. Финансовое обеспечение научного сотрудничества в рамках деятельности региональных интеграционных объединений является

---

⁶⁰⁰ Мониторинг технологических разработок инновационных компаний и внедрение современных методов технологического прогнозирования в целях информационного обеспечения развития экономик государств-членов на передовой технологической основе. Евразийская экономическая комиссия, 2020, 100 с. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/cdd/Doklad-forsayt.pdf> (дата обращения: 28.02.2022)

значимым аспектом правового регулирования, что можно видеть на примере Европейского Союза. Полагаем, что в Концепции должен быть обозначен широкий спектр возможных источников финансирования МНТС, от уже действующих в рамках интеграционного объединения финансовых институтов (например, Евразийский банк развития, национальные научные фонды), так и создаваемых (специализированный научный фонд), включающий возможность привлечения на условиях софинансирования технологических партнеров, в том числе из других стран. Кроме того следует обозначить спектр направлений финансовой поддержки, включая:

- предоставление грантов на научные исследования международным коллаборациям с участием представителей третьих стран;
- финансирование проектов «мегасайенс»;
- финансирование научных мероприятий для обмена результатами научно-технической деятельности;
- поддержка академической мобильности ученых и студентов в рамках ШОС для обмена опытом и развития научных контактов.

Представленный выше набор инициатив по наполнению содержанием Концепции общего (интегрированного) научно-исследовательского пространства ЕАЭС не является исчерпывающим и может быть дополнен новыми целями, задачами, приоритетными направлениями, а также необходимыми механизмами и инструментами для достижения заявленных целей в зависимости от особенностей и этапов развития интеграционных процессов, в том числе в исследуемой сфере, и внешних факторов.

II. Практические рекомендации по формированию единого научно-исследовательского пространства ЕАЭС

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), являясь одним из наиболее молодых и динамично развивающихся региональных интеграционных объединений, находится на этапе перехода на новую стадию наднационального сотрудничества, основу которой должно составить, в том числе, расширение научно-технического и инновационного взаимодействия в рамках формирования «территории инноваций» и стимулирования научно-технических прорывов, заявленных в

качестве ключевых направлений развития ЕАЭС на период до 2025 года⁶⁰¹.

Расширение международного научно-технического сотрудничества и формирование *общего (интегрированного) научно-исследовательского пространства ЕАЭС* можно рассматривать как эффективный инструмент развития научного потенциала и экономического роста стран, участвующих в региональном интеграционном объединении, на длительную перспективу.

Значение научно-технического и инновационного сотрудничества для поступательного развития евразийской экономической интеграции и реализации национальных интересов государств-членов ЕАЭС является предметом активного обсуждения как на правительственном и межправительственном уровне, так и в экспертном сообществе.

Новые вызовы, с которыми сталкиваются страны ЕАЭС (включая пандемию вируса COVID-19 и вызванные ею последствия для глобальной и национальных экономик), актуализируют необходимость объединения усилий и ресурсов для выработки консолидированных решений и принятия комплекса мер нормативно-правового, институционального, финансового и инфраструктурного характера для углубления и расширения сотрудничества с целью формирования единого межгосударственного пространства НТИ в рамках ЕАЭС⁶⁰².

На законодательном уровне отдельные направления в рамках инициативы по формированию «территории инноваций» и расширению научно-технического сотрудничества получили свое отражение в *Стратегических направлениях развития евразийской интеграции до 2025 года (далее – Стратегия-2025)*⁶⁰³, в которых в качестве одного из ключевых приоритетов заявлено «повышение инвестиционной активности и модернизацию экономик на основе нового технологического

---

601 Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза, 6 декабря 2018 г. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ruru/01422031/ms_10122018 (дата обращения: 16.03.2022).

602 Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России [Текст] : докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Т. В. Бордачев, К. О. Вишневский, М. К. Глазатова и др. ; отв. ред. Т. А. Мешкова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. - 125 с.

603 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». Решение Высшего Евразийского экономического Совета от 11 декабря 2020 № 12

уклада, эффективного использования производственных мощностей, трудовых ресурсов и научно-технического потенциала», а «объединение усилий для стимулирования проведения совместных научно-исследовательских работ» отнесено к приоритетным стратегическим направлениям Союза (Направление 8). Для реализации стратегического направления запланирован следующий комплекс мер и механизмов, охватывающих ключевые сферы развития евразийской интеграции, включая «зеленые технологии» и защиту окружающей среду для достижения устойчивого развития:

Однако, несмотря на наличие общего вектора научно-инновационного развития государств-членов ЕАЭС и тот факт, что интеграция в рамках ЕАЭС расширяет возможности для создания инновационной продукции, в которой заинтересованы все участники РИО, вопросы формирования общего (интегрированного) научно-исследовательского пространства (далее – ОНП) пока еще не получили должного нормативного подкрепления в правовой системе ЕАЭС, и научно-техническое сотрудничество как направление интеграционного развития нуждается в более тщательно проработанном правовом обеспечении.

При этом важным условием является выработка единого стратегического подхода к научно-технологическому развитию ЕАЭС, включающая как разработку конкретных инструментов и механизмов взаимодействия, так и законодательную базу, основанную на гармонизации процессов и документов стратегического планирования и нормативно-правового регулирования на уровне ЕАЭС в сфере НТИ⁶⁰⁴. Сегодня на уровне ЕАЭС существует множество документов, но эта сфера слабо разработана, поэтому, по мнению экспертов, существует необходимость создать «матрицу научно-технологического сотрудничества, сопоставив документы стран-членов», для выявления общих целей, приоритетов, интересов и разработать стратегическую программу научно-технического и инновационного развития ЕАЭС на долгосрочную перспективу⁶⁰⁵.

---

⁶⁰⁴ Меморандум по итогам сессии «Перспективы формирования “территории инноваций” и стимулирование научно-технических прорывов в ЕАЭС» в рамках XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 12 апреля 2019 года) URL: <https://issek.hse.ru/news/263864214.html> (дата обращения: 16.03.2022).

⁶⁰⁵ Необходим единый стратегический подход к научно-технологическому развитию ЕАЭС. URL: <https://issek.hse.ru/news/263864214.html> (дата обращения: 16.03.2022).

Разработанные в рамках проекта «Региональные модели международно-правового регулирования научно-исследовательских пространств в регионах Европы и Евразии» практические рекомендации представляют комплекс нормативно-правовых и институциональных (организационных) мер, нацеленных на формирование единого научного пространства ЕАЭС. При подготовке практических рекомендаций учитывалась разработанная в рамках проведенного исследования правовая модель регионального научного пространства (далее – РНП), включая структурные элементы модели. Основной акцент сделан на следующие международно-правовые аспекты, характеризующие особенности формирования и функционирования ОНП: институциональные формы регионального МНТС, академическая мобильность исследователей, охрана интеллектуальной собственности применительно к научным исследованиям, влияние академической мобильности и научно-исследовательских пространств на формирование и функционирование единого экономического пространства интеграционных образований.

Необходимо отметить, что многие положения практических рекомендаций основываются на результатах активного обсуждения вопросов международного научного и научно-технического сотрудничества стран ЕАЭС (в том числе нормативно-правового регулирования этой сферы), которое осуществляется на экспертном и официальном уровне в последнее время и получило свое отражение в целом ряде документов⁶⁰⁶.

---

⁶⁰⁶В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС [Текст] : докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. По проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Ю. А. Белоус, Т. В. Бордачев, М. К. Глазатова и др. ; под научн. ред. Т. А. Мешковой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020. 132 с.; Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Т. В. Бордачев, К. О. Вишнеvский, М. К. Глазатова и др.; отв. ред. Т. А. Мешкова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — С.56.; Перспективное развитие интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза. Выработка предложений по стратегическим направлениям развития интеграции в контексте достижения целей Союза и совершенствования права Союза. Финансовый и организационный консалтинг. Москва, 2019. 458 с.; Аналитический доклад «Место ЕАЭС в мире стратегических изменений: сценарий «Собственный центр силы» на основе научно-технологического прорыва – долгосрочный ответ на вызовы глобального экономического кризиса, вызванного пандемией». Евразийская экономическая комиссия. 2020, 37 с.; Доклад по вопросу взаимного информирования о планах в области фундаментальных и прикладных научных

1. Укрепление концептуально-идеологической и правовой основы формирования научного пространства ЕАЭС.

1.1. *Внесение изменений в учредительный договор (Договор о ЕАЭС).*

В настоящее время концептуально-идеологической основой для научной интеграции государств-членов ЕАЭС служит ряд положений официальных документов общего уровня: Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (ст. 4), Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов (раздел 2), Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года (направление 3), Стратегические направления развития евразийской интеграции до 2025 года (раздел 8).

По мнению официальных лиц и экспертов, назрела необходимость актуализации межгосударственной нормативно-правовой базы в части включения положений, регулирующих научно-образовательное сотрудничество в Договор о создании ЕАЭС и выделение формирования интегрированного научно-исследовательского пространства ЕАЭС в качестве отдельного приоритета⁶⁰⁷.

1.2. *Расширение двусторонних правовых связей между государствами-членами ЕАЭС в сфере научно-технического сотрудничества.*

Проведенный анализ⁶⁰⁸ показал, что текущий этап характеризуется недостаточно развитой межстрановой нормативно-правовой базой для научно-технической и инновационной кооперации. На двустороннем уровне между государствами-членами ЕАЭС регулируются различные сферы и направления, затрагивающие общие вопросы научного сотрудничества; сотрудничество в сфере науки и технологий; сотрудничество в сфере науки, техники и информации; отдельные направления научно-технической деятельности (медицинская наука,

---

исследований. ЕЭК, 2020, 34 с.; Мониторинг технологических разработок инновационных компаний и внедрение современных методов технологического прогнозирования в целях информационного обеспечения развития экономик государств-членов на переходной технологической основе. Евразийская экономическая комиссия, 2020, 100 с.

⁶⁰⁷ Круглый стол «Перспективы реализации кооперационных проектов в области науки и технологий для формирования евразийского инновационного пространства». Москва, Высшая школа экономики, 15 апреля 2021 г. <https://globalcentre.hse.ru/news/463156125.html> (дата обращения: 16.03.2022)

⁶⁰⁸ Вашурина Е.В., Евдокимова Я.Ш. Национальные научные политики стран ЕАЭС: тенденции и перспективы интеграции. Автономная некоммерческая организация высшего образования «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС» (Санкт-Петербург). 2020. С. 243-252.

исследования космического пространства, военно-техническое сотрудничество); подготовку и аттестацию научных и научно-педагогических кадров; сотрудничество между научными организациями; создание совместных научно-исследовательских центров (организаций).

При этом, наибольшее количество межгосударственных и межправительственных соглашений в сфере НТИ заключено с участием России⁶⁰⁹ и, в меньшей степени, Беларуси; законодательная поддержка двустороннего научного сотрудничества между остальными странами ЕАЭС, как правило, ограничена одним-двумя соглашениями. Необходимо подчеркнуть, что существующий пакет соглашений не является эффективным инструментом для активного межстранового сотрудничества. Несмотря на то, что имеющаяся нормативно-правовая база создает необходимую основу для сотрудничества по самому широкому кругу вопросов и между специальными субъектами, многие соглашения носят рамочный характер, были заключены несколько десятилетий назад и не отвечают текущему состоянию и приоритетам развития как на национальном, так и на межгосударственном уровне.

Можно условно выделить три группы сотрудничества по аналогии с классификацией, предложенной применительно к характеру научно-публикационного сотрудничества с Россией⁶¹⁰:

- активно расширяющееся сотрудничество (Россия-Беларусь, Россия-Казахстан, Беларусь-Казахстан);
- заметное, но нестабильно активное сотрудничество (Россия-Армения, Россия-Кыргызстан, Армения-Беларусь, Казахстан-Кыргызстан);
- стагнирующее сотрудничество с признаками отдельной активности (Армения-Казахстан, Армения-Кыргызстан, Беларусь-Кыргызстан).

Рекомендуется на уровне двустороннего сотрудничества между саранами ЕАЭС провести ревизию существующей нормативно-правовой базы, актуализировать действующие и заключить новые соглашения по отдельным направлениям МНТС с учетом приоритетов евразийской интеграции. При этом требуют активизации отдельные

---

⁶⁰⁹Международные правовые договоры Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Search?code=international&category=>(дата обращения: 28.01.2022).

⁶¹⁰Кравцов А.А. Научное сотрудничество России на постсоветском пространстве. Оценка по публикациям в Web of Science // Вестник Российской Академии наук. 2019. Т. 89. №.7. С.699-717.

инструменты сотрудничества даже в рамках т.н. активных партнерств, что можно сказать об отсутствии соглашения о научном сотрудничестве РФФИ и научных фондов Республики Казахстан.

В качестве еще одной проблемы можно выделить, что в национальных стратегических и программных документах практически не учитывается интеграционный фактор в рамках ЕАЭС. Так, в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации в разделе «Сотрудничество и интеграция» речь идет о сотрудничестве с иностранными государствами в целом, а сотрудничество и интеграция с партнерами по ЕАЭС не упоминаются. Аналогичная картина отмечается и для большинства других государств-членов ЕАЭС, которые не рассматривают научно-техническое сотрудничество в рамках регионального объединения как важный фактор развития национальной системы науки и инноваций. Только в программных документах Республики Беларусь прямо заявлена необходимость формирования общего научно-технического пространства в рамках Союзного государства и ЕАЭС⁶¹¹. Что еще раз подтверждает тезис о том, что Беларусь является одним из основных центров притяжения в рамках ЕАЭС, проводя проактивную интеграционную политику в сфере МНТС на национальном уровне⁶¹².

Можно сделать вывод, что в национальных научных политиках стран ЕАЭС имеет место недооценка роли сотрудничества в рамках интеграционного объединения, что совершенно не оправдано, поскольку оно ни в коей мере не препятствует развитию взаимодействия в данной сфере как с государствами, не входящими в ЕАЭС, так и с иными международными региональными организациями. Следовательно, для формирования и дальнейшего совершенствования договорно-правовой базы научного пространства ЕАЭС необходимо внесение соответствующих корректив в национальные стратегии региональной интеграции.

1.3. Разработка международного договора о научно-техническом сотрудничестве в рамках ЕАЭС.

Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года содержат упоминание двух форматов

---

⁶¹¹Вардомский Л. Евразийская интеграция и большое Евразийское партнерство // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 3(44). С.9-26.

⁶¹²Вашурина Е.В., Давлетгильдеев Р.Ш., Евдокимова Я.Ш., Тюрина Н.Е., Цыганцова С.И. Международно-правовое сотрудничество государств-членов ЕАЭС: потенциал научно-исследовательской интеграции // Вопросы экономики и права. 2020. № 9. С. 31-36.

сотрудничества: разработка и реализация в 2022-2024 гг. стратегической программы научно-технического развития ЕАЭС «рамочного» характера на долгосрочный период (п. 6.4.5), разработка основных направлений научно-технического развития в рамках ЕАЭС к 2023 г. (п.8.1.1)⁶¹³.

Актуальность разработки международного договора о научно-техническом сотрудничестве была подчеркнута на заседании президиума Научно-технического совета при Председателе Коллегии ЕЭК (далее – НТС ЕЭК) (17 февраля 2021 г.)⁶¹⁴, соответствующее поручение о проработке вопроса дано Государственному комитету по науке и технологиям Республики Беларусь и Национальной академией наук Беларуси. Проект договора был представлен на четвертом заседании НТС ЕЭК (28 октября 2021 г.). Помимо целесообразности подготовки договора особое внимание уделено уточнению формата его реализации (комплексный международный договор, рамочное соглашение, меморандум или протокол) и содержанию. По мнению экспертов, формат международного договора потребует разработки комплексного регулирования в данной сфере в рамках Союза, особенно в части прав и обязанностей участников договора. В тоже время менее обязывающая форма документа (декларация или меморандум) может иметь ограниченную практическую значимость с учетом действующих нормативных и правовых документов. Подготовленная концепция проекта международного договора (соглашения) по научно-техническому сотрудничеству государств-членов ЕАЭС вынесена на дальнейшее обсуждение с государствами-членами и рассмотрение органами ЕАЭС⁶¹⁵ (письмо с запросом о рассмотрении целесообразности подписания такого соглашения было направлено в правительства государств-членов от 30 ноября 2021 г. № СГ-3119/07)⁶¹⁶.

---

⁶¹³ План мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (состояние на 17 марта 2021 г.). URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/strategy-2025/Pages/default.aspx> (дата обращения: 16.03.2022)

⁶¹⁴ В ЕАЭС предложили разработать международный договор о научно-техническом сотрудничестве. URL: https://www.alt.ru/ts_news/79557/ (дата обращения: 16.03.2022)

⁶¹⁵ Протокол 4-го заседания президиума Научно-технического совета ЕАЭС от 28 октября 2021 г. № 4/НТС URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/549/1.-Protokol-zareginyu-ITOG.pdf> (дата обращения: 16.03.2022).

⁶¹⁶ Доклад по вопросу взаимного информирования о планах в области фундаментальных и прикладных научных исследований. ЕЭК, 2020, 34 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/eee/Doklad_obmen-planami-nir-8.2.2_.pdf (дата обращения: 16.03.2022).

1.4. Развитие международного научно-технического сотрудничества ЕАЭС с внешними партнерами

Заявляя как стратегический вектор превращение Союза «в один из наиболее значимых центров развития современного мира», в систему стратегического планирования развития евразийской экономической интеграции в качестве ключевого элемента впервые встроены международная деятельность и международное сотрудничество⁶¹⁷.

В рамках формирования модели многополярного мира⁶¹⁸, ЕАЭС нацелен на «поиск точек соприкосновения с крупнейшими интеграционными объединениями Европы, Азии, Африки, Латинской Америки» по стратегическим направлениям деятельности, представляющим взаимный интерес.

В этой связи особую актуальность представляет выстраивание системного диалога в сфере науки и инноваций с внешними партнерами, сотрудничество с которыми может дать синергетический эффект как для поиска ответов на большие вызовы, так и строительства в ЕАЭС «экономики знаний» в рамках реализации сценария по созданию «собственного центра силы»⁶¹⁹.

Для его формирования после разработки концепции формирования общего (интегрированного) научно-исследовательского пространства государств-членов ЕАЭС и принятия соответствующего закона (соглашения) необходимо переходить к согласованной политике в сфере МНТС с международными организациями, иными региональными объединениями государств и зарубежными странами, рассматривая в качестве лучшей практики опыт других региональных объединений (например, ЕС и АСЕАН) по развитию диалоговых партнерств⁶²⁰.

При разработке соответствующей политики необходимо ориентироваться на стратегические ориентиры в области международного

---

⁶¹⁷Стратегические направления развития...,2020:53

⁶¹⁸М.Мясникович: необходимо выстраивать новую многополярную модель мировой экономики URL:<https://e-cis.info/news/566/91955/> (дата обращения: 20.11.2021)

⁶¹⁹Место ЕАЭС в мире стратегических изменений: сценарий «Собственный центр силы» на основе научно-технологического прорыва – долгосрочный ответ на вызовы глобального экономического кризиса, вызванного пандемией (2020). Аналитический доклад Евразийской экономической комиссии. URL: <https://eec.eaunion.org/upload/medialibrary/f98/Doklad-Mesto-EAES-v-mire.pdf>(дата обращения: 20.11.2021)

⁶²⁰ Шугуров М.В. (2018) Международное измерение научно- технологической интеграции ЕАЭС в контексте стратегии устойчивого развития: политико-правовые основы, *LexRussica*, № 8 (153), с. 148-163. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.148-163

сотрудничества, определенные в Стратегии-2025, которые обозначают налаживание диалога с Европейским Союзом и другими интеграционными объединениями одной из стратегических задач, взаимодействие с которыми представляют взаимный экономический интерес [Стратегические направления..., 2020: 9]. Одновременно необходимо учитывать ежегодно утверждаемые Основные направления международной деятельности Союза, в которых обозначаются акценты по развитию уже созданных механизмов сотрудничества с третьими странами, региональными интеграционными объединениями и международными организациями, а также определяются потенциально перспективные партнеры и формы взаимодействия с ними. Например, в направлениях международной деятельности на 2022 год подчеркнута «необходимость ориентации международной деятельности Союза на решение актуальных задач евразийской экономической интеграции, а именно: развитие экспорта, транспортной и энергетической инфраструктуры, внедрение новых технологий, экспорт передового опыта Союза в сфере инноваций и цифровых технологий и других. Необходимо активизировать работу по созданию условий для совместного выхода предприятий государств-членов на рынки третьих стран...»⁶²¹.

Одним из направлений может стать взаимодействие в рамках соприращения мероприятий Межгосударственной программы по инновационному сотрудничеству государств – участников СНГ на период до 2030 года и Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года в части создания совместных научно-технических консорциумов для реализации перспективных инновационных проектов с разработкой универсальной правовой базы⁶²². Для реализации этой деятельности подготовлен соответствующий проект Меморандума между ЕЭК и Фондом развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Фонд «Сколково»)⁶²³.

В целом, развитие МНТС ЕАЭС с отдельными региональными интеграционными объединениями, в том числе и с участием России, а именно, СГ, СНГ, ШОС, АСЕАН, ЕС, лежит в русле продвигаемой Россией концепции «Большого Евразийского партнерства»,

---

⁶²¹ В ЕАЭС утвердили основные направления международной деятельности на 2022 год. ЕЭК, 10.12.2021 URL:<https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-utverdili-osnovnye-napravleniya-mezhdunarodnoj-deyatelnosti-na-2022-god/> (дата обращения: 28.02.2022)

⁶²² Протокол 2-го заседания президиума Научно-технического совета ЕАЭС от 17 февраля 2021 г. № 1/НТС

⁶²³ Протокол 3-го заседания президиума Научно-технического совета ЕАЭС от 17 июня 2021 г. № 2/НТС

предусматривающего «создание широкого общекионтинентального интеграционного контура ... открытого, в том числе, для Евросоюза», а также заявленного подхода «интеграция интеграций», инициатором которого выступила Республика Беларусь.

ЕАЭС-ЕС. Особое место среди внешних партнеров занимает Европейский Союз, установление диалога с которым является одной из стратегических задач ЕАЭС на современном этапе, нашедшем свое отражение в новых документах и инициативах Евразийского экономического союза⁶²⁴. Учитывая глобальное лидерство Европейского союза в сфере науки и инноваций, активное торгово-экономическое взаимодействие между двумя региональными интеграционными объединениями, а также текущий политический кризис в отношениях отдельных государств-членов ЕАЭС (России и Беларуси) со странами Запада, именно наука и используемые ею механизмы (включая научную дипломатию) могут стать основополагающим фактором для выстраивания эффективной кооперации ЕАЭС и ЕС для решения глобальных, региональных и национальных вызовов.

Благоприятными предпосылками для развития научного диалога между двумя объединениями являются, с одной стороны, новая инклюзивная политика ЕС в отношении со странами-соседями (описанная выше), с другой – курс на установление диалога ЕАЭС с международными организациями, включая Европейский Союз, заявленный в Стратегических направлениях развития евразийской интеграции до 2025 г.

Важным условием для проведения диалога между региональными объединениями, по мнению экспертов, является то, что стороной соглашения (вне зависимости от его юридической формы) должен выступать ЕАЭС как наднациональная организация, «обладающая необходимыми для этого наднациональными полномочиями»⁶²⁵. Этот тезис регулярно подтверждается и в выступлениях на официальном уровне, в которых подчеркивается «необходимость дополнения привычных двусторонних треков диалога отдельных государств-членов ЕАЭС с ЕС непосредственным сотрудничеством между двумя

---

⁶²⁴Решение Высшего Евразийского экономического совета «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2022 год» от 10 декабря 2021 г. URL:<http://kremlin.ru/supplement/5753> (дата обращения: 08.01.22 г.)

⁶²⁵ Европейский союз и Евразийский экономический союз: долгосрочный диалог и перспективы соглашения (2016). СПб, Россия, 40 с.

организациями и наднациональными органами в связи с передачей части полномочий в самых разных сферах на наднациональный уровень»⁶²⁶.

Приоритетным направлением потенциального научного сотрудничества ЕС и ЕАЭС на современном этапе может и должен стать совместный поиск ответов на глобальные вызовы (включая изменение климата и пандемию Covid-19) для достижения устойчивого развития на глобальном, региональном и национальном уровне.

В рамках уже принятых решений на уровне ЕАЭС также можно дать старт взаимодействию с Европейским Союзом.

Одним из мероприятий, предусмотренных в рамках Направления 8. «Объединение усилий для стимулирования проведения совместных научно-исследовательских работ» Стратегии 2025 ЕАЭС, является проведение ежегодного мероприятия по тематике Целей устойчивого развития ООН с участием представителей международных организаций. Привлечение представителей Европейского Союза было бы целесообразным в контексте налаживания диалога между ЕАЭС и ЕС, в том числе в рамках реализации п. 11.6.2. Перечня мер и механизмов реализации Стратегических направлений.

Новые возможности для взаимодействия ЕАЭС и ЕС открываются в области защиты окружающей среды и борьбы с изменением климата благодаря принятому главами государств-членов ЕАЭС Заявлению об экономическом сотрудничестве государств-членов Европейского экономического союза в рамках климатической повестки⁶²⁷. Данная инициатива пересекается с курсом, взятым ЕС на зеленую трансформацию, отраженном в целом ряде европейских программных инициатив и политик (Европейский зеленый курс⁶²⁸, Европейская энергетическая стратегия и др.).

Подтверждением последовательной линии ЕАЭС на выстраивание поступательного и взаимовыгодного сотрудничества с ЕС является включение этой деятельности в ежегодный план Основных

---

⁶²⁶ Министр ЕЭК Татьяна Валова: «ЕАЭС – окно возможностей для диалога входящих в него стран с европейскими государства. Новости Евразийской экономической комиссии, 02.10.2018 URL:https://eec.eaeunion.org/news/02-10-2018-2/?sphrase_id=66680 (дата обращения: 20.11.2021)

⁶²⁷ Итоги Высшего Евразийского экономического совета. 14.10.2021 URL:https://eec.eaeunion.org/news/itogi-vysshego-evrazijskogo-ekonomicheskogo-soveta-14-10-2021/?sphrase_id=62064(дата обращения: 26.11.2021)

⁶²⁸ Delivering the European Green Deal URL: https://ec.europa.eu/info/publications/delivering-european-green-deal_en

направлений международной деятельности организации. Рассматривая ЕС в качестве потенциального партнера, к углублению связей с которым ЕАЭС стремится в приоритетном порядке (раздел II), обозначается цель «установления диалога в формате ЕС-ЕАЭС и институционализации сотрудничества с Европейской комиссией и иными наднациональными органами ЕС» путем развития:

- отраслевого взаимодействия по отдельным направлениям деятельности;

- углубления взаимодействия с государствами Евросоюза на основании заключенных формализованных соглашений, а также с государствами, которые проявляют заинтересованность в развитии взаимодействия с ЕЭК⁶²⁹.

С учетом стратегических планов ЕАЭС, а также новой политики международного научного и инновационного сотрудничества ЕС, можно предположить два возможных сценария осуществления научного сотрудничества между ЕС и ЕАЭС.

Первый сценарий - *«инерционный»* - предполагает дальнейшее осуществление МНТС ЕС и отдельных государств-членов ЕАЭС в двустороннем формате. Данный сценарий основывается, с одной стороны, на использовании индивидуальных подходов со стороны ЕС к государствам-членам ЕАЭС в области научно-технического сотрудничества в зависимости от их уровня научного потенциала, национальных приоритетов развития и общего состояния взаимодействия государства-члена ЕАЭС и Европейского Союза. С другой стороны, государство-член ЕАЭС определяет собственную политику по отношению к взаимодействию с ЕС в сфере науки и инноваций.

В рамках второго – *«оптимистичный»* – сценария возможно постепенное выстраивание двухуровневой модели научного сотрудничества, включающей как взаимодействие ЕС с отдельными государствами-членами ЕАЭС, так и налаживание конструктивного диалога между ЕС и ЕАЭС, с опорой, в том числе, и на новую стратегию международного сотрудничества ЕС в сфере исследований и инноваций, которая предполагает «возможность интеграции и выстраивания многостороннего сотрудничества с третьими странами и региональными

---

⁶²⁹ Решение Высшего Евразийского экономического совета «Об основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2021 год» от 11 декабря 2020 г., № 15 URL:file:///C:/Users/User/Downloads/%D1%80%D0%B5%D1%88+15+%D0%BA%D0%BE%D0%BF.pdf (дата обращения: 20.11.2021)

объединениями по отдельным направлениям, представляющим взаимный интерес»⁶³⁰.

Выстраиваемая в рамках этого сценария новая интегрированная модель взаимодействия ЕАЭС с ЕС предусматривает, прежде всего, необходимость формирования и соответствующего организационно-правового оформления единого (интегрированного) исследовательского пространства ЕАЭС, включая разработку концепции и заключение международного соглашения о едином исследовательском пространстве ЕАЭС⁶³¹ (см. выше).

В целом, для выстраивания конструктивного диалога в сфере науки и инноваций между ЕАЭС и другими интеграционными объединениями рекомендуется *активизировать роль отдельных государств-членов ЕАЭС* как связующего звена.

Так в контексте выстраивания диалога между ЕАЭС и ЕС усиливается роль Армении, Казахстана и Кыргызстана, основой которого выступают:

– участие Армении в рамочных программах ЕС (включая Horizon Europe) в качестве ассоциированного партнера, а также вступление в силу Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между ЕС и Республикой Арменией⁶³²;

– Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Республикой Казахстан⁶³³ (вступило в силу 1 марта 2020 года), которое охватывает широкий спектр направлений в сфере науки и инноваций, включая космическую безопасность, изменение климата и здравоохранение (глава 3) и может являться, по мнению экспертов,

---

⁶³⁰On the Global Approach to Research and Innovation Europe's strategy for international cooperation in a changing world. Brussels. 18.5.2021. COM (2021) 252 URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/research_and_innovation/strategy_on_research_and_innovation/documents/ec_rtd_com2021-252.pdf (дата обращения: 16.03.2022)

⁶³¹Давлетгильдеев Р.Ш., Вашурина Е.В., Цыганцова С.И. Научное сотрудничество ЕС и ЕАЭС: новые вызовы и возможности// Электронное приложение в Российском юридическом журналу. 2021. № 6. (в печати)

⁶³²Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между ЕС и Арменией (СЕРА) вступило в силу 1 марта 2021 года URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_782(дата обращения: 20.11.2021)

⁶³³Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Kazakhstan, of the other part .Luxembourg, 26 October 2015.EuropeanUnionNo. 2 (2016)

«эталонным» документом Брюсселя для выстраивания отношений с другими государствами ЦА⁶³⁴;

ЕАЭС-АСЕАН. Учитывая, что большинство стран ЕАЭС имеет очень ограниченные контакты (в ряде случаев - отсутствие контактов) с АСЕАН⁶³⁵, в рамках выстраивания взаимодействия в сфере науки и инноваций именно Россия может рассматриваться в качестве движущей силы (локомотива) развития конструктивного диалога между двумя РИО с использованием наработанных форм и механизмов двустороннего сотрудничества, апробированных на уровне партнерского диалога России и АСЕАН.

Учитывая схожесть стратегических интересов обеих сторон, при подготовке среднесрочного плана действий ЕАЭС-АСЕАН в сфере научно-технического и инновационного сотрудничества имеет смысл сконцентрироваться на наращивании региональной взаимосвязанности (regionalconnectivity) по следующим ключевым направлениям, которые позволят создать мультиплицирующий эффект в дальнейшем:

1) институциональная взаимосвязанность - укрепление диалога по линии институтов сотрудничества двух объединений и выстраивания каналов коммуникации между ЕЭК и Секретариатом АСЕАН, используя, в частности, опыт взаимодействия в рамках Рабочей группы Россия - АСЕАН по научно-техническому сотрудничеству;

2) физическая взаимосвязанность - реализация совместных проектов в сфере «мягкой инфраструктуры» (сотрудничество в сфере ИКТ, создание «умных городов», обмен опытом по формированию особых экономических зон и созданию высокотехнологичной продукции с последующим экспортом в третьи страны), а также разработка совместной исследовательской повестки по поиску ответов на глобальные вызовы для устойчивого развития на региональном и глобальном уровне, включая такие вопросы как: укрепление продовольственной безопасности, борьба с чрезвычайными ситуациями и природными катастрофами, развитие человеческого капитала и укрепление научного, технологического и инновационного потенциала)⁶³⁶;

---

⁶³⁴Новая эра партнерства между Казахстаном и Европейским Союзом. Международное информационное агентство KazInform, 26 февраля 2020 года URL: https://www.inform.kz/ru/novaya-era-partnerstva-mezhdu-kazahstanom-i-evropeyskim-soyuzom_a3618678 (дата обращения: 20.11.2021)

⁶³⁵ Евразийская экономическая интеграция-2020. — М.: ПУБЛИКАЦИИ ЕАБР, 2020. — 80 с.

⁶³⁶ ЕАЭС и АСЕАН: открывая новые горизонты сотрудничества: Аналитический доклад / Т.М. Алиев, М.А. Баева, К.Н. Боргоякова, Е.С. Гушин, П.А. Доронин, О.Д.

3) расширение академических связей – укрепление контактов по линии академического сообщества, с использованием потенциала существующих совместных научных площадок России и АСЕАН – сеть исследовательских центров Россия-АСЕАН, Центр АСЕАН МГИМО и создания новых⁶³⁷.

Таким образом, к числу первоочередных шагов по нормативно-правовому обеспечению реализации правовой модели регионального научного пространства ЕАЭС на концептуально-идеологическом уровне можно отнести:

–разработку полноценной по содержанию Концепции общего (интегрированного) научно-исследовательского пространства ЕАЭС, которая будет отражать цели, задачи, принципы, направления, правовые формы, институциональное и финансовое обеспечение такого сотрудничества с учетом индивидуальных особенностей интеграционных процессов в объединении;

–разработку модельного закона о международном научно-техническом сотрудничестве и на его основе обновление российского законодательства и национального законодательства других стран ЕАЭС в сфере науки и инноваций;

–расширение двусторонних правовых связей между государствами:-

–разработку концепции (стратегии) международного научно-технического сотрудничества России с отдельными внешними партнерами, в том числе в рамках интеграционных объединений с участием России, включая ЕАЭС.

2. Организация взаимного информирования о планах в области научных исследований в рамках ЕАЭС.

Актуальность вопроса концентрации ресурсов как фактора обеспечения эффективности сферы НИОКР государств-членов ЕАЭС во многом определяется необходимостью своевременного информирования о проводимых исследованиях и полученных результатах, что

Исмагилова, А.Ю. Кнобель, О.В. Пономарева, К.А. Прока, М.Г. Пташкина, Н.С. Пыжиков, А.Н. Соколянская, Н.В. Стапран, Т.А. Флегонтова; Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России. М.: ВАВТ, 2017. 229 с.

⁶³⁷ В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС [Текст]: докл. К XXI Апр. Междун. Науч. Конф. По проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020/Ю.А. Белоус, Т.В. Бордачев, М.К. Глазатова и др.; под ауч. Ред. Т.А. Мешковой; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020. 132 с.

позволит оптимизировать бюджетные расходы за счёт исключения параллелизма между странами, а также скоординировать использование получаемых результатов в интересах создания новых конкурентоспособных технологий и образцов продукции на территории Союза. Не случайно эта мера входит в блок мероприятий по стимулированию проведения научно-исследовательских работ в рамках Стратегии - 2025.

Учитывая, что сегодня информация по фундаментальным и прикладным исследованиям стран ЕАЭС лишь фрагментарно находится в Интернете в открытом доступе, в качестве основы для процесса взаимного обмена планами и данными в области фундаментальной и прикладной науки рекомендуется создание единого сервиса информационного взаимодействия научного сообщества и обеспечение нормативного регулирования процесса обмена информацией между государствами-членами ЕАЭС.

В настоящее время на первом этапе практической реализации этого направления интеграционной деятельности, запланировано создание единой научно-образовательной сетевой инфраструктуры с доступом к информационным системам и базам знаний университетов и научных институтов, цифровым сервисам науки и образования, в том числе, к проектам по развитию технологий искусственного интеллекта государств-членов ЕАЭС. Каркасом для этой работы является созданная в Российской Федерации Национальная исследовательская компьютерная сеть (НИКС) Минобрнауки России. Предложенная российской стороной, эта инициатива была единогласно поддержана со стороны государств-членов ЕАЭС⁶³⁸.

Организация взаимного информирования о планах в области научных исследований в рамках ЕАЭС позволит решить следующие задачи:

– предоставление доступа, в т.ч. в режиме онлайн, к планам проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, их результатам;

---

⁶³⁸В ЕАЭС договорились о цифровизации сферы высшего образования и науки на базе российской Национальной исследовательской компьютерной сети. Министерство экономического развития РФ, 3 августа 2021 года URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_eaes_dogovorilis_o_cifrovizacii_sfery_vysshego_obrazovaniya_i_nauki_na_baze_rossijskoj_nacionalnoy_issledovatel'skoy_kompyuternoy_seti.html (дата обращения: 28.02.2022)

– предоставление инструментария поиска сведений о фундаментальных и прикладных исследованиях, проводимых в государствах – членах ЕАЭС;

– создание системы поддержки принятия управленческих решений в сфере проведения фундаментальных и прикладных научных исследований;

– выявление «слабых» зон проведения фундаментальных и прикладных исследований в государствах-членах, нивелирование которых возможно за счет повышения степени (глубины) интеграции в научно-технической сфере;

– выявление тенденций и потребностей в проведении научных исследований в государствах-членах;

– повышение прозрачности исследований, переход науки на гибкие сетевые технологии управления наукой («открытая наука»).

Для организации обмена информацией о планах в области фундаментальных и прикладных научных исследований необходимо обеспечить формирование соответствующей нормативной и правовой базы. В ее основу могут быть положены следующие документы:

– Порядок взаимного информирования государств-членов о планах в области фундаментальных и прикладных научных исследований, который должен определить принципы взаимодействия между ЕЭК и государствами – членами ЕАЭС, в том числе в рамках деятельности ЕТП и евразийских центров компетенций в сфере фундаментальных и прикладных научных исследований, и т.д.;

– Соглашение государств-членов о взаимном информировании о планах в области научных исследований, которое может быть интегрировано в прорабатываемый в настоящее время проект соглашения в сфере научно-технического сотрудничества государств – членов ЕАЭС (см. выше).

Техническая реализация трансграничного информационного обмена о планах в области научных исследований при использовании интегрированной информационной системы ЕАЭС также требует подготовки соответствующего правового регламента⁶³⁹.

3. Развитие и нормативно-правовое обеспечение субъектного уровня (компоненты) регионального научного пространства

---

⁶³⁹ Доклад по вопросу взаимного информирования о планах в области фундаментальных и прикладных научных исследований. ЕЭК, 2020, 34 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/eee/Doklad_obmen-planami-nir-8.2.2_.pdf (дата обращения: 28.02.2022)

3.1.Расширение круга полномочий Евразийской экономической комиссии в сфере науки и инноваций, а также их системное закрепление в соответствующих правовых документах.

Сегодня полномочия наднационального органа ЕАЭС - ЕЭК в исследуемой сфере закреплены как в международных документах учредительного характера, так и в целом ряде других правовых актов Союза, касающихся традиционных направлений научно-технологической интеграции, в первую очередь, промышленности⁶⁴⁰. Несмотря на это, по мнению большинства экспертов, ЕЭК не обладает достаточными полномочиями по части регулирования сферы НТИ, выполняя функцию мониторингового, консультативного и реже координационного центра, а не полноценного самостоятельного центра влияния.

Данная проблема обсуждалась на заседании президиума НТС, на котором было принято решение предложить Республике Беларусь, в рамках председательства в ЕАЭС в 2022 году, представить предложения по наделению ЕЭК полномочиями в сфере научно-технического сотрудничества и внесению изменений в Договор о ЕАЭС⁶⁴¹.

К числу полномочий рекомендуется отнести:

1) координацию взаимодействия государств-членов ЕАЭС в сфере международного научного и научно-технического сотрудничества; разработку проектов модельных правовых актов и документов в сфере науки и техники (например, по вопросам экспорта научно-технической продукции, охраны интеллектуальной собственности, создания научных коллабораций, особых научно-технических и инновационных зон и проч.);

2) подготовку совещаний глав правительств и министров стран ЕАЭС по вопросам науки;

3) определение на основе консультаций с научным сообществом актуальной научной тематики фундаментальных и прикладных исследований для стран ЕАЭС;

4) подготовку конкурсов на финансирование научных исследований и проектов для научных коллективов из стран ЕАЭС; проведение аналитических исследований по вопросам управления наукой;

---

⁶⁴⁰ Шугурова И.С. Полномочия Евразийской экономической комиссии в сфере научно-технической интеграции государств-членов ЕАЭС // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. 5 (136). С. 114-118.

⁶⁴¹ Протокол 4-го заседания президиума Научно-технического совета ЕАЭС от 28 октября 2021 г. № 4/НТС URL: <https://eec.eaunion.org/upload/medialibrary/549/1.-Protokol-zareginuy-ITOG.pdf> (дата обращения: 28.01.2022).

5) обеспечение взаимодействия с внешними партнерами (третьими странами, региональными интеграционными объединениями, международными организациями) по развитию МНТС.

С целью развития экспертно-аналитической поддержки ЕЭК и расширения участия научной общественности, в 2020 году при Председателе Коллегии ЕЭК создан Научно-технический совет (далее – Совет), который выступает как открытая экспертно-аналитическая площадка для обсуждения актуальных вопросов интеграции и дальнейшего развития ЕАЭС. В Положении о Совете отдельно подчеркивается, что он не является консультативным органом, создаваемым Коллегией Комиссии в соответствии с пунктами 7 и 44 Положения о ЕЭК (приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года), а образован при Председателе Коллегии ЕЭК исключительно в качестве дискуссионной, совещательной площадки с правом представления рекомендаций по поставленным перед Советом вопросам (в том числе, по результатам проведенной научно-технической экспертизы предложений по планируемым научно-исследовательским работам в Комиссии, а также отчетов об их выполнении (раздел 1, п.4).

Совет создан в целях обсуждения эффективных моделей и форм интеграции государств – членов ЕАЭС, обеспечения научно обоснованного подхода к изучению вопросов дальнейшего развития Союза, совершенствования деятельности ЕЭК, связанной с научными исследованиями и проектными работами. В президиум совета входят министры ЕЭК, руководители госорганов стран Союза в области науки и высшего образования и главы национальных академий наук. В экспертную группу входят 109 индивидуальных экспертов (в т.ч. 84 – внешних) и 2 коллективных (Республиканский исследовательский научно консультационный центр экспертизы (РИНКЦЭ) и Научный совет РАН))⁶⁴².

4. Запуск интеграционных программ/проектов в сфере НТИ на наднациональном уровне.

Рассматривая науку и технологии как одно из стратегических направлений развития ЕАЭС, эксперты рекомендуют предусмотреть запуск следующих кооперационных проектов в названной сфере,

---

⁶⁴² Положение о научно-техническом совете при Председателе Коллегии ЕАЭС, утверждено приказом Председателя Коллегии ЕЭК от 22 мая 20220 г. № 160. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/973/Polozhenie-o-NTS-22.05.2020-_160_nemnit_.pd(дата обращения: 28.01.2022).

которые могут оказать значительный эффект на развитие интеграции и достижения поставленных целей Союза⁶⁴³:

–*Евразийский центр прогнозирования научно-технологического развития* (цель - формирование в среднесрочной перспективе системы опережающего НТИ-прогнозирования государств–членов ЕАЭС, позволяющей сформировать скоординированную систему приоритетов сотрудничества в сфере НТИ);

–*Евразийская рамочная программа сотрудничества в области НТИ* (цель - Выработка и реализация механизмов решения задач по выполнению на базе ведущих университетов и научных центров научных исследований, разработке и внедрению передовых технологий для выпуска инновационной продукции);

–*Евразийская технологическая инициатива* (цель - Выработка долгосрочной повестки в сфере НТИ. Реализация российских приоритетов в сфере НТИ, обозначенных в национальных стратегических документах. Совершенствование механизмов МНТС между странами ЕАЭС, включая устранение административных и законодательных барьеров сотрудничества. Формирование экспертно-аналитической инфраструктуры, обеспечивающей прорывные исследования в области НТИ).

Для получения статуса «символа евразийской интеграции» проекты должны соответствовать критериям, за основу которых можно взять критерии, предъявляемые к проектам в РФ:

- использование высокотехнологичных решений, подтвержденных международной экспертизой;
- масштабный проект, имеющий экономический или социальный эффект;
- участие как минимум двух (а лучше всех) государств-членов ЕАЭС в проекте;
- окупаемость проекта - не более пяти лет, а источники финансирования – не менее 20% собственных средств;

---

⁶⁴³ Экспертно-аналитическая поддержка подкомиссии по экономической интеграции Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции в рамках сотрудничества с ЕАЭС с учетом стратегических задач долгосрочного развития Союза и повышения эффективности участия в нем России. Высшая школа экономики, Москва, 2020, 74 с.

- критерии к участникам: опыт, финансовые возможности, отсутствие налоговой задолженности, резидентство государств-членов⁶⁴⁴.

К ожидаемым эффектам от реализации названных кооперационных проектов можно отнести:

- объединение научно-исследовательских усилий государств-членов для стимулирования проведения совместных научно-исследовательских работ, активизация МНТС между профильными организациями стран ЕАЭС;

- поддержку технологических стартапов, высокотехнологичных компаний в странах ЕАЭС;

- создание гибких наднациональных механизмов целевого содействия развитию государств-членов ЕАЭС в сфере НТИ;

- объединение ресурсов разных стран для решения глобальных задач, распределения рисков и реализации дорогостоящих проектов, которые невозможно выполнить усилиями одной страны;

- повышение уровня международной мобильности научных кадров (с учетом ограничений, накладываемых пандемией COVID-19), в том числе с целью доступа к крупным исследовательским инфраструктурам;

- координацию деятельности органов управления, научных центров, инновационных предприятий государств-участников;

- расширение сетевой экспертной поддержки реализации государствами-членами ЕАЭС совместных масштабных высокотехнологичных проектов в сфере НТИ, способных стать «символами евразийской интеграции».

Все названные эффекты должны способствовать реализации в государствах-членах ЕАЭС стратегии взаимовыгодного обмена знаниями и максимального использования потенциала науки для социально-экономического развития и повышения конкурентоспособности Союза и составляющих его национальных экономик на глобальных рынках.

Отдельно стоит упомянуть и возможный эффект для России, который предполагает «дополнительный эффект от интеграции российской науки в мировое научное пространство в среднесрочном периоде,

---

⁶⁴⁴ В ЕАЭС определяют приоритеты научно-технического развития. ЕЭК // Сайт ЕЭК. URL: <https://eec.eaunion.org/news/v-eaes-opredelyat-prioritety-nauchno-tehnicheskogo-razvitiya/> (дата обращения: 28.01.2022).

расширение взаимодействия российских и зарубежных систем научно-технической экспертизы и прогнозирования, включая участие в них российских ученых, исследовательских групп и представителей органов власти»⁶⁴⁵.

5. Развитие инструментов региональной академической мобильности.

Одним из главных нормативных актов, регулирующих сотрудничество в сфере образования и развитие мобильности в рамках ЕАЭС, является Соглашение о сотрудничестве государств-членов ЕврАзЭС в области образования 2009 г.⁶⁴⁶, которое обязывало государства-члены содействовать развитию академической мобильности и взаимному обмену обучающимися, педагогическими и научно-педагогическими кадрами. Указанное соглашение формально продолжает действовать, поскольку в соответствии с п. 2 ст. 3 Договора о прекращении деятельности ЕврАзЭС от 10 октября 2014 г. оно включено в список договоров, не утративших своей юридической силы, однако его институциональный механизм в виде Совета по образованию при Интеграционном комитете ЕврАзЭС всё же был упразднен⁶⁴⁷. Также для государств-членов ЕАЭС продолжают оставаться в силе Соглашение между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики, Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях от 24 ноября 1998 г.⁶⁴⁸ и Соглашение о механизме взаимного признания и установления эквивалентности документов об ученых степенях в государствах-членах Евразийского экономического сообщества от 27 сентября 2005 г.⁶⁴⁹, что создает условия для более простого осуществления исследовательской мобильности в большинстве государств-членов ЕАЭС, за исключением Армении.

---

⁶⁴⁵ Там же/

⁶⁴⁶ Соглашение о сотрудничестве государств-членов Евразийского экономического сообщества в области образования от 11 декабря 2009 года // Законодательство стран СНГ. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=30802 (дата обращения: 28.01.2022).

⁶⁴⁷ Договор о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2014 // Доступ из системы «Консультант-плюс» // СПС «Консультант-плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170016/0be36c1fcadd0cdd1f8c0984ef99fbc7d8da61b9/ (дата обращения: 28.01.2022).

⁶⁴⁸ URL: <http://www.evrazes.com/docs/view/40> (дата обращения: 28.01.2022).

⁶⁴⁹ URL: <http://www.evrazes.com/docs/view/60> (дата обращения: 28.01.2022).

Самостоятельного направления исследовательской мобильности в ЕАЭС не выделяется, что не препятствует возможности осуществления трудовой деятельности в научной сфере для граждан государств-членов ЕАЭС на основании главы XXVI о трудовой миграции Договора о ЕАЭС, включая случаи оказания услуг по проведению научно-исследовательских работ в области общественных, гуманитарных и естественных наук⁶⁵⁰, применяя 4-й способ поставки услуг по пп. 22 п. 6 Приложения №16 к Договору о ЕАЭС (Протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций). Правовой статус работников - граждан государств-членов ЕАЭС, которые передвигаются внутри территории Евразийского экономического союза, определяется указанными положениями Договора о ЕАЭС.

Одним из условий стимулирования трудовой миграции высококвалифицированных специалистов в ЕАЭС является признание документов об ученых степенях. В настоящее время для признания ученых степеней в государстве трудоустройства необходимо проходить процедуру нострификации (признания), которая различается в странах ЕАЭС по степени сложности и длительности, что усложняет передвижение работников высшей научной квалификации на пространстве РИО. Коллегия ЕЭК на заседании 30 марта 2020 года одобрила *Соглашение о взаимном признании документов об ученых степенях в государствах ЕАЭС* и направила его в страны Союза для проведения внутригосударственного согласования. Разработанный совместно со странами ЕАЭС проект Соглашения направлен на прямое признание документов об ученых степенях, без дополнительного подтверждения, что должно повысить комфортность трудоустройства высококвалифицированных специалистов в Союзе. Необходимо отметить, что разработка и заключение этого международного договора предусмотрены Стратегическими направлениями развития евразийской экономической интеграции до 2025 года⁶⁵¹.

Вопросы академической мобильности в рамках ЕАЭС также могут быть рассмотрены в контексте планов по созданию Евразийского сетевого университета. В отличие от существующих Сетевой

---

⁶⁵⁰ Иванов Г.В. Формирование единого рынка услуг научно-исследовательского пространства в условиях Евразийской экономической интеграции // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. № 1-2. С. 79-82.

⁶⁵¹ В странах ЕАЭС будет действовать прямое признание документов об ученых степенях. ЕЭК, 09.02.2022. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-stranakh-eaes-budet-deystvovat-pryamoe-priznanie-dokumentov-ob-uchenykh-stepenyakh/> (дата обращения: 28.02.2022)

университет СНГ и Университетом ШОС⁶⁵², которые не содержат явно выраженный исследовательской составляющей, основываясь на совместных образовательных программах и программах двойных дипломов, в создаваемом сетевом университет ЕАЭС рекомендуется делать акцент на подготовку научных кадров высшей квалификации на уровнях магистратуры, аспирантуры и докторантуры.

Учитывая, что отдельные ведущие российские университеты (Высшая школа экономики, Новосибирский государственный университет, Уральский федеральный университет, Санкт-Петербургский политехнический университет и др.) в рамках программы «Приоритет 2030» выбрали траекторию развития по треку «исследовательское лидерство»⁶⁵³, в рамках своей программы развития они нацелены на привлечение талантливых иностранных студентов на уровень магистратуры и аспирантуры в приоритетных областях. Запуск совместных программ аспирантуры и докторантуры с партнерами из стран ЕАЭС для этих вузов предоставит возможность увеличения контингента талантливых иностранных студентов из стран ЕАЭС (в т.ч. за счет перераспределения государственных квот РФ, выделяемых на привлечение иностранных обучающихся). Одновременно, эта группа вузов может выступать в роли «локомотива» в развитии научного университетского партнерства и реализации прорывных исследовательских проектов по приоритетным направлениям развития ЕАЭС.

Совместная подготовка новой генерации научных кадров в государствах-членах ЕАЭС является одним из ключевых факторов развития интеграционных процессов в области образования, науки и технологий в рамках формирования общего (интегрированного) научно-исследовательского пространства. Поэтому, одним из первоочередных шагов должен стать запуск программы академической мобильности государств-членов ШОС, предоставляющей возможность студентам, аспирантам и исследователям обучаться, проходить стажировку или преподавать в другой стране объединения. К числу инициатив, направленных на усиления потоков академической мобильности, необходимо отнести создание сетевой образовательной платформы в области

---

⁶⁵² Юн С.М. Образование как сфера сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 89-92. С. 91; Чавыкина М.А. Академическая мобильность в странах ЕАЭС: современное состояние и перспективы развития // Креативная экономика. 2017. Т. 11. № 9. С. 931-942.

⁶⁵³ Программа Приоритет 2030 // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL:<https://priority2030.ru/> (дата обращения: 28.01.2022).

академической мобильности, а также формирование Евразийского фонда академической мобильности для финансирования программ академической мобильности, включая разработку соответствующей нормативно-правовой базы, которая будет способствовать формированию единого академического рынка труда в ЕАЭС (реализация свободы движения человеческих ресурсов)⁶⁵⁴. Эти инициативы, предложенные Кыргызской Республики, в настоящее время находятся на стадии разработки.

Для продвижения ЕАЭС к созданию общего (интегрированного) научно-исследовательского пространства в контексте развития предлагаемой модели правового регулирования РНП необходимым условием является дальнейшее развитие нормативно-правовой базы МНТС государств-членов ЕАЭС и дальнейшее совершенствование наднационального законодательства и устранения существующих барьеров в сфере НТИ.

3.6. Нормативное правовое регулирование положений, связанных с интеллектуальной собственностью, в рамках Евразийского экономического союза

Введение. В контексте изменения геополитической ситуации в Российской Федерации, в частности с введением политических, экономических и иных ограничительных мер, налаженные союзные связи выступают гарантом для обеспечения финансовой стабильности страны. Евразийский экономический союз(далее - ЕАЭС, Союз) как важная интеграция на постсоветском пространствесоздан, в том числе, в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик. При этом нельзя отрицать, что интеллектуальная собственность (далее - ИС) в конкурентной среде играет значительную роль, в связи с чем необходимо рассмотреть, как реализуется охрана и защита интеллектуальной собственности в ЕАЭСна фоне глобальных вызовов цифровизации. **Инструменты мониторинга.** В работе используются общенаучные (анализ, функциональный) и частнонаучные (формально-юридический, метод толкования норм права) методы. **Результаты исследования.** Материалы, собранные в рамках подготовки данной статьи, позволяют сформировать представление о нормативных правовых актах, включая

---

⁶⁵⁴ Протокол 2-го заседания президиума Научно-технического совета ЕАЭС от 17 февраля 2021 г. № 1/НТС

документы стратегического или программного характера, ЕАЭС, регулирующие институт ИС, а также рассмотреть компетентные в данной сфере органы. **Заключение.** По итогам настоящей статьи делается вывод, что обширная система нормативных правовых актов в ЕАЭС охватывают все области ИС. Помимо документов, развитию международного сотрудничества способствует работа межправительственных органов ЕАЭС и различных объединений, которые связаны со сферой ИС. Результаты исследования могут быть использованы юристами и научными сотрудниками в их профессиональной и научной деятельности в сфере законодательства, регулирующего научно-техническую и инновационную сферу.

Систему права ЕАЭС составляют нормативные правовые акты и международные договоры Союза. На сегодняшний день вопросы, связанные с ИС, отражены в ряде следующих нормативных документов:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе⁶⁵⁵ (далее – Договор о ЕАЭС) (раздел XXIII);
2. Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности - приложение № 26 к Договору о ЕАЭС (общее);
3. Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности⁶⁵⁶ (ст. 1, 2, 3 и пр.);
4. Соглашение о порядке управления авторскими и смежными правами на коллективной основе⁶⁵⁷ (общее);
5. Положение о Консультативном комитете по интеллектуальной собственности⁶⁵⁸ (п. 1, 3, 4, и пр.);
6. Порядок организации совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса государств - членов Евразийского экономического союза⁶⁵⁹ (раздел I);

---

⁶⁵⁵«Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.04.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁵⁶«Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности» (Подписан в г. Гродно 08.09.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁵⁷«Соглашение о порядке управления авторскими и смежными правами на коллективной основе» (Заключено в г. Москве 11.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁵⁸ Решение № 143 Коллегии Евразийской экономической комиссии (ред. от 29.01.2019) «О Положении о Консультативном комитете по интеллектуальной собственности» (Принято в г. Москве 03.11.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁵⁹Решение Евразийского межправительственного совета от 26.05.2017 № 1 «О Порядке организации совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских

7. Основные направления промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза⁶⁶⁰ (п. 4.4.5);

8. Концепция создания и функционирования евразийской сети трансфера технологий⁶⁶¹ (раздел II, III);

9. Положение о разработке, финансировании и реализации межгосударственных программ и проектов в промышленной сфере⁶⁶² (разделы IV, IX).

Следует также отметить нормативные документы ЕАЭС, положениями которых непосредственно регулируются вопросы коммерциализации прав на результаты интеллектуальной деятельности, так, к ним относятся:

1. Договор о ЕАЭС (п. 2 ч. 2 ст. 89);

2. Основные направления экономического развития Евразийского экономического союза⁶⁶³ (раздел VII);

3. Основные направления промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза (п. 2.2, 2.5, 4.4.1–4.4.5);

4. Концепция создания и функционирования евразийской сети трансфера технологий (раздел II);

5. Положение о формировании и функционировании евразийских технологических платформ⁶⁶⁴ (п. 2, пп. «г», «е» п. 6).

Отдельно раскроем некоторые важные положения из вышеуказанных документов.

работ в сфере агропромышленного комплекса государств - членов Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁶⁰Решение № 9 Евразийского межправительственного совета (ред. от 27.11.2018) «Об основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза» (Вместе с <Перечнями приоритетных видов экономической деятельности, чувствительных товаров>, «Порядком проведения консультаций...», «Формой взаимного информирования...») (Принято в г. Гродно 08.09.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁶¹Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 30.03.2018 № 23 «О Концепции создания и функционирования евразийской сети трансфера технологий» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁶²Решение Евразийского межправительственного совета от 02.02.2018 № 1 «Об утверждении Положения о разработке, финансировании и реализации межгосударственных программ и проектов в промышленной сфере» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁶³Решение № 28 Высшего Евразийского экономического совета «Об основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза» (Принято в г. Бурabay 16.10.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁶⁴Решение Евразийского межправительственного совета от 13.04.2016 № 2 «Об утверждении Положения о формировании и функционировании евразийских технологических платформ» // СПС «КонсультантПлюс».

Так, Договор о ЕАЭС является основополагающим документом Союза, в п. 1 ст. 89 которого указано, что «государства – члены ЕАЭС осуществляют сотрудничество в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (далее – ОИС) и обеспечивают их на своей территории для решения задач гармонизации законодательства, защиты интересов правообладателей.»

Также вст. 90 Договора о ЕАЭС определен перечень международных договоров, в соответствии с которыми государства-члены Союза осуществляют деятельность в сфере охраны и защиты прав на ОИС, включая Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву от 20 декабря 1996 г.⁶⁶⁵, Мадридское соглашение о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 г.⁶⁶⁶ и Парижскую конвенцию по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г.⁶⁶⁷

Отдельно в ст. 90 Договора о ЕАЭС указано, что регулирование отношений в сфере охраны и защиты прав на ОИС, включая определение особенностей правового режима применительно к отдельным видам таких объектов, осуществляется согласно приложению № 26 к Договору о ЕАЭС.

Помимо этого, предусмотрено подписание ряда дополнительных международных договоров по отдельным областям ИС.

Следующий важный документ – это Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, которым обеспечивается сотрудничество и эффективное взаимодействие уполномоченных органов, исходя из необходимости формирования единой системы защиты прав на ОИС.

Согласно п. 2 ст. 2 рассматриваемого Договора в рамках такого сотрудничества осуществляются:

– координация действий по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию нарушений прав на ОИС, а также по совершенствованию деятельности уполномоченных органов в данной сфере;

---

⁶⁶⁵ «Договор ВОИС по авторскому праву» (Вместе с «Согласованными заявлениями в отношении Договора ВОИС по авторскому праву») (Подписан 20.12.1996) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁶⁶ «Соглашение о международной регистрации знаков» (Заключено в Мадриде 14.04.1891) (ред. от 02.10.1979) (вместе с «Инструкцией к мадридскому Соглашению ...» от 01.04.1992) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁶⁷ «Конвенция по охране промышленной собственности» (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // СПС «КонсультантПлюс».

– гармонизация и совершенствование законодательства государств-членов в сфере защиты прав на ОИС на таможенной территории Союза;

– а также иные действия в случае необходимости.

Во исполнение ст. 10 Договора Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК) совместно с государствами-участницами ЕАЭС подготовили и утвердили Регламент информационного взаимодействия уполномоченных органов стран Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссии в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности⁶⁶⁸. Он устанавливает порядок информационного обмена между ЕЭК и уполномоченными органами государств-членов, а также оперативные меры по соблюдению прав на ОИС в государствах-членах. Кроме норм, связанных с обменом информацией, устанавливается механизм мониторинга и анализа правоприменительной практики в государствах-членах. Этот механизм распространяется как на защиту прав на ОИС, так и на организацию мероприятий, направленных на профилактику и пресечение нарушений этих прав. Впоследствии сводная информация будет использоваться для подготовки предложений по гармонизации законодательства государств-членов, прогнозирования ситуации и подготовки рекомендаций ЕЭК.

Принятие данного Регламента стало еще одним этапом в процессе создания благоприятных условий для правообладателей, обеспечения эффективной защиты и охраны прав на ОИС, поддержки научного и инновационного развития, совершенствования механизмов коммерциализации и использования ОИС.

Отдельно следует рассмотреть Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза⁶⁶⁹, который заменил собой Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза⁶⁷⁰. Им регулируется, в

---

⁶⁶⁸ Решение № 102 Коллегии Евразийской экономической комиссии «Об утверждении Регламента информационного взаимодействия уполномоченных органов государств-членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссии в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности» (Принято в г. Москве 30.08.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁶⁹ «Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза» (Подписан в г. Москве 11.04.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁷⁰ «Таможенный кодекс Таможенного союза» (ред. от 08.05.2015) (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17). Документ

частности, приостановление срока выпуска товаров, содержащих ОИС (ст. 124). Таможенным мерам по защите прав на ОИС посвящена гл. 52, в которую, помимо прочего, инкорпорированы положения Соглашения о едином таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности государств – членов таможенного союза, доработанные для обеспечения надлежащего функционирования Единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств - членов Таможенного союза.⁶⁷¹

Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза⁶⁷² принят в соответствии с Договором о ЕАЭС и, как отмечено Г. П. Ивлиевым, стал важным этапом на пути евразийской экономической интеграции. В рамках Договора заявка на товарный знак ЕАЭС, наименование места происхождения Союза подается в любое из национальных патентных ведомств государств - членов ЕАЭС. За подачу и регистрацию заявки уплачивается единая пошлина. Заявка обрабатывается, включается в Интегрированную информационную систему ЕАЭС, в отношении нее проводится формальная экспертиза, после чего заявка попадает на рассмотрение во все ведомства для проведения экспертизы заявленного обозначения. По завершении экспертизы обозначению предоставляется правовая охрана на всей территории Союза.⁶⁷³

Более подробно процедура, включая правила, необходимые для реализации указанного Договора, а также типовые формы документов, изложены в Инструкции к Договору, утвержденной решением Совета Евразийской экономической комиссией от 18 мая 2021 г. № 53⁶⁷⁴.

утратил силу с даты вступления в силу Договора о Таможенном кодексе ЕАЭС от 11.04.2017 - с 01.01.2018. // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁷¹URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/activities/inter/eaeu> (дата обращения: 20.10.2022).

⁶⁷²«Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза» (Подписан в г. Москве 03.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁷³Ивлиев Г.П. Модернизация гражданского законодательства в сфере интеллектуальной собственности // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 23 - 30 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁷⁴Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 18.05.2021 № 53 «О некоторых вопросах реализации Договора о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза от 3 февраля 2020 года» (вместе с «Инструкцией к Договору о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза от 3 февраля 2020 года») // СПС «КонсультантПлюс».

В соответствии с Декларацией о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза⁶⁷⁵ приняты Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года⁶⁷⁶ (далее – Стратегические направления) и План мероприятий по их реализации⁶⁷⁷.

Среди перечня мер и механизмов реализации Стратегических направлений выделяется цифровая трансформация в сфере ИС в рамках Союза, которая включает в себя выработку согласованных подходов к борьбе с нарушениями прав на ОИС в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (п. 5.5., 5.5.2. соответственно Стратегии).

Отдельно следует отметить, что в настоящее время ЕЭК совместно с государствами-членами ЕАЭС с привлечением научных специалистов в области стратегического планирования ведется разработка проекта Стратегии охраны, защиты и использования интеллектуальной собственности в ЕАЭС. Как указано на официальном сайте ЕЭК: «Проект Стратегии содержит положения, направленные на формирование интегрированной системы ИС в Союзе в целях активизации научной, изобретательской, инновационной и творческой деятельности, а также повышения конкурентоспособности экономик государств-членов Евразийского экономического союза. Предполагается, что основным из результатов реализации Стратегии станет формирование успешно развивающегося евразийского рынка интеллектуальной собственности, обеспечивающего эффективное развитие инновационной составляющей экономик государств-членов Евразийского экономического союза, а также будет обеспечен должный уровень их конкурентоспособности.»⁶⁷⁸.

Рассмотрев ключевые документы, связанные с ИС, следует обратить внимание и на органы, которые занимаются данными вопросами,

---

⁶⁷⁵ «Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза» (Принята в г. Санкт-Петербурге 06.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁷⁶ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁷⁷ Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 05.04.2021 № 4 (ред. от 17.03.2022) «О плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁷⁸ URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/faq/Pages/intellectual_property.aspx (дата обращения: 20.10.2022).

так, законодательством в области ИС в рамках ЕАЭС занимается один из 23 комитетов ЕЭК.

В 2012 г. был создан⁶⁷⁹ Консультативный комитет по интеллектуальной собственности (далее – Комитет по ИС), который является консультативным органом ЕЭК по выработке предложений для Коллегии ЕЭК по вопросам охраны и защиты прав ИС на территории ЕАЭС (абз. 2 п. 1 Положения о Консультативном комитете по интеллектуальной собственности, утверждённого решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 ноября 2015 г. № 143⁶⁸⁰).

К основным задачам Комитета по ИС относятся:

- подготовка рекомендаций для ЕЭК в соответствующей сфере;
- проведение консультаций по вопросам в сфере ИС;
- подготовка предложений по взаимодействию уполномоченных органов государств-членов в сфере ИС;
- подготовка предложений для государств-членов Союза по проектам рекомендаций ЕЭК в сфере ИС;
- рассмотрение иных вопросов в сфере ИС в рамках проведения консультаций, в том числе по поручению члена ЕЭК, к компетенции которого относятся вопросы в сфере ИС, а также подготовка предложений по указанным вопросам.

Рабочим органом Комитета по ИС является Подкомитет по координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности.⁶⁸¹

Действующий состав Комитета по ИС утвержден распоряжением Коллегии ЕЭК от 20 апреля 2021 г. № 64⁶⁸², куда входят руководители и заместители руководителей министерств и ведомств и представители бизнес-сообщества государств-членов ЕАЭС.

Входящая в Комитет по ИС российская часть включает в себя представителей различных компетентных органов государственной

---

⁶⁷⁹ Решение № 172 Коллегии Евразийской экономической комиссии (ред. от 29.08.2017) «О Консультативном комитете по интеллектуальной собственности» (Вместе с «Положением...», «Составом...») Принято в г. Москве 25.09.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁸⁰ Решение № 143 Коллегии Евразийской экономической комиссии (ред. от 29.01.2019) «О Положении о Консультативном комитете по интеллектуальной собственности» (Принято в г. Москве 03.11.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁸¹ URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/intelsobs/Pages/kkp.aspx> (дата обращения: 20.10.2022).

⁶⁸² Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20.04.2021 № 64 «Об утверждении состава Консультативного комитета по интеллектуальной собственности» // СПС «КонсультантПлюс».

власти и организаций, в том числе из Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент).

Также при ЕЭК на основе решения Совета ЕЭК от 23 июня 2014 г. № 45⁶⁸³ действует рабочая группа по выработке предложений в отношении дальнейшего применения принципа исчерпания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности.

Отдельно следует отметить, что в соответствии со сложившейся практикой, торговые соглашения, заключаемые ЕАЭС и его государствами-членами с третьими странами, включают в себя главу по ИС.⁶⁸⁴

Помимо этого, в рамках настоящего исследования нельзя не обратить внимания на деятельность такой межправительственной организации как Евразийская патентная организация (далее – ЕАПО, Организация), которая учреждена и действует на основании Евразийской Патентной Конвенции⁶⁸⁵ (далее – ЕАПК), в п. 1 ст. 2 которой указано, что для выполнения административных задач, связанных с функционированием Евразийской патентной системы и выдачей евразийских патентов, учреждается Евразийская патентная организация.

В ст. 6 ЕАПК отмечено, что «Евразийское ведомство выдает евразийский патент на изобретение, которое является новым, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо.». Срок действия такого патента составляет 20 лет с даты подачи евразийской заявки (ст. 11 ЕАПК).

При этом органами Организации являются Административный совет и Евразийское патентное ведомство (далее - ЕАПВ). ЕАПВ возглавляет Президент, который является высшим должностным лицом Организации и представляет ЕАПО (п. 3, 4 ст. 2 ЕАПК).

9 сентября 2019 г. в г. Нур-Султане (Республика Казахстан) состоялась дипломатическая конференция по принятию Протокола об охране промышленных образцов к ЕАПК⁶⁸⁶, что стало ещё одним этапом к евразийской интеграции, так как принятый Протокол предоставляет возможность получения правовой охраны промышленного

---

⁶⁸³Решение № 45 Совета Евразийской экономической комиссии «О создании рабочей группы по выработке предложений в отношении дальнейшего применения принципа исчерпания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности» (Принято в г. Сочи 23.06.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁸⁴ URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/activities/inter/eaec> (дата обращения: 20.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁸⁵«Евразийская патентная конвенция» (Заключена в г. Москве 09.09.1994) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁸⁶«Протокол об охране промышленных образцов к Евразийской патентной конвенции от 9 сентября 1994 года» (Подписан в г. Нур-Султане 09.09.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

образца во всех государствах-участниках на основании одной заявки, поданной в ЕАПВ.⁶⁸⁷

В целях эффективной реализации ст. 89 и 91 Договора о ЕАЭС, Договора о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности от 8 сентября 2015 г., обеспечения свободного движения товаров и услуг в рамках Союза, а также развития международного сотрудничества в данном направлении было принято решение⁶⁸⁸ о проведении на ежегодной ротационной основе в государствах - членах Евразийского экономического союза Международного форума «Антиконтрафакт».

Данный форум является регулярным научно-практическим и выставочным мероприятием для обеспечения конструктивного диалога и обмена опытом государственных органов и бизнес-сообществ государств-членов в сфере противодействия незаконному обороту промышленной и сельскохозяйственной продукции, в сфере защиты прав на ОИС, создания благоприятных условий для добросовестной конкуренции на едином рынке товаров и услуг, обеспечения в рамках Союза свободного движения товаров и услуг, а также развитие международного сотрудничества по данным направлениям (п. 1, 3 Положения о Международном форуме «Антиконтрафакт», утвержденного решением № 46 Совета ЕЭК⁶⁸⁹).

В 2022 г. с 26 по 28 сентября в Кыргызской Республике (Кыргызстан), в г. Бишкек состоялся X Юбилейный Международный форум «Антиконтрафакт-2022», посвященный проблемам противодействия незаконному обороту промышленной продукции и защиты прав ОИС.⁶⁹⁰

Таким образом, обширная система нормативных правовых актов в ЕАЭС охватывают все области ИС. Помимо документов, развитию международного сотрудничества способствует работа межправительственных органов ЕАЭС и различных объединений, которые связаны со сферой ИС.

---

⁶⁸⁷Ивлиев Г.П. Модернизация гражданского законодательства в сфере интеллектуальной собственности // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 23 - 30 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁸⁸ Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 07.03.2017 № 3 «О Международном форуме «Антиконтрафакт» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁸⁹ Решение № 46 Совета Евразийской экономической комиссии «Об утверждении Положения о Международном форуме «Антиконтрафакт» (Принято в г. Чолпон-Ате 22.08.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁹⁰URL: <http://forum-antikontrafakt.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).

Заключение

В настоящее время вопрос о месте международного научного и научно-технического сотрудничества в системе международного публичного права исследован слабо. Необходимо отметить, что для международного права, как и для любой иной сферы правового регулирования характерна фрагментация, в результате которой формируются новые области, в регулировании которых заинтересованно общество⁶⁹¹. В качестве основных причин фрагментации международного права профессор Герхард Хафнер называет стремительное распространение международных правил; усиливающую политическую раздробленность; регионализацию международного права; специализацию международных правил⁶⁹². История развития международного права демонстрирует, что подобным образом сформировались и выделились в качестве самостоятельных элементов такие отрасли как право международных организаций, право международной безопасности, международное экономическое право, международное воздушное право, международное космическое право и другие.

Как правило, определение отрасли в международном праве представляет собой нелегкую задачу, так как до настоящего времени не сформулированы общепризнанные четкие критерии и параметры отрасли международного публичного права. Можно даже встретить утверждения, что международное право представляет собой дезорганизованную систему. Тем не менее встречаются и обратные суждения об упорядоченности и системности международного права. Основным элементом такой системы является отрасль международного права, под которой, по мнению Давида Исаакавича Фельдмана, следует понимать «совокупность согласованных юридических норм, регулирующих более или менее автономно международные отношения определенного вида, совокупность, характеризуемую соответствующим предметом правового регулирования, качественным своеобразием, существование которой вызывается интересами международного общения»⁶⁹³. Соглашаясь с данной точкой зрения, продемонстрируем наличие у наднационального научного права черт, необходимых для

---

⁶⁹¹ Лисаускайте В.В. Фрагментация и формирование новых элементов системы международного права // Международное публичное и частное право. 2016. № 6. С. 6.

⁶⁹² Hafner G. Pros and Cons Ensuing from Fragmentation of International Law // Michigan Journal of International Law, 2004, Volume 25. Issue 4, p. 849-850.

⁶⁹³ Фельдман Д.И. Система международного права. Казань. Изд-во Казанского ун-та, 1983. С. 42.

признания за данной сферой статуса самостоятельной отрасли международного права.

Первая черта предполагает регулирование международных отношений определенного вида. Однородность вышеуказанных отношений заключается в том, что все они предполагают развитие сотрудничества между государствами с целью проведения совместных научных исследований и научно-технических разработок, а также развитие устойчивых связей между национальными научными сообществами. Складывающаяся система международного сотрудничества в области науки и техники включает такие взаимосвязанные элементы как «международные научные связи, направленные на решение теоретических и экспериментальных задач фундаментальной и прикладной науки, и международные технические и технологические связи, подготовку кадров; международное содействие выполнению отдельных работ и созданию технологических процессов; обеспечение безопасного использования достижений научно-технического прогресса»⁶⁹⁴. Представляется, что в настоящее время сложившимися компонентами наднационального научного права можно считать:

- обмен научной и научно-технической информацией;
- финансирование научного и научно-технического сотрудничества;
- права на результаты научной деятельности и технологии, полученные по результатам научного и научно-технического сотрудничества;
- разработка программ международного научного, технологического и инновационного развития;
- статус субъектов совместной международной научной и научно-технической деятельности.

Вторая черта представляет собой наличие заинтересованности в правовом регулировании соответствующих отношений в международном сообществе. О такой заинтересованности свидетельствует как наличие международных актов, ориентированных на правовое регулирование исключительно вопросов международного научного и научно-технического сотрудничества (например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским Сообществом о сотрудничестве в области науки и технологий 2000 г.; Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации

---

⁶⁹⁴ Международное право / под ред. Колосова Ю.М., Кузнецова В.И. Учебник. М.: Международные отношения, 1999. С. 201.

сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве 2013 г. и другие), так и появление в международных организациях структур и подразделений, занимающихся развитием межгосударственного научного и научно-технического партнерства (например, Межгосударственный совет по сотрудничеству в научно-технической и инновационной сферах (СНГ); Совещание руководителей министерств и ведомств науки и техники (АСЕАН и ШОС); Африканский совет по научным исследованиям и инновациям (Африканский союз) и другие).

Не отрицая тесную взаимосвязь таких сфер как наука, техника, экономика, отметим, что именно уровень развития науки и техники во многом определяет экономический рост. Наоборот, излишняя коммерциализация или приватизация науки способствует сдерживанию развития фундаментальной науки и снижает доступность новых знаний. Полагаем, что международное правовое регулирование научного и научно-технического сотрудничества и экономики должно учитывать различные цели, преследуемые в рамках регламентации данных отношений. Поэтому в настоящее время необходимо рассматривать международное научное и научно-техническое сотрудничество в качестве обособленной отрасли международного публичного права.

Наконец, третья черта правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества заключается в формировании отраслевых принципов (*lex specialis*), в числе которых следует рассматривать: принцип свободы выбора форм организации научных связей; принцип взаимной выгоды от участия в программах и проектах международного научного и научно-технического сотрудничества; принцип предоставления национального режима для субъектов, участвующих в реализации совместных научных и научно-технических проектов; принцип свободы научных исследований; принцип научно-технического содействия, равноправия и недискриминации в научно-технических связях; принцип эквивалентности при обмене научно-техническими достижениями; принцип соблюдения национальных интересов при участии в международном научном и научно-техническом сотрудничестве, принцип надлежащей охраны объектов интеллектуальной собственности. Например, последний принцип нашёл отражение в ст. 3 Бишкекского соглашения стран ШОС 2013 г.⁶⁹⁵.

---

⁶⁹⁵ Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о научно-техническом сотрудничестве 2013 г. // <http://rus.sectscs.org/documents/> (дата обращения 25.06.2019 г.).

Исходя из сказанного, полагаем, что на сегодняшний день сложились необходимые фактические и формальные предпосылки для признания самостоятельности наднационального научного права и его обособления в качестве одной из отраслей международного публичного права.

С учетом сложившейся международной ситуации, санкционного давления на Россию, основными направлениями в сфере правового регулирования международного научно-технического сотрудничества и их научного осмысления могут быть:

- развитие правовых основ научно-технологического сотрудничества Российской Федерации и государств Азии, Латинской Америки и Африки, в том числе через современные научные проекты и управление результатами научно-технической деятельности;

- укрепление организационных и правовых форм научно-технического сотрудничества России и зарубежных государств в рамках региональных международных организаций: ШОС, БРИКС, ЕАЭС, СНГ и другие партнерств;

- использование научной дипломатии как средства преодоления антироссийских санкций в сфере науки, технологии и других сферах;

- использование потенциала международного научно-технического сотрудничества для импорта технологий в Россию и обеспечения технологического суверенитета на основе сочетания охраны национальных интересов и открытости российской науки.

Библиографический список

1. Bassiouni M. A Functional Approach to «General Principles of International Law» // Michigan Journal of International Law. 1990. Vol.11, Is. 3. P. 768-818.
2. Davydova M.L., Makarov V.O. (2020) Experimental Legal Regimes (Regulatory Sandboxes): Theoretical Problems and Implementation Prospects in Modern Russia. In: Inshakova A., Inshakova E. (eds) Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age. CRFMELD 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 110. Springer, Cham. P.577-584.
3. Geiger, R.L. Research and Relevant Knowledge. American Research Universities since World War II, N.Y., Oxford, 1993.
4. Hafner G. Pros and Cons Ensuing from Fragmentation of International Law // Michigan Journal of International Law, 2004, Volume 25. Issue 4, p. 849-850.
5. Herdegen M. Principles of International Economic Law, New York, 2016.
6. Kevles, D. J. The Physicists. The physicists: The history of a scientific community in modern America. N.Y.: RandomHouseInc., 1978.
7. Loomas, R. The Man who Invented the Twentieth Century. Nikola Tesla, Forgotten Genius of Electricity. N.Y., 2013.
8. Mashelkar R. Indian science, technology, and society: the changing landscape // Technology in Society. 2008. Vol. 30. P. 302.
9. Moser, P., Voena, A., Waldinger, F. German Jewish Émigrés and US Invention. American Economic Review, 2014, 3222 – 3255.
10. Science, technology and innovation policy. Government of India. – NewDelhi: DST Publ., 2013.
11. Second report on general principles of law (A/CN.4/741). International Law Commission. GA. Geneva, 2020. Режим доступа: <https://undocs.org/a/cn.4/741>, свободный. Дата обращения. 03.12.2021.
12. Seidl-Hohenveldern I. International Economic Law, Dordrecht, 1999.
13. Wright, L. B. The Cultural Life of the American Colonies. Courier Corporation, 2002.
14. Zetsche, D., Buckley, R., Arner, D., et al., 2017. Regulating a Revolution: From Regulatory Sandboxes to Smart Regulation, EBI Working Paper Series, no. 11. UNSWSydneyNSW 2052 Australia. Available at <https://bit.ly/2NiZlav>

15. Абашидзе А.Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера. Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 19–20.
16. Аганбегян А.Г. Требуется первый пятилетний план [Электронный ресурс] URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e274bc843863f00acd7ed97/trebuetsia-pervyi-piatiletanii-plan-5f7d252f398ab5384b9b9826> (дата обращения: 23.10.2020).
17. Алексеев С. С. Структура советского права. М., Юридическая литература. 1975. С. 176.
18. Ануфриева Л.Н. Механизм правового регулирования научно-технического сотрудничества стран – членов СЭВ в процессе социалистической экономической интеграции // Советское государство и право. – М.: Наука. 1986. № 1. – С. 106–113.
19. Ануфриева Л.П. Принципы и правовые формы сотрудничества в области науки, техники и инноваций между Россией и странами ЕС // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12 (97). С. 177.
20. Ануфриева Л.П. Продолжая дискуссию о собственно «принципах» в современном международном праве и не только...// Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 7.
21. Балашова С.А., Лазанюк И.В. Государственное регулирование сектора информационных технологий: Индия и Россия // Электронный журнал «Исследовано в России». <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2004/199.pdf>
22. Балдин Л.В. Совет Экономической Взаимопомощи: дальнейшее развитие и углубление экономического и научно-технического сотрудничества // Дипломатический вестник: Год 1985. – М.: Междунар. отношения, 1986. – С. 65–70.
23. Берг Л. Н. Основные этапы российской правовой политики в сфере научной деятельности // Политика и общество. 2014. № 10. С.1155–1160.
24. Берг Л. Н. Проблемы законодательного обеспечения научной деятельности в России. С. 8.
25. Бергман З., Остерланд Р. ГДР. Совершенствование правового регулирования вопросов научно-технического прогресса // Хозяйство и право. – М., 1985, № 10. – С. 77–80.
26. Богуславский М.М. Правовые аспекты промышленного и научно-технического сотрудничества СССР и ФРГ // СССР –

- ФРГ: правовые аспекты внутренних и двусторонних хозяйственных отношений. – М.: Изд – во ИГиП АН СССР, 1980. – С. 76–86.
27. Богуславский М.М. Правовые вопросы научно-технического сотрудничества стран – членов СЭВ // XX ежегодное собрание Советской ассоциации международного права 1, 2, 3 февраля 1977 г.. Тезисы докладов. – М., 1977. – С. 19–22.
  28. Богуславский М.М. Правовые вопросы научно-технической интеграции стран – членов СЭВ // Советское государство и право. – М.: Наука, 1977, № 9. – С. 117–124.
  29. Борисов К.Г. К вопросу о регулировании научно-технического сотрудничества в современном международном праве // Советский ежегодник международного права, 1966–1967. – М.: Наука, 1968. – С. 224–228.
  30. Борисов К.Г. Основы международно-правового регулирования многостороннего научно-технического прогресса государств мирового сообщества: дис. ... докт. юрид. наук в форме научного докл. М., 1989. С. 19.
  31. Брагинский М., Трахтенгерц Л. Совершенствование правовых форм научно-технического сотрудничества советских организаций с организациями стран – членов СЭВ // Хозяйство и право. – М., 1986, № 11. – С. 61–65.
  32. Братусь С.Н. Арбитраж и международное экономическое сотрудничество в области промышленного и научно-технического развития // Сборник материалов IV международного конгресса по арбитражу (3 – 6 октября 1972 г., Москва). – М., 1974. – С. 70–87.
  33. Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт. – М.: Прогресс, 1993.
  34. Быковский Л.Г. Международно-правовое регулирование научно-технического сотрудничества стран – членов СЭВ. Дис. ... канд. юрид. Наук. – М., 1985.
  35. Василенко В.И. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект): монография / В.И. Василенко, В.В. Василенко, А.Г. Потеенко. М.: Проспект, 2018. С. 105.
  36. Волобуев, П.В. Русская наука накануне Октябрьской революции // Вопросы истории естествознания и техники. – 1987. – №3.
  37. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» [Электронный ресурс] //

- Президент России. 8.02.2008. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24825/> (дата обращения: 01.08.2019)
38. Габов А. В., Путило Н. В., Гутников О. В. Проект федерального закона о науке – новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып.38. С.385–399.
  39. Габов А.В. Государственная система научной аттестации как предмет правового регулирования в постсоветское время // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Вып.2. С.48-88
  40. Горбачев М.С. Перестройка для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат. 1987. 271 с.
  41. Горбачев М.С. Социалистическая идея и революционная перестройка // Коммунист 1989. №18. С. 3-20
  42. Городов О. А. Правовая инноватика. Правовое регулирование инновационной деятельности. СПб.: Издательский Дом СПбГУ, 2008. С. 41.
  43. Грибанов Д. В. Изменения в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» // Российский юридический журнал. 2011. № 6. С.156–166.
  44. Грибанов Д. В. Правовые основы формирования инновационных систем: монография. Екатеринбург: УрГЮА, 2013.
  45. Гринспен А. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. 4-е изд. М.: ООО «Юнайтед Пресс». 2011. 518 с.
  46. Гумеров Л.А. основополагающие и специальные принципы международного права как регуляторы научно-технологической сферы // Российская юстиция. 2022. № 3. С. 3-12.
  47. Две концепции. Интервью с Андреем Фурсенко, Министром образования и науки РФ // [Электронный ресурс] РИА Наука. URL: <https://ria.ru/20041015/707695.html>
  48. Дежина И.Г. Государственное регулирование науки в России. М.: ИМЭМО. 2007. 291 с.
  49. Дежина И.Г. Международное научное сотрудничество России // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2. С. 28-37; Дежина И.Г. Меняющиеся приоритеты международного научно-технологического сотрудничества России // Экономическая политика. 2010. № 5. С. 143-155.

50. Дидикин А. Б. Правовое регулирование инновационной деятельности в России. Монография. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2014. С. 14.
51. Дозорцев В. А., Зенин И. А. Организационно-правовые вопросы руководства наукой в СССР. М.: Наука. 1973. С. 112.
52. Дозорцев В.А. Законодательство о научно-техническом прогрессе. М.: Юрид.лит, 1978. С. 162–168; Организационно-правовые вопросы руководства наукой в СССР / Ред. М.И. Пискотин, В.А. Рассудовский, М.П. Ринг – М.: Наука, 1973. С. 23–42.
53. Доктрина развития российской науки. М., 1996.
54. Долгова Е.А. Советское научное сообщество в 1918–1934 гг.: социальный, институциональный, публичный аспекты. Дисс...докт.юрид.наук. М., 2019. С. 517–519.
55. Донских О.А. О ценности национального языка науки (часть 1) // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т.2. №2. С.189-208.
56. Ершов В.В. Регулирование правоотношений: Монография. М.: РГУП, 2020. С. 258.
57. Ефремов, А. А., Добролюбова, Е. И., Талапина, Э. В., Южаков, В. Н. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт / науч. ред. В. Н. Южаков. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 126 с. – С. 24 – 29.
58. Зыков Д. В. Блокчейн и другие технологии в системе традиционных государственно-правовых институтов // LegalConcept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 42–46.
59. Казарина Н.В. Правовое регулирование международного научно-технического сотрудничества // Беларусь в современном мире: материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 96-летию образования Белорусского государственного университета. Издательство: Издательский центр БГУ. 2017. С. 169-171.
60. Казарина, Н. В. Влияние сетевых процессов современной экономики на международное научно-техническое сотрудничество / Н. В. Казарина // Новости науки и технологий. – 2018. – № 3(46). – С. 19-28.
61. Калятин В.О., Наумов В.Б., Никифорова Т.С. Опыт Европы, США и Индии в сфере государственной поддержки инноваций // Российский Юридический Журнал, 2011, № 1 (76). С. 10.

62. Кашкин С. Ю. Становление права наука как новой комплексной отрасли права // Вестник университета О.Е. Кутафина. 2018. № 5. С. 20.
63. Кирсанова Е.Г., Волкова А.В. Научно-техническое сотрудничество СССР и ГДР во второй половине XX в.: политические аспекты // Вестник российской нации. 2017. № 6. С. 154–165.
64. Кнюпфер В. Осуществление государственного суверенитета в условиях интенсификации экономического и научно-технического сотрудничества стран – членов СЭВ // Социалистическая экономическая интеграция и государственный суверенитет. Правовые аспекты. – М.: Изд – во ИГиП АН СССР, 1987. – С. 24–34.
65. Кокошина З.А. Шанхайская организация сотрудничества и интересы национальной безопасности России. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 21-22.
66. Комплексная программа научно-технологического развития и технологической модернизации экономики Российской Федерации до 2015 года [Электронный ресурс]: <http://mon.gov.ru/work/nti/dok/str/ntr.pdf>
67. Концепция государственной политики Российской Федерации в области международного научно-технического сотрудничества. М.: ЦИСН. 2000
68. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [веб-сайт]. 28.09. 2008. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=308069&fld=134&dst=100007,0&rnd=0.16503925316170198#015191674290509938>
69. Концепция реформирования российской науки на период 1998-2000 годов. М.: ЦИСН, 1998.
70. Концепция совершенствования управления научно-техническим прогрессом в условиях радикальной экономической реформы. М., 1990.
71. Корнев В.Н. Принципы права в зарубежной правовой доктрине: природа, назначение и функции // Государство и право. 2016. № 11. С. 64.
72. Коронкевич Е.Е. Государственное стимулирование научно-технического прогресса в США. Дис. ... канд. экон. наук.– Л., 1988; Осипов Ю.К. Роль научно-технического фактора во внешнеэкономической экспансии США. Дис. ... канд. экон. наук. – М., 1984

73. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2 т. Т.2. М.: Статус, 2005. С. 474.
74. Крашенинникова Н.А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. – М.: Норма, 2013. С. 47.
75. Круглый стол: Проект Федерального закона «О научной и научно-технической деятельности»//Управление наукой: теория и практика. 2019. Т.1. №1. С.13-50.
76. Крутских А.В., Бирюков А.В. Новая геополитика международных научно-технологических отношений // Международные процессы. 2017. № 2 (49). С. 6-26.
77. Крюков В.А. О взаимосвязи и взаимодействии, экономической, промышленной и научно-технологической политик // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т.2. №2. С.15-46. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.2.1
78. Кунц О. Сотрудничество ведомств и организаций социалистических стран в научно-технической области // Межведомственные связи в условиях социалистической экономической интеграции. Правовой аспект. – М.: Юрид. лит., 1973. – С. 134–147.
79. Куркова К.М. Научно-технологическая политика США: Становление нормативно-правового регулирования //Colloquium-Journal. – 2020. – 9-9(61). – С. 22 – 25.
80. Лазарев В.В.К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства и права / Лазарев В.В. Избранные труды. М., 2010. С. 5-15 - С.5.
81. Лапаева В. В. Законодательство о науке: история формирования и перспективы развития // Журнал российского права. 2005. № 11. С.3–14.
82. Лапаева В.В. Предисловие//Законодательство о науке: Современное состояние и перспективы развития. М.: Норма. 2004. 400 с.
83. Левина Е.С. Страницы истории сотрудничества СССР–США в области организации науки: парадокс «секретности» // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2011 Посвящается 120-летию со дня рождения С.И. Вавилова. 2011. С. 145–148.
84. Лисаускайте В.В. Фрагментация и формирование новых элементов системы международного права // Международное публичное и частное право. 2016. № 6. С. 6.

85. Лисицын – Светланов А.Г. Рассмотрение споров по контрактам в области международного промышленного и научно-технического сотрудничества. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1977.
86. Лисицын-Светланов А.Г. Правовая природа контрактов в области международного научно-технического сотрудничества // Вопросы международного права. – М.: Изд – во ИГиП АН СССР, 1976. – С. 65–72.
87. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учеб. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 11.
88. Маевский С.А. Государственное руководство развитием науки и техники в СССР. – М.: Знание, 1977. С. 58–61.
89. Мазов В.А. Научно-технический прогресс, сотрудничество государств и принципы общеевропейского совещания // Международно – правовые формы сотрудничества государств в Европе. – М.: Междунар. отношения, 1977. – С. 74–103.
90. Макаров, В.О. Экспериментальные правовые режимы мобилизационного вида как способ правового регулирования в условиях распространения COVID-19. Правоприменение. 2021. №5(4); С.30-42.
91. Медовников Д. «Стратегия инновационного развития» провалилась [Электронный ресурс] // Ведомости. 2020. 22 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/07/22/835097-strategiya-innovatsionnogo> (дата обращения: 15.09.2020)
92. Международное право / под ред. Колосова Ю.М., Кузнецова В.И. Учебник. М.: Международные отношения, 1999. С. 201.
93. Мурзин Д. В. Правовая природа результатов научной деятельности//Российское право: образование, практика и наука. 2019. № 2. С. 15.
94. Мурзин Д. В. Проблемы правового регулирования научной деятельности как деятельности творческой//Российский юридический журнал. 2019. № 4.С. 170.
95. Феномен научного права/Под ред. А.А. Васильева. – Барнаул.: Азбука, 2021.
96. Нечаева Е.К. Правовое регулирование научных исследований и технологического развития в рамках региональных интеграционных организаций : на примере Европейского Союза и Евразийского экономического союза : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2017. 33 с.

97. Никифорова Т.В. Научно-исследовательская деятельность в Индии: особенности государственного регулирования // Вестник РУДН, серия Экономика, 2009, № 2. С. 66.
98. Окунева, М. О. Становление системы премирования научных работ в Советском государстве // Социальная справедливость: к устойчивой экономике и обществу для всех : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 18–19 февраля 2022 года. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2022. – С. 142–151.
99. Основные положения концепции развития науки и техники Российской Федерации в 1992-1993 годах // Курьер российской науки и высшей школы. 1992. №4
100. Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу [Электронный ресурс]. URL: http://www.snto.ru/Dokumentyi/Dokumentyi/Gosudarstvennaya_politika/Osnovyi_politiki_RF_v_oblasti_razvitiya_nauki_i_tehnologiy/Osnovyi_politiki_RF_v_oblasti_razvitiya_nauki_i_tehnologiy_na_period_do_2010_goda.
101. Паспорт национального проекта «Наука». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегического развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. №16)//government.ru
102. Петровский А.В., Проничкин С.В., Стернин М.Ю., Шепелев Г.И. Организация и управление наукой: опыт Индии // Труды ИСА РАН. Том 67. 3/2017. С. 27.
103. Плетнёв, К. И. Научно-техническая сфера России: проблемы и перспективы / К. И Плетнёв. – М.: Наука, 2011. – 272 с.
104. Пономарева, Д.В., Барабашев, А.Г. Правовое регулирование сотрудничества российской федерации и Соединенных Штатов Америки в сфере науки и технологий // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №7. – С. 115 – 122.
105. Посадсков А.Л. Советская научная элита 1930-х годов под патронатом Комиссии содействия ученым при Совнаркоме СССР: быт, охрана здоровья, международные книжные связи (1934—1937) // Научный диалог. 2019. №11. С. 433—443.
106. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О переводе научных организаций на полный хозяйственный расчет и

- самофинансирование» от 30 сентября 1987 г. №110// www.consultant.ru (дата обращения 28.08.2020 г.)
107. Рассудовский В.А. Государственная организация науки в СССР (правовые вопросы). – М.: Юрид.лит, 1971. С. 12–13.
  108. Реформа науки и образования: сравнительно-правовой и экономико-правовой анализ: монография. М.: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; СПб.: Нестор-История. 2014. 476 с.
  109. Ринг М. П. Правовое регулирование научно-технического прогресса // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 113.
  110. Ромашев Ю.С. Общие принципы права в системе международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 148–174.
  111. Савченко Д. А. Механизм правовой охраны научных отношений: основные элементы//Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 28.
  112. Салицкая Е.А. Законодательное регулирование научной и инновационной деятельности: опыт субъектов РФ//Управление наукой и наукометрия. 2015. Вып. 18. С. 111–137.
  113. Семенов Е.В. Государственная научно-технологическая политика в современной России: замысел и реализация // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т.1. №1. С.51-71. DOI:10.19181/smtp.2019.1.1.1
  114. Семенов Е.В. Научно-технологическая сфера (сфера НИОКТР): способы представления объекта // Наука. Инновации. Образование. 2013. Вып. 14. С. 82-98
  115. Семенов Е.В. О задаче возвращения профессионалов в систему управления наукой // Управление наукой: теория и практика 2000. Т.2. №2. С.93-116. DOI: 10.19181/smtp. 2020.2.2.4
  116. Семенов Е.В. Огонь и пепел науки. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. 1990. 189 с.
  117. Семенов Е.В. Опыты с ручным управлением научно-технологическим комплексом в постсоветской России // Наука. Инновации. Образование. 2013. №13. С.7-32
  118. Семенов Е.В. Производство показателей как механизм подавления производства знаний, технологий и компетенций // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т.2. №1. С. 69-93. DOI: 10.19181/smtp. 2020. 2.1.4

119. Семенов Е.В. Россия с наукой и без науки. М.: Языки славянской культуры. 168 с.
120. Сергиенко Л.А. Консультативная деятельность в условиях научно-технического прогресса // СССР – ГДР: компетенция органов государственного управления. – М.: Изд – во ИГиП АН СССР. 1984. – С. 68–73.
121. Серебряков, А. А. Обзор нормативных правовых актов в сфере регулирования науки (01.01.2021 – 01.09.2021) // Управление наукой: теория и практика. – 2021. – №3(3). – С. 226 – 235.
122. Степаненко, Ю.В. К вопросу о совершенствовании правового регулирования деятельности государственных научных центров // Современный юрист. 2017. № 1. С. 18-26.
123. Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. С. 34.
124. Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. М.: Центр образовательного законодательства, 2002. С.220.
125. Тамбовцев В.Л. Действенность мер российской научной политики: что говорит мировой опыт // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т.2. №1. С.15-39. DOI: 10.19181/sntp.2020.2.1.1
126. Тамбовцев В.Л. Пятый рынок: экономические проблемы производства информации. М.: Изд-во МГУ. 1993. 127 с.
127. Тамбовцев В.Л. Формальное и неформальное в управлении экономикой. М.: Наука. 1990. 95 с.
128. Трахтенгерц Л.А. Новое в правовом регулировании научно-технического сотрудничества стран – членов СЭВ // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. – М.: Изд – во ВНИИСЗ, 1986, Вып. 34. – С. 147–161.
129. Третьяк Н. В. Правовое регулирование научной деятельности: проблемы и пути решения // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 3. С.363.
130. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/1/> (дата обращения: 22.06.2019)
131. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/1/> (дата обращения: 22.06.2019)

132. Федеральная целевая научно-техническая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники» на 2002–2006 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fcntp.ru/page.aspx?page=317>
133. Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 годы». М.: Информэлектро, 2006. URL: <http://fcpir.ru/catalog.aspx>; <http://www.fcntp.ru>.
134. Федькин Г. И. Правовые вопросы организации научной работы в СССР. М.: Госюриздат, 1958. С. 340.
135. Федькин Г.И. Содержание и правовые формы деятельности Советского государства в области организации научной работы. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук – М., 1959.
136. Фельдман Д.И. Система международного права. Казань. Изд-во Казанского ун-та, 1983. С. 42.
137. Филь М. М. Законопроекты для науки: история и современность // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1. № 2. С. 59–69. <https://doi.org/10.19181/smtp.2019.1.2.3>
138. Филь М.М. Законопроекты для науки: история и современность // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т.1. №2. С.58-69. DOI: 10.19181/smtp.2019.1.2.3
139. Фомин В.В. Развитие научно-технической интеграции стран – членов СЭВ // Советский ежегодник международного права, 1974. – М.: Наука, 1976. – С. 297–301.
140. Хватов В.Я. Координационные органы – важная форма научно-технического сотрудничества социалистических стран // Советский ежегодник международного права, 1976. – М.: Наука, 1978. – С. 103–109.
141. Цанев С. НРБ. Курсом научно-технического прогресса // Хозяйство и право. – М., 1985, № 9. – С. 70–72.
142. Чекурова Н.Н. Проблемы управления и планирования научно-технического прогресса в странах – членах СЭВ // Сборник научных трудов ВЮЗИ. Правовые и экономические проблемы совершенствования управления в современных условиях. – М.: РИО ВЮЗИ, 1988. – С. 41–55.
143. Чемоданов М.П. концепции роста науки и фактор интенсификации. Новосибирск: Наука. 1982. 199 с.

144. Черникова И. В. Природа науки и критерии научности // Гуманитарный вектор. 2012. № 3. С. 94; Черникова И. В. Философия и история науки. Томск: Изд-во НТЛ, 2011.
145. Шепелев Г.В. Об управлении российской наукой// Управление наукой: теория и практика. 2020. Т.2. №2. С.65-69. DOI: 10.19181/smtp. 2020.2.2.3.
146. Шугуров М.В. Вопросы содействия глобальному распространению научных знаний и передаче технологий в стратегии устойчивого развития Европейского Союза // Правовая парадигма. 2019. № 2. С. 139-146.
147. Шугуров М.В. Вопросы стратегического регулирования научно-технологической интеграции в рамках Евразийского Экономического Союза // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. Ответственный редактор В.И. Герасимов. Москва, 2021. С. 287-293.
148. Шугуров М.В. Деятельность ВОИС в сфере международной передачи технологий: направления и приоритеты // Международное право и международные организации. 2016. № 2. С. 144-165.
149. Шугуров М.В. Перспективы международного научно-технического сотрудничества и передачи технологий в повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 42-55.
150. Шугуров М.В. Политико-правовые основы и организационные механизмы научно-технологического сотрудничества и передачи технологий в рамках БРИКС в контексте стратегии устойчивого развития // Российское право онлайн. 2019. № 3-4. С. 31-49.
151. Шугуров М.В. Роль ЮНКТАД в международной передаче технологий и инновационном развитии в контексте стратегии устойчивого развития // Диалог. 2018. № 3 (12). С. 62-76.
152. Шугуров М.В. СНГ: перспективы межгосударственного научно-технологического сотрудничества и передачи технологий в контексте целей устойчивого развития // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. Ответственный редактор В.И. Герасимов. 2018. С. 352-358.
153. Шугуров М.В. ШОС: правовые основы научно-технологического обмена в контексте стратегии устойчивого развития // Проблемы и перспективы в международном трансфере инновационных

технологий: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 62-72.

154. Шугуров М.В. ЮНИДО и передача технологий: содействие всеохватной индустриализации в контексте достижения целей устойчивого развития // Право. Законодательство. Личность. 2018. № 1 (26). С. 58-72.
155. Шумилов В.М. Международное экономическое право. М.: ООО ИКК «ДеКА», 2002. С. 65.
156. Якубовский Ю.В. Новая организационно-правовая форма научно-технического сотрудничества стран – членов СЭВ // Проблемы правоведения. Республиканский межведомственный научный сборник. – Киев: Вища шк. 1988. Вып. 49. – С. 77–81.
157. Якубовский Ю.В. Развитие отраслевых правовых принципов научно-технического сотрудничества стран – членов СЭВ // Проблемы правоведения. Республиканский межведомственный научный сборник. – Киев: Вища шк. Изд – во при Киев. ун – те, 1987, Вып. 48. – С. 69–74. Юдин, Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. – 1993. – №3. – С. 91 – 94.

Текст печается в авторской редакции

Подписано в печать 25.11.2022.
Тираж 400 экз. Заказ 549.

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»
г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 62-91-03, 62-77-25
E-mail: azbuka@mail.ru